РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

ЛЮДИ И ВРЕМЕНА

Е.И. БАЛАБИН

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ
СТАРОЕ И НОВОЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мемуары Е.И. Балабина «Далекое и близкое...» рисуют историю дворянского рода Балабиных, этапы становления кадрового офицера, донского казака: кадетский корпус в Новочеркасске, Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге, служба в кавалерии. Суровые испытания и трагедия русского офицерства после 1917-го, преданность своим идеалам на службе России, в том числе за ее пределами, скитания по чужой земле (Турция, Чехословакия, Австрия, Чили) – все пережитое автором поможет читателю глубже понять наше непростое прошлое.

Книга является 68-й по счету в книжной серии «Россия забытая и неизвестная», выпускаемой издательством «Центрполиграф» совместно с Российским Дворянским Собранием.

Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

- Евгений Балабин
  -
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
    -
    - Хутор Балабинка[33]
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16

- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- «ПОМЫШЛЕНИЕ ПРАВЕДНЫХ – ПРАВДА»[81]
- КРАТКИЕ СПРАВКИ[82]
- Приложение 1
  - ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О.Е. БАЛАБИНОЙ, ДОЧЕРИ ГЕНЕРАЛА Е.И. БАЛАБИНА
  - ОТЗЫВЫ СОВРЕМЕННИКОВ АВТОРА О КНИГЕ «ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ»
  - КАЗАЧЬИ ЗВАНИЯ
  - ПРИДВОРНЫЕ ЗВАНИЯ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.
  - ПРЕПОДАВАТЕЛИ РУССКОЙ ГИМНАЗИИ В МОРАВСКОЙ ТРЖЕБОВЕ
- Приложение 2
  - ВВЕДЕНИЕ
  - Основание гимназии и первый год ее существования
  - Положение русской гимназии в Моравской Тржебове
  - Органы управления
  - Учебно-воспитательная работа в гимназии
  - Самодеятельность учащихся
  - Досуг и развлечения учащихся
  - Школьные и государственные торжества
  - Итоги и пожелания
  - Личный состав служащих гимназии в юбилейном 1930 году
  - СКОРБНАЯ СТРАНИЦА
  - Список окончивших русскую гимназию в М. Тржебове за десять лет

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55

- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85

Евгений Балабин
Далекое и близкое, старое и новое

Серия «Россия забытая и неизвестная» основана в 2000 году, первая книга вышла в начале 2001 года

Под общей редакцией авторов проекта
Валентины Алексеевны БЛАГОВО
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА,
членов Российского Дворянского Собрания

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы в Россию стало возвращаться имя еще одного белого генерала – Евгения Ивановича Балабина[1] (1880 – 1973). Его имя – в «Энциклопедии Гражданской войны. Белое движение» и справочнике «Офицеры Российской гвардии», подготовленных одним из ведущих отечественных специалистов по истории Белого движения С.В. Волковым. Генерал Е.И. Балабин неоднократно упоминается в монографии московского историка Ю.С. Цурганова «Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне», а также во 2-м выпуске сборника «Материалов по истории Русского Освободительного Движения» под редакцией А.В. Окорокова. Однако едва ли кто-то из отечественных историков знал о том, что существуют воспоминания самого генерала Е.И. Балабина в машинописном варианте, написанные им в конце 50-х годов уже прошлого, XX века в Чили, когда наиболее яркая и активная часть жизни казачьего генерала уже осталась позади и можно было в спокойной обстановке перебрать в памяти основные события своей долгой жизни.

Как и большинство мемуаристов, генерал Балабин начинает свое повествование с истории своей семьи, ограничиваясь, правда, XIX веком, хотя дворянский род Балабиных был известен Царю Петру I. Помимо детских воспоминаний и впечатлений, автор подробно и с большой любовью описывает имение своих родителей. Читатель невольно будет сравнивать эти страницы книги генерала Балабина с описаниями казачьих усадеб в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон». В этом отношении мемуары Е.И. Балабина пополняют ряд появившихся в 90-х годах прошлого века произведений других авторов – казаков, оставивших описания казачьего быта, природы и драматических и трагических событий Гражданской войны 1918 – 1920 годов на Дону, в частности, профессора Н.В. Федорова «От берегов Дона до берегов Гудзона» и доктора Н.А. Келина «Казачья исповедь». Оба автора – из донских казаков.

Однако генерал Балабин не ограничивается описанием казачьего быта и уклада жизни, он рисует быт соседей донских казаков – калмыков. В этом – несомненная новизна мемуаров.

По семейной традиции, в соответствии с которой мужчинам полагалось воинское поприще, будущий генерал поступил в Донской кадетский корпус, а по его окончании – в Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге, неофициально именовавшееся «славной гвардейской школой». И снова

заинтересованный читатель сможет сравнить описание службы юнкеров в Императорской России в мемуарах Е.И. Балабина с произведениями таких известных авторов, как генерал П.Н. Краснов[2] и писатель А.И. Куприн.

Несомненную ценность представляют те страницы воспоминаний генерала Балабина, которые посвящены службе в рядах лейб-гвардии Казачьего Его Императорского Величества полка. Читатель обратит внимание, что среди сослуживцев будущего генерала – знаменитые П.Н. Шатилов и И.Н. Оприц[1].

Интересны воспоминания генерала Балабина о Великой войне 1914 – 1918 годов, которую в России называли Второй Отечественной, по аналогии с Отечественной войной 1812 года против наполеоновской Франции.

На начальном этапе Гражданской войны, когда генерал Балабин оказался на Дону, он встречался с такими известными своими земляками, как атаманы А.М. Каледин[3] и П.Н. Краснов, а также генералами Ф.Ф. Абрамовым[4] и П.Х. Поповым[5] , сыгравшими значительную роль в истории Гражданской войны и русского зарубежья. Читаешь страницы, посвященные событиям конца 1917 – начала 1918 года, и невольно вспоминаются произведения советских писателей, более или менее объективно описывавших те же самые события – М.А. Шолохов в упоминавшемся уже романе «Тихий Дон» и А.Н. Толстой в трилогии «Хождение по мукам».

Можно сказать, что в 1918 году в жизни Е.И. Балабина наступил первый «звездный час». Сначала он командовал казачьими частями, сражавшимися против красных у Новочеркасска, затем стал членом Войскового Круга[2] и Донского правительства. Еще раньше, приехав на Дон из Петрограда, свое первое назначение на фронт разгорающейся Гражданской войны он получил от атамана А.М. Каледина. Генерал Балабин пишет, как в Новочеркасске, когда город был занят красными казаками Голубова, ему приходилось скрываться у незнакомых людей. Генерал П.Н. Краснов, единогласно избранный Кругом Спасения Дона Войсковым Атаманом, предложил генералу Е.И. Балабину возглавить Управление коневодства, поскольку у генерала был опыт коннозаводчика. Весной 1920 года генерал Балабин вместе со своей семьей более или менее благополучно эвакуировался из Новороссийска в Турцию. Так в жизни генерала закончился первый «звездный час». Интересно отметить, что такой авторитетный историк Гражданской войны, как Н.Н. Рутыч (Рутченко)[6] , не стал включать в свой «Библиографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России»

генерала Е.И. Балабина на том основании, что в 1917 – 1920 годах он не занимал строевых должностей и не принимал непосредственного участия в боевых действиях. Как следует из воспоминаний самого генерала, участие в боях он принимал. В этом также можно удостовериться в «Энциклопедии Гражданской войны. Белое движение» С.В. Волкова.

В Турции генерал Балабин жил в Константинополе. Оттуда он выезжал на остров Лемнос, где изучал условия пребывания русских беженцев. Предполагаемая поездка в Крым осенью 1920 года сначала была отложена, а потом оказалась невозможной в связи с прорывом советских войск в Крым.

Пробыв в Турции около двух лет, генерал Балабин вместе со своей семьей уехал в Чехословакию. Начав работать воспитателем в русской гимназии еще в Константинополе, генерал Балабин и в последующие годы продолжал занимать эту должность и в русской гимназии в Моравской Тржебове[3], которая считалась одним из лучших учебных заведений русского зарубежья.

В 1920 – 1930-х годах генерал находился в тени. Его бывшие сослуживцы из числа лейб-казаков, те, с кем вместе он боролся против красных на Дону, играли активную роль в русском зарубежье, и имена их были в те годы у всех на слуху. Генерал от кавалерии П.Н. Шатилов[7] в течение ряда лет возглавлял 1-й отдел Русского Обще-Воинского Союза[4]. Генерал-майор И.Н. Оприц написал фундаментальный труд «Лейб-гвардии Казачий Е. В. полк в годы революции и Гражданской войны 1917 – 1920». Генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов в течение многих лет возглавлял 3-й отдел Русского Обще-Воинского союза. Е.И. Балабин знал генералов А.П. Богаевского[8] , графа М.Н. Граббе[9] , П.Х. Попова, которые были атаманами Всевеликого войска Донского в изгнании. Причем к П.Х. Попову Е.И. Балабин испытывал явную антипатию, в то время как к А.П. Богаевскому и графу М.Н. Граббе он относился, как свидетельствуют мемуары, не без симпатии.

Не менее интересные воспоминания оставил генерал Балабин о тех русских людях, с которыми свела его судьба в Чехословакии. Это и коллеги, педагоги, православные священники, и его питомцы – гимназисты, офицеры. Тепло вспоминает генерал Балабин пражского архиепископа владыку Сергия, русского офицера К.А. Ившина, донского казака Ф.М. Ерохина и многих-многих других.

К началу Второй мировой войны большинство знакомых Балабина из числа казачьих генералов Всевеликого войска Донского, сослуживцев по лейб-гвардии Казачьему полку, были людьми весьма почтенного возраста и потому не смогли активно

участвовать в этой войне, тем более что в русском зарубежье, особенно среди казачества, были сильны надежды на то, что советскую власть удастся свергнуть с помощью нацистской Германии. С начала советско-германской войны генерал-лейтенант граф М.Н. Граббе, считавший себя преемником скончавшегося в 1934 году атамана А.П. Богаевского, обратился к казакам с призывом поддержать Германию. Он начал формировать свой штаб, но в силу преклонного возраста скончался в 1942 году, не успев реализовать намечаемое. Генерал П.Н. Шатилов, насколько известно, никакого участия в событиях Второй мировой войны не принял.

Именно в годы этой войны еще раз наступил «звездный час» в жизни генерала Балабина, когда он оказался активным участником развернувшихся событий. Еще в 1939 году, когда нацистская Германия расчленила и оккупировала Чехословакию, генерал Балабин был назначен немцами атаманом казаков, проживавших в Протекторате Богемия и Моравия, Венгрии, Словакии и Германии. Без предубеждений он поддержал Русское Освободительное Движение генерала А.А. Власова. Евгений Иванович принял участие в Учредительном собрании, провозгласившем в ноябре 1944 года в Пражском кремле создание Комитета Освобождения Народов России – КОНР. С 1944 года генерал Балабин был начальником казачьих формирований, а затем служил в штабе казачьих войск при штабе Русской Освободительной Армии – РОА и был членом Совета казачьих войск КОНР.

Страницы, рассказывающие об участии генерала Балабина в Русском Освободительном Движении, могут вызвать у некоторых читателей неоднозначную оценку, ибо в современном российском обществе мнения о самом Русском Освободительном Движении могут быть диаметрально противоположны. В главе «Власовское движение» автор рассказывает о своих встречах с генералом А.А. Власовым и о самом генерале пишет с явными симпатией и уважением. Пишет он и о встречах с ближайшими соратниками генерала А.А. Власова – генералами В.Ф. Малышкиным, Ф.И. Трухиным, Г.Н. Жиленковым. Тогда же в Берлине генерал Балабин встречался с атаманом П.Н. Красновым. Интересная деталь: автор дает свою оценку отношению атамана П.Н. Краснова к генералу А.А. Власову и атаману Т.И. Доманову[10] . По мнению генерала Балабина, негативного отношения со стороны старого казачьего атамана был достоин скорее не А.А. Власов, а Т.И. Доманов. Еще одна встреча: уже по окончании Второй мировой войны судьба генерала Балабина свела с генералом М.А. Скворцовым и полковником Е.К. Смола-Смоленко[11] , которые

воевали против красных в рядах Русского корпуса в Югославии.

Не меньший интерес, чем описание войн и революции, представляет повествование о переезде большой группы европейских эмигрантов, включая и русских, из послевоенной Европы на пароходе в Южную Америку. Если эвакуации белых периода Гражданской войны, в первую очередь из Крыма, теперь хорошо известны российскому читателю благодаря многочисленным публикациям 1990-х годов, послевоенные же переезды русских людей из Европы на другие континенты еще ждут своих публикаторов. Возможно, именно поэтому рассказ генерала Балабина о своем путешествии через Атлантический океан читается с неослабевающим интересом, вызывая в памяти страницы из романа Ж. Верна «Дети капитана Гранта». Сама же Латинская Америка в ту пору была глухой периферией мировой политики. «Пылающим континентом» она стала значительно позднее.

В 1960-х годах генерал Е.И. Балабин вернулся в Европу. Послевоенные бури улеглись. Русская белая эмиграция старела. В отношениях между западными демократиями и СССР наступал период разрядки. Поэтому старый казачий генерал уже не вызывал былого интереса у советских спецслужб. Он поселился в австрийской столице – Вене, у своей дочери Ольги, где и прожил все оставшиеся годы. Еще при жизни он дал возможность познакомиться со своими воспоминаниями некоторым своим друзьям и знакомым. Их отзывы были весьма благожелательными.

Скончался генерал Е.И. Балабин в 1973 году. В журнале «Часовой», издававшемся в Брюсселе, в № 5 за 1974 год появился следующий некролог: «27.10 1973 г. умер в Вене Донского войска генерал-лейтенант Евгений Иванович Балабин, бывший командир 12-го Донского Генерал-Фельдмаршала князя Потемкина Таврического полка, затем начальник 9-й Донской дивизии, в Белом движении член Донского правительства (Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, кадровый офицер лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка)». Единственное, о чем умолчали авторы некролога, так это об участии генерала Балабина в Русском Освободительном Движении в годы Второй мировой войны. Сам же генерал Балабин считал свое участие в РОД важным этапом в своей жизни, и едва ли можно усомниться в патриотизме и монархических убеждениях автора. Такой же точки зрения придерживались и остальные русские генералы А.А. фон Лампе[12] , Ф.Ф. Абрамов, А.В. Туркул[13] , Г.В. Татаркин[14] и другие, так же как и Е.И. Балабин принявшие участие в Освободительном движении. Они считали Русское Освободительное Движение продолжением

Белого дела времен Гражданской войны.

Как заметит читатель, книга написана прекрасным, живым русским языком, а самому автору не изменяет чувство юмора. Текст сохранен таким, каким его подготовил сам генерал Балабин. Он же подобрал бóльшую часть фотографий к тексту, которые теперь представляются уникальными. Это и фотографии сослуживцев по лейб-гвардии Казачьему полку и по фронту Великой войны 1914 года. Интересны и фотографии московских достопримечательностей времен хрущевской «оттепели». Генералу Балабину нужны были московские виды для тех страниц, где он описывал свое пребывание в Москве, когда, окончив кадетский корпус, направлялся в Петербург для поступления в Николаевское кавалерийское училище. Тогда он проездом побывал в Москве. В середине 1950-х годов младшая дочь генерала Лидия Евгеньевна Балабина – артистка Чешского национального театра – побывала вместе со своей труппой на гастролях в Москве. Сделанные в Москве видовые фотоснимки она выслала отцу в Чили.

Возможно, читателю будет интересно узнать, как воспоминания генерала Е.И. Балабина попали в Москву. Впервые имя генерала Балабина я услышал в Праге летом 1996 года. В чешской столице когда-то жили мои родственники, покинувшие Россию в конце Гражданской войны. Приехав в Прагу, я «с пристрастием» расспрашивал старых русских пражан о моих родственниках, а заодно и о белых офицерах и казаках, попавших в эту страну в начале 1920-х годов. Среди русских военных был упомянут и Е.И. Балабин. Мои собеседники вспоминали, что во время Второй мировой войны часто видели этого генерала на богослужении в кафедральном соборе Святого Николая Чудотворца на Староместской площади. В храм он приходил со своими взрослыми дочерьми Ольгой и Лидией. Генерал овдовел в 1935 году. Будучи в Праге, я несколько раз посещал Ольшанское кладбище и видел могилу генеральши Александры Вячеславовны Балабиной, урожденной Воробьевой. Сам же генерал во время богослужения обращал на себя внимание своей выправкой. Среди прихожан храма Святого Николая было немало недавних военных, но в случае с генералом Балабиным выправка кадрового гвардейского офицера была особенно заметна.

Тогда, в 1996 и в 1997 годах, мне рассказывали в Праге об исходе русских эмигрантов из этого города весной 1945 года. Среди покинувших Прагу был и генерал Балабин со своими дочерью Ольгой и внучкой Зоей. Ольга Евгеньевна и Зоя после войны обосновались в Австрии, а Лидия Евгеньевна осталась в Праге. После войны сотрудники советских спецслужб уговаривали

Лидию Балабину написать письмо отцу в Южную Америку с предложением вернуться обратно в Прагу. Однако отец и дочь поняли друг друга. В ответном письме генерал написал своей дочери, что он уже слишком стар и дальняя дорога из Южной Америки в Европу ему не по силам.

После второй моей поездки в Прагу летом 1997 года мне удалось списаться с внучкой генерала – Зоей Александровной Фабинской. Благодаря завязавшейся переписке и телефонным звонкам из Вены в Москву стала возможной присылка воспоминаний генерала Е.И. Балабина. З.А. Фабинской принадлежит одно интересное свидетельство о ее деде – даже в последние годы жизни, будучи в весьма преклонном возрасте, он «вел переписку с целым светом» и встречался с разными людьми. В частности, с казачьим офицером Г.М. Гриневым.

Как любой человек, генерал Балабин в своих оценках и суждениях мог быть в чем-то субъективен. В таком случае тем более интересно сопоставить его суждения и оценки с другими мнениями и свидетельствами – о том, например, что генерал В.И. Сидорин никогда не говорит правду. Или прочитать о том, что в боевой обстановке генерал А.П. Богаевский спокоен и хладнокровен. Зная, что генерал П.А. Лечицкий[15] поступил на службу к большевикам, генерал Балабин тем не менее отзывается о нем с уважением, вспоминая Великую войну.

Как уже говорилось выше, на страницах этой книги проходит вереница самых разных персонажей, начиная с Государя Николая Александровича и заканчивая воспитанниками генерала из Моравской Тржебовы. Биографии одних из них хорошо известны, как, в частности, генералов П.Н. Краснова, А.М. Каледина, А.П. Богаевского, Ф.Ф. Абрамова, И.Н. Оприца[16] , П.Н. Шатилова, сотника Г.А. Грекова[17] , профессора А.А. Кизеветтера[18] и некоторых других, включая генерала А.А. Власова[19] . Другим повезло меньше. Они не оставили такого яркого следа в истории, поэтому примечания будут посвящены в первую очередь им. Своим долгом я считаю также выражение глубокой признательности Зое Александровне Фабинской за оказанное доверие и разрешение опубликовать мемуары ее деда – генерала Балабина в России.

В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт, к. и. н. (Москва)

Оглядываясь на далекое прошлое, на долгий пройденный мною путь, решил написать свои воспоминания для своих дочерей Ольги и Лидии, внучки Зои и племянника Олега.

Записываешь главное, а вспоминаешь все мелочи и в мыслях снова переживаешь всю свою жизнь.

Е. Балабин

Сантьяго-Чили
1959

Глава 1
ДЕТСТВО ДО ПОСТУПЛЕНИЯ В КАДЕТСКИЙ КОРПУС. ДОНСКИЕ СТЕПИ, ТАБУНЫ ЛОШАДЕЙ, ЖИЗНЬ КАЛМЫК И ИХ ОТНОШЕНИЕ К ПРАВОСЛАВИЮ

Семья у нас была большая – отец, мать, четыре брата и сестра. И умерли, до моей памяти, два брата и две сестры. Два брата были старше меня, а один и сестра – моложе. И часто гостили у нас какие-либо родственники или знакомые.

Отец мой, Иван Иванович Балабин, полковник, донской казак старинного рода, Семикаракорской станицы. Он командовал казачьим полком, одиннадцать лет служил на Кавказе под начальством донского героя генерала Бакланова[20] , воевал с Шамилем[21] , имел много орденов. С Баклановым был в большой дружбе, и у нас, в старинном альбоме, было много фотографий, подписанных Баклановым.

Вышел отец в отставку по болезни – без палки не мог ходить и не мог ездить верхом. Это был старый, на 20 лет старше матери, человек, очень добрый и очень религиозный. Все к нему относились с большим уважением и любовью. Он жил в отдельном флигеле, так как детский шум и игры его беспокоили. К нам же в дом он приходил только завтракать, обедать и ужинать и иногда, когда были интересные для него гости. Ежедневно он долго молился, прочитывая вслух часы и всю литургию.

Когда мы, дети, или кто-либо из взрослых приходили к нему во время его молитвы, он не обращал внимания и не оглядывался.

Во время полевых работ он ежедневно выезжал в поле и давал указания приказчику. Мы, мальчики, очень любили слушать его бесконечные рассказы о войне на Кавказе, о походах в Финляндию и Польшу и, вообще, о военной жизни. Помню его рассказ, как он на Кавказе ехал впереди сотни казаков и с двух сторон дороги, из кустов, черкесы сделали по нему два выстрела, и у одного была «осечка», то есть не разбит пистон, а у другого «вспышка» – пистон разбит, а выстрела не последовало. Не успел отец моргнуть, как оба черкеса были без головы.

Еще помню рассказ. Одно время отец был полковым

казначеем, и в его ведении был денежный ящик, замкнутый и с сургучной печатью. Производилась, по закону, ежемесячная проверка сумм. Пачки денег вынимали из ящика и считали. Подсчет окончен, все в порядке, положили деньги обратно в ящик, замкнули его и запечатали. На следующий день денщик отца подает ему пачку денег, незаметно упавшую под стол, когда деньги прятали обратно в ящик.

Денщик подметал и нашел эти деньги. Этот денщик окончил службу и через два дня после этого должен был совсем уехать на Дон в свою станицу. Если бы он утаил эти деньги, он был бы богатый человек и на него никто не подумал бы, да и открылась бы пропажа только через месяц, во время следующей проверки. Отец спросил его, не было ли у него мысли утаить деньги? Денщик ответил: «На секунду была такая мысль», но вспомнил, что, когда он шел на службу, отец, провожая, говорил: «Помни, сын, никогда не бери чужого, приди нищим, приди оборванным, но приди честным».

Отец всегда говорил нам, мальчикам: «Помните, что вы казаки, вы должны быть безукоризненно честными, храбрыми в бою и в жизни и не бояться жизнь свою отдать за Веру, Царя и Отечество. Лучшей смерти для казака не может быть, как смерть за Царя».

Моя мама, как я уже говорил, была на двадцать лет моложе отца. Когда мы были маленькими, ей было уже около сорока лет. Она была очень энергичная и деловая. Она вела наше большое хозяйство и во все входила. Вела подробную опись всего табуна (стат-бук), как полагается коннозаводчику. Заботилась об остальных животных – скот, овцы, птица, свиньи... Распределяла, где какой хлеб сеять. Выписывала особые семена дынь, арбузов, и они были у нас замечательные. Бахчи сеяли две десятины, чтобы арбузов, дынь и огурцов хватило на всю дворню и на калмык[5]. Мать ездила на ярмарки, покупала все, что нужно для хозяйства. Хороших помощников не было, кроме старшего табунщика Буюндука, жившего у нас больше двадцати пяти лет, и садовника. Приказчики все время менялись.

Мама имела два шкафа с медикаментами – один для людей, другой для лошадей и остальных животных – и лечила не только своих служащих, но и соседей и, вообще, всех, кто к ней обращался, и делала это совершенно бесплатно.

Часто приходили к ней служащие с жалобами друг на друга. Она разбирала ссоры, судила, мирила, и ее решения принимались без рассуждений и без возражений.

Один раз на Цыган-Сара[22] – это самый большой калмыцкий праздник, когда они напиваются аракой, которую сами варят, и

скачут на лошадях, и часто, в азарте, бьют друг друга плетью, а плети у них двух сортов: одна для лошадей, легкая, из сшитых ремней и называется «ташмаком», другая для волков и людей, сплетенная из тонких ремней и твердая, как железо, – так вот на Цыган-Сара пришел калмык Санжа и жаловался, что Учур так его ударил плетью, что от плеча до поясницы рассек рубашку. «Я требую с него за рубашку 20 копеек, а он не хочет давать». И при этом повернулся спиной, чтобы показать, как у него рассечена рубашка. На спине был страшный кроваво-багровый рубец в большой палец шириной, и из нижнего конца его сочилась кровь. Мама приказала немедленно, при ней, отдать пострадавшему 20 копеек и занялась лечением этой ужасной раны.

Я родился там же, на зимовнике[6], 22 декабря 1879 года по старому стилю в степях у реки Маныч[23] . Для человека, живущего в гористой местности, степи кажутся скучными и неинтересными, но для степного жителя лучше степей ничего не может быть. Весной степи одеваются чудной травой, и всегда, сколько я помню, на Пасху вся степь покрывается тюльпанами. Их миллионы. Если вы стоите в степи, то только на десять шагов вокруг вас вы видите тюльпаны с зелеными листьями, а дальше это сплошной красный ковер на много верст вокруг, и только на некоторых местах попадаются площади желтых тюльпанов, белых, оранжевых. Накануне Пасхи мы всегда ездили в степь за тюльпанами и очень любили эти поездки. Тепло, чудный весенний воздух, очаровательная в вышине песнь жаворонка, лучше всяких соловьев, и их сотни. Здесь же плачет чибис, стараясь отвести непрошеных гостей подальше от своего гнезда с яйцами. Здесь же вертится большой кроншнеп, иногда прикидываясь раненым, чтобы погнались за ним подальше от гнезда. Весело, хорошо, степь живет полной жизнью, и, кажется, никогда не покинул бы эти места. Трава так душиста и так хороша для корма лошадей, что один ветеринар, приехавший из Центральной России, осматривая конюшню, понюхал сено и сказал: «Никогда не видел такого сена – жалко лошадям давать, сам бы ел».

Летом, в июле и августе, если нет дождей, что часто бывает в этих местах, степи выгорают и становятся желтыми, на земле появляются трещины. Конечно, траву косили, и огромные скирды сена, запас на несколько лет, стояли в определенных местах участка.

Степь простирается до реки Маныч, протекающей в трех верстах от зимовника. Маныч – небольшая извилистая речка, южный приток Дона, иногда в десять шагов ширины, а в других местах ширина ее больше версты. В Манычи горько-соленая вода,

очень целебная. Весной вода разливается в целое море и имеет очень красивый вид.

Когда после разлива вода спадает, образуется целый ряд озер-лиманов, окаймленных густым высоким камышом. Между лиманами растет луговая трава, в некоторых местах высотой закрывающая лошадь с всадником. Эту траву тоже косили, но давали только быкам и коровам. В лиманах было много водяной и болотной птицы, а в камышах скрывались волки.

Зимой степь, ровная, как стол, покрывается снегом, и, если не ставить вех, легко сбиться с дороги, особенно ночью. Один раз мама ехала с ярмарки, и ее, уже на своем участке, застигла ночь и метель. Вех не было, дорогу занесло снегом, с дороги сбились, долго крутили лошадей, разыскивая ее, несколько раз кучер слезал и прощупывал ногами дорогу. Наконец он сказал: «Барыня, измучили лошадей, не видно ни зги, куда ехать, не знаем, пустим лошадей идти, может, чутьем найдут дорогу». Пустили. Вскоре лошади остановились. Кучер сошел с саней и говорит: «Какая-то глубокая канава, надо здесь заночевать, кутайтесь хорошенько, чтобы не замерзнуть». А когда утром начало рассветать, путники и лошади, засыпанные снегом, увидели, что стоят у канавы своего собственного сада и до дома осталось несколько сот шагов.

Весной снег в степи обыкновенно быстро тает. Балки, сухие летом, сразу наполняются водой и обращаются в бурные реки. Вода несется с такой быстротой, что переехать балку невозможно, и путешественники нередко ждут дня два, пока вода протечет. У нас говорят – «балки играют».

Длинные осенние вечера мы обыкновенно сидели в столовой, и каждый занимался своим делом. Мама вязала или шила, а мы, дети, слушали бесконечные рассказы отца и горели желанием воевать, бить французов и немцев и, вообще, быть героями. Часто все играли в лото. Я не любил эту игру, но заставляли играть, и я иногда засыпал за столом, и соседи передвигали пешки на моих картах.

Но часто поздней осенью или зимой вдруг раздавался вой волка. На зимовнике полный переполох. Собаки, а их во дворе было около двадцати штук, спешили спрятаться по всем стрехам и закоулкам. Комнатный пес, чистокровный английский пойнтер, старался забраться под кровать. Мы, дети, сидевшие на диване у стола, сразу поджимали ноги под себя, боясь, что волк уже и под стол заберется. Но несколько выстрелов кого-либо из взрослых отпугивали зверя, нарушившего покой.

Но иногда волки молча являлись на зимовник, перескакивали кирпичный забор, высотой выше роста взрослого человека, на баз, хватали овцу и, взвалив ее себе на спину, вместе с овцой

перепрыгивали этот высокий забор и уходили в степь. Иногда, прежде чем утащить овцу, резали, как у нас говорят, еще две-три на запас – это манера волка – и уже с одной уходили. Конечно, собаки чувствовали приближение волка, поднимали вой и панику, но выскочившие люди не успевали предупредить нападение, и, когда являлись с фонарями на место происшествия, уже все было окончено – находили на земле кровь, пару зарезанных овец и дрожащее стадо.

В Манычи, на горке, стояла дикая груша. Часто, в сумерки, волк садился возле этой груши и выл на разные голоса. Казалось, что воет не один волк, а несколько. Калмыки говорили, что волк, перед тем как идти на «работу», молится Богу...

Донское Войско[24] , по соглашению с государственной властью, на известных условиях отвело для коннозаводчиков огромный округ по реке Маныч. Каждый коннозаводчик ежегодно от каждого участка в 2400 десятин за небольшую плату должен был сдавать в ремонт кавалерии определенное количество лошадей. Мы сдавали ежегодно по 40 лошадей. За каждую непринятую комиссией лошадь коннозаводчик платил штраф. Обыкновенно штраф взимался, но коннозаводчик должен был на следующий год пополнить не сданное в этом году количество лошадей.

Табун круглый год ходил на подножном корму, и даже зимой лошади, разгребая снег, находили обильный корм. Во время гололедицы или очень большого снега для корма раскидывали сено по снегу. Если замечали, что лошадь худеет, ее отделяли и ставили до весны в конюшню. И таких у нас за зиму из пятисот лошадей было не больше двадцати. Называли их «худорбой». Плодовых жеребцов на зиму всегда ставили в конюшню. Поэтому у нас было две конюшни – одна для жеребцов, другая для упряжных лошадей.

С началом весны табун разбивали на косяки и каждый косяк вручали жеребцу. Он и пас своих маток, и в определенное время пригонял их на водопой. Табунщики только смотрели, чтобы косяки не смешивались (да этого не допускали и жеребцы), а главное, чтобы жеребцы не дрались, так как во время драки они наносят друг другу страшные раны. Драки бывают часто, когда жеребец увидит матку, бывшую в прошлом году у него в косяке и теперь переданную в косяк другому жеребцу.

Косяки весной представляют собой исключительно красивое зрелище. Матки беспрекословно слушаются своего жеребца, когда он перегоняет их с одного места на другое. И как приятно смотреть на жеребят, когда они скачут вокруг своих матерей или гоняются друг за другом.

Отвечает за табун старший табунщик. Все табунщики калмыки[25] . Сосед, коннозаводчик В.Я. Корольков, попробовал завести русских табунщиков, дал им лошадей с седлами, но они, пробыв у него несколько дней, на этих же лошадях и удрали, а калмык имеет семью, собственную кибитку, которую не так легко собрать и увезти, и никуда не сбежит.

Каждый коннозаводчик имел рогатый скот, овец, свиней, птицу и имел право пахать и сеять хлеба сколько ему угодно. Тракторов тогда не было, и все пахали на волах. У нас хозяйство было сравнительно небольшое: сеяли десятин сто. Рогатого скота было штук двести, из них дойных коров было немного больше двадцати и овец тысяча штук. Сосед, В.Я. Корольков, сеял тысячу десятин и имел тридцать тысяч овец. У нас на зимовке все внимание было обращено на лошадь и хозяйством занимались как подсобным делом, чтобы прокормить рабочих и служащих.

Гусей, уток, кур, индеек у нас было множество, и ни мать, ни заведующая птичней не знали, сколько чего. Помню, как-то перед вечером мы пили чай на открытой веранде, а гуси, никто не пас их и не смотрел за ними, возвращались со степи к птичне и, как полагается гусям, шли гуськом. Мама насчитала их сто три. Но часть гусей шла другим путем через пруд, сзади дома, и еще часть ночевала на берегу у пруда.

Питались мы дома бараниной, птицей и дичью. Редко свининой, а быка резали только под Пасху и под Рождество. Баранина, благодаря прекрасным кормам, была замечательной, как на Кавказе знаменитые карачаевские барашки. Российская баранина даже не напоминала нашу донскую.

Но Великий пост держали очень строго. За все семь недель поста нам, малым детям, никогда не давали не только мяса, но даже молока, масла. Зато как мы чувствовали Пасху! К заутрене мы, к сожалению, не могли ездить, так как ближайшая церковь была от нас в тридцати верстах. А святить куличи, пасху, яйца и прочее заранее посылали туда кучера.

Подготовка к Пасхе – целое событие: стряпали, варили, жарили, красили... Пальцы у нас, детей, были выкрашены во все краски, и мы ухитрялись покрасить не только яйца, но и «аиданчики» – косточки, которые у нас на юге заменяют российские бабки.

Как-то младший брат, Филипп, ему было около пяти лет, в Страстную пятницу лизнул глазурь на куличе. Мы были в ужасе: оскоромился, – и я не сводил с него глаз, боялся, что с ним будет что-либо ужасное. Этот же Филипп, будучи в 1-м классе кадетского корпуса, десяти лет, отказался в Великий пост есть скоромное. А в корпусе в Великий пост постились только на

первой, четвертой и Страстной неделях. А в остальные недели поста постное давали по средам и пятницам. Филиппу стали готовить во все дни поста. К нему присоединились еще человек пять – ели только постное.

На Пасху приходила в дом христосоваться вся дворня, и нас заставляли христосоваться со всеми. Всем мы давали по красному яичку. Приходили поздравлять с праздником и калмыки со словами «Христосн Воскресн!» – всегда почему-то прибавляя на конце букву «н». С ними не христосовались, но каждый получал кусок неосвященного кулича и стакан водки. Скотарь Минько приходил поздравить несколько раз в день и всегда так напоздравлялся, что потом засыпал под забором. Узнавши раз, что Минько лежит под забором пьяный, мама приказала запрячь лошадь и отвезти его домой в кибитку, в 500 шагах от дома. Приказчик говорит: «Это невозможно, он непременно упадет с дрог, его не удержишь, надо отвезти верхом». Привели оседланную лошадь, с трудом посадили его в седло, и он, не приходя в сознание, благополучно доехал до кибитки. Лошадь, конечно, вели.

На Пасху на две недели нам во дворе устраивали качели, и мы целые дни качались, подлетая до небес. Как-то к нам подошел табунщик Путатек, а по-русски, он всем говорил, – Ефимка. Ему было лет тридцать. Это был лучший наездник, легко справлявшийся с самыми злыми «неуками». Сел он на доску верхом и, как всегда, рассказывает анекдоты, высмеивая кацапов. А мы с Филиппом стоим по краям доски. Сначала слушали спокойно, а потом, перемигнувшись, начали раскачивать качели. Путатек испугался и начал кричать: «Ей-бог остановите, ей-бог остановите». Увидевши, что он чуть не плачет, мы остановили качели. Сойдя с них и переведя дух, он сказал: «Никогда в жизни не сяду на вашу качель, лучше объезжу сто «неуков», чем пять минут на этот качель».

Чабана, который пас овец, звали Никита Шестопал. У него на руках и на ногах, между мизинцами и безымянными пальцами, выросли совершенно нормальные шестые пальцы. Чтобы нам доставить удовольствие, он иногда приносил в дом только что родившегося ягненка, и мы не спускали его с рук, гладили, ласкали.

Еще был забавный столяр Петр. Ему брат Владимир заказал рамку для фотографии, где были сняты мы, четыре брата. На рамке он вырезал буквы «В.Б.». Я спросил брата, зачем он вырезал на рамке свое имя? Брат ответил: «Это фантазия столяра, и это не Владимир Балабин, а «Все братья».

На Рождество нам устраивали елку, но так как за елью надо

было ехать сто верст до Новочеркасска, то брали сухое дерево и обматывали его зеленой надрезанной бумагой в виде бахромы – получалась зеленая елка, и когда ее завешивали, в изобилии, игрушками, золотыми орехами и прочим, то выходило совсем хорошо. Комната, где украшалась елка, замыкалась, и нас, детей, до определенного момента туда не пускали. Мы подсматривали в замочную дырочку.

У нас было два сада: малый, в 200 метров длины и 30 ширины, и большой, в десять десятин. В малом стояли два дома, баня, было много фруктовых деревьев, кусты сирени и роз и многочисленные цветники, к которым мама имела особую страсть. Клумбы цветов с трех сторон окаймляли дом, а между роз и цветов стоял стол, где мы завтракали и пили чай. Обедали в доме: уж очень жарко было летом.

Чтобы попасть в большой сад, надо было перейти по гребле[7] через пруд. В большом саду были целые плантации яблок, груш, вишен, слив, абрикосов, масса крыжовника, смородины. Цвела большая аллея роз, разбиты были парники. Была и целая роща «чернолесья» – дуб, клен, карагач и другие деревья – у нас долго жил замечательный садовник. Он великолепно делал прививки, прививал груши к вербе, они были горькие и несъедобные, но гости удивлялись, видя на вербе груши. Некоторые переманивали садовника от нас, давая ему в два раза больше жалованья, но он не уходил. Любил этот садовник парники и на Пасху всегда угощал, например, редиской, огурцами, дынями. Недостаток его – он очень любил кошек, и около его шалаша в саду их было штук пять. Когда весной прилетали соловьи, кошки их моментально уничтожали.

На нас, мальчиков, мало обращали внимания, и мы делали что хотели. Требовали только, чтобы мы вовремя приходили к обеду, полднику, ужину.

До десяти лет главным нашим развлечением была верховая езда. Меня первый раз посадили на лошадь (старый на пенсии жеребец Шанхай), когда мне было три года. Конюх водил лошадь, а няня шла рядом и держала меня за ручонку. Я хорошо помню этот мой первый выезд. В пять лет мы уже свободно скакали на лошадях и уезжали в степь, куда хотели. Родители никогда не волновались и не думали, что с нами может быть какая-нибудь неприятность.

Как-то раз поехали на бахчу – старший брат Николай, я, Филипп и пятилетняя сестра Лиза. Я ехал верхом, они в тарантасе. Нечаянно набрали арбузов так много, что в тарантас сесть и одному человеку было невозможно. Решили идти две версты пешком, а сестренку посадили на моего коня. Шли мы за

тарантасом, увлеченные рассказом брата, и вдруг слышим какой-то писк. Оказалось, что лошадь под сестренкой, увидевши в стороне косяк лошадей, повернула к ним, а Лиза, не умея управлять лошадью, кричит ей – «не туда».

Вспоминаю, когда мне было лет пять, я играл во дворе с детишками рабочих. Меня позвали обедать. Дети говорили: «Скорей обедай и приходи». На третье подали манную кашу. Торопясь к ребятам, я сказал: «Я не люблю манную кашу, можно мне встать?» – «Встать раньше старших не смеешь, а каша очень вкусная, с вареньем». – «Не хочу каши». – «Ну сиди, жди, пока мы будем есть». Сидя за столом, я задремал с открытым ртом. Мама, смеясь, положила мне в рот ложку каши. Я проглотил и сказал: «Очень вкусно, дайте мне». Но каша была уже вся съедена.

Один раз заехал к нам, по пути, купец Мокрицкий, живущий в 30 верстах от нас в станице Платовской, и пригласил нас, ребят, приехать к ним в гости. Родители без всяких разговоров разрешили эту поездку. Мне было 8 лет, Филиппу 6 $^{1}/_{2}$. Мы просили маму рассказать нам дорогу, а мама сказала: «Заезжайте в табун, вам калмыки расскажут». Через несколько дней после этого, пообедавши, мы поехали к Мокрицким. Заехали в табун, а там как раз была выучка «неуков», которых старались немного подъездить, чтобы они были смирные. На «неуков» табунщики садились по очереди. Их было у нас 6 – 7 человек. Старший табунщик Буюндук накинул арканом дикую лошадь и, взяв аркан под стремя, держал ее. Другой табунщик спешился и, придерживаясь за аркан, осторожно подошел к ней, взял за уши, надел уздечку, чумбуром (ремень от уздечки) закрутил губу и стал тянуть. От страшной боли лошадь уже ничего не чувствует. Тогда накладывают на нее седло, подтягивают подпруги и на лошадь садится очередной табунщик. Освобождают губу и быстро все отбегают. Несколько мгновений лошадь стоит неподвижно, но боль быстро проходит, и лошадь чувствует страшную незнакомую тяжесть на спине, а на животе – подтянутые подпруги и начинает бить. Она бьет задними ногами, поднимается на дыбы, иногда падает на землю и сейчас же вскакивает и, вообще, всеми силами старается сбросить седока. Надо бить ее плетью, чтобы она поскакала – «понесла». Когда она устанет, переходит на рысь и шаг. Тогда постепенно приучают поводом идти в ту сторону, куда надо.

В описываемом случае табунщик-калмык, ему было лет 17, а на вид примерно 12, не удержался, упал прямо головой вниз и лежал неподвижно. За лошадью поскакали, а на упавшего не обращают внимания. Я говорю Буюндуку: «Он убился, его надо поднять». Буюндук отвечает: «Не убился, а совестится встать». И

так он лежал, пока поймали лошадь и привели. Старый калмык подошел, толкнул его в бок ногой и крикнул: «Вставай, коня привели». Калмычонок встал, сел на лошадь и больше уже не падал.

Мы расспросили дорогу и поехали. Надо было доехать до зимовника Подкопаева, там переехать мост и ехать дальше направо. Но еще не доехали до Подкопаева, как разразился страшный ливень. Мы карьером бросились к зимовнику и там завели лошадей в сарай. Хозяева, узнав, что мы Балабины, пригласили в дом, хотели угощать и уговаривали остаться ночевать, так как через двадцать минут будет уже темно. Но мы не послушались разумного совета и, как только дождь перестал, поехали дальше. Вскоре наступила ужасная тьма, все небо оказалось покрыто тучами, не видно было и ушей лошади, на которой сидишь. Едем как будто по дороге, но ведь степь ровная, как стол, и куда едем, не знаем. Наткнулись на каких-то рабочих, идущих пешком в том же направлении. Они стали расспрашивать нас: кто мы, куда едем и зачем? «Как же вы не боитесь? Ведь недавно разбойники напали на одного барина, ехавшего на тройке, выпрягли лошадей и увели, а он остался в экипаже один в степи». – «А где же станица Платовская?» – «Да вы так по этой дороге и приедете туда. Проводили бы вас, да нам надо в сторону». Едем, тьма, наехали на какую-то стену, повернули вдоль стены, попали опять на дорогу, а темень непроглядная, и нигде ни одного огонька. Приехали к какой-то речке, которой не должно быть. Брат говорит: «Подождем, пока вся вода протечет». Посмеялись и решили ехать в воду. Оказалось, что речка образовалась от недавнего ливня. Приехали к какому-то дому, где много рабочих укладываются спать на ступеньках крыльца. Спрашиваем: «А где живут Мокрицкие?» – «Да это их магазин, а калитка в их сад сбоку». Начали стучать, и нам открыли, накормили и уложили спать, удивляясь, что таких малых детей отпустили на ночь за тридцать верст. Но если бы меньше смотрели в табуне на выучку «неуков», мы приехали бы к Мокрицким засветло. Обратно мы ехали без приключений. Дома смеялись над нашим путешествием.

Первый раз меня взяли в Новочеркасск, когда мне было семь лет. Тогда я и железную дорогу увидел первый раз – и то издали. Когда мы ехали по городу в коляске, я увидел, как крошка кадет стал во фронт генералу, я был в восторге и решил быть непременно кадетом.

В это время была страшная засуха. Несколько месяцев не было дождей, земля потрескалась, было душно. В Новочеркасске, на главной улице, при большом стечении народа, служили

молебен, прося у Господа Бога дождя, и еще не окончился молебен, как пошел дождь и люди стали разбегаться и прятаться. Это произвело на меня большое впечатление – я почувствовал Бога.

Старшие братья и гостившие у нас дяди – все были охотниками. Дичи по прудам и Манацким[8] лиманам было много, и охота всегда была удачная. Почти всегда они брали с собой и нас, мальчиков, но до десятилетнего возраста стрелять не давали. Мы часто служили им вместо собак – доставали из воды убитую утку, нагоняли в степи дроф и стрепетов и другую добычу.

Учить меня начали, когда мне было около семи лет, я все время приставал к матери с просьбой учить меня. Раз мама, чтобы отвязаться от меня, была занята, дала мне газету, показала букву «У» и велела подчеркнуть все буквы «У». Я долго смотрел на газету и сообщил матери, что в газете больше нет ни одной «У». Мама посмеялась и показала мне, как надо искать. Через несколько дней я знал уже все буквы и складывал их. Потом появились на стенах комнаты всякие слова, меня выбранили и запретили показывать свою грамотность на стенах.

Когда я еще не поступал в кадетский корпус, старший брат Николай был уже офицером, второй брат, Владимир, учился в реальном училище, а мы с младшим братом, Филиппом, росли неразлучными друзьями. Дома, в комнатах, мы никогда не сидели – все время на воздухе, в саду, в поле, на пруду. Ежедневно посещали конюшни, кузню, столярную, кухни. Набегавшись, мы приходили домой к обеду грязные, мокрые и должны были мыться и переодеваться.

Как-то зимой мама не хотела нас отпустить во двор после обеда. «Опять пойдете на пруд и вываляетесь там, да и опасно, уже начинается таяние». Мы дали слово, что на пруд не пойдем, но когда вышли из дома, то сами ноги так и потянули нас к пруду. Пруд был покрыт льдом, но в нескольких местах, где были родники, во льду были маленькие отверстия, и, когда идешь возле этого отверстия, из него фонтанчиком выскакивает вода. Мы стали по бокам одного фонтанчика и по очереди начали прыгать, наблюдая, как высоко выскакивает вода. Потом, чтобы она выскочила еще выше, мы сговорились прыгнуть одновременно. Прыгнули и провалились под лед. На берег мы выкарабкались, было неглубоко, но сразу же, в один голос: «А обещались маме на пруд не ходить»... Что же делать? Идти сушиться на кухню нельзя – сейчас же донесут маме. И мы решили раздеться догола, развесить все мокрое на заборе и подождать, когда высохнет. Мороз к вечеру стал усиливаться, а

мы совершенно голые, босиком, бегали вдоль забора по снегу. Наконец брат говорит: «Я больше не могу, я замерзаю». Бросились одеваться, а рубаху нельзя надеть – замерзла в лубок. Кое-как оделись и, как будто ничего не случилось, паиньками, скромно пришли домой. Вскоре брат прилег на кровать и я тоже. Удивленная мама спрашивает: «Почему легли? Ведь никогда днем не ложились?» Попробовала голову – жар, приказала горничной раздеть нас, а та сейчас же: «Барыня, да они совсем мокрые». Померили температуру – около сорока. Пришлось покаяться и рассказать все подробно. Но через несколько дней мы были совсем здоровы, бегали по двору, но к пруду уже не подходили – началось таяние.

У каждого из нас был свой аркан, и мы, изображая из себя табунщиков, накидывали все, что можно, – столбики в саду, друг друга... Но все это казалось не так интересно, и мы начали тайком загонять на баз телят, которые паслись, конечно, отдельно от коров, и накидывали их. Один из нас по очереди был старшим табунщиком и, накинувши теленка, держал его, а другой, воображая, что это злой «неук», осторожно подходил к теленку, брал его за голову, как делают табунщики, валил на землю и таврил, а так как тавра у нас не было, то мы слюнями рисовали на бедре тавро, мокрое присыпали пылью, и, когда теленок вставал, еще некоторое время видно было тавро. Некоторые телята, почувствовав на шее аркан, кричали. Тех мы не трогали, так как на крик теленка являлась какая-либо баба, а их во дворе было много, ругала нас, выгоняла телят на траву пастись и жаловалась матери.

Один раз мама куда-то уехала, рабочие были в поле, всех баб взяли в большой сад поливать капусту, и мы с братом остались во дворе одни. Вздумали накидывать свиней, которые свободно бродили по всему обширному двору. Свиней накидывать трудно, так как свинья низкая и всегда держит голову вниз почти до земли. Но вот мне удалось накинуть поросенка. Он поднял такой крик, что свиньи со всего двора начали сбегаться. Уже не было времени снять аркан, и мы спрятались в кухню, захлопнув двери и держа конец аркана в руках. Свиньи угрожающе хрюкали, а мы сидели, как в крепости, и не знали, что делать. Наконец решили бросить аркан в надежде, что свиньи отойдут, а взрослые потом снимут аркан и возвратят его нам. Но свиньи не расходились, и осада продолжалась. Надо было прорываться сквозь осаждающего противника. Мы выскочили и побежали. Надо было пробежать до забора малого сада шагов двадцать. Я чуть задержался, чтобы закрыть двери кухни, и за эту секунду чуть не пострадал. Брат благополучно добежал до сада и перескочил через забор, а меня

догнал кабан, носом подкинул в воздух и, когда я упал на четвереньки, начал рвать на мне рубашку. По счастью, в это время проходил садовник и выручил меня из беды. Больше мы свиней не накидывали. Но один раз, когда мы пили чай на веранде, а поросенок подошел к самому крыльцу, я прыгнул с крыльца на поросенка, схватил его и начал прижимать к забору, поросенок поднял страшный писк, и свиньи со всего двора бросились к крыльцу. Мама крикнула: «Спасайся!» – и я вбежал на крыльцо.

Как-то у нас гостил троюродный племянник Степа, мальчик недоразвитый и не совсем нормальный. Он был года на три старше меня. Поехали мы кататься на лодке и посередине пруда, не сговариваясь с братом, начали раскачивать лодку. Степа, городской мальчик, испугался и начал кричать, чтобы мы не шалили. Это нам показалось так забавно, что мы стали раскачивать еще сильнее и перевернули лодку. Степа в испуге вскарабкался на дно лодки и уже думал, что совсем погибает, едва мы уговорили его, что не так глубоко, что мы стоим на земле. Лодку перевернули, придвинули к берегу, вычерпали воду, а сами разделись, выжали мокрое, разложили на траву, и на летнем солнце моментально высохло. Приплыли домой. Степа говорит: «Не говорите тете» (то есть моей маме). Мы, конечно, сейчас же все рассказали. А за обедом я говорю Степе, как будто по секрету, но он понимает, что и мама слышит: «Не скажу маме, что ты перевернул лодку и чуть нас не утопил». Степа страшно возмутился, хотел оправдаться, но мама, смеясь, сказала: «Не смущайся, Степа, они над тобой смеются. Я знаю, что лодку перевернули они, зная, что в том месте неглубоко и безопасно. А теперь лето – не прости́дитесь».

Летом мы, братья, спали на полу на открытой веранде и утром, проснувшись, не шли к умывальнику, а прямо раздетыми проходили через садик 30 шагов и купались в пруду. За день мы купались несколько раз. Иногда в этом же пруду ловили удочкой рыбу.

Один раз мама куда-то уехала, и мы остались одни. Конюх конюшни, где зимой стоят жеребцы, замкнул конюшню и уехал ночью в хутор Литвиновку в пяти верстах от зимовника. От невыясненной причины конюшня загорелась. Все бросились на пожар, но конюшня была замкнута огромным замком, и сбить его не удалось. Соломенные крыши конюшни и соседних сараев вспыхнули, как порох. Сгорела конюшня с пятью лошадьми, сгорели два сарая и стоящие здесь же три деревянных амбара с хлебом. Несколько раз загоралась крыша птични, что недалеко от дома, и уже мы вдвоем с братом вскакивали на крышу и гасили огонь.

Один раз, поздней осенью вечером, мы спокойно играли в лото. Мне было лет шесть. Вдруг во дворе раздался лошадиный топот, как будто въехал эскадрон. Тьма была непроглядная. Дядя схватил ружье и выскочил на балкон. Я с Филиппом за ним, несмотря на крики мамы: «Куда, назад!» Во дворе человек тридцать калмык верхом. Дядя подозвал одного и спросил: «В чем дело?» Калмык извинился за беспокойство и сообщил, что они приехали воровать невесту у калмык на Жеребковском участке, так как от нас легче всего проехать к этим кибиткам, отстоящим от нашего зимовника шагов на триста. Вскоре калмыки поскакали туда. Когда мы вернулись в столовую, дядя смеялся над нами: «Вот вы свысока смотрите на калмык и особенно на калмычек, считаете их ниже себя, но вот калмыки могли схватить вас на балконе, а они предпочли воровать калмычку, значит, калмычка лучше вас». Помню, нам это было очень обидно.

Обычай воровать невесту остался у калмык до последнего времени. Это гораздо дешевле, чем справлять свадьбу. Обыкновенно невеста знает, когда приедут ее воровать, и готова к этому, но родители ее не знают. Воры потихоньку входят в кибитку, привязывают родителей к кровати и тогда поднимают невесту. Она обязана кричать и делать вид, что она не хочет уезжать. Родители вскакивают, садятся на лошадей, которые всегда есть стреноженные у кибитки, и гонятся за похитителями. Если догнали – жених здесь же, в степи, немедленно должен угощать всех водкой, и тогда считается, что свадьба состоялась. Если водки нет – жениха избивают плетью и невесту отбирают.

Раз украли калмычку и у наших калмык, причем родители так крепко были привязаны, что сами не могли освободиться.

А одну красивую калмычку, дочь Буюндука, украли без ее согласия. Она сейчас же убежала от жениха и три дня пряталась, голодная, в камышах. Несколько раз приезжал жених справляться, где же его невеста, но никто не знал. Через три дня она явилась к родителям худая, измученная, еле живая.

Платовская станица раньше называлась хутором Гремучим. Там был очень глубокий колодезь с прекрасной водой, в глубине которого всегда был какой-то гром. По преданию, этот колодезь был построен Иаковым. Населена была Платовская станица исключительно калмыками, и было там только две семьи русских – купцы Мокрицкие и Гаврицкие. В этой станице жил и главный на все войско Донское и Астраханское калмыцкий архиерей старик Бакша[9] Аркад Чубанов. При нем много было гилюнов (священников), которые ходили во всем красном – ряса, шапка, сапоги. Еще больше было низших духовных лиц – манджиков, которые ходили в черном.

Бакша Аркад Чубанов был образованный человек, очень богатый и пользовался уважением не только калмык, но и русских. В Платовской станице было два хуруля (церкви).

Купцы Мокрицкие и Гаврицкие решили около священного для православных колодца построить церковь. Когда об этом узнал Бакша А. Чубанов, он явился к Мокрицкому и Гаврицкому и просил их не строить церковь, предлагая купцам большую сумму отступного. «Почему не строить?» – «Если будет православная церковь – калмыки будут переходить в православие, а мне, как их высшему духовному лицу, это нежелательно». Купцы отказались от отступного и, из уважения к А. Чубанову, обещались церковь не строить.

Как-то я, уже во время Гражданской войны, с женой и дочерьми был в Платовской станице на калмыцком празднестве. Толпы нарядного, в национальных костюмах народа. Калмычки в роскошных цветных парчовых платьях. Широкие юбки до полу, косы в футлярах. Большие палатки, у одной палатки, на возвышении, Будда.

Вдруг послышались резкие пронзительные звуки. Гилюны парами, в своих красных одеяниях, с длинными серебряными трубами, шли процессией к Будде и трубили так страшно, как будто в день Страшного суда. Остановились около Будды, читались какие-то молитвы. Бакша из серебряного сосуда лил около Будды какую-то жидкость на металлический шар. Все время произносились молитвы. Масса калмык, съехавшихся на праздник из соседних станиц и хуторов и из зимовников, сидели прямо на траве, и у каждого в руках были небольшие узелки. Все это происходило на воздухе, рядом с хурулем, кружек для сбора пожертвований не было, и деньги клали на ограду, окаймлявшую хуруль[10], и прилегающий к нему двор. Эти деньги после службы собирали назначенные для этого гилюны[11].

Когда Бакша Аркад Чубанов умер, купцы решили церковь строить.

Для освящения места для церкви пригласили епископа из Новочеркасска – 150 верст. Железной дороги тогда в наши степи не было, и архиерею пришлось это расстояние ехать в экипаже. Окружной атаман Сальского округа, не зная, как будут калмыки реагировать на православное богослужение в их станице, прислал туда для охраны сотню пеших казаков. В день освящения казаки оцепили площадь и внутрь круга, где стоял аналой с крестом и Евангелием, пускали только православных. Началось богослужение, благополучно окончился молебен, но, когда начали прикладываться к кресту и Евангелию, калмыки толпой прорвали оцепление, бросились к архиерею и, падая на колени,

целовали низ его ризы, а одному удалось протиснуться к аналою, и он поцеловал крест.

Бакша Аркад Чубанов оказался прав. Многие калмыки начали переходить в православие, некоторые поступили в духовную семинарию и сделались священниками. Русские не любили ходить в церковь, когда служил священник-калмык, но все-таки ходили, а исповедоваться у калмыка ни за что не хотели. На это мне лично жаловался один священник-калмык.

Между прочим, Аркад Чубанов, совсем перед смертью, послал телеграмму отцу Иоанну Кронштадтскому[26] в сто слов. Содержание телеграммы неизвестно, но отец Иоанн Кронштадтский прислал в ответ только одно слово «поздно».

Воинскую повинность калмыки отбывали так же, как и казаки, так как приписаны были к казакам. Они служили в казачьих полках на собственных лошадях, в собственном обмундировании и в полку получали только казенную винтовку и металлическую пику. А когда пики в полках были деревянные, то должны были иметь и собственную пику. Калмыки хороши были в конном строю, как прирожденные наездники, но в пешем строю сильно отличались от казаков. Почти у всех калмык ноги были несколько искривлены дугой. Это было от постоянной езды верхом с раннего детства, а отчасти и потому, что у калмык принято было носить ребенка не так, как их носят русские и, вообще, все народы, а одна нога ребенка на животе матери, а другая на спине, и ребенка женщина поддерживает одной рукой, другая свободна для работы. Ребенок от рождения сидит верхом на боку матери.

Грамотность среди калмык была мало распространена, но в девятисотых годах многие мальчики поступали в приходские и окружные училища, некоторые кончали гимназии или реальные училища, поступали в юнкерское училище в Новочеркасске и производились в офицеры. Некоторые оканчивали высшие учебные заведения.

Будучи еще кадетом, я расспрашивал калмыка, пришедшего по окончании службы в полку домой. «Ну как служилось? Били тебя?» – «Офицеры никогда не били, а один раз урядник ударил меня в ухо». – «За что?» – «Он скомандовал направо, а я повернулся налево, он и дал мне в ухо». – «Ну а ты что?» – «Я уже больше не ошибался». – «Сердился на урядника?» – «Нет, за что же? Я же ошибся».

Калмыки любили лошадей и хорошо за ними ухаживали. Офицеры старались в полках, где были калмыки, брать вестовыми к своим лошадям калмык.

Один офицер в 11-м полку привез из отпуска красавицу жену,

позвал вестового по какому-то делу и потом, наедине, спросил его, понравилась ли ему его жена. «Нет, глаза большой, большой». Это вкус калмык. У них, почти у всех, глаза щелочками.

Когда мне исполнилось 8 лет, меня отвезли учиться в станицу Великокняжескую в пятидесяти верстах от нашего зимовника. Жил я там в семье судебного следователя и ходил в частную школу учителя Жаркова. Я страшно скучал по домашним и по зимовнику, когда как-то приехал в станицу Буюндук с «гостинцами» от мамы, я этому калмыку обрадовался, как родному. Учитель Жарков был запойный пьяница, и иногда по неделям не было уроков. Придут ученики, а некоторые и жили у него, и им говорят: «Николай Кузьмич еще болен».

В девять лет меня отвезли в Новочеркасск, в ста верстах от зимовника, к учителю Дмитрию Андреевичу Неволину, который должен был подготовить меня к экзамену в кадетский корпус. Он был учителем приходского училища, но со мной занимался отдельно и только иногда звал меня писать диктовку с учениками.

О Дмитрии Андреевиче остались у меня самые лучшие воспоминания. Жил у Неволиных, как в родной семье. Хорошо меня кормили и заботились обо мне. У них был прелестный мальчик – не помню, как его звали.

Глава 2
ДОНСКОЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В 1890 – 1898 ГОДАХ

В 1890 году я поступил в Донской кадетский корпус[27] в Новочеркасске, который позже, когда я был уже офицером, был переименован в Донской Императора Александра III кадетский корпус и на погонах кадет, вместо букв «Д.К.», была буква «А» с цифрой «три» под ней. Пока были буквы «Д.К.», гимназисты и реалисты читали их вместо «Донской кадет» – «Дохлая крыса».

В 1890 году в корпус было подано много прошений, но после тщательного медицинского осмотра допущено было к вступительному экзамену четыреста с лишним мальчиков. Принято было 60, я выдержал экзамен четвертым и был зачислен в первый класс, в первое отделение.

В здании корпуса было три этажа, и построен он был в виде буквы «Ш». В первом этаже помещалась 3-я сотня – младший возраст, во втором 2-я сотня – средний возраст и в верхнем этаже – 1-я сотня, старшие классы. Классы помещались в том же этаже, где были спальни. Классы были большие, светлые, теплые. В корпусе было паровое отопление.

Вдоль всех классов была большая длинная комната, куда кадеты выходили во время перемен. В этой же комнате стоял большой образ в киоте, а в конце комнаты была лестница и турник. В этой же комнате часто происходили строевые занятия.

Спальни были большие – на 150 кроватей. У каждой кровати тумбочка и в ногах табуретка. В начале дортуара – комната для дежурного воспитателя.

В нижнем этаже был гимнастический зал и рядом с ним фронтовый зал, в котором были спевки хора и уроки музыки на всех инструментах – духовых и струнных. Рояли стояли в других комнатах.

Во втором этаже, кроме классов и спальни, была учительская комната, физический кабинет и большая столовая, в которой обедали одновременно все кадеты корпуса – около 450 человек.

Три дежурных воспитателя всегда обедали одновременно с кадетами, и присутствовал всегда один из командиров сотен.

Из столовой был вход в церковь, и часть посторонней публики, не помещавшейся в церкви во время богослужений, стояла в столовой. Церковь была очень уютная, с мраморным иконостасом. Были красивые образа.

Выше столовой, на третьем этаже, был большой Сборный зал, в котором устраивались парады, концерты, балы. Там же были уроки танцев и занятия с пиками. Из Сборного зала был вход на хоры церкви, и через эти хоры надо было идти в лазарет, под лазаретом была квартира директора корпуса. Командиры сотен жили недалеко от спален, а все преподаватели и воспитатели жили на частных квартирах.

Перед зданием корпуса был огромный плац с аллеями по краям и в середине. На этом плацу производились парады, устраивались Олимпийские игры и прочее.

С другой стороны здания был парк, в котором размещалось помещение для шелковичных червей. На царских вратах нашей церкви была занавесь из собственного шелка.

Недалеко от парка была запущенная Краснокуцкая роща. Прогулка в эту рощу была для нас праздником, но водили туда очень редко, так как на эту прогулку надо было потерять много времени, а его не было. Вся жизнь шла строго по расписанию, и пропускать уроки, конечно, было невозможно, я был в Краснокуцкой роще за семь лет обучения в корпусе только два раза.

Первое время здесь я очень скучал. В станице Великокняжеской и в Новочеркасске у Дмитрия Андреевича Неволина я жил в семье, со мной были очень ласковы и обращались как со своим. Здесь же я был чужой для всех, и сердце у меня сжималось. Помню первую ночь. Проснулся, понял, что я не дома, и так мне стало грустно, но от воспоминания, что сейчас я надену военную форму и гимнастерку с погонами, мне стало веселей. Вскоре я освоился с новой жизнью, и мне стало легче. Вставали мы в шесть часов утра (в праздники в семь). За десять минут до утренней зари трубач играл «повестку», по которой должны были вставать дежурные. Ровно в шесть утра игралась «заря», и с последним звуком трубы из воспитательской комнаты, здесь же в спальне, выходил дежурный воспитатель и громко командовал: «Вставать». Все сто с лишним кадет сразу принимали вертикальное положение, садились и начинали одеваться. Никто не смел задержаться лежа ни одной секунды. Быстро вставали, одевались, чистились, умывались и шли в зал перед классами строиться у сотенного образа. Приходил воспитатель, осматривал каждого кадета – руки, уши, шею, сапоги – и командовал: «На молитву». Дежурный читал молитву, некоторые молитвы пели и потом строем шли в столовую. Когда все три сотни были в столовой, дежурный кадет 7-го класса по команде «На молитву» читал «Очи всех на Тя, Господи, уповают». После этого все садились и пили чай с французскими булками.

По пятницам вместо французских булок давали серый хлеб с маслом.

От побудки до конца чаепития проходил час. От 7 до 8, в классах, – повторение выученных вчера уроков. От 8 до 11 три урока, и также, строем, – в столовую, завтракать. Завтрак всегда был очень хороший – одно блюдо, но очень сытное. После завтрака час строевых занятий и еще два урока до 3. От 3 до 4 прогулка. В 4 обед и опять прогулка до 6. От 6 до 8, в классах, при воспитателях, приготовление уроков к завтрашнему дню. Потом строем шли на вечерний чай и опять в зал перед классами, где перед сотенным образом читалась и пелась вечерняя молитва, после которой 1-й и 2-й классы шли спать, а с 3-го класса и старше разрешали заниматься до 10 часов.

Кроме общепринятых предметов, в корпусе преподавали «ручной труд», столярное дело и музыку на всех струнных и духовых инструментах. В корпусе были прекрасные оркестры – струнный и духовой. Я играл в оркестре на скрипке, мой брат Филипп – на кларнете.

Первый год в корпусе я занимался очень мало, так как постоянно лежал в лазарете. Больше месяца я пролежал со «свинкой», много раз была ангина с высокой температурой и прочее. До поступления в корпус я, кроме кори в легкой форме, когда мы, дети, все сразу заболели, никакими болезнями не болел, а в корпусе по месяцам не выходил из лазарета. Маме посоветовали взять меня на отдых и до экзамена не допустили. Я остался на второй год. В следующие годы я, кажется, ни разу не болел.

В лазарет ежедневно сообщали из классов, какие уроки заданы на следующий день, но большинство, зная, что завтра не спросят, этих уроков не учили и, конечно, отставали. Был и специальный воспитатель – лазаретный войсковой старшина Вениамин Иванович Котельников. Он смотрел, чтобы кадеты не шалили и чтобы, как и в классах, от 6 до 8 все учили уроки. Старшие часто к нему обращались с просьбой решить задачу и выбирали потрудней. В.И. Котельников охотно это делал, иногда долго сидел на задачей и потом вскакивал и кричал: «Решил-с, решил-с».

Доктор был Николай Васильевич Баженов – очень симпатичный и всеми любимый. Он хорошо относился к кадетам. Иногда принимал в лазарет на сутки и, отпуская, спрашивал: «От какого урока ушел?»

Потом войсковой старшина Котельников стал просить, чтобы ему дали на один год сотню кадет, чтобы иметь право быть произведенным в полковники. Ему дали 3-ю сотню, самых

маленьких. Он откомандовал ею год, был произведен в полковники и не хочет сдавать сотню, его просят, а он не уходит. Не помню, как окончилась эта история, но как командир сотни младших кадет он был вполне хорош.

При мне командиром 3-й сотни был полковник Трусевич. Мало мы с ним соприкасались – приходил он к нам, когда надо было кого-либо выругать.

Командиром 2-й сотни был полковник Качура. Очень симпатичный, в некоторых классах он преподавал русский язык.

Командиром 1-й сотни был полковник Пантелеев. Строгий и на вид суровый. Преподавал в 7-м классе законоведение. Его боялись и очень уважали. Называли его Пантюшей. У него была привычка всегда держать в руках перочинный ножичек. Иногда он приглашал к себе в гости некоторых кадет старшего класса, угощал их и даже не возбранял у него курить.

Вообще же, за курение в корпусе сажали под арест на 10 часов. Курение считалось большим проступком.

Один раз, когда я был во 2-м классе, на перемене между уроками, когда все дети бегали в зале возле классов, вдруг неожиданно в сопровождении директора явился грозный войсковой атаман генерал князь Святополк-Мирский[28] . На его приветствие, хотя не были в строю, дружно ответили: «Здравия желаем Вашему сиятельству». Потом он громко сделал замечание директору, что некоторые первоклассники неправильно держат пальцы по швам: «Вы не стесняйтесь сажать ваших воспитателей под арест, если что-либо не так». Потом вдруг крикнул: «Садись!» Сразу все сели на пол, где кто стоял. «Ну, дисциплина у вас есть. Встать». Все вскочили, и грозный атаман ушел.

Потом узнали, что в этот же день он объехал все учебные заведения, даже женскую гимназию и институт, и на всех нагнал страх и трепет.

Большинство преподавателей я уже не помню. Но в общем преподавательский персонал был очень хорош. Прекрасные были математики Николай Иванович Дьяков и Лимарев. Прекрасно объясняли, все было ясно и понятно. Н.И. Дьяков, войдя в класс, молча пройдется несколько раз от дверей к окнам и обратно, потом стукнет пальцем по столу со словами: «Ну, внимать». И опять молча пройдется по классу. Остановится, посмотрит на всех и как бы с сокрушением скажет: «Никто не слушает». – «Да ведь вы еще ничего не говорили», – возразят ему. «Да, ничего не говорил, потому что не слушаете». После этого начинал объяснять урок.

У Н.И. Дьякова был прелестный крошечный сын, кадетик 1-го класса. Его взрослые кадеты сажали на шкаф и, когда он, чуть не

плача, просил снять его со шкафа, велели кричать: «Я синус, мой отец косинус». После этого его отпускали.

Еще преследовали кадета Ушакова за его длинный нос и звали его бекасом. Все встречающие его считали своим долгом схватить его за нос. Через некоторое время он обратился к воспитателям с просьбой запретить кадетам хватать его нос, а то от этого на носу уже начали расти волоса[12].

Лучшим моим другом в корпусе был Вася Котельников. Он был на один класс старше меня и отлично учился. Помню, когда я был в 1-м классе, нам задали написать сочинение – «Памятный день в моей жизни». До тех пор я никогда сочинений не писал и не знал, как к этой работе приступить. Я рассказал Васе свой памятный день и просил написать это сочинение. Вася написал, но мне не понравилось, что он изменил характер нашей Манычи, и я сочинение переделал. Преподаватель на полях сделал замечание: «Написано хорошо, но невозможный период в тридцать строк». Вася упрекал меня: «Зачем же ты переделал?»

Вася Котельников жил в станице Великокняжеской и как-то летом приехал к нам на зимовник в гости, я пробовал пристрастить его к охоте, но безуспешно. От ружья он отказался и заявил, что птичек убивать не будет, а только посмотрит, как я буду охотиться.

Сидим у лимана в кусте камыша, ждем пролета уток, и Вася что-то рассказывает. Я пригибаюсь и говорю: «Не шевелись, летят утки, если налетят, буду стрелять». Но это его совершенно не интересует, и он продолжает рассказывать совсем не относящееся ни к летящим уткам, ни вообще к охоте. По окончании кадетского корпуса Вася Котельников поступил в Инженерное училище, и мы потеряли друг друга. Во время Гражданской войны я встретил его в Новочеркасске, он был генералом инженерных войск.

В эмиграции мы переписывались. У него не в порядке было сердце, но он с семьей благополучно перелетел в Нью-Йорк из Германии и через несколько дней, сидя спокойно в кресле у себя в садике с газетой в руках, скоропостижно скончался. Остались пожилая вдова и дочь – инженер-строитель.

Замечательным в корпусе был законоучитель отец протоиерей Ляборинский[29] . Он обладал даром слова и так хорошо рассказывал и объяснял, что его уроки были наслаждением. В церкви служил он также прекрасно.

Географию любили. Преподавал ее войсковой старшина Лепилин. За грубый голос его прозвали солдатом.

Невыносима была минералогия. Добрый симпатичный преподаватель, но на уроках его никто не слушал, было скучно, и многие ставили на бумаге палочки, когда он скажет «так сказать».

И таких «так сказать» было очень много.

На уроках рисования долго рисовали по клеточкам, потом по точкам, потом орнаменты и уже в конце рисовали модели рук, ног и другое.

Историю преподавал Н. В. К. Изводили его ужасно. Многими куплетами воспевали его в нашей «звериаде». «С утиным носом и в очках, без шеи, толстый и горбатый и на искривленных ногах». По числу учеников в классе писали самые глупые вопросы, которые каждый должен был задать в течение урока. Например: «Ваша жена – англичанка или американка?» Жена у него была русская. «За что вы получили Георгиевский крест?» Н. К. никогда не был на военной службе… Высмеивали его привычку говорить «ну-с?». Когда кадет, отвечающий урок, остановится и не знает, что говорить дальше, В. К. говорит: «Ну-с?»

«Звериада» воспевала в стихах все начальство и потому тщательно скрывалась, но однажды она была обнаружена, и господа педагоги ничего не придумали лучше, как прочитать ее вслух на ближайшем педагогическом совете. Один кадет плохого поведения, думая, что на этом педагогическом совете его исключат из корпуса, и желая знать, что о нем будут говорить, заранее незаметно спрятался за портьеру. Только за один этот поступок он подлежал бы исключению, но все прошло для него благополучно.

Читал «звериаду» помощник инспектора классов Генерального штаба подполковник барон Крюденер[30] . Все воспитатели и преподаватели молча, без возражений, выслушали пасквиль на себя. Только директор в ответ на стих

Прощай, Романс, ты в жизни светской
Актрис своих не забывал
И в дар одной от брюк кадетских
Полулампасы оторвал…

сказал: «Какой вздор, я только исполнил Высочайший приказ». Раньше у казаков лампасы были шириной в три пальца, а после этого приказа стали в полтора пальца. Но гимназисты и реалисты в Новочеркасске продолжали носить лампасы прежней ширины. Этот приказ их не коснулся.

И еще на «звериаду» возразил Н. В. К. На стих, где высмеивали его привычку говорить «ну-с», он сказал: «Это вздор – я никогда не говорю «ну-с». Барон Крюденер остановился, думая, что Н. В. К. еще что-либо скажет, и Н. К., заметив это, обратился к нему: «Ну-с». Все громко рассмеялись.

Француз, статский советник Гаушильд, был милейший человек, но совсем не выучил нас французскому языку, и, кто знал французский язык до поступления в корпус, здесь его

забывал. Я был хорошего поведения, никаких поступков нехороших за мной не было, но один раз, когда я был в 6-м классе, француз Гаушильд поймал меня читающим на его уроке «Анну Каренину». Эту книгу дал мне воспитатель с условием не читать на уроках. Книга из фундаментальной библиотеки. Гаушильд рассердился и со словами «Запишу в журнал» отобрал книгу. Весь класс начал просить Гаушильда: «Не записывайте, Балабин хорошего поведения, и вдруг запись, оставят воскресенье без отпуска». Видно, что и Гаушильду не хотелось записывать, но как выйти из положения? Наконец один кадет догадался: «Ведь Балабин переводил «Анну Каренину» на французский язык». – «А, на французский язык? – Гаушильд захлопнул журнал и ко мне: – Расскажите «Анну Каренину» по-французски». Мне и по-русски трудно было бы рассказать, ну а по-французски я, конечно, ничего не мог сказать. Опять спас голос из класса: «Балабин стесняется дать отзыв о такой женщине, как Анна Каренина». – «И такие книги читает кадет». – «Да ведь это замечательное произведение знаменитого Л.Н. Толстого». В это время сигнал из классов: «Всадник – перестань, отбой был дан, остановись». И Гаушильд, как всегда, быстро выскочил из класса, не успевши меня записать.

Кроме фундаментальной библиотеки, в каждой сотне были свои библиотечки, которыми заведовали, по назначению воспитателей, сами кадеты. Выдавали эти книги каждый день после уроков и в этот же день сдавали их перед вечерними занятиями около шести часов вечера.

Был в корпусе хороший преподаватель гимнастики Захаров. Гимнастикой увлекались, и кроме прекрасного гимнастического зала в каждой сотне была лестница и турник. На каждой перемене можно было упражняться, и многие достигали больших успехов.

Физику очень любили. Преподаватель Попов хорошо объяснял, показывал много опытов, но вместо «стекло» говорил «стякло» – так его и прозвали.

Весь год в 5-м классе учили церковнославянскую грамматику. Ее не любили, но преподаватель Ратмиров на первом уроке сказал: «Я вам обещаю, что все вы будете хорошо знать церковнославянскую грамматику, но некоторые, благоразумные, будут сразу ее учить, она совсем не трудна, а некоторые выучат после многих неприятностей, неудовлетворительных отметок, наказаний и прочего. Советую об этом подумать». И действительно, все выучили.

Воспитателем у меня был в первых пяти классах поручик, а потом подъесаул Орлов, а в 6-м и 7-м классах – войсковой

старшина Власов. Оба были очень хорошие. Орлов любил читать наставления и выговоры и иногда читал их по полчаса. Спросили кадета Захаревского: «Что он тебе так долго говорил?» – «А я не слушал, я смотрел в землю и читал «Отче наш».

Много у нас было воспитателей не казаков, пехотных офицеров, и они вели кадет только до 5-го класса включительно, так как в шестых и седьмых классах, где были уроки верховой езды и занятия с пиками, воспитателями были казаки.

Производство у воспитателей было у обер-офицеров через два года, а чин войскового старшины давали через три года. Этим карьера кончалась. Чтобы быть произведенным в полковники, надо было получить сотню кадет. Сотен же было только три, а воспитателей пятнадцать. Когда откроется вакансия? Когда дождешься, чтобы командир сотни ушел и освободил место?

В полках производство обер-офицеров через четыре года. В штабс-капитаны попадали через восемь лет. В чине штабс-капитана тоже надо было пробыть четыре года и тогда ждать очереди, когда освободится рота, чтобы быть произведенным в капитаны. Иногда эту роту штабс-капитаны ждали больше десяти лет. И если штабс-капитан получал роту раньше, он все равно не мог быть произведенным в капитаны, пока не прослужит штабс-капитаном четыре года. В кадетском корпусе офицер, произведенный в полку в поручики и поступивший в кадетский корпус, за семь лет производился в подполковники, когда его товарищи в полку были только штабс-капитаны. Но возвращаться в полк, обогнав своих сослуживцев в полку, воспитателям не разрешалось.

Инспектором классов в корпусе был полковник артиллерии Линевич, симпатичный и очень строгий. Помню случай: звонков в корпусе не было – вся жизнь была по кавалерийским сигналам двух трубачей, которые отбывали воинскую повинность, служа в корпусе. По классам, после перемены, играли «сбор» («Сберитесь, сомкнитесь» и т. д.), а из классов на перемену – «отбой» («Всадник – перестань, отбой был дан, остановись»). Один раз трубач дал отбой на 20 минут раньше времени. Инспектор спустился на несколько ступеней по лестнице и строго трубачу: «Почему раньше времени дал сигнал?» – «Обмяшулился, Ваше высокоблагородие». Инспектор, не казак, не слышал раньше казачьих выражений, расхохотался и возвратился в инспекторскую.

Помощником инспектора классов был Генерального штаба подполковник барон Крюденер. Он ушел из строя потому, что ему на изысканиях, где-то в Памире, свело шею, и он уже не мог оставаться в строю.

Директором был генерал-майор Анчутин[31] – очень воспитанный, гуманный, заботливый. Он оставил после себя самую хорошую память. Он поощрял музыку, пение, устраивал концерты… При нем в корпусе прекрасно пел хор и был отличный оркестр. Помню такой случай: раньше переход из класса в класс происходил только по экзаменам. По годовым отметкам стали переводить позже, когда я был уже офицером. Второклассники очень боялись экзамена по арифметике, и вдруг на экзамен явился сам директор генерал Анчутин. Слабо знающие арифметику совсем перепугались. Директор, не вызывая к доске, как экзаменовали до прихода, стал задавать вопросы разным ученикам. Спрошенный вставал и отвечал с места; проэкзаменовав так минут двадцать, директор сказал: «Спасибо, дети, вижу, что все знаете хорошо, все выдержали экзамен и сегодня за отличные ответы все получите по апельсину». Мы, конечно, были в восторге.

Преподавателем пения и музыки был Иван Яковлевич Жихор. Он был большой труженик. Терпеливо разучивал вещи на спевках и только иногда, рассердившись, кричал: «Дисканты, дисканты, как пьяные бабы на подушках». В классе проходили теорию музыки по его программе. Иван Яковлевич вызывал и ставил отметки. Часто пели классом, и, чтобы не мешать соседним классам, он уводил свой класс или в столовую, или в Сборный зал. Учитель хорошо играл на виолончели, на скрипке и на всех духовых инструментах и успешно управлял хором.

Оркестром балалаечников управлял воспитатель, войсковой старшина Смирнов. Он же свирепо преподавал бой на эспадронах[13]. Во время вольного боя никто не мог нанести ему удар, так ловко он защищался, один раз мне удалось его ударить. Он крякнул, рассвирепел и буквально избил меня. Он так свирепо наносил мне удары по голове, что от маски летели искры… Преподаватель боя на рапирах был спокойнее – не помню его фамилии.

Езду преподавал в каждом отделении свой воспитатель. Лошадей приводили из местной казачьей команды. Урок езды, конечно, очень любили. Надевали высокие сапоги до колен и чувствовали себя совсем взрослыми кавалеристами.

Войсковой старшина Смирнов лечил заик. Был кадет Захаров, который страшно заикался. Когда он плохо знал урок, то у доски он только заикался и ничего нельзя было разобрать из того, что он говорит. И еще очень заикался, когда его разозлят. Войсковой старшина Смирнов так его вылечил, что Захаров на музыкально-вокальном концерте говорил длинное стихотворение ни разу не заикнувшись.

Концерты мы очень любили. Певчие и состоящие в оркестре имели право пригласить на концерт своих знакомых, а я, как состоявший и в хоре, и в оркестре (на скрипке), имел всегда два пригласительных билета. В церковном хоре я пел только до 5-го класса, а потом был прислужником в церкви, в светском хоре пел во все время нахождения в корпусе, сначала дискантом, а потом тенором.

Оркестр играл так хорошо, что некоторые не верили, что играют только кадеты, думая, что среди кадет есть переодетые музыканты из воинского оркестра.

Певчих иногда водили в город на концерты приезжающих знаменитостей. А один раз, когда я был во 2-м классе, всю 3-ю сотню водили в городской театр на «Велизария». Я был очарован и долго жил под впечатлением этого представления. Это было мое первое посещение театра.

Как-то приехал и жил в помещении корпуса знаменитый артист Славянский со своим хором. Он был приятелем нашего директора. Славянский давал концерты и в городе, и у нас, а один раз кадетский хор пел под управлением Славянского, который и запевал. Некоторые его песни до сих пор у меня в памяти.

Как-то ходили в город, в цирк, смотреть знаменитого Дурова[14]. Самое большое впечатление произвел на меня номер с козлом: на арене в маленький экипажик запряжена собака. На арену важно выходит козел. Дуров приказывает ему сесть в экипаж. Козел не желает. Дуров силой хочет его посадить – козел упирается и не идет. Дуров начинает бить его, но без результата. Дуров отходит от козла, минутку задумывается и вдруг говорит: «А ведь я забыл, что теперь со всякой скотиной надо обращаться вежливо». Подходит к козлу, расшаркивается и, сняв свой цилиндр, говорит: «Господин козел, будьте добры, сядьте в экипаж». Козел, важно тряхнув бородой, сел по-человечески в экипаж, и собака повезла его по арене под страшные аплодисменты.

В городе жили две мои старенькие тетушки, и у них жили их родственники – Гриша и Степа. Я и брат по праздникам, после литургии, ходили к ним до 8 часов вечера. Гриша потом поступил в корпус и окончил его. А на Рождество и на Пасху мы всегда ездили на зимовник.

Гришу не допустили до экзамена в 1-й класс, так как его отец двух месяцев не дослужил до десяти лет в офицерском чине – был убит. Подали прошение на Высочайшее имя, и на следующий год Гриша поступил прямо во 2-й класс.

Старший брат, Николай, учился в Киевском кадетском корпусе, так как в его время Донского корпуса еще не было. Один

раз, кадетом 2-го класса, он ехал на Пасху домой на зимовник. Из Киева по железной дороге приехал в станицу Аксайскую, и дальше надо было ехать 120 верст на лошадях. О своем приезде он не предупредил, и лошади за ним не были высланы. Он приехал в станицу Аксайскую в Страстную субботу. Ходил по дворам и просил казаков, чтобы кто-либо довез его до зимовника. Никто не хотел под такой большой праздник уезжать из дома. Наконец один согласился довезти его до станицы Ольгинской соединенным с Аксаем семиверстным мостом через Дон... Расплатившись с этим казаком в станице Ольгинской, брат опять пошел с чемоданчиком по дворам, прося довезти его до зимовника. Никто не соглашался. Наконец один казак говорит ему: «Подожди, барчук, пойдем вместе в церковь к заутрени, потом ты у нас разговеешься, и я тебя повезу, мне надо «неука» выездить – еще ни разу не запрягал его, вот по дороге к зимовнику и выучится». Помолились, разговелись и поехали.

Необученная дикая лошадь сразу понеслась в карьер. Сначала приятно было – скорее доедем. Потом, видя, что уж очень долго лошадь скачет, брат говорит: «Надо перевести лошадь в шаг, а то запалится». – «Нет, замучается, сама остановится». Через несколько минут брат опять говорит: «Пропадет лошадь, надо остановить, я с рождения живу на конском заводе и знаю, что лошадь, да еще не втянутая в работу, не может десять верст скакать без передышки». Не желает казак слушать одиннадцатилетнего мальчика. Вдруг лошадь перешла в шаг, прошла два шага, упала и околела.

Взвыл казак. Что теперь будем делать? В праздник никто не ездит, никто не поможет. Наконец, на горизонте показывается подвода. «Видишь подводу? Может, и разбойники какие едут? Бери чемоданчик и беги скорей спрячься вон в том бурьяне». Подъехали незнакомые, пьяные и начали кричать и ругать казака: «Ты что за человек, почему лошадь сдохла? Загнал, запалил?» – «Ну что же вы меня ругаете. У меня такое несчастье, а вы еще ругаете». – «А это что за шинелишка?» Пришлось признаться, что вез кадета, да он в бурьяне спрятался. «Эй, барчук, иди сюда». Расспросили брата и решают: «Мы барчука довезем до ближайшего хутора Мало-Западенского, а ты жди, отвезем барчука и тебе поможем». В Западенке ни за что не захотели взять плату и уехали. И снова брат пошел по дворам. На первый день Пасхи все пьяные, все угощают, просят разговеться, а везти соглашаются только на второй день, в одной хате спрашивают: «А вы чьи такие будете?» – «Я Балабин». – «А войсковой старшина Балабин Федор Николаевич не сродствия вам будут?» – «Это мой дядя, он сейчас у нас на зимовнике». – «Федор Николаевич на

зимовнике? Сейчас поедем, иду запрягать». Все 50 верст до зимовника казак рассказывал про Федора Николаевича. «Ведь это мой командир сотни в Турецкую войну. Это командир, каких не найти, отец-командир. Как глянем на него, так сердце загорается. Один раз видим: надо бы атаковать, а командира нет, замялись и не идем. Вдруг кто-то крикнул: «Командир». Смотрим – несется карьером и шапку держит над головой к атаке. Так мы, не ожидая его, бросились на турок и всех изрубили и побрали в плен».

Когда на зимовнике подъезжали к дому, Федор Николаевич сидел на балконе, и они с казаком сразу увидели друг друга. Казак бросил и лошадь, и брата – и к Федору Николаевичу, а Федор Николаевич – к казаку. Обнимались, целовались и чуть не плакали от счастья, что Господь привел еще увидеться. Только через два дня казак уехал, его одарили всякими продуктами и, помню, дали барана.

В мое время переход из класса в класс всегда был по экзамену. Уже позже стали переводить по годовым отметкам. Экзамены у нас кончались в середине мая, и все разъезжались на каникулы, кроме шестых и седьмых классов, которые через день-два после экзаменов шли в лагерь. Хотя пребывание в лагере отнимало от нас целый месяц каникул, но мы любили наш лагерь и с удовольствием вспоминали его. Шли на вокзал в походной форме, с ружьями, через весь город и громко пели песни. Публика останавливалась и любовалась, глядя на стройные ряды кадет, а мальчишки толпой бежали по сторонам. Поезд шел до Персияновки, где был наш лагерь, полчаса. Бараки лагерные находились в огромном парке – лесу на берегу речки Персияновки. Бараки были просторные, светлые, сухие. Отдельно столовая и кухня. Была и маленькая, но очень уютная церковь.

В лагере учили уставы, название частей, сборку и разборку винтовки и строго требовали знаний, придираясь к каждому пустяку. Один кадет, вместо «рукоятка» затвора винтовки, сказал «ручка» затвора. Смирнов его прогнал со словами: «Ничего не знаете и ничего не понимаете, надо выучить – ручка бывает только у барышни, и то у хорошенькой». Производили съемку местности, знали все условные знаки по топографии и вычерчивали их. Каждый день производили пешие учения – и не маршировку, которую хорошо знали в корпусе, а маневры, оборону, наступления, перебежки, атаки и прочее. Совершали походы с ночевкой вне лагеря. Все это кадеты любили… Можно было купаться в Персияновке, причем воспитатели учили неумеющих плавать. Была кадетская лодка – катались. В этой же речке удочкой ловили рыбу.

За речкой огромное пространство занимали болгарские

огороды. Болгары, непревзойденные огородники, продавали свои овощи в Новочеркасске. Любители сильных ощущений пробирались ночью в эти огороды, чтобы стащить там совершенно ненужную им морковку или луковицу, просто из удовольствия. В случае обхода воспитателя «махальный» должен был кричать по-кукушечьи, и любители острых ощущений скорее спасались в лагерь. Если воспитатель их встречал в кадетской роще, то на вопрос «откуда» отвечали: «Из «Капернаума» или «Из «Иерихона» – так назывались злачные места, расположенные далеко от бараков. Залезали и в чужие сады, но фрукты в мае были еще зеленые, так что залезали исключительно из молодечества. Были и жалобы на кадет, но виновные никогда не были обнаружены.

Один раз семиклассники нашли подбитую ворону, принесли ее в барак и решили выучить говорить слово «Чичиков», посадили ворону на кровать, окружили ее, и все начали говорить: «Чичиков, Чичиков...» Не заметили, как сам Чичиков (войсковой старшина Лепилин) подошел и громким басом: «Вы что здесь делаете?» Все вскочили и после небольшой паузы ответили: «Учим говорить вороненка». – «Выпустить в лес и не сметь приносить в барак». Приказание было исполнено, а Лепилин пошел в барак к шестиклассникам и сказал им: «Меня прозвали Чичиковым, и я горжусь этим прозвищем: Чичиков был гениальным человеком».

В роще лагеря в это время – май, июнь – была масса соловьев, и все ночи напролет они, не умолкая, пели свои чудные напевы и часто не давали заснуть. Кадеты отгоняли их подальше от бараков.

По праздникам кадет отпускали из лагеря в город. От бараков станция Персияновка была в полуверсте. Возвращаясь из города, кадеты, чтобы не идти такое большое расстояние, спрыгивали на ходу поезда против главной аллеи лагеря. Железнодорожники пожаловались корпусному начальству, и нам запретили спрыгивать, а дежурный воспитатель подходил к месту, где спрыгивали, и, если кто спрыгнет, тот в следующее воскресенье оставался без отпуска.

Лагерная жизнь продолжалась месяц, и кадеты разъезжались на каникулы. Перед отъездом в отпуск, на институтском пикнике в Александровском саду в Новочеркасске, я познакомился с Похлебиными[15] – матерью и дочерью, которые всегда жили в Петербурге и только на лето приезжали в Новочеркасск, где у них был собственный дом. Они просили меня приходить к ним в Петербурге, где каждую субботу у них собираются гости.

Незаметно прошли каникулы, и мы, выпускники, последний раз собрались в родном корпусе, чтобы всем вместе ехать в Петербург. Из 60 окончивших 10 отказались от военной службы и

пошли в гражданские высшие учебные заведения. Несколько человек пошли в военное инженерное училище и в артиллерийские, а большая часть кадет, в том числе и я, пошли в Николаевское кавалерийское училище.

В отдельном вагоне мы выехали из Новочеркасска. С нами ехал до Петербурга один из воспитателей. В Воронеже к нашему вагону прицепили вагон воронежских кадет. Мы перезнакомились и сразу увидели огромную разницу между нами и воронежцами. Они рассказывали о таких проступках и проделках в своем корпусе, что нам и в голову не могло прийти что-либо подобное. Со своим воспитателем, провожавшим их до Петербурга, они обращались грубо, говорили дерзости, зная, что теперь он уже ничего им не может сделать, и удивлялись тому, что мы со своим воспитателем очень вежливы и предупредительны. Появились у них и пьяненькие. У нас вина не было, мы о нем и не думали. Дальше присоединялись и другие корпуса, а из Москвы до Петербурга почти весь поезд состоял из кадетских вагонов. В вагон посторонних не пускали, но на одной станции какая-то баба с корзинами просила разрешить ей проехать две станции. Ей разрешили. Она внимательно присматривалась к кадетам и вдруг бросилась руками на грудь лежащего с книгой в руках Захаревского. Он даже испугался: «Что ты, бабка? Что ты, бабка?» – «Да я хочу посмотреть, хрещеные вы али нет? Есть ли у вас хрест на груди?» Захаревский показал ей свой крест, и бабка успокоилась. Почему мы ей показались подозрительными, непонятно. Единственно, чем мы отличались от других кадет, это лампасы на брюках.

В Москве мы пробыли несколько часов. Воспользовавшись этим, мы осмотрели достопримечательности Москвы: Кремль, Царь-колокол, Царь-пушку, влезали на колокольню Ивана Великого и прочее.

Глава 3
НИКОЛАЕВСКОЕ КАВАЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ; ЭПИЗОД С ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ

Наконец мы в Петербурге. Просили извозчиков везти нас не кратчайшим путем по Обводному каналу, а через центр города, чтобы хоть немного с ним познакомиться.

В училище нас любезно встретили юнкера старшего курса, которые год назад окончили наш корпус. Они научили нас тому, как мы должны явиться дежурному по сотне юнкеру, сообщив, что здесь такая традиция. В третьем этаже, на площадке, в папахе и при шашке сидел напыщенный юнкер Запорожцев и старался сделать строгое, начальническое лицо. Мы становились перед ним смирно и рапортовали о прибытии, а он, отмечая в списках новых, «милостиво» делал нам легкий поклон.

В этот день мы сдали кадетское белье и обмундирование и переоделись в юнкерское, предварительно выкупавшись в бане. После вечернего чая старшие собрали всех вновь прибывших в курилку и прекрасно спели нам несколько песен. Потом заставили петь нас, новичков. Мы собрались со всех концов Великой России[16], первый раз видим друг друга – и вдруг вместе петь. Но приказывают – надо выполнять. Так как донцов было больше, чем юнкеров других войск, мы спели им несколько донских песен. И сейчас же записали всех, кто был певчими в корпусах, в юнкерский хор. Регентом был очень талантливый и с хорошим голосом юнкер Пронин[17].

Николаевское кавалерийское училище находилось на Новопетергофском проспекте и имело небольшой садик, выходящий на этот проспект. Нам было странно, что юнкера могут в свободное время гулять в этом садике, не спрашивая разрешения. Так это было не похоже на кадетский корпус, где без разрешения нельзя было пройти даже в соседнюю комнату.

В нижнем этаже училища была квартира начальника училища, гимнастический зал, гербовый зал, где происходили занятия пешим строем и фехтованием. Длинный коридор с орудийной комнатой посередине выходил к классам и в столовую. В орудийной комнате стояла пушка, к которой мы никогда не подходили и видели ее только по пути в классы или столовую.

Во втором этаже помещался эскадрон юнкеров-неказаков, и с

средней площадки этого этажа был вход в церковь.

В третьем этаже, в трех комнатах, помещалась сотня юнкеров-казаков.

Казачьи манежи – и отдельно эскадронный – были во дворе училища.

Квартиры командира сотни и командира эскадрона располагались в отдельном здании возле садика.

Юнкера сотни и эскадрона жили каждый своей отдельной жизнью и сообщались только в классах.

В сотне была нормальная жизнь и дружеские отношения между юнкерами старшего класса и младшего. Спали по общему ранжиру, то есть вперемешку оба класса. Единственное различие было в том, что юнкера старшего класса курили в дортуаре, что запрещалось, для этого была специальная комната-курилка, а младшим не позволяли, иначе уж очень будет накурено и дежурный офицер это заметит.

В эскадроне было «цуканье»: юнкера старшего класса, которые называли себя «благородными корнетами», своеобразно воспитывали прибывших «зверей». Придирались за неправильно сложенное ночью белье на тумбочке у кровати. «Благородный корнет» будит ночью «зверя» и спрашивает: «Почему у нас белье сложено квадратом? Немедленно сложить «ромбом». Или, наоборот, при разговоре «зверь» должен был вскакивать перед «корнетом» и стоять смирно. Если корнету что-либо не нравилось, он начинал командовать: «Кругом, кру-гом!» – и так иногда очень долго. «Звери» не смели ходить по корнетской лестнице и тому подобное. Были, конечно, и хорошие традиции, например заставляли младших выучить все стоянки кавалерийских полков и их формы, а мы, донцы, не знали, где стоят наши первоочередные полки и в каких они кавалерийских дивизиях.

Система преподавания в училище была репетиционная: на лекциях никого не спрашивали, а только рассказывали, объясняли. Ежедневно было четыре лекции от 8 до 12 дня, а два раза в неделю, по вторникам и пятницам, от 6 до 10 вечера – репетиции, на которых спрашивали всех без исключения и ставили отметки. Кто получил неудовлетворительную отметку, должен был ее исправить, то есть снова сдать эту же репетицию. Полученную отметку складывали со старой неудовлетворительной и выводили средний балл. Преподаватели были, в общем, хорошие. Проходили тактику, военную историю, топографию, фортификацию, артиллерию, администрацию, иппологию[18], а на младшем курсе, кроме того, Закон Божий, русскую литературу, французский, немецкий языки, химию и механику. Химия в эскадроне считалась «сугубо» наукой, и

корнеты приказывали «зверям» готовиться к репетиции по химии только в грязных манежных перчатках. Кто получал по химии единицу, при двенадцатибалльной системе, тот получал на этот вечер в эскадроне «офицерское положение», то есть мог «цукать» своих же товарищей младшего курса. Был такой случай: преподаватель ставит юнкеру пять, то есть – неудовлетворительную отметку, а юнкер просит поставить ему единицу. «Но ведь вам трудно будет исправить ее, надо будет получить не меньше одиннадцати». – «Да, я знаю, но все-таки прошу поставить единицу», а на следующий день, на перемене, я слышал разговор двух юнкеров эскадрона старшего курса: «Вот здорово цукает Гольм, мы так не сумеем».

Слышал я, но не знаю, насколько это верно, что Гольм был выдающимся офицером в одном из кавалерийских полков и отлично командовал эскадроном. Были маневры, стояла страшная жара. Эскадрону Гольма приказано стать у реки и ждать противника. Долго ждали, никого нет, солдаты стали просить разрешения искупаться в реке и выкупать лошадей. «А вдруг явится противник?» – «А мы махального поставим – он предупредит, мы живо оденемся и поседлаем лошадей». Когда весь эскадрон плавал в реке, махальный крикнул: «Неприятельский эскадрон полевым галопом скачет к нам». Выскочили солдаты из реки, но, так как не было времени одеваться, Гольм с голым эскадроном поскакал навстречу противнику. Лошади противника, увидев голых мокрых людей, с которых льется вода, шарахнулись во все стороны и разбежались. Победа была полная, но Гольма отрешили от командования эскадроном.

По артиллерии мы проходили в училище всю историю огнестрельного оружия, но выстрелить из пушки не сумели бы. То же по фортификации – только теория. Иппологию, то есть науку о лошади, мы любили. Мы должны были знать все косточки лошади, по зубам определять возраст, хорошо видеть все пороки и недостатки лошади, уметь ее подковать и прочее.

После 12 часов дня был завтрак – два блюда, но в кадетском корпусе одно было сытнее.

От часу до пяти – четыре часа, без перемен – были строевые занятия: езда, вольтижировка, гимнастика, фехтование, пеший строй, седловка, изучение устава. Я был сильный, здоровый человек, с детства привыкший к верховой езде, отличный гимнаст, но я так утомлялся за эти четыре часа строевых занятий, что, войдя в дортуар, валился на кровать, чтобы хоть немного отдышаться, но это можно было себе позволить только 3 – 5 минут. Надо было умыться и строиться на обед. А ведь были

юнкера и слабенькие, особенно поступившие не из детских корпусов, а из гимназий. Кубанского войска юнкер Савицкий[32] , небольшого роста, слабенький, на вольтижировке старался скакать по кругу, стоя на спине лошади. Сменный офицер кричал: «Юнкер Савицкий, делайте что-либо серьезное – я вас за трусость под арест отправлю», а Савицкий совсем был не трус, а просто устал, выдохся и уже не в силах был выделывать всякие фокусы. Вольтижировка – это то, что в цирке проделывают наездницы, кроме прыжков через обруч. Я потом в цирке, глядя на наездниц, сравнивал их с нами – и не в их пользу.

Юнкера эскадрона носили все одинаковую форму – драгунскую. В казачьей сотне были казаки всех войск, и каждый носил форму своего войска. Терцы и кубанцы были одеты в черкески с газырями и кинжалами и отличались только бешметами – у терцев голубой, у кубанцев красный. Степные казаки имели и сукно, и лампасы своего войска. У донцов – синее сукно и красный лампас. У уральцев – малиновый лампас и большая мохнатая папаха. У астраханцев – желтый лампас, у оренбуржцев – синий и так далее. Позже, когда я был офицером, им дали всем одинаковую форму. Но только формой и своим бытом и привычками казаки отличались друг от друга, а жили мы очень дружно, одной семьей, друг друга поддерживали, друг другу помогали. Да и вообще, где бы казаки ни встретились, они всегда будут родными братьями, и нет такой силы, которая могла бы их разъединить.

Примерно через месяц после поступления в училище в церкви была торжественная присяга на верность службы Царю и Отечеству. После присяги мы становились настоящими воинами и за крупные проступки подлежали суду по военным законам.

В это время я больше всего дружил с уральцем Щепихиным и с кубанцем Хоменко. Хоменко был великолепным знатоком лошади, и его иногда приглашали знакомые осмотреть намеченную к покупке лошадь. Но я по окончании училища не встречал его и потерял из виду. Щепихин служил в Самарканде, и с ним я переписывался. Потом он в Петербурге окончил Академию Генерального штаба и опять служил где-то в Туркестане. Встретил я его в Чехословакии, в Праге, в 1934 году. Это был старый, больной, израненный и не совсем нормальный генерал. Встретились мы с ним как родные.

К репетициям в училище мы готовились на площадке между взводами, за большим круглым столом или на тумбочке у своей кровати, имея свечу с абажуром, чтобы не мешать тем, кто уже лег спать. Спать можно было ложиться сейчас же после вечернего чая, который был в 8 часов.

В сотне был великолепный хор, который все хвалили, особенно инспектор классов генерал Будаевский[33] .

Кроме церковного хора, у казаков был светский – расширенный церковный, который пел не менее прекрасно.

В отпуск юнкеров отпускали по праздникам до 10 часов вечера, а певчих церковного хора до 12. Командир сотни полковник Дьяков доложил начальнику училища, что в сотне имеется светский хор, который хорошо поет, и надо бы и им разрешить отпуск до 12 часов. Начальник училища генерал Плеве[19] сказал: «Хорошо, я приду послушать ваш светский хор». Полковник Дьяков предупредил нас: «Разучите 5 – 6 песен, только хорошо». На это испытание, с начальником училища, пришло несколько офицеров и много юнкеров эскадрона. Мы пропели больше 30 песен. Генерал Плеве был в восторге и сказал: «Спасибо за удовольствие. Можете ходить в отпуск до 12 часов, хоть каждый день». Конечно, этим разрешением мы пользоваться не могли, не было свободного времени, но сознание, что я могу пойти что-либо купить, если надо, а не посылать служителя, было приятно. Я ходил в отпуск только по субботам к Похлебиным, с которыми познакомился в Новочеркасске на прощальном пикнике. Иногда у Похлебиных собиралось до 60 человек: офицеры, инженеры, студенты, юнкера. Оканчивались журфиксы прекрасным ужином. Юнкеров, которым в 12 часов надо быть в училище, кормили раньше.

В училище был общий с эскадроном струнный оркестр, в котором я играл на первой скрипке, но оркестр был слабый, так как не было времени разучивать партии.

В первый год моего пребывания в училище начальником его был генерал Плеве, который на 1-й Великой войне командовал армией. Плеве был симпатичный и хорошо относился к казакам. Инспектором был строгий генерал Будаевский – артиллерист. Во время подготовки к репетициям он обходил юнкеров и, если к нему обращались, охотно помогал. В одном отделении старшего курса он читал артиллерию.

Генерал Алексеев[34] , который в Великую войну был начальником штаба Верховного главнокомандующего Государя Императора, в одном отделении старшего класса читал военную историю. Он экзаменовал меня на выпускном экзамене.

Иппологию читал ветеринарный врач, милейший человек, его все любили. (К сожалению, забыл его фамилию.)

У меня на младшем курсе читал артиллерию генерал Христич, строгий, придирчивый. Старшие говорили, что на первой репетиции он никому не ставит больше восьми. Мне за безукоризненный ответ поставил десять, и старшие приходили

спрашивать, правда ли что Христич поставил мне десять? Юнкер эскадрона Беков-магометанин давал обещание перейти в православие, если Христич умрет. Христич умер, но Беков в православие не перешел.

Химию и механику все не любили.

Посещение богослужения в церкви было обязательным для всех юнкеров. Эскадрон стоял с правой стороны церкви, казачья сотня – с левой. Стояли строем смирно, никто не смел шевелиться, никто не смел отставить ногу. Пели в церкви по очереди – одну неделю певчие эскадрона, другую – певчие казачьей сотни. Инспектор классов генерал Будаевский пробовал соединить оба хора, но из этого ничего не вышло. Когда пели казаки, церковь была наполнена посторонними прихожанами.

Командир сотни при мне был полковник Дьяков, звали его папашкой. Он был очень строгий, требовательный, отличный наездник, о юнкерах заботился, но и цукал не стесняясь. Сменным офицером был у меня подъесаул Греков, очень строгий, иногда свирепый. Звали его «шакал», а нас, его смену, «зацуканная смена». А мы вторую смену нашего же класса называли «гимназистами». Сменным офицером там был подъесаул Кузнецов. Во время революции он, переодетый, шел пешком из Ростова в Таганрог. По дороге его поймали большевики и убили. Подъесаул Греков Алексей Кириллович[35] хорошо учил и дал нам много, но вытягивал из юнкера все соки. Это был выдающийся офицер. Потом он, будучи полковником, командовал сотней юнкеров. Позже получил в Москве 1-й Донской казачий полк. Великую войну окончил генерал-лейтенантом, начальником дивизии и имел Георгиевский крест.

Священника звали «Корнет Жилин» или «отец Горох». Он рассказывал, что, когда был в семинарии, их кормили только горохом. «И все горох, горох, горох». Дьякон был невысокий – совершенно без слуха и с ужасным голосом. Регент входил в алтарь, на ухо давал ему тон, и дьякон повторял тон будто верно, но, выходя на амвон, ревел совсем другим тоном и в дальнейшем не мог попасть в тон... Он был очень бедный, и юнкера эскадрона ежегодно устраивали лотерею в пользу дьякона, продавали картинки, большей частью нарисованные юнкерами же. По традиции картинки должны быть обязательно неприличного содержания. Устраивали комнату, загораживая угол простынями, и впускали туда за особую плату, что там было, не знаю, не смели рассказывать, но выходящий оттуда, красный, отмахивался руками, как от чего-то ужасного. Дьякону всегда собирали больше 300 рублей, что по тем временам были большие деньги.

Был еще сменный офицер есаул Пешков[36] , знаменит тем, что

на киргизском маштачке[20] приехал из Владивостока в Петербург. Этот маштачок, небольшого роста, очень злой, стоял потом в царской конюшне.

Был в сотне интересный сотенный каптенармус, он нам показывал, как представлял начальству принесенные от мастера 50 казачьих папах, из коих только три были форменными. Он эти три ухитрялся показать 50 раз, а другие в картонках только отодвигал по столу.

Уставши за день, юнкера засыпали, как убитые, до утра. Как-то ночью неожиданно погасли все ночники, и вдруг входят в дортуар человек двадцать, закутанных в простыни и с факелами в руках, и замечательно красиво, пианиссимо, поют «Благообразный Иосиф»[21]. Идут самым медленным шагом и тех, кто не проснулся, проходя, слегка шевелят за одеяло. Обойдя весь дортуар вдоль стены, процессия скрылась. Это традиционный «офицерский обход». На меня он произвел колоссальное впечатление, и так жалко было, что они скоро исчезли.

В эскадроне тоже ежегодно устраивался «офицерский обход», но совсем в другом роде: при полном освещении идут ряженые и поют громко что-либо пикантное.

Большим событием было, когда от казачьей сотни наряжался караул юнкеров в Зимний дворец. Во дворце юнкера стояли почетно-парными часовыми у некоторых дверей. Мы с другим юнкером старшего класса, Клевцовым, стояли почетно-парными часовыми, с вынутыми шашками, у покоев Его Величества. Перед вечером вдали, из Николаевского зала, показался Государь. Он шел в домашней тужурке, как на портрете Серова, в сопровождении плац-адъютанта и давал какие-то распоряжения, показывая на разные места зала. Мы взяли «на караул». Подойдя к нам, Государь сказал: «Здравствуйте». Мы дружно ответили: «Здравия желаем Вашему Императорскому Величеству». – «Вижу – вы оба Донского войска. Вы в каком классе?» Мы ответили – Клевцов в старшем, а я в младшем. «Вы первый раз во дворце?» Ответили, что оба первый раз. «Ну, желаю вам всего хорошего». И Государь прошел в свои покои. Самый незначительный разговор, но он произвел на нас очень сильное впечатление. В глазах Государя было столько доброты, столько ласки и приветливости, что забыть эти замечательные глаза невозможно. Это была моя первая встреча с Государем. Караул помещался в большом Фельдмаршальском зале, где юнкера сидели на диване. Для караульного начальника здесь же были отдельный столик и кресло. Часовые сменялись через каждые два часа. При прохождении через Фельдмаршальский зал начальства и генералов подавалась команда: «Караул вон». Юнкера вскакивали

и в одну секунду выстраивались. Но если кто из начальства направлялся к караулу, подавалась команда: «Слушай на караул».

Главный начальник военно-учебных заведений Великий князь Константин Константинович[37] , поздоровавшись с караулом, разговаривал с караульным начальником, подъесаулом Соколовым. На вопрос Великого князя подъесаулу Соколову: «Пребывание в карауле Государя – ведь это для вас праздник?» – «Так точно, Ваше Императорское Высочество, а для меня двойной праздник – сегодня день моего ангела». – «Поздравляю Вас». Попрощавшись с подъесаулом Соколовым, Великий князь обратился к караулу со словами: «До свидания». Караул дружно ответил: «Счастливо оставаться, Ваше Императорское Высочество». Интересно, что ровно через год, в этот же день, подъесаул Соколов опять был в карауле во дворце и Великий князь Константин Константинович, поздоровавшись с караулом, пожимая руку Соколову сказал: «Поздравляю Вас со днем ангела». Какая память!

Большим событием был приезд в училище Государя Императора, который раз в год посещал каждое военное училище. Приезд Его Величества всегда был неожиданным. Занятия не прерывались. Государь обходил смены езды, вольтижировки, пешего строя, гимнастики, фехтования и прочее. Везде благодарил, и, казалось, Его Императорское Величество всем был доволен. Перед отъездом, как всегда во время своих посещений, объявлял три дня отпуска, прощался с начальством и шел к саням. В это время уже всякий строй и порядок нарушались. Все гурьбой стремились к саням, лезли на полозья саней, с боков, сзади, на козлы к кучеру, куда только возможно и невозможно. Государь улыбался и приказывал кучеру ехать шагом, но, проехавши около квартала, просил всех идти домой, говоря, что поедет быстро.

На Рождество, за дальностью расстояния, я не мог ездить в отпуск на зимовник и потому отправлялся в Чернигов к тетке, маминой сестре, у которой там был собственный дом. Мама тоже к моему приезду добиралась до Чернигова. Мы вместе ходили в собор, прикладывались к мощам святого Феодосия Черниговского[38] , у которых совершались чудеса исцелений. Время в Чернигове я провел очень приятно и весело: прогулки, вечера, танцы, театр... В театре раз среди аплодисментов раздались крики: «Фрумкин, Фрумкин, ми вам говорим бис»...

Мои казачьи лампасы производили фурор. Раньше Чернигов никогда не видел казаков. Пехотные солдаты становились во фронт. Их учили – раз лампасы, значит, генерал.

На Пасху я тоже был в Чернигове. Не доезжая до города, один

еврей предупреждал: «Берегите карманы. На всю Россию известны ростовские жулики, но там у меня ничего не пропало, а здесь у меня вытащили бумажник с деньгами».

В Великий пост все юнкера обязательно должны были говеть[22]. К говению я отнесся самым серьезным и добросовестным образом, хотя это было время подготовки к экзаменам и трудно было уделить время на что-либо. И вдруг во взводе, где все занимались, крик: «Господа, я не успеваю, у меня совсем нет времени на исповедь, пойдите кто-либо за меня – ведь батюшка не знает наших фамилий». Отозвался оренбуржец Г.: «Я хотя уже исповедался, но могу пойти еще раз – батюшка интересно исповедует». Сначала я думал, что это глупая шутка, но оказалось, что все это действительно произошло, юнкер Г. рассказывал, что батюшка встретил его словами: «Говори только серьезные грехи, а если будешь говорить, что папу, маму не слушал, так это я и без тебя знаю». Г. сказал: «Я не верю в Бога». – «Я же тебе сказал, чтобы говорил только серьезные грехи, что же ты мне глупости говоришь?» – «Я думаю, батюшка, что это серьезный грех». – «Хорошо, что ты это считаешь серьезным грехом, но подожди, вот если случится с тобой какое несчастье, то так уверуешь, что на коленях будешь вымаливать у Господа прощение».

Экзамены прошли благополучно, и начинались взводные и сотенные учения на плацу против училища, а иногда выезжали и на Марсово поле. Выезды на Марсово поле нам очень нравились – так приятно было проехаться верхом по городу.

Вскоре был знаменитый и замечательный майский парад, подробности которого я буду описывать, когда подойду к рассказу об участии на этом параде уже офицером в лейб-гвардии Казачьем Его Величества полку.

Через несколько дней после парада эскадрон и сотня походным порядком выступили в лагери. Впереди колонны ехал новый начальник училища генерал-майор Машин[39] , который перед этим сменил генерала Плеве[40] .

Лагери наши, и лагери других военных училищ, расположены на берегу красивого, большого Дудергофского озера. У нас были большие хорошие бараки, отдельно для эскадрона и отдельно для сотни, в которых свободно помещались все юнкера. Командиры эскадрона и сотни и все офицеры жили в отдельных домиках. Была общая для всех столовая. Недалеко от столовой – караульное помещение, в котором хранился штандарт училища. Конюшни стояли в стороне, ближе к озеру.

Первый месяц в лагере мы занимались «полуинструментальной» съемкой под руководством

преподавателя топографии. Он показал нам только триангуляцию[23]. Когда мы сдали свои работы, нам позволили произвести «глазомерную» съемку. За обе работы ставили отметки. Съемку мы очень любили. Чувствовалась полная свобода: никто в это время за нами не смотрел. Некоторые юнкера ухитрились познакомиться с дачниками. Так как со съемок мы приходили только к обеду, с собой нам давали бутерброды, которыми мы могли подкрепиться часов в 12. Некоторые сразу съедали свои бутерброды, не дожидаясь полдня, и приходили к обеду голодные, как звери.

Дудергоф – это красивейшая дачная местность в часе езды от Петербурга. Две больших горы, покрытых лесом, у подножия которых расположены дачи и прекрасное Дудергофское озеро, на противоположном конце которого – лагери военных училищ.

По вечерам многие дачники катаются на лодках. Юнкерам тоже разрешали кататься до определенного часа. Каждое училище имело свои лодки, и на лодках должен был быть флаг училища. По сигналу «Аппель» – «в свои места скачите» училищные лодки должны были немедленно возвращаться домой в лагерь. Очень часто наш казачий хор вечером собирался на берегу и пел песни. Лодки с дачниками подплывали к берегу – иногда несколько десятков лодок – и часто аплодировали певчим. Недалеко от нас был лагерь офицерской кавалерийской школы. От них тоже иногда приходил офицер благодарить хор за прекрасно исполненную ту или другую песню. Все это нас поднимало и воодушевляло.

Перед бараками, на главной аллее, у «грибка», мы по очереди несли дежурства. Как-то раз вскоре по приезде в лагерь я стоял у «грибка» на этой аллее, и вдруг рано утром появляются дама в амазонке и офицер на английском седле. Перед бараками стояли наши препятствия – вал, канава, хворостяной барьер и чухонский деревянный забор. Дама первая идет галопом на эти препятствия и, красиво сидя на коне, их все чисто берет. За ней взял эти препятствия и офицер. Потом я узнал, что это были Петр Николаевич Краснов, будущий наш войсковой атаман и писатель, и его супруга[41] .

После съемок до обеда проходили эскадронные и сотенные учения, а после обеда – боевая стрельба на стрельбище 2-й гвардейской пехотной дивизии.

Когда курс стрельбы был закончен, после обеда занимались глазомерным определением расстояний (пешим по конному) и интересным подрывным делом, на котором, кроме взрывов мостов и других объектов, учились телеграфному делу, и я совсем свободно мог передавать телеграммы по азбуке Морзе.

Конные учения на военном поле мы очень любили и в этом достигали больших успехов. На смотр конного учения приехал Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургским военным округом Великий князь Владимир Александрович[42] . Он остался очень доволен учением и благодарил нас.

После этого началась полевая служба – разведка, охранения и тому подобное, а в конце июля – общие маневры всех войск Петербургского округа. Для нас, казаков, это был уже сплошной праздник – воевать мы любили и умели. В это время еще разрешалось брать «неприятеля» в плен и, значит, гоняться друг за другом. Потом это было запрещено. Как-то урядник Атаманского полка в лесу уходил от наседавшего на него лейб-казака и не смотрел, куда скачет, а, обернувшись, отбивался пикой. Лошадь его наскочила на поваленное дерево, перевернулась, и атаманец был убит наповал. Ужасный случай. Этот атаманец уже окончил службу в полку и через неделю должен был уехать в свою станицу на Дон.

Маневры в этом году закончились на военном поле. Все выпускные юнкера были построены у Царского валика[24], где Государь Император поздравил их с производством в офицеры. В бараке на кроватях каждого произведенного уже лежала офицерская форма. Все сразу облачились, были счастливы и лица их сияли, как солнце, а мы, перешедшие на старший курс, разъехались на каникулы.

К 1 сентября мы возвратились в училище. Приехали из корпусов и новенькие в младший класс. Помня, как год назад нам неприятна была встреча с юнкером Запорожцевым, мы такой встречи новеньким не делали, а были для них заботливыми хозяевами.

6 сентября меня назначили исполнять обязанности взводного портупей-юнкера 1-го взвода. 20 октября меня произвели в портупей-юнкера, то есть я получил на погоны две поперечные нашивки и офицерский темляк на шашку, а 6 декабря был произведен во взводные портупей-юнкера и прибавил к двум нашивкам третью.

Жизнь в училище шла так же, как и в прошлом году. Лекции были интересные, химии и механики не было. Начальство ко мне относилось очень хорошо. Жили дружно и спокойно.

В середине года, после Рождества, я представился командиру лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка генерал-майору Дембскому с просьбой принять меня, по производстве в офицеры, во вверенный ему полк. Представился полковому адъютанту хорунжему Орлову и помощникам командира полка – полковникам Чеботареву и Курючкину. Ответ я получил только

весной, после наведения необходимых справок и положительного решения общего собрания офицеров полка.

В караул в Зимний дворец я был назначен уже не часовым, как в прошлом году, а караульным портупей-юнкером, то есть помощником караульного начальника.

Приезд Его Величества Государя Императора в училище в этом году, вернее, отъезд Его Величества из училища, ознаменовался происшествием. Во время лагерных сборов юнкера могли входить в конюшню когда угодно. Зимой же юнкерам почему-то строго запрещалось посещение конюшни. А здесь, когда Государь обходил смены строевых занятий, три юнкера, кажется донец и два кубанца, пошли в конюшню и сказали конюху, что командир сотни приказал дать им таких-то лошадей. Лошади были даны, юнкера сели на них, выехали из училища и спрятались на улице за угол дома, мимо которого должен был проехать Государь. Как только показались сани Его Величества, юнкера выскочили из-за угла дома и поскакали с боков саней Его Величества, джигитуя, насколько позволяло уличное движение, – делали двойные прыжки, доставая на карьере землю и снег. Когда выехали на Исаакиевскую площадь, лошадь одного юнкера понесла и наскочила на извозчичьи сани, сделав прыжок между кучером и седоком. Извозчик испугался и остановился. Государь подъехал к нему и спросил, не зашиб ли кого юнкер. Получив ответ, что все благополучно, Государь подозвал юнкеров и спросил, с разрешения ли начальства они его сопровождают. Юнкера ответили, что без разрешения и что обманули конюха, сказав, что командир сотни приказал дать лошадей. Государь рассмеялся и сказал: «Ну, благодарю вас за конвой, езжайте домой и поблагодарите от меня командира сотни. Езжайте шагом, а то вы мне еще что-либо наделаете».

Между тем командир сотни, строгий полковник, был вне себя от гнева, и, когда юнкера подошли к нему с повинной, он страшно на них кричал, топал ногами, приказал сейчас же садиться в карцер, объявил, что переведет их в третий разряд по поведению, то есть после экзаменов выпустит их из училища не офицерами с годом старшинства, как других, а урядниками с правом только через полгода быть произведенными в полку в офицеры.

Юнкера молча слушали разнос и, когда командир сотни выдохся и замолчал, сказали: «Разрешите доложить?» – «Ну что вы еще будете мне докладывать?» – «Государь Император благодарил нас за конвой и приказал передать вам свою благодарность». Командир сотни сразу переменился и на вопрос юнкеров: «Разрешите идти в карцер?» сказал: «Я не смею

наказывать за поступок, за который благодарит Государь Император – идите с Богом».

В дальнейших моих встречах с Государем, когда я был офицером в лейб-гвардии Казачьем Его Величества полку, Государь несколько раз, разговаривая со мной, вспоминал этот случай и смеялся.

Певчими на старшем курсе, вместо ушедшего талантливого Пронина[43] , заведовал я. Сравниться с Прониным я не мог, но по заведенному порядку хор пел по-прежнему хорошо.

Так же как и в прошлом году, наше училище участвовало в майском параде, а вскоре мы переехали в лагерь Дудергоф. И в этом году занятия начались со съемок, но съемки мы делали верхом, измеряя расстояния по движению лошади, точно зная, какое расстояние лошадь проходит шагом, какое рысью, галопом. Мы должны были сделать не только чертеж, но и решить на местности данную задачу – на атаку, оборону, охранение и тому подобное. Эти съемки мы очень любили. За них тоже ставили отметки.

По окончании съемок – курс боевой стрельбы на стрельбище, потом сотенные учения и полевая служба, а в конце общие маневры, как и в прошлом году.

На смотр сотенного учения приехал, как и прежде, Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургским военным округом Великий князь Владимир Александрович. Когда окончился смотр и сотня стала перед Великим князем, он сказал: «Правофланговый портупей-юнкер, перед строй сотни». Я выскочил. «Слезай». Я соскочил с лошади и стал смирно, держа лошадь под уздцы. Великая княжна Елена Владимировна[44] фотографировала меня своим аппаратом, и Великий князь сказал: «Садитесь на место». Вся сотня тоже получила благодарность за смотр.

От больших маневров некоторые юнкера старшего курса, главным образом юнкера эскадрона, старались освободиться под предлогом всяких болезней. Маневры, а следовательно, и производство в офицеры, должны были окончиться далеко от лагеря, и юнкер, произведенный в офицеры, еще целый день должен был быть в юнкерской форме, пока возвратится в лагерь. С учетом этих юнкерских соображений и уловок доктору приказано никого не освобождать.

Сделали мы первый переход из лагеря, примерно верст тридцать, и расположились на ночлег в одной деревне. В хатах мест не было, а потому и эскадрону, и сотне приказано стать биваком, то есть лошади были привязаны к протянутому канату с одной стороны и с другой – головами друг к другу, а у задних ног

лошади помещался на земле юнкер. Дали нам подостлать под себя немного соломы, а вместо подушки было седло. Я сразу крепко заснул, а когда перед рассветом проснулся от холода, увидел, что я лежу в яме с водой, шинель промокла насквозь, я весь совершенно мокрый. У меня обнаружились сильные боли в груди – я не мог дышать. Оказывается, всю ночь шел дождь, а я его не слышал. Из-за своей мнительности я сразу решил, что у меня скоротечная чахотка. Думал, что и до производства не доживу. Все начали советовать – иди к доктору. А к доктору, оказывается, все утро приходили десятки юнкеров эскадрона с просьбой освободить их от маневров, придумывая всевозможные болезни, и довели доктора до белого каления. И вот прихожу я, мокрый и несчастный. Доктор сердито: «Что вам?» – «У меня скоротечная чахотка». – «Убирайтесь вон». Он решил, что юнкер пришел его позлить. Я страшно обиделся. Ко мне все начальство относилось вежливо, с уважением и вдруг «вон». Я пошел жаловаться к командиру сотни. Полковник Дьяков сейчас же пошел к доктору, поговорил с ним пять минут, и доктор позвал меня: «Вы меня простите, что я на вас кричал, я принял вас за юнкера эскадрона, пришедшего меня позлить. Что с вами?» Доктор тщательно меня осмотрел и сказал: «Никакой чахотки у вас нет, а просто обострение ревматизма». Я ему не поверил. Тогда он сказал: «Ну вот, я надавливаю на грудь в разных местах, и вам не больно, а сейчас прикоснусь только к одному месту» – я вскрикнул от боли. «Такое же место есть у вас и на спине, я вас, конечно, освобожу от маневров». – «Я совсем не хочу освобождаться». – «Вот удивительно, здоровые просят их освободить, а вы имеете право быть освобожденным и не желаете. Что же я с вами буду делать?» – «Ничего не надо делать. Освободите меня от ношения на спине винтовки – ремень будет давить мне грудь, а винтовка спину». – «Ну конечно, вам винтовку надевать нельзя». Узнав, что я вхожу в лейб-гвардии Казачий Его Величества полк, доктор стал советовать, чтобы я немедленно переводился куда-либо на юг, где сухой климат. «В Петербурге вы все время будете страдать от ревматизма». 9 августа маневры благополучно окончились. В одном местечке, не помню его название, юнкеров старшего курса потребовали к Государю. Государь поздоровался с нами и после небольшой речи поздравил нас с производством в первый офицерский чин. Всем нам раздали приказы о производстве. На траве разостланы были скатерти со всевозможными закусками (от Двора Его Величества), мы отлично позавтракали и поехали в лагерь.

На следующий день я явился к начальству лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка и поехал в 28-дневный отпуск.

За этот короткий отпуск я побывал в Новочеркасске, в станицах Великокняжеской и Каменской и у себя на зимовнике.

Глава 4
КАНИКУЛЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

Теперь вернусь назад, чтобы рассказать, как мы в детстве проводили каникулы, приезжая на лето домой из корпуса. Главным занятием на каникулах была у нас охота. С отцом и старшими братьями, Николаем и Владимиром, я бывал на охоте уже лет с 6 – 7, но, конечно, без ружья. Самостоятельно начал охотиться, как и все мои братья, только с 10 лет.

В первые же каникулы, в 1891 году, перед поездкой из Новочеркасска на зимовник, мне купили в магазине у Зимина за 12 рублей двуствольное шомпольное ружье. Бой ружья был удовлетворительный, но вес его мне был почти не по силам. С этим ружьем я охотился два года, а потом получил отцовское ружье Мортимера – прекрасный экземпляр шомпольного ружья.

Первые годы моей охоты были недобычливы: во-первых, я плохо стрелял, во-вторых, я не умел охотиться, то есть не знал жизни птиц, местности, где водится и бывает дичь, одним словом, я только раскрывал для себя тайны орнитологии.

Виды птиц мы с братьями знали по Аксакову[25]. Его ошибки полностью повторяли и мы, иногда названия, приведенные Аксаковым, мы заменяли местными. Если к этому прибавить, что даже виды, приведенные у Аксакова, вследствие недостаточной полноты их описания, мы иногда смешивали, то станет ясным, какие мы делали грубые ошибки. А охотничьи записи мы, братья, вели аккуратно, и у меня их пять больших толстых тетрадей и переплетов. Художник П.И. Янов в этих тетрадях сделал великолепные рисунки акварелью.

Как только я десятилетним мальчиком приехал на каникулы, отец предупредил меня, чтобы я не смел стрелять «курочек» (лысух) на ближайших прудах, так как они здесь выводят детей. Пойдя на охоту, я увидел на пруду, недалеко от берега, плавающих птиц, названия которых не знал и думал, не запрещенные ли это курочки? Подкравшись, я стал наблюдать. Наконец, не в силах побороть желание, я выстрелил. Кроме убитой, все моментально нырнули и, вынырнув через несколько секунд, с любопытством разглядывали убитого товарища. Хотелось еще раз выстрелить, но, не зная названия птиц, я не решился. Достав убитую, я принес ее домой, но, боясь показать добычу отцу, спрятал ее под кровать. Там она пролежала сутки. Наконец я решился покаяться и со словами «что-то убил, а не знаю что» показал отцу. Очень был счастлив, когда отец сказал,

что это нырок ушан (поганка большая).

Наш зимовник с трех сторон окружали пруды – перегороженные греблями балки. От таяния снегов и от дождей они наполняются водой, и поэтому во время больших снегов и частых дождей воды в прудах много, а в сухое лето некоторые пруды совсем пересыхают. Вода в прудах значительно уменьшается еще и от водопоя в них табуна лошадей, скота и овец. Пруды – истинное раздолье для всякой водяной птицы. Сытно и безопасно в камышах утиным выводкам всех видов: лысухам, камышницам и другим. По берегам прудов бывает много всевозможных куликов, особенно турухтанов и веретенников, прилетают кроншнепы, чибисы, а иногда огромные стада красавок (журавлей). Пролетом бывают гуси и казарки.

Было еще два пруда, богатых дичью, – Верхний Корольковский и Грузиновский, принадлежащий коннозаводчику Кубракову. Корольковский пруд глубокий, шириною он у гребли шагов двести и длиною около версты. По берегам этого пруда, из-за пасущейся там скотины и табуна, не было никакой растительности. Там тоже собирались иногда огромные стада красавок, которые покрывали все берега, а весной там бывали казарки и гуси. Согнанная выстрелом птица улетала на Манацкие лиманы в версте от пруда и, хлебнувши там горько-соленой воды, через четверть часа возвращалась назад.

Как-то раз мой старший брат, Николай, сидел на берегу этого пруда и ждал гусей. Приехал он на пруд до рассвета, устроил себе куст, огородил его со всех сторон бурьяном и стал ждать. Как только начало рассветать, появилась первая партия красавок (журавлей) и, мирно разговаривая, не подозревая опасности, стала разгуливать по берегу. Вскоре появилась вторая, третья... Некоторые садились в двух шагах. Другие, пролетая, обдавали брата ветром от своих крыльев, едва не разрушая укрытие брата. Вся эта туча красавок разговаривала, переходила с места на место, танцевала, подпрыгивала... Посередине пруда плавали утки. Наконец прилетели гуси. Сначала несколько штук, а вскоре за ними вторая стая, штук пятьдесят, села в тридцати шагах от брата. Он выждал, когда гуси сплывутся, и сделал по ним два выстрела. Первым выстрелом убил двух, вторым еще одного. Надо было видеть смятение и ужас такой осторожной птицы, как красавка. Взлетев и в ужасе крича, беспорядочно разлетаясь в разные стороны, они в первое мгновение заслонили собой небо и через минуту скрылись вдали.

Грузиновский пруд принадлежал коннозаводчику Кубракову. Это самый большой, самый глубокий и широкий из всех наших прудов. Длина его версты три. Все берега обросли камышом, в

котором скрывается птица. Посередине пруда огромные стада уток и много больших поганок. От нашего зимовника до этого пруда восемь верст, и потому он посещался реже других. По дороге в степи попадались дрофы, стрепета и перепела. Подойдя к пруду, мы открывали стрельбу по камышу. Утки шумно взлетали и, разбившись на стаи, начинали носиться над водой, потом улетали в Маныч, но, попробовав там горько-соленую воду, возвращались на пруд. Чем хуже была вода в Манычи, тем больше было уток на прудах.

Как-то раз поехали на Грузиновский пруд большой компанией: братья Владимир и Филипп, я и дальний родственник Вася Трифанов. По инициативе Васи предприняли охоту на кубраковских свиней, пасшихся там в камышах и сильно мешавших охоте. Убили кабана и стали решать: что же с ним делать? Я и брат Филипп были еще маленькие, и наше мнение не имело значения. Спорили Владимир с Васей. Решили заехать на зимовник Кубракова, отдать им кабана и извиниться за неосторожную стрельбу. Положили кабана на дроги, полностью закрыли сеном и поехали на зимовник Кубракова. Наступила темная ночь. Подъезжая к зимовнику, струсили, побоялись, что будет очень ругать, и решили отвезти кабана к себе, чтобы завтра кучер отвез его к Кубракову с извинительным письмом от мамы. Въехали во двор зимовника, к дрогам подошел сам Кубраков и, разговаривая с братом, даже положил руку на кабана, но не заметил ничего подозрительного. Дали ему несколько уток, часть нашей добычи. Я дрожал, как в лихорадке. Дома нам за это страшно влетело. Мама грозила, что отберет ружья и совсем запретит охотиться. Утром отправили кабана Кубракову с извинением.

На охоте мы часто мучились от жажды, которая при страшной жаре была невыносима. Один раз я был один пешком в Жеребковской Манычи, где изнывал от жажды. Несколько раз я пил горько-соленую воду в лимане, ел листья травы и камыша и, положительно, полуживой добрался до пруда, где вода была пресная. Я стал на колени на берегу и наклонился пить, но вода вся кишела водяными блохами, пить было противно, и я пошел дальше вдоль берега. Пройдя шагов тридцать, я остановился напиться, но блох было будто еще больше. Я снял фуражку, отогнал ею немного блох и, зачерпнув воду, хотел пить, но фуражка была полна блох. Я выплеснул и пошел дальше. Наконец, не в силах переносить больше жажду, я закрыл глаза, зачерпнул фуражкой воду и выпил все вместе с блохами. Меня чуть не стошнило, но жажда была утолена.

В прежние времена, когда в камышах было много волков,

иногда устраивали облаву на них. На одной такой облаве я был с Филиппом. Мне было лет восемь, Филиппу – шесть с половиной. Мы с кучером сидели на дрогах. Охотники – брат Николай, дядя Федор Николаевич и коннозаводчик К.И. Карасев. Загонщики – человек 30 калмык верхом. За короткий промежуток времени взяли трех волков, из них одного, выскочившего из камыша в тридцати шагах от дрог, на которых мы оставались с кучером, убили калмыки плетьми. Быстро окружив волка, человек шесть, они начали наносить ему удары плетьми, и через несколько секунд один из них прыжком с лошади вскочил на спину волку и схватил его руками за шею. В это же мгновение другой калмык ремнем перевязал ему сначала морду, а потом ноги. В таком виде живой волк был положен на дроги, к большому неудовольствию храпевшей коренной... Мы с братом радовались, что гладим живого волка. Но вскоре Филиппу сделалось дурно, и все говорили, что Филипп испугался волка, а действительной причиной его болезни была им перед самой охотой съеденная дыня с сырым молоком.

Раньше волков было так много, что они часто нападали на овец, телят, лошадей. Лошади обыкновенно становились в круг головами внутрь, пропустив в середину круга жеребят, и били задними ногами подходивших волков. Овцы же убегали и покорно ждали своей участи.

Один раз поздней осенью перед вечером недалеко от дома услышали крик: «Ой, ратуйте». Калмыки поскакали на крик и отбили двух прохожих от волков. А раз зимой в версте от дома нашли двух съеденных торговцев-коробочников. Остались только их ноги, торчащие в снегу.

Часто мы ездили на Маныч большой компанией – удили рыбу, охотились, купались в целебной маноцкой[26] воде и потом здесь же, на берегу, пили чай и закусывали. Вода в Манычи настолько целебная, что жена брата с больными ногами, не в состоянии бывшая подняться с земли, после нескольких купаний свободно вставала и чувствовала себя совсем здоровой.

Любили мы охоту и на степную дичь. Степь, как я уже писал, особенно хороша весной, когда там все полно жизнью, свежо, ярко, молодо и весело. В вышине раздается непередаваемая песнь жаворонков, со всех сторон звонкие трели кроншнепов, повсеместный бой перепелов и жалобные крики чибисов. А замечательный сплошной ковер тюльпанов! Красота, не поддающаяся описанию.

Необходимая принадлежность наших степей – калмыцкие кибитки, в которых калмыки живут круглый год.

Как-то раз зимой, во время сильной гололедицы, наш калмык

Учур привез пару дудаков (дроф). На мой вопрос, как он их поймал, он ответил, что в версте от дома ходит целый табун, штук четыреста дудаков, которых он издали принял за отару овец, и что от гололедицы дудаки не могут летать. Он убил двух себе, двух нам и одного старшему табунщику Буюндуку, а больше, пояснил он, грех, так как они совершенно беспомощны.

В очень жаркие дни дрофы и стрепета сидят так крепко, что можно пройти в двух шагах от них и они не взлетят. Один раз я возвращался домой верхом без ружья и увидел в нескольких шагах от себя дудака, лежащего в траве. Он спрятал только голову и вообразил, что его никто не увидит. Отъехав от него шагов на пятьдесят и стреножив лошадь, я подкрался к нему и схватил его руками. От произведенного шума сорвался другой дудак, сидевший в двух шагах от первого. Вспорхнувшего я раньше и не заметил. Пойманного дудака я привез домой, но он так был смят дорогой, что выкормить его не было возможности, и его прирезали. Дудаки вообще трудно приручаются, а журавли у нас жили по нескольку лет. Ходили по саду, подходили к столу, когда мы пили чай и бросали им крошки. Один журавль, проживший у нас два года, услышав осенью журавлиный крик пролетавших на юг журавлей, соблазнился и, присоединившись к одной стае, улетел. Весной, когда стаи журавлей возвратились на свою родину, прилетел и этот журавль. Он долго и низко летал вокруг дома и садика, жалобно кричал, но на землю сесть побоялся и улетел.

Бывали на охоте и казусы. Сидел я на берегу пруда недалеко от дома и ждал прилета уток. Мне было тринадцать лет. Когда уже совсем стемнело и только от луны оставалась полоска света на воде, выплывают из камыша несколько уток, которых я принял за кряковых. Ночью все кажутся черными. Когда они выплыли на лунную полоску, я выстрелил и убил двух. Оказались белыми домашними. Дома много смеялись над моей оплошностью, и только старая кухарка, смотрящая за птицей, страшно возмутилась и пришла к маме жаловаться на меня.

Один раз мы, братья, собирались ехать на Маныч на перелет уток. Неожиданно к нам приехал незнакомый священник, прося разрешения переночевать. Часто приезжали с такой просьбой незнакомые – отказа не было. Узнав, что мы собираемся ехать на Маныч на охоту, он стал просить, чтобы мы взяли и его. «Да ведь вам, батюшка, нельзя стрелять?» – «А я и не буду стрелять, и ружья мне не надо, я только посмотрю». – «Да вас, батюшка, комары съедят». – «Ну, это пустяки». – «Так, может, рыбу будете удить?» – «С удовольствием». Поехали. Показали батюшке место, где удить, и разошлись в разные стороны. Вечером начался лет

птицы на юг. Летели миллионы и почти без перерыва. Если смотреть на север, не видно клочка неба, где не было бы стай птиц. На юг – то же самое, все небо, до горизонта, покрыто птицами. Но вся эта птица – утки, кулики – летели так высоко, что стрелять по ним было нельзя. Редко какая местная утка пролетела на выстрел. Батюшка ничего не поймал. Сказал, что у него не было времени ловить, он едва успевал отбиваться от комаров, давя их у себя на лице и на руках. Но поездкой остался доволен, говоря, что никогда не поверил бы рассказу о таком количестве птиц.

В Европе сложилось три главных тракта пролета птиц осенью на юг. Первый – вдоль Каспийского моря, второй – вдоль Манычи и Азовского моря и третий – вдоль Дуная.

До пролета уток на юг на определенных местах лимана всегда сидела такая масса уток, что издали казалось, что это грязная отмель, остров. Но птица эта сидела на недосягаемом расстоянии от берега. Мы подъезжали к лиману, оставляли лошадь у дороги, прятались в разных местах в камыш и ждали. После выстрела кого-либо из охотников вся эта туча птиц поднималась и начинала разлетаться, иногда налетая на охотников. Но бывали случаи, когда мы еще не успели распрячь лошадь и спрятаться, налетала утка, по ней стреляли, утки с лимана взлетали, и был такой шум от крыльев птиц, что голос человеческий не был слышен, надо было кричать во все горло.

Однажды два дяди, Николай Львович и Федор Николаевич, оба замечательные стрелки, шли по камышу в 30 шагах друг от друга и стреляли вылетавших от них уток. Но вот между ними вылетел гусь. Оба одновременно выстрелили. Гусь упал убитый. Кто убил? Один говорит «я», другой говорит – «нет я». «Я уверен, что я не промахнулся». – «Да ты каким номером стрелял?» – «Четвертым». – «А я первым». Здесь же разрезали гуся и нашли много дробинок первого номера и много дробинок четвертого номера. В волнении не сообразили, что оба попали в гуся, оба убили. И ведь гусь все равно шел в одну и ту же кухню.

Раз ехали они шляхом в экипаже. Параллельно их дороге, шагах в сотне от них, ехал верхом калмык с трубкой во рту и дремал. Федор Николаевич говорит: «Я выбью у него трубку изо рта». – «Ты с ума сошел. Не дай бог дрогнет рука – убьешь человека». – «Не дрогнет». – «Перестань, не надо». А с ними была магазинка, так звали нарезное ружье, бьющее пулей на версту. Остановили экипаж. Федор Николаевич, не слезая с экипажа, выстрелил, и разбитая трубка вылетела изо рта калмыка. Калмык вздрогнул и карьером подскочил к экипажу с претензией: «Новый трубка, только купил, 20 копеек, теперь трубка парпал». Ему дали

рубль и сказали: «Купи пять трубок». Калмык был очень рад, благодарил и не подумал, какой опасности он подвергался, и не возмущался поступком господ.

В конце августа 1900 года я приехал в Каменскую станицу, где с отъезжающими в полк молодыми казаками должны были отправиться в Петербург две мои строевые лошади – Маркиз и Помпей. Мне надо было назначить казака, который в пути и кормил бы моих лошадей, и смотрел бы за ними. Просил я и начальника эшелона сотника Сидорова[45] присмотреть в пути за лошадьми.

Остановился я в Каменской станице у своего дяди, отставного полковника Балабина. У него в доме жил ручной ворон, который иногда вылетал из дома и всегда возвращался. За обедом он всегда старался лезть на стол и его всегда гнали со словами «Пошел вон, дурак», и ворон хорошо усвоил это ругательство. У нас на Дону, как и везде на юге, если корова отделяется от стада, ей кричат: «Куда?» Ворон и это слово хорошо усвоил, так как и утром и вечером ежедневно мимо дома прогоняли коров. К дяде приехал издалека родственник, пожилой господин, много лет не приезжавший в Каменскую станицу. Когда этот господин входил во двор дома, ворон сидел у раскрытого окна и крикнул: «Куда?» Изумленный гость остановился, но сейчас же последовало: «Пошел вон, дурак». Гость обиделся, хотя его уговаривали, что нельзя же обижаться на глупую птицу.

Казаки любили справлять свадьбы и старались не отступать от старых правил и обычаев. За несколько дней до венчания устраивались «подушки»: женщины ходили по улицам, держа в руках подушки и другое приданое невесты, подкидывали подушки на ходу и пели специальные для этого случая песни[27].

В день свадьбы торжественное богослужение в храме, после которого – свадебный пир. В церкви кумушки подробно обсуждают, как одета невеста, и как она себя держит, и кто первый ступил на ковер (платок) и прочее. По косточкам разбирают и жениха.

В одной станице станичный атаман, почтенный вахмистр, женил своего сына. На свадебный пир приглашена вся станица. Стол ломился от всевозможных яств. В изобилии были водка и разные вина. Произносились тосты и бесконечное «горько». Приходит сын со свадьбы. Мать спрашивает: «Ну, как была свадьба?» – «Да ничего». – «Как ничего? Я знаю, что там было в изобилии всяких угощений, я думаю, что не ничего, а отлично было, а ты как будто недоволен». – «Да, всего было много, а вот принуды не было». – «Да какая же тебе принуда, когда было

больше ста человек гостей? Нельзя же каждому говорить: «Ну пожалуйста, выпей еще рюмочку, ну скушай то-то и то-то. Это тебе не десять человек в гостях».

Большинство казаков, особенно южных станиц, имели свои виноградники и свое собственное вино. Некоторые станицы славились своими винами.

Попал я раз в хутор Кримский на Дону, который особенно славился цимлянскими.

Спрашиваю: «У кого здесь можно купить хорошего вина?» – «Да в каждом дворе сколько угодно вина, но лучше всех вино у французихи». – «Какая еще французиха?» – «Да вдова полковника Х. Никто не может сделать такого вина, как она». – «А почему же вы не научитесь у нее?» – «Учились многие, она охотно всем рассказывает, а не выходит так, как у нее. Говорят, что она в вино какой-то порошок подмешивает».

Поехал я к француженке, очень любезно меня приняла, купил у нее вина и говорю: «Казаки говорят, что вы в вино подмешиваете какой-то порошок». – «Да они и мне это говорят, но это вздор. Весь секрет в безукоризненной чистоте. Посуду надо не только вымыть, но и высушить, а главное – в комнате, где стоят бочки с вином, ничего нельзя держать, кроме вина. Просит меня один казак посмотреть, как он делает и хранит вино. Прихожу и вижу, что у него действительно безукоризненная чистота, но в подвале у него выше бочек с вином висят свиные окорока, здесь же бочка с салом, с кислой капустой, с солеными огурцами, и все эти запахи вино впитывает в себя. Указала ему на это, но другого помещения у него нет, и он принужден все это держать вместе».

Рассказывали, что один шестидесятилетний старик казак никогда не пил водку: «Вино я сам давлю, знаю, что оно чистое, натуральное, а водка? Бог ее знает, из чего она сделана? Говорят, что ее пропускают через какие-то кости?» Наконец его уговорили только попробовать водку. Выпил старик рюмочку и заплакал. «Что же ты плачешь?» – «Да мне жалко, что пропало 60 лет, и я не пил такой чудный напиток».

Глава 5
ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАЗАЧИЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛК[46]

В начале сентября 1900 года я прибыл к месту своей службы в лейб-гвардии Казачий Его Величества полк 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизии. Я сейчас же явился командиру полка генерал-майору Константину Варфоломеевичу Дембскому[47] , помощникам командира полка по строевой части полковнику Степану Степановичу Чеботареву[48] , по хозяйственной части – полковнику Михаилу Степановичу Курючкину[49] и полковому адъютанту хорунжему Петру Петровичу Орлову[50] . Потом явился всем командирам сотен и познакомился со всеми офицерами полка. Сотней Его Величества командовал есаул Сергей Владимирович Еврейнов[51] , 2-й сотней есаул Исеев[52] , 3-й сотней есаул Безладнов[53] и 4-й сотней есаул Краснянский[54] . Есаул Павел Александрович Хрещатицкий[55] был на льготе. Всех офицеров в полку было 36, причем в этом, 1900 году вышло в полк 9 офицеров: 3 из Пажеского корпуса, 3 из Николаевского кавалерийского училища, хорунжий Упорников прикомандировался из артиллерийского училища, хорунжий Филенков из вольноопределяющихся после окончания университета и артиллерист хорунжий Самойлов. Меня зачислили в 3-ю сотню.

Временно, до получения квартиры в казармах полка, меня принял к себе сотник Берладин, отличный офицер, джигит, но он вскоре ушел из полка, поступил в Горный институт и, окончивши его, стал горным инженером... За год до этого сотник Берладин приютил у себя вышедшего в полк хорунжего Дягилева[56] . Юрий Павлович Дягилев рассказывал, что как-то он, лежа на кровати в своей комнате, вертел в руках револьвер и нечаянно выстрелил. Он испугался, думал, что сейчас весь полк сбежится узнать, в чем дело и не застрелился ли кто? И вдруг из соседней комнаты совершенно спокойный голос Берладина: «Ты что там, Дягилев, стреляешь?» «Я даже возмутился, – говорит Дягилев, – никакого волнения, никто на выстрел не обратил внимания».

Полк имел три трехэтажных здания. В среднем здании – офицерское собрание, полковая канцелярия, квартира командира полка и офицеров. В здании левее – 2, 3 и 4-я сотни, в здании правее, во втором этаже, сотня Его Величества, в нижнем этаже – хлебопекарня, оружейная мастерская, нестроевая и обозная

команды и трубаческая, а в верхнем этаже – 1-я сотня лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Государя Наследника-Цесаревича полка[57] , в отдельном доме шорно-седельная мастерская и плотницкая. Конюшни были по краям места, занимаемого полком. Был отдельный дом для учебной команды. Против входа во 2-ю сотню был приемный покой. Доктором был всеми любимый Адольф Оттович Даненберг.

Манежа в полку не было. Езда производилась на полковой площадке.

Вскоре прибыли с Дона молодые казаки, взамен окончивших службу и ушедших в августе на Дон. На полковой площадке их разбивали по сотням. Казаки с гнедыми лошадьми пошли в сотню Его Величества, с рыжими во 2-ю сотню, с воронымиb в 4-ю сотню и с бурыми и всеми оставшимися в 3-ю сотню.

Меня назначили заведовать в сотне молодыми казаками, и я принялся за это с полным рвением и усердием. Молодых у меня в сотне было 42 казака.

С середины сентября началась подготовка полка к полковому празднику. Ежедневно на полковом дворе были репетиции парада, и под звуки полковых трубачей сотни проходили церемониальным маршем.

По особому расписанию на полковой площадке производилась сменная езда молодым казакам. Была проездка и лошадям старых казаков. Старались, чтобы все лошади ежедневно были в работе.

Наконец подошел полковой праздник – 4 октября, в память Лейпцигской битвы в 1813 году, когда наш полк атакой на французскую кавалерию Наполеона спас трех императоров – русского Александра I, австрийского и германского. Под Лейпцигом Наполеон опрокинул нашу конницу и, смяв пехоту, мчался огромной массой своей кавалерии к холму, на котором стояли три императора – русский, австрийский и германский. Сзади холма, за ручьем, стояли четыре сотни нашего полка и сотня черноморских казаков. Больше никаких войск не было. Положение было критическое. Три императора должны были попасть в плен. Времени для распоряжений не было. Государь вынул шашку и показал ею лейб-казакам на приближающуюся конницу противника. Полк бросился в атаку, смял и рассеял французскую кавалерию и надвигающееся поражение обратил в блестящую победу. С тех пор Государь Император повелел 4 октября, День святого Иерофея, считать нашим полковым праздником.

Полк в пешем строю со штандартом, развернутым строем, построился на полковой площадке. Все в парадных алых

мундирах. Прибыли представители гвардейских кавалерийских полков, много атаманцев, много старых бывших лейб-казаков. Очень торжественно прошел молебен, приглашенный из Троицкой церкви дьякон Нюхин, донской казак, громким, могучим басом провозглашал многолетие.

После молебна командир полка и старший из присутствующих поздравили казаков с полковым праздником, и потом полк проходил церемониальным маршем. Старший из присутствующих начальников благодарил за блестящий порядок и прохождение. Дружно отвечали казаки: «Рады стараться, Ваше превосходительство».

Парад окончен. Все присутствующие господа офицеры приглашены в столовую на обед. В бильярдной комнате накрыт закусочный стол с множеством всяких закусок, разными водками, коньяками и другими напитками. Из бильярдной перешли в столовую и сели обедать. Когда шампанское было разлито по бокалам, командир полка провозгласил тост за шефа полка Государя Императора. Дружное «ура!» покрыло тост. Все встали. Трубачи играли гимн «Боже, Царя храни». Все осушили бокалы. Потом были другие тосты... Много пили, много кричали «ура». Я не мог пить, и мне собранский казак незаметно приносил бокалы с грушевой водой Дудергофских ключей – прекрасный напиток, который невозможно было по виду отличить от шампанского. Долго сидели за столом, слушали интересные рассказы старших, и нам, молодежи, странно было слышать, когда старый генерал, окончив рассказ, говорил: «Это было 40 лет назад». Потом встали, ходили по собранию – «гуляли». Конечно, все подпили и ко мне приставали со словами: «Ну почему ты не надрался?» Это было мне так неприятно, что я тогда же решил, что в будущем никогда ничего спиртного пить не буду.

Часто в полку были кутежи, и каждый месяц, в первый вторник после первого числа, был офицерский обед, на который каждый офицер полка мог пригласить своего знакомого.

Но дамы в наше офицерское собрание никогда не приглашались. (Запорожская Сечь[28].) Никаких «вечеров с дамами» не устраивали, но каждый офицер обязан был не только сделать полковым дамам официальный визит, но быть знакомым с ними. Полковые дамы нераздельно принадлежали к нашей полковой лейб-казачьей семье.

Старые лейб-казаки, раньше служившие в полку, имеющие дела в Петербурге, старались приурочить свой приезд в Петербург ко времени официального обеда в полку, чтобы всех увидеть, познакомиться с вновь поступившими в полк офицерами, слиться с полковой семьей.

В полку пили только французские вина «Монополь», «Редерер», «Мум». Было в собрании и наше русское «Абрау-Дюрсо». Французское шампанское стоило флакон 6 рублей, а «Абрау-Дюрсо» 3 рубля. «Мум» почти никогда не пили, и я спросил, зачем его выписывают из Франции, когда есть, по той же цене, лучшие марки – «Монополь» и «Редерер», тем более что «Мум» никто не требует. Мне ответили: «Когда офицер так подопьет, что ему трудно выговорить «редерер» или «монополь», он всегда может промычать «мум».

Я твердо держался своего обещания и спиртного до женитьбы не пил – ни водки, ни вина. Когда же в 1906 году женился, к нам часто приезжал мой тесть – инженер путей сообщения действительный статский советник Воробьев. Он любил выпить перед обедом рюмку водки, а компаньона не было. Жена начала меня уговаривать пить рюмку водки, когда приезжает тесть. Я стал при нем выпивать рюмку водки. Потом стал иногда и без него пить одну рюмку, пил и в собрании при офицерах, и все-таки меня считали абсолютно непьющим. О моей исключительной трезвости знали и все офицеры Атаманского полка. Жена же гордилась, что это она выучила меня пить. Сама же никогда ничего не пила спиртного. Но пьяным я никогда в жизни не был и больше одной рюмки никогда не пил.

Интересна биография дьякона Нюхина. Это простой казак, и в юношеском возрасте он скитался по России, главным образом на Волге. Но вот приходит время идти на службу, надо справлять обмундирование, покупать строевого коня и тому подобное. Нюхин появляется в Новочеркасске, и у него является мысль поступить в войсковой хор, пребывание в котором считается за отбывание воинской повинности. Правда, в хоре надо пробыть, вместо трех лет полковой жизни, полных шесть лет, но не надо покупать строевого коня и оружие, не надо уезжать куда-то на запад в царство Польское, а можно оставаться в родном Новочеркасске, посещать спевки и церковные службы и, вообще, жить легко и спокойно.

Обратился он к регенту хора с этой просьбой, а к регенту приходили проситься в хор уже сотни казаков, и он больше не желает никого слушать. Прогнал он и Нюхина. Но Нюхин настойчив. Он пришел еще раз, и еще, и еще и так надоел регенту, что тот запрещает ему приходить к нему. Тогда Нюхин говорит: «Я не прошусь в хор, прошу только дать свой отзыв о моем голосе, чтобы я успокоился и знал, что я из себя представляю».

Чтобы отвязаться от него, регент подошел к роялю и взял аккорд. Нюхин запел. Регент изумленно остановился, посмотрел

на него и говорит: «Хорошо, я принимаю тебя в хор».

Отбывши шесть лет в хоре, Нюхин, несмотря на просьбы регента остаться на сверхсрочную службу, ушел от него, выдержал экзамен на дьякона и поступил в одну из церквей Новочеркасска. Но вскоре один из петербургских купцов услышал его в церкви и перетащил из Новочеркасска в Петербург, кажется, в Троицкую церковь.

На полковых праздниках нашего полка Нюхин всегда служил у нас на молебне, после которого вместе с нашими офицерами пировал в офицерском собрании.

Моя жена очень любила пасхальные визиты Нюхина, так как Нюхин не отказывался от угощения, как многие визитеры, и с аппетитом пробовал на столе все пасхальное.

Как-то мою жену пригласили петь на одном большом концерте. К нам подходит господин в великолепном смокинге, любезно раскланивается, называя меня и жену по имени и отчеству. Я говорю: «Простите, я вас не помню, не узнаю». – «Неужели? Отец дьякон, многолетие провозглашал». Я изумлен. «Почему же вы в таком виде?» – «Расстригся по болезни и теперь пою в опере в Мариинском театре под фамилией Донец. Сюда приглашен петь вместе с вами». – «Где же лучше служба – в церкви или в Мариинском театре?» – «Ну конечно в церкви дьяконом. Там ни печаль, ни воздыхание, все относились с любовью, задаривали, а в театре – интриги, зависть и беспрерывная борьба».

Работа в полку мне нравилась, и я отдался ей всей душой, ни о чем не думая, кроме воспитания казаков, и только по субботам продолжал посещать журфиксы Похлебиных. У них же я познакомился со своей будущей женой Александрой Вячеславовной. Она в то время училась петь в консерватории и жила у своей родной тетки, сестры отца, Марии Евграфовны Тарновской[58] . Мария Евграфовна окончила консерваторию у знаменитого Рубинштейна и была, по его словам, одной из лучших его учениц. М.Е. Тарновская давала концерты во дворце Государя Императора и в Париже. Муж ее был камер-юнкером.

Между прочим, М.Е. Тарновская имела замечательный завод ирландских сеттеров. Ее собаки брали первые призы по экстерьеру и в Петербурге, и в Москве. Этот завод по духовному завещанию достался потом мне.

Вскоре мне и хорунжему Евгению Николаевичу Попову[59] дали квартиру на четвертом этаже, на «голубятне». У нас было три комнаты. В крайних жили мы, а средняя, проходная, была пуста.

Денщик мне достался очень хороший и совершенно

неграмотный. Вообще же грамотность у казаков в процентном отношении стояла высоко. Из 42 моих молодых казаков 3-й сотни было только 3 неграмотных. В пехотных гвардейских полках из 42 новобранцев – 2 – 3 грамотных. Неграмотные у нас в полку скоро становились грамотными, так как в каждой сотне была сотенная школа. Денщика своего я вскоре научил читать и писать. Причем писал он, конечно, с ошибками, но очень красиво. Когда он послал первое собственноручное письмо домой – ему не поверили. Он пришел ко мне со словами: «Получил с дома письмо, родитель не верит, что я сам ему написал. Вот прочтите». После ласкового обращения и поклонов вдруг: «Ты что же это, с-н сын, брешешь, что это ты сам писал» и тому подобное. Пришлось мне написать его родителю, что его сын так хорошо выучился грамоте.

Меня часто навещал сосед по квартире Александр Степанович Татаркин, сотник, но он после 1905 года поступил в технологический институт и стал инженером.

Года через два хорунжий Попов перешел в другую квартиру, и его комнату занял хорунжий Константин Павлович Золотарев, с которым я, как и с Е.Н. Поповым, был в самых дружеских отношениях. Костя Золотарев, прекрасный офицер, хороший товарищ, чтобы приучить денщика к аккуратности, всегда приказывал разбудить себя или без трех минут семь, или в две минуты восьмого, и денщик, поглядывая на часы, лежащие на ночном столике, точно будил его в назначенное время, а мой денщик первый раз разбудил меня на два часа раньше времени и на вопрос, почему так рано разбудил, ответил: «А я думал, что так еще лучше». Раз Костя увидел, что денщик его все время улыбается, и спросил: «Ты что улыбаешься?» – «Да чудное письмо с дома получил – тетка втопла». – «Так что же тут смешного, очень грустно». – «Так, ваше благородие, все люди умирают обнакновенно, а она втопла».

Один раз пришел ко мне Костя Золотарев, когда я писал что-то срочное. Денщик мой сейчас же подал самовар и стаканы, и я попросил Костю налить чаю. Костя, видя, что мой денщик не вышел из комнаты, а стоит у дверей и наблюдает за ним, начал щипчиками накладывать сахар в стаканы доверху. Я был занят и не видел это. Вдруг денщик обращается ко мне: «Ваше благородие?» – «Что тебе?» – «А их благородие нашего сахара не жалеют». Во время революции Золотарев был убит большевиками.

Офицер обязан был знать все подробно о своих казаках: какая семья, имущественное положение и все остальное. Во время перерыва строевых занятий я начал расспрашивать своих подопечных. Из 42 казаков только 3 неженатых. Их казаки

называли «кавалерами», уверяли, что их позовут к Царю на бал, и каждый вечер делали репетицию – заставляли танцевать казачка. Многие казаки, идя на службу, уже имели детей. Один говорит: «У меня двое – мальчик и девочка». – «Что же ты так поторопился до службы, двоих народил?» – «Ваше благородие, так у Гарбузова семь». – «Не может быть – правда, Гарбузов?» – «Так точно – один раз двое, другой раз трое». – «А еще двое?» Гарбузов сконфуженно опускает глаза и говорит: «А двое до свадьбы».

Еще смеялись старые казаки над теми, которые хвастались, что хорошо стреляют, их заставляли каждый вечер чистить винтовки, говоря, что их позовут в царскую охоту.

Служба у казаков, в общем, была тяжелая. Вставали в пять часов утра и сразу шли на чистку лошадей и уборку конюшни. Эта уборка и чистка продолжались до семи часов, так как почти каждому приходилось чистить по две лошади: свою и какую-то из лошадей тех казаков, которые в это время находились в наряде, – дежурных, дневальных, караульных, больных и тому подобное – восемь часов мылись, чистились и пили чай. К 8 часам все должны были быть готовы и выстроены для встречи офицера, и начинались занятия до 11 часов, в 11 обед и опять чистка лошадей. От часу до трех, иногда до четырех опять занятия. Потом вечерняя чистка лошадей и ужин. Очень вкусны были щи с порцией мяса и пшенная каша. Офицеры с удовольствием уничтожали пробную порцию. Ужин был почти такой же, как и обед. Каждый казак получал на день 3 фунта черного хлеба. Хлеб был великолепный. Начальство говорило: «Не хлеб, а пряник». Но молодые казаки не ели его и меняли у торговок на белый, у нас на Дону черного хлеба нет и к нему не привыкли. Но постепенно привыкали и на второй год службы уже ели с удовольствием. Нет у нас на Дону и гречневой каши, и, когда попробовали в полку дать вместо пшенной гречневую кашу, никто не ел.

В каждой сотне одна комната называлась «образной». Там был большой образ в киоте, сооруженный усердием казаков. В этой комнате была и канцелярия сотни. Я собирал туда два раза в неделю, после ужина, песенников и разучивал с ними песни, какие пели в Николаевском кавалерийском училище. Чтобы легче было разучивать, я брал в городе напрокат пианино, и оно стояло в образной. Казакам это нравилось, и они охотно собирались на спевки. Хор 3-й сотни был лучший в полку. Один раз песенников 3-й сотни пригласили в богатый частный дом, где они, по словам хорунжего Васильковского[60] , бывшего с песенниками, произвели фурор. Их угостили обильным ужином, и, когда Васильковский вошел в комнату, где казаки ужинали, они обратились к нему с вопросом: «Ваше благородие, а мыло зачем?» У нас на Дону

сыроварен не было, и они приняли сыр за мыло. Когда Васильковский при них съел кусочек сыра, казаки тоже начали его пробовать.

Когда на следующий день я спросил песенников, как прошел их концерт, они ответили: «Все хорошо: и пели хорошо, и кормили нас хорошо, только Сидоров сконфузил хозяйку». – «Как сконфузил?» – «На скользком полу танцевал казачка и упал». – «Какой же это конфуз хозяйке? Он сам должен был сконфузиться».

В апреле месяце был смотр молодым казакам. Смотр прошел блестяще, и меня хвалили. Начались взводные учения вместе со старыми казаками, а потом сотенные учения и полковые на Марсовом поле – готовились к майскому параду, который был обыкновенно в конце апреля, так как 1 мая все войска выходили в лагери.

Эти знаменитые майские парады хорошо были известны не только в России, но и за границей. К майскому параду приезжали иностранцы из Парижа, Лондона, Берлина и других городов. У Летнего сада, вдоль всей длины Марсова поля, устраивались трибуны, которые до отказа заполнялись публикой, и многим-многим опоздавшим не хватало места. Из-за границы ложи заказывались обыкновенно телеграммами, заблаговременно.

К майскому параду готовились усердно. Марсово поле распределялось для занятий между частями войск, расположенных в Петербурге, и поле не было свободно от раннего утра до позднего вечера.

За несколько дней до парада в Петербург прибывали войска из Царского Села, Гатчины, Павловска, Красного Села и других городов. Главнокомандующий военным округом устраивал репетиции парада, был строг и распекал за малейшую ошибку.

И вот, наконец, настал день парада. Войска выстроены на Дворцовой площади и дальше по улицам, до Марсова поля и по всему Марсову полю. На Дворцовой площади Конвой Его Величества[61] , 1-я и 2-я Гвардейские Кавалерийские дивизии со своей артиллерией. Все в парадных мундирах, на седлах цветные вальтрапы[29], лошади вычищены до отказу. Лейб-гвардии Казачий Его Величества полк в алых мундирах с серебром и с алыми же вальтрапами. На полк трудно смотреть – больно глазам. Лейб-гвардии Атаманский его Императорского Высочества Государя Наследника-Цесаревича полк в голубых мундирах и с такими же вальтрапами. Лейб-гвардии Конный полк, кавалергарды[62] и два кирасирских полка Его Величества и Ее Величества в белых мундирах, поверх которых золотом блестят латы, здесь же 2-я Гвардейская Кавалерийская дивизия –

конногренадеры, уланы Ее Величества, лейб-драгуны и лейб-гусары в алых мундирах с ментиками[30]. Иногда приезжала к майскому параду из Варшавы гвардейская кавалерийская бригада – уланы Его Величества и гродненские гусары… Все это настолько красиво и ярко, что у всех вызывало восторг. Кто видел майский парад, никогда его не забудет – это сказка, это величие России.

Своеобразно был одет лейб-гвардии Сводно-Казачий полк, в котором служили казаки всех войск, кроме Донского, Терского и Кубанского, как уже имеющие свои гвардейские части. 1-я сотня – уральцы в малиновых мундирах и с большими лохматыми папахами. 2-я сотня – сибирские казаки в красных мундирах, дальше идут по полусотням и взводам, в зависимости от величины войска, – оренбуржцы, астраханцы, забайкальцы, амурцы, уссурийцы и семиреченцы. У всех цветные мундиры своих войск. Оренбуржцы – голубые, астраханцы и забайкальцы – желтые и тому подобное.

Возле Государя Императора стоят два трубача-конвойца, и Государь приказывает им играть тот или другой сигнал. Хор трубачей, который стоит против Государя, играет сперва начало полкового марша той части, которой очередь идти, по сигналу же трубачей, стоящих возле Государя Императора, хор повторяет этот сигнал и затем играет соответствующий марш – шаг, рысь, галоп, карьер. Части проходят между Государем и хором трубачей. За кавалерией идет конная артиллерия.

Пехотные части и артиллерия, пройдя мимо Государя вдоль Марсова поля, расходятся по домам, а кавалерия выстраивается в резервной колонне, против Государя и трибун на противоположном конце Марсова поля. Когда все кавалерийские части, пройдя церемониальным маршем, выстроены в резервной колонне, Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургским военным округом, в последние годы Великий князь Николай Николаевич, бывший на 1-й Великой войне Верховным главнокомандующим, подает соответствующую команду, и вся кавалерия полным карьером идет в атаку по направлению к Государю и трибунам. За тридцать шагов не доезжая до Государя, подается команда «Стой» – и все останавливаются.

Все хорошо знают, что идущая в атаку кавалерия остановится, но эта атака производит такое впечатление, что каждый раз в трибунах несколько человек падает в обморок.

Каждую часть, каждую роту, эскадрон, сотню, батарею во время прохождения их мимо Государя Императора Государь благодарит, ему отвечают, как положено по уставу: «Рады стараться, Ваше Императорское Величество».

После атаки Государь Император еще раз благодарит кавалерию и отпускает домой. Все разъезжаются и долго потом делятся впечатлениями.

1 мая полк всегда выступал в лагери, где сотни стояли в разных деревнях. Лошади размещались в крестьянских сараях, кроме 3-й сотни, которая имела свою конюшню. Сотня Его Величества помещалась в деревне Варикселево у подножия Дудергофской горы, 2-я сотня в деревне Перякюля, 3-я – в деревне Пикколово, тоже у подножия Дудергофской горы, и 4-я сотня, дальше всех, у подножия горы Кирхгоф.

Казаки любили лагери. Жизнь по крестьянским избам напоминала им домашнюю жизнь.

В Пикколово, в отдельном здании, было офицерское собрание, а рядом с ним полковая канцелярия и квартиры командира полка, адъютанта, заведующего офицерским собранием и другие. Здесь же был большой барак для нестроевых, хлебопекарня и караульное помещение. Офицеры жили по частным квартирам, на дачах.

1 мая дачники еще не приехали, домики их стоят пустыми. Мы с братом пошли на Воронью гору пострелять ворон, которые невозможно каркают с утра до вечера. Ворон этих было множество. Вдруг видим на одной даче занавески на окнах, уже приехали, неудобно беспокоить выстрелами. В это время на балкон выходит господин. Я обращаюсь к нему: «Вы ничего не будете иметь, если недалеко от вас мы сделаем несколько выстрелов по воронам?» – «Пожалуйста, перебейте их всех. Я привез сюда попугая, который хорошо говорил несколько фраз, теперь он ничего не говорит, а только каркает, как ворона. Никогда больше сюда не приеду».

Гувернантка брата, француженка, принесла убитую ворону в дом и просила кухарку сварить ее. Возмущенный денщик пришел с жалобой: «Французиха хочет запоганить нашу посуду вороной, неужели мало ей нашей пищи, не позволяйте ей». После спора мужа с женой решили ворону француженке сварить и потом посуду выбросить.

В лагере обыкновенно до обеда были сотенные учения на военном поле, а после обеда пешком шли на стрельбище 2-й гвардейской пехотной дивизии – там проходили курс стрельбы. Казаки недосыпали и очень утомлялись. А майские белые ночи, когда среди ночи можно было читать без освещения, тоже неприятно действовали на них – многие заболевали куриной слепотой и с наступлением вечера ничего не видели. Лечили таких печенкой, которую больным давали вместо мяса.

После смотров сотенных учений были полковые учения,

потом бригадные и дивизионные учения. Когда я был молодым офицером, меня обыкновенно назначали ординарцем к начальнику дивизии. Я слышал все замечания начальника дивизии, и это было очень поучительно. В нашей 3-й бригаде, кроме нашего полка и Атаманского, была гвардейская уральская сотня. В 1905 году сформирован был лейб-гвардии Сводно-Казачий полк. Уральская сотня стала 1-й сотней этого полка. 2-я сотня от Оренбургского войска. 3-я сотня – полусотня Сибирского войска, один взвод Астраханского и один взвод Семиреченского, 4-я сотня – полусотня забайкальцев, один взвод Амурского войска и один взвод Уссурийского. В 1-й бригаде – лейб-гвардии Конный полк и кавалергарды, во 2-й бригаде – кирасиры Его Величества (желтые) и кирасиры Ее Величества (синие).

Начальником дивизии в первый год моей службы был генерал-лейтенант барон фон Крузенштерн[64] , командиром 3-й бригады генерал-майор Новосильцев[65] .

После учений дивизии были полевые поездки, то есть решение боевых задач на местности. Уходили на неделю – десять дней из лагеря, ночевали в разных деревнях. Полевые поездки – это сплошной праздник: с утра работа, а к обеду приходили в новую деревню, разбивали большую офицерскую палатку-столовую, обедали и кутили. В Петербурге и в лагере абонемент – обед и ужин – стоил определенную сумму, а кто требовал вино, платил отдельно. На маневрах же и на полевых поездках все выпитое вино раскладывалось на всех офицеров поровну.

Один раз во время кутежа пришел в палатку студент и представился как репетитор детей ближайшего помещика. Его приняли очень любезно, накормили и напоили. Вскоре я ушел в отведенную мне квартиру, а когда пришел вечером ужинать в палатку, студент, совсем невменяемый, едва сидел на стуле, а хорунжий Х., ничуть не трезвей студента, в ведре холодной воды мыл драповое пальто этого студента. Я спросил: «Ты что же это делаешь?» Х. озабоченно ответил: «Да он выпачкал, надо же помыть».

А другой случай был более грустный. Пришел в палатку и представился местный священник. Очень симпатичный старенький батюшка. Пообедал с нами, и ему очень понравилась мадера. Выпил он одну рюмку, другую, сам просит еще. Ему говорят: «Пожалуйста, батюшка, сколько хотите, но не вредно ли вам?» – «Нет, нет, я же себя знаю». Очень подпил батюшка, и два офицера бережно отвели его домой. На следующий день полк рано уходил из деревни, и офицеры зашли справиться о здоровье батюшки. Матушка ответила: «Не приходя в сознание, ночью скончался».

На время маневров в 1900 году только что окончивший полковую учебную команду вице-урядник Быкадоров[66] командирован был ординарцем к руководителю маневрами Главнокомандующему [столичным] военным округом Великому князю Владимиру Александровичу.

Темная августовская ночь. Великий князь посылает Быкадорова в противоположный отряд к генералу А. с пакетом: «Передай пакет в руки генералу А., а конверт с его распиской привезешь мне. Я, не раздеваясь, лягу спать на этом диване. Как вернешься, сейчас же меня разбуди и исполни это как можно скорее, вот тебе удостоверение, что ты мой ординарец и что тебя никто не смеет задерживать. Сейчас по карте покажу тебе, как надо ехать». – «Ваше Императорское Высочество, не беспокойтесь, я и без карты найду генерала А.». – «Ты здесь бывал? Знаешь дорогу?» – «Никак нет, никогда не бывал, а найду». Великий князь все пытался показать дорогу, а Быкадоров уверяет, что и так найдет.

Поехал Быкадоров. До генерала А. надо проехать 20 верст. Через два с половиной – три часа возвращается Быкадоров и будит Великого князя. Великий князь взглянул на часы: «Заблудился? Не нашел дорогу?» – «Никак нет, Ваше Императорское Высочество, нашел, вот конверт с распиской генерала А.». – «Как же ты успел так скоро? Ведь ночь и проехать надо было 40 верст?» – «У меня конь добрый, да приехал бы раньше, но задерживали на заставах, да еще юнкера поймали и не верили, что я ваш ординарец, а удостоверение не хотели читать, говорят, что нельзя огонь зажигать, чтобы не обнаружить себя неприятелю». Великий князь был очень доволен, благодарил Быкадорова и потом командира полка, что прислал ему такого ординарца.

Один раз полк выехал на малые маневры. Вдруг крик: «Хорунжего Балабина к командиру полка, который впереди колонны». Скачу, обгоняя две впереди идущие сотни. «Поезжайте назад в лагерь и сделайте такие-то и такие-то распоряжения – я забыл это сделать перед отъездом». – «А где я вас потом найду?» – «Приказано всем полкам дивизии сосредоточиться на такой-то поляне, где каждому полку будет дано задание и все разъедутся в разные стороны на ночлег. Куда нас пошлют, неизвестно». – «Как же я вас найду?» – «Ну как-нибудь найдете».

Возвратился я в лагерь, передал все распоряжения командира полка и приехал на названную поляну. Никого нет, куда ехать не знаю, и вся поляна истоптана тысячами копыт семи полков и трех батарей. От прошедшего накануне дождя на поляне грязь, ничего разобрать нельзя. Говорю вестовому: «Куда же мы поедем?» – «А

надо по следам узнать». – «Да ведь какая-то каша из следов, и все лошади одинаково кованы». Слез казак с лошади, начал рассматривать следы и минут через пять говорит: «Вот по этой дороге надо ехать». Поехали и вскоре нашли полк. Потом я сравнивал следы наших лошадей и лошадей регулярной кавалерии и никакой разницы не мог найти, а «казачий нюх» сразу нашел. И этот «казачий нюх» много раз выручал нас.

Один раз на маневрах меня послали произвести рекогносцировку дороги до деревни Б. Все исполнил, начертил кромки дороги, сделал легенду, то есть подробное описание дороги, и представил командиру бригады генералу Новосильцеву.

На следующий день бригада по этой дороге пошла к деревне Б. На мосту орудие лейб-гвардии 6-й Донской Его Величества батареи провалилось в ручей. Зовут меня к командиру бригады. Генерал Новосильцев строго спрашивает: «Вы делали рекогносцировку дороги, а орудие провалилось». – «Меня посылали не исправлять дорогу, а только разведать ее, и у меня в легенде написано: «Мост старый, плохой, кавалерия осторожно пройдет, но артиллерию мост не выдержит и рухнет». Посмотрели легенду, и командир бригады говорит: «Совершенно верно, вы правы, благодарю вас».

Я поражен был быстротой, с какой артиллеристы вытащили орудие из глубокого ручья буквально в несколько минут.

Один раз на маневрах меня послали в разведку с 3-й сотней. Подъезжает ко мне прикомандированный к полку на лето незнакомый доктор медицины и просит разрешения ехать со мной. Перед этим он все время приставал ко мне, прося учить его, как надо сидеть в седле, как держать ноги, руки. Я говорю ему, что был бы рад ехать вместе, но ведь он должен быть при полку, а не с отдельной сотней. «Я должен быть там, где больше опасности». – «Нет, вы не смеете уйти от полка, вам сделают выговор». – «Ну, это ничего».

В одном месте у леса мы столкнулись с неприятелем – полуэскадроном кирасир Его Величества под командой унтер-офицера. И казаки, и кирасиры вдруг вошли в азарт и с криком лезут друг на друга в драку. Я во все горло кричу: «Стой!» Так же кричит унтер-офицер кирасир, стараясь успокоить солдат, и слышу страшный крик доктора, он вынул шашку и во все горло кричит: «Бей их!», прибавляя самую ужасную брань. Я схватил его за руку и кричу: «Доктор, опомнитесь, успокойтесь, что вы делаете?»

В полку доктора выругали – там как раз нужна была его помощь, да еще для штаба дивизии, и на меня набросились: «Зачем вы его взяли с собой?»

В середине лагерного сбора была «заря с церемонией». Все пехотные полки выстраивались у своих бараков. Кавалерия из своих деревень приводилась пешком на определенные места. Государь Император со свитой объезжал все части авангардного и главного лагеря. Государыня Императрица в коляске на белых лошадях сопровождала Государя.

После объезда всех войск Государь сходил с лошади у построенной на этот день палатки. У палатки стояли почетными часовыми два портупей-юнкера Павловского военного училища. Перед палаткой – соединенный оркестр всех частей гвардии. Оркестр играл концерт от прибытия Его Величества до повестки (8.45 вечера) и после нее до «зари» (9 вечера). Повестку и «зарю» били барабанщики, потом играли горнисты лейб-гвардии Преображенского полка, а оркестр повторял их. Потом старший барабанщик командовал: «На молитву шапки долой» и читал «Отче наш». После молитвы командовал: «Накройсь», потом играли «отбой». После этого Государю рапортовали фельдфебеля и вахмистра шефских рот, эскадронов и батарей шефских полков гвардии, а стоящие с ними адъютанты молча подавали Государю рапорт о состоянии полка. К Государю подходили с рапортом конногвардейцы, кирасиры Его Величества, лейб-казаки, уральцы, лейб-гусары, батарея Его Величества и 6-я Донская батарея Его Величества гвардейской конноартиллерийской бригады. Адъютанты и вахмистры шефских полков Государыни Императрицы, Наследника Цесаревича, Великих княжон и Великих князей подходили с рапортом к своим шефам.

Взвивалась в воздух ракета, после взрыва которой был залп из всех орудий главного и авангардного лагерей.

На «заре» присутствовали офицеры и полковые дамы всех полков гвардии и армии и много петербургской публики по билетам дворцовой полиции.

На следующий день после «зари с церемонией» обыкновенно бывал парад на военном поле. Государь со свитой объезжал все части и останавливался у Царского валика, а Государыня Императрица с наследником и Великими княжнами стояли на Царском валике.

Мимо Его Величества проходили церемониальным маршем сначала пехота с пешей артиллерией, потом кавалерия с конной артиллерией.

В конце июля полк выступал на общие маневры всего Петербургского военного округа до 9 августа. После маневров возвращались в лагерь и через день-два шли в Петербург на зимние квартиры.

Вскоре казаки, прослужившие в полку три года, отправлялись

домой, на Дон. В этом же эшелоне уезжали и казаки, получившие отпуск. Каждый окончивший службу увозил с собой сундук с подарками для родителей и родственников. У казаков считалось позором ехать без сундука.

После отъезда отслуживших казаков занятия в полку не производились, и я уехал в 28-дневный отпуск вместе с братом Филиппом[67] , который в этом, 1901 году произведен был в офицеры. Он вышел в наш полк и зачислен был в 3-ю сотню, где служил и я.

Отпуск в 28 дней промелькнул как мгновение, и я все-таки успел несколько раз поохотиться на прудах и в Манычи.

Второй и третий год моей службы в полку я также заведовал обучением молодых казаков. Брат заведовал сотенными разведчиками.

Мой бывший сменный офицер в Николаевском кавалерийском училище, есаул Греков, был прикомандирован к нашему полку на год для прохождения ценза командира сотни, чтобы иметь право быть командиром сотни юнкеров. Алексей Кириллович Греков говорил мне: «Я в уме своем составил идеал отношений офицеров и нижних чинов и считал его, как любой идеал, неосуществимым, но этот идеал я нашел в вашем полку».

Прослужив три года в полку, мой брат Филипп поступил в Академию Генерального штаба и блестяще окончил ее. Год прокомандовавши в нашем полку сотней, он дальше служил старшим адъютантом в штабе гвардейского корпуса по Генеральному штабу в Петербургском военном округе. На войне командовал полком. После войны арестован большевиками и замучен в Сибири.

Брат всегда очень строго исполнял все правила, установленные нашими военными законами.

Будучи на младшем курсе Академии Генерального штаба, он шел по улице в академию, а впереди него, шагах в десяти, шел другой офицер, армейский поручик, тоже слушатель младшего курса академии. Вошли в столовую завтракать. Столовая наполнена офицерами. Случайно сели за один стол и брат, и шедший впереди офицер. Брат говорит ему: «Сейчас я шел в академию в десяти шагах сзади вас и обратил внимание, что несколько встречных офицеров отдавали вам честь, но вы ни одному не ответили. Что это значит?» – «Я считаю это правило глупым и никому честь не отдаю». – «Но это приказ Государя Императора, чтобы офицеры приветствовали друг друга, мы не смеем не исполнять приказ Его Величества». – «А я считаю это глупостью и не исполняю». – «Посмотрел бы я, как бы вы мне не отдали честь?» – «Вам бы я непременно отдал честь, я вас боюсь и

смотрю на вас, как на жандарма». Брат вспылил. Он стукнул кулаком по столу и на всю столовую крикнул: «Я вам сейчас по морде дам». И сейчас же вышел из столовой, в этот день больше в столовую не приходил и, что было после его ухода, не знал – ни с кем не разговаривал. Но на следующий день утром в приказе по академии прочитал, что этот офицер отчисляется из академии в свою часть.

Как я уже писал, брат Филипп, окончив Академию Генерального штаба, служил в штабе гвардейского корпуса адъютантом. Как-то я с женой был у него вечером. Напившись чаю, перешли в его кабинет, где, кроме нас и супруги брата, был еще кто-то, не помню. Брат, торопясь, набивает патроны к охотничьему ружью, разговаривает с нами и одновременно диктует приказ по корпусу пришедшему старшему писарю. В одиннадцать с половиной часов вечера прибыло заказанное такси. Брат мчится на станцию, кондуктору в вагоне приказывает непременно разбудить его на таком-то полустанке, полем и лесом идет к дому лесника, пьет там крепкий чай и идет на определенное место ждать пролета гусей.

На рассвете начинался лет. Иногда гуси налетят, но большей частью пролетят в стороне, вне выстрела, и брат идет к полустанку и с обратным поездом едет в Петербург и уже не просит кондуктора разбудить, сразу засыпает. В Петербурге его будят, он едет домой, принимает холодный душ, пьет крепкий-прекрепкий кофе и мчится в Николаевское кавалерийское училище читать лекции по тактике и военной истории. Из училища едет в штаб корпуса, делает доклад командиру корпуса, занимается делами до часу, поднимается домой обедать (квартира здесь же, в штабе корпуса) и отдыхает до трех дня. Спускается в штаб и занимается там до вечера. На ночь опять едет на охоту и так иногда по нескольку дней подряд. Я говорю: «У тебя собачья энергия». – «Да, если б эта энергия да на что-либо полезное».

Один раз поехал брат в отпуск на неделю в губернию Х., где он все время охотился с преданным ему проводником Петром. За день до отъезда нашли хорошее место для охоты, а надо уезжать. Брат протелеграфировал в штаб: «Заболел, опоздаю на три дня». Приехавши в Петербург, явился к нам в полк и всю ночь прокутил с офицерами. Утром является в штаб и его встречают словами: «Филипп Иванович, как вас потрепала лихорадка, на вас лица нет». Покончив с делами в штабе, Филипп опять приехал в полк научить молодежь: «Если опаздываете из отпуска под предлогом болезни, то, перед тем как явиться начальству, надо хорошенько надраться, и тогда, по лицу, сразу поверят, что вы действительно

были больны».

Во время 1-й Великой войны я случайно встретил незнакомого офицера из штаба гвардейского корпуса. Говорю ему: «Скажите, что нового, что делается в штабе корпуса? Ведь мы впереди ничего не знаем». – «Все идет хорошо, тихо и спокойно. У нас всем заправляет подполковник Балабин. У него удивительная энергия и трудоспособность. Часто спим в одной комнате. Все засыпаем, а подполковник Балабин все сидит за столом и что-то пишет. Когда мы просыпаемся, видим, что он все пишет. «Вы что же, и спать не ложились?» – «Нет, выспался и уже на охоте побывал – вот в коридоре лежит добыча». Это мог быть убитый к обеду дикий козел или несколько тетеревов. Командир корпуса его очень ценит и без его совета ничего не делает...» Прощаясь с этим офицером, я сказал: «Спасибо за сообщение с подполковником Балабиным – это мой младший родной брат, и мне приятно было слышать о нем лестный отзыв».

Вскоре брат был назначен командиром Донского казачьего полка. В это время прибыла в полк команда пополнения и между казаками юноша доброволец Иван Петров. Брат говорит командиру сотни, к которому попал этот доброволец: «По-моему, это девица, смотрите, чтобы ничего не было скверного». Иван Петров оказался очень храбрым казаком и лез всюду, где опасность, куда можно и куда нельзя. Один раз ночью он, несмотря на запрет, отправился с двумя казаками к неприятелю «снять» заставу. Заставу они уничтожили, но сильным огнем с другого пункта был убит Петров и один казак. Перед похоронами определили, что это была действительно девица.

Когда началась революция, брат с семьей переехали в одно имение Псковской губернии, где он сделался крестьянином: пахал, сеял, косил, молотил, и, кроме преданного ему проводника, никто не знал, что он полковник Генерального штаба, а проводник его стал там главным комиссаром. Вскоре комиссару официально донесли, что живет у него не крестьянин, а офицер. Комиссар произвел строгое расследование и сделал выговор доносчику за ложный донос, но вскоре его окончательно разоблачили. Явился солдат и говорит: «Я такой-то, я был у вас в штабе младшим писарем». Брата посадили в тюрьму, грозили расстрелом, но, так как за ним ничего не было, его через месяц выпустили. Брат поехал в Псков, где поступил на небольшое жалованье учителем. Из Пскова вскоре донесли в Петроград, что появился какой-то подозрительный учитель, уж очень образованный. Брата вытребовали в Петроград, где ему пришлось сознаться, кто он и что он.

Брат поселился в своей старой квартире, где оставались его

вещи и мебель.

Через несколько дней сообщают по телефону: «Филипп Иванович, вас приказано арестовать. Сами явитесь или выслать за вами конвой? С конвоем лучше, так как на улицах чернь убивает офицеров и чиновников и сбрасывает в Фонтанку или Неву». Брат решил идти без конвоя. «А это кто с вами?» – «Это прапорщик, родственник моей жены, провожает меня». – «Ну, пусть будет и он арестован».

В небольшую комнату поместили 30 человек арестованных. Не было возможности даже на пол сесть. Через сутки всех отпустили с приказанием продолжать заниматься своими служебными делами.

Потом брату предложили быть профессором Академии Генерального штаба. Брат отказался, сославшись на то, что военным делом заниматься больше не будет. Через некоторое время ему предложили читать лекции в Военно-медицинской академии по тактике. Брат согласился. Ему дали хорошую квартиру в четыре комнаты. Но вскоре арестовали всю семью – брата, его жену и дочь за участие в наступлении на Петроград генерала Юденича[68] . Через некоторое время дочь выпустили, так как она доказала, что во время наступления на Петроград генерала Юденича ей было пять лет, и она никак не могла наступать на Петроград. Дочь выхлопотала освобождение матери, а вскоре и брата, доказав, что брат из Петрограда никуда не выезжал. Пришли к нему и сообщили: «Вас освобождаем и завтра же продолжайте читать лекции в Военно-медицинской академии». Но вскоре брата опять арестовали, и он успел только шепнуть дочери: «Молись святому Трифону – он спасает от нечистой силы». Так брата выпускали и арестовывали несколько раз, и он обрадовался, когда наконец ему предложили возглавить научную экспедицию на Северный полюс (точно названия не помню) с приказанием побить рекорд норвежцев, которые пробыли там один год.

Снабжена была экспедиция прекрасно – тройная палатка, печи, консервы и даже корова. Ежедневно делали там научные исследования. Чтобы разнообразить пищу, брат убил там несколько белых медведей. Одного медвежонка поймали, и мне прислана была фотография: прелестный белый медвежонок на цепи и надпись: «Маленький пленник».

У брата началась горловая чахотка. Передали об этом по беспроводному телеграфу в Петроград. На аэроплане привезли брата в госпиталь в Царское Село. В самых лучших условиях излечили его болезнь, и через два или три месяца (не помню) отвезли опять на Северный полюс.

Но через два года с лишним вся пища была съедена. За экспедицией не приезжали и пищу не привозили. Начали искать в снегах пищевые запасы, зарытые норвежцами. С трудом нашли, но не знали, что открытую банку этих очень старых консервов надо сразу съедать всю, а они из экономии съедали по полбанки, оставляя вторую половину на следующий день. Вскоре все заболели, прекратили научные исследования, и только некоторые едва могли подниматься с постели.

Москва и Петроград заволновались. Дочь брата настаивала на спасении умирающих. Нашлись добровольцы, согласившиеся ехать на Северный полюс за экспедицией. Ледокол с ними прибыл на остров Франца-Иосифа, где был центр управляющего судоходством Северного Ледовитого океана. Там добровольцы отказались ехать дальше, так как начался ледоход и можно было столкнуться с ледяной горой и погибнуть. Управляющий судоходством требовал немедленной отправки, грозя расстрелом отказывающимся ехать. Добровольцы все-таки отказываются. Тогда он выстроил всех в одну шеренгу и грозно сказал: «Кто откажется – здесь же застрелю». Подошел к правофланговому, приставил револьвер к груди: «Говори – поедешь?» – «Поеду». И так по очереди ко всем. Все согласились ехать. Доехали, на носилках перенесли больных на ледокол и благополучно привезли в Архангельск.

В Петрограде экспедиции устроили торжественную встречу и всячески прославляли. Писали, что норвежцы пробыли на полюсе год, а наша экспедиция три года. В газетах были фотографии и даже снимок охотничьего ружья брата.

Но недолго брат пробыл в Петрограде. Вскоре его командировали в Сибирь, на Колыму, разводить каких-то особенных собак. Брат подружился с туземцами, охотился, жил в палатке. Летом там жара, но зимой морозы до 60 градусов. Страшным трудом, в мерзлой земле, пришлось рыть землю и спасаться от морозов и ветров в земле. Колыма – это гиблая страна, заброшенная поистине на край света, к самому полюсу холода. Там реки скованы льдом по 8 – 9 месяцев в году и по 6 – 10 недель в году над землей висит безысходная полярная ночь. Если разыграется пурга (там она метет по многу дней без передышки), то даже привычные ко всему колымчане не отходят от изб иначе, как привязав себя веревкой, – ветер может закрутить и унести человека, и тогда он рискует погибнуть в нескольких шагах от своего дома, не в силах найти дорогу обратно. Земля там превратилась в сплошную глыбу льда, и за короткое время летом успевает оттаять только тонким слоем сверху. Дальше на тысячи футов идет сплошной «геологический» лед – вечная

мерзлота.

Примерно год прожив на Колыме, брат поехал в Петроград с докладом о работе. Его предупреждали, чтобы не ехал: там ему будет конец – но он не мог выдержать тоски и уехал. В Петрограде брата сейчас же арестовали и уже арестованного сослали в Сибирь, где замучили насмерть.

Старший брат, Николай, полковник, был арестован в Иркутске. Он год сидел в тюрьме без передач и без свиданий. Наконец жене брата сообщили, что она может взять своего мужа. Когда Николая принесли домой на носилках, жена, взглянувши на него, сразу умерла от разрыва сердца. Через несколько минут умер и брат. Так дочери в несколько минут стали круглыми сиротами.

Второй брат, Владимир, есаул, служил в Болгарии садовником. Потом он переехал во Францию, где умер от воспаления легких.

Старший сын Владимира, Николай, во время 2-й Великой войны служил фельдшером в Русском корпусе в Югославии и там погиб.

Второй сын Владимира жил с отцом во Франции. Во время 2-й Великой войны немцы взяли его в Германию для работ в шахтах, где он получил туберкулез и вскоре умер.

Из всей большой семьи одного меня Господь сохранил молиться за усопших.

Но вернусь к лейб-гвардии Казачьему Его Величества полку.

Иногда полк вызывался на похороны генералов, и, в зависимости от заслуг покойного, катафалк сопровождали иногда отряды от пехоты, кавалерии и артиллерии. На похороны все выезжали в парадной форме. Младшие офицеры иногда наряжались нести ордена покойного – они шли пешком впереди катафалка. Старые казаки смеялись над молодыми, уверяя, что после похорон будут поминки по покойнику. Молодые верили, так как у нас на Дону по покойникам всегда устраивали поминки, и были, конечно, огорчены, что никаких поминок не было.

Один раз и наш полк, и Атаманский выезжали в город из казарм к месту, где лежал покойник. Наш полк в красных мундирах, на седлах красные с белым вальтрапы, а за нами Атаманский полк в голубых мундирах с голубыми вальтрапами. Это было так красиво и так ярко, что все приходили в восторг, а моя семилетняя дочь Ольга говорила: «Как маки и васильки». Этой красоты никогда не забыть. Это сказка.

Иногда полку устраивали «тревогу». Сидим спокойно за завтраком, пьем, едим. Вдруг командир полка говорит: «Тревога». Все вскакивают, бегут надевать амуницию, трубач трубит тревогу,

быстро седлают лошадей, и через несколько минут полк выстроен и полковым маршем встречает своего командира. Командир полка благодарит за быстрый сбор и иногда отпускает полк, а иногда ведет его в город, и часто очень далеко. Идем в колонне по три, все офицеры по местам, дежурный по полку офицер в хвосте колонны. Вдруг крик по колонне: «Дежурный по полку, к командиру полка». Карьером скачет дежурный, обгоняя сотников. «Живо возвращайтесь в полк – расставить барьеры». Опять карьером мчится дежурный в полк – и прямо к нестроевой команде: «Бросайте работу – живо расставить барьеры». Только успели расставить, а вот и полк – и, не останавливаясь, в колонне по три, во главе с командиром полка, через все барьеры… Зычным голосом командир полка генерал-майор Новосильцев благодарит полк: «Спасибо, ребята». – «Рады стараться, Ваше превосходительство». – «Слезай – все занятия сегодня отменяются. Господа офицеры в офицерское собрание». И кутеж до поздней ночи.

«В старину живали деды веселей своих внучат».

Один раз наш полк и Атаманский неожиданно вызвали на боевую стрельбу между Петербургом и Пулковской обсерваторией. Зима, холодно, пурга. Поясные мишени в снегу почти не видны. Руки мерзнут, стрелять трудно. И все-таки и наш полк, и Атаманский выполнили требуемые условия и получили благодарность.

Бывшие офицеры полка часто навещали полк, знакомились с молодежью, рассказывали о старой жизни, и молодым странно было слышать, когда какой-либо генерал, рассказывая, говорил: «Это было в таком-то году. Тридцать или сорок лет назад». Эти старые генералы пили с молодыми на брудершафт и старались слиться с молодежью и составлять одно целое с полком: мы лейб-казаки. Конечно, молодые офицеры, разговаривая со старыми генералами, старались не называть их на «ты», и если иногда приходилось это сказать, то всегда прибавляли: «Ты, Ваше превосходительство»…

В 1903 году я опять ездил в отпуск и все время провел на зимовнике, охотясь на прудах и в Манычи.

По приезде из отпуска меня назначили в полку заведующим оружием, нестроевыми мастерскими (столярной, шорно-седельной, швальней), хлебопекарней, приемным покоем и полковым обозом. Это считалось повышением, и кроме 60 рублей в месяц мне полагалось 8 рублей столовых. Эти девять хозяйственных должностей меня не увлекали, но пройти этот стаж было очень полезно: я основательно изучил полковое хозяйство.

6 декабря 1904 года я произведен в сотники и в 1905 году командирован в город Казань для производства очередной военно-конской переписи.

Эта командировка была для меня замечательной. До Нижнего Новгорода я доехал по железной дороге, от Нижнего до Казани пароходом по Волге. В Нижнем Новгороде до отхода парохода оставалось несколько часов, и я воспользовался этим, нанял извозчика и просил показать мне достопримечательности города. Месяц май. Сильный разлив Волги. Знаменитая Нижегородская ярмарка вся залита водой. С возвышенности, на которую меня привез извозчик, замечательный вид на Волгу. Какой-то старичок, сидевший здесь на скамейке, увидевши мой восторг, спросил: «А вы, господин офицер, вероятно, впервые на Волге?» – «Впервые и поражен красотой, величием и шириной ее. Скажите, сколько же верст вот до тех деревень с садами?» – «Сорок верст». – «Неужели так широко разливается Волга?» – «Да, каждую весну так...»

Приехавши на пристань, я просил дать мне каюту 1-го класса. Мне ответили, что каюты 1-го класса все проданы, и, видя мое огорчение, кассир прибавил: «Каюты 2-го класса так же хороши, как и 1-го, такой же салон, то же меню, и вы имеете право находиться в салоне 1-го класса. Собственно, одна каюта 1-го класса сейчас свободна, но мы не продаем ее, так как месяц назад она заказана телеграммой из Лондона. С тех пор нет никаких сведений. Через полчаса пароход отходит, если не приедут англичане, переходите в нее». Но англичане приехали. Я великолепно ехал в каюте 2-го класса. Пароход большой, красивый, везде чистота, внизу, в 3-м классе, на палубе, группа рабочих поет своеобразные волжские песни.

Берега Волги поразительно красивы. До позднего вечера я не уходил с палубы. Чудный воздух, голубое небо, чайки все время кружатся вокруг парохода, им бросают корки хлеба, и чайки ловят их на лету. Навстречу идут пароходы, барки, красавицы беляны[31] из сложенного леса, имеющего вид домов причудливой архитектуры.

Меню прекрасное и очень дешево. На остановках я выходил на берег. На каждой остановке целый ряд торговок: продают гусей, кур, индеек, стерлядей, тарань, воблу, свежую икру и всякую всячину – и все баснословно дешево. Какое богатство, какое изобилие!

Приехали в Казань, и не хочется уходить с парохода. Не хочется расставаться с красавицей Волгой.

В Казани я занял номер в отеле и явился начальству. На следующий день была «показная» перепись лошадей города Казани и распределение этих лошадей по разрядам – для

кавалерии, артиллерии и обозов.

Мне поручено произвести перепись в Чебоксарском уезде, и я на следующий же день, не осматривая Казани, поспешил на Волгу и отправился в Чебоксары.

В Чебоксарах, переодевшись в вицмундир (парадного мундира с собой не брал), пошел являться к воинскому начальству. По дороге встречаю голую женщину, в одной длинной рубашке. Приняв ее за сумасшедшую, быстро перехожу на другую сторону улицы и наталкиваюсь на другую такую же. Недалеко была канцелярия воинского начальника. Чебоксары небольшой городок. Являюсь. Воинский начальник, старичок подполковник, заметив мое волнение, спрашивает: «Что с вами? В чем дело?» Я ответил: «Сейчас, идя к вам, я встретил голую женщину, и, чтобы не встретиться с сумасшедшей, я быстро перешел на другую сторону улицы и опять наткнулся на голую женщину». Воинский начальник рассмеялся и сказал: «Я здесь второй год и, когда приехал сюда, также был поражен костюмом здешних женщин. Все здесь так ходят. Гимназистки старших классов в Казани ходят в форменных платьях, а приехавши на каникулы, все лето ходят в одних рубашках».

С воинским начальником мы выработали мой маршрут – в каких селах и деревнях я должен осматривать лошадей. Надо было мне прожить в Чебоксарах несколько дней, чтобы воинский начальник успел предупредить жителей уезда – какого числа и в какой пункт жители должны привести лошадей для осмотра. Расписание делали так, чтобы в тех местах, где есть хорошая охота, я мог пробыть день-два. А пока я решил поохотиться в Чебоксарах. Пошел в магазин купить пороху и дроби и там познакомился с купцом А.Я. Вязигиным, с которым сговорился ехать на охоту на следующий же день в 4 часа утра.

Чудный солнечный день 11 мая. Многоводная красавица Волга. На лодке переехали на левый ее берег и там на гривках охотились на дупелей. Я не так наслаждался охотой, как чудной природой, дивным воздухом. По Волге идут пароходы, барки, беляны, парусные лодки. Летают многочисленные чайки, в высоте чудная песнь жаворонка, токуют бекасы, изредка пролетают утки. Чудесно! И даже гребец Петр с провалившимся носом и ружьем-оглоблей не портил впечатления. В 10 часов вечера мы возвратились с охоты усталые и обгорелые от яркого весеннего солнца. Я получил полное удовольствие.

На следующий день, 12-го, с гребцом Константином ездил вниз по Волге на астраханскую мельницу. Охотиться не удалось, но видел двух огромных лосей, которые при нашем появлении с легкостью серн бросились в пруд и, переплыв его, умчались в лес.

На обратном пути ночью мы попали под перекрестное движение пассажирских и буксирных пароходов и чуть не потерпели крушение. Плывя против течения, измучились ужасно и прибыли в Чебоксары только в час 14-го. В 2 часа ночи мы выехали на охоту большой компанией: я, Вязигин, два торговца, податной инспектор и гребец Костя. Охотились до 11 часов вечера, причем один из торговцев, стреляя в дупеля, попал в меня по ногам. Раны не было, но было очень больно. Еще меня ужасно искусали комары.

Всех пунктов, где я осматривал лошадей, не помню – Кугасово, Яндашево, Ямбулатово, Акулево. В селе Бичурино пошел в церковь. Служба на чувашском языке. В церкви грязь, плач 200 детей, и здесь же их кормят грудью, толкотня – все это произвело ужасное впечатление. Чуваши исключительно грязный народ. Пообедавши, они дают посуду облизать собаке и говорят: «Совсем чисто, и мыть не надо».

В селе Покровском я познакомился с писарем Николаем Алексеевичем Раевским[69] , сыном священника, очень симпатичным человеком и страстным охотником. С ним я много охотился на озерах по берегу Волги. В одном болоте, уже перед вечером, приближаясь к ночлегу, я провалился и упал. Сухим осталось только ружье, приподнятое во время падения одной рукой вверх. Придя в рыбачью избу, на берегу Волги, разделся и голым, в одной бурке, ел идеально вкусную уху из стерлядей. Был голоден, и казалось, что более вкусного никогда ничего не ел... Спал на голых досках в бурке и пальто, так как белье и платье еще не высохли... Прекрасная охота, получил полное удовольствие и чувствовал себя здоровым, бодрым, сильным. Несмотря на постель из голых досок, спал великолепно.

31 мая, переплывши Волгу на большом пароме на веслах, прибыли в Паморы. После осмотра лошадей поехал в Помьялы-Кужмары. Ехали лесом 40 верст и, кроме дроздов и мелких птичек ничего не видели. Ямщик рассказывал, что в этом лесу есть медведи, много волков, которые уничтожают крестьянский скот. Много, по их словам, и лосей, лисиц, глухарей и тетеревов.

После смотра лошадей был в церкви. Служба идет на черемисском языке. В церкви много чище, чем у чуваш, но костюм женщин такой же – длинная рубаха, ниже которой выглядывают рейтузы. Богатые украшают себя серебряными монетами в виде серег и бус. Чем больше монет, тем женщина богаче.

Ходили компанией в лес пить чай у ручья. Места очень красивые и чудный смолистый воздух... Пристав говорит, что медведи и волки в одной Помьяловской волости за прошлое лето съели 120 крестьянских лошадей. На лето черемисы и чуваши

идут на Волгу работать на лесопильных и других заводах и, чтобы не смотреть за лошадью, пускают ее в лес на свободу, а осенью, а если понадобится, то и раньше, отправляются в лес искать их. Присмотра нет. Крестьянам за каждого убитого волка и медведя дают награду, но зверя не уменьшается.

В Мариинском Посаде прожил шесть дней. Свободное время проводил на Волге, несколько раз купался. Вода теплая, берега пологие, дно песчаное – без всяких признаков ила или грязи. Берега здесь очень красивые, и я подолгу не мог оторвать глаз от необъятной массы воды, от обрывистых скал правого берега и от далекого противоположного луга. Любовался проходящими вверх и вниз судами. Очень красивы огромные пассажирские пароходы, когда они подходят вечером к пристани, залитые электрическим светом. Ни в одном государстве нет таких больших речных пароходов, как наши волжские.

С 11 июня в Чебоксарах. Чебоксары грязный отвратительный город, и берега Волги здесь менее живописны. 12-го поднялась буря, и Волга во время бури была ужасна. Страшно смотреть на поднимающиеся темно-синие бугры воды с белыми гребням. В это время самый смелый гребец не решится переехать через реку.

15-го вечером на лучшем пароходе Любимова «С.-Петербург» я выехал в Нижний Новгород. Разлив спал, но воды было все-таки очень много.

Приехав из командировки, пробыл в полку немного больше месяца и отправлен был в отпуск постановлением медицинской комиссии на три месяца, по 1 октября, для лечения ревматизма.

Утром 5 июля я приехал в станицу Великокняжескую Донской области, Сальского округа, и остановился у Мишаревых. Накануне к ним приехал с семьей старший брат Николай, женатый на дочери полковника Мишарева[70] . Узнав, что брат Владимир тоже в станице и остановился на постоялом дворе, я пошел к нему, и в 4 часа дня мы уже выехали на зимовник. Приехали туда в одиннадцатом часу вечера. А через день приехал на зимовник и старший брат Николай со своей семьей.

Началась моя охота и купание в целебной горько-соленой воде Манычи. На Маныч мы ездили целой компанией: Коля с семьей, я, сестра Лиза и племянник Степа Гумилевский. Удили рыбу, купались, пили на берегу чай, закусывали. Все время стояла страшная жара – до 40 градусов по Реомюру. Иногда я оставался ночевать в шалаше мостовщика Петровича, с тем чтобы с рассветом поохотиться на утреннем перелете. Тогда на следующий день наша компания приезжала на купание и рыбную ловлю утром, и к обеду мы возвращались домой. Один раз, когда уже совсем стемнело, я, стоя на мосту, большим черпаком поймал

за 20 минут около ведра мелкой рыбы. Эту рыбу я отдал ночевавшим у моста проезжим. Они очень рады были такому подарку.

14 августа мы с братьями Николаем и Владимиром ездили в станицу Семикаракорскую – от зимовника 70 верст. В Золотаревке у Наярниковых три часа кормили лошадей. У хутора Балабинки видели много летающих уток и куликов и в двух местах слышали выстрелы. В Семикаракорах смотрели на тихий Дон, покупали виноград, были в церкви, построенной нашим дедом, заходили к священнику, в станичное правление и, покончивши со всеми делами, выехали из Семикаракор. Ночевали в Золотаревке у Наярниковых и в 10 часов утра приехали на зимовник. После обеда поехали в Маныч купаться.

18-го утром я, мама, Лиза и Коля с семьей выехали в станицу Великокняжескую и пробыли у Мишаревых 10 дней. 27-го возвратились на зимовник. Уже начался массовый пролет птицы на юг. От миллионов летящей птицы в воздухе шум и гул. Летят высоко, вне выстрела.

26 сентября я с мамой, братом Владимиром и сестрой Лизой поехали в станицу Великокняжескую. Целый день нам навстречу с жалобным криком неслись тучи казарок. У Сапруновского пруда, недалеко от зимовника Янова, сидела масса птиц – огромные кряквы, между которыми были и другие породы уток. Когда эта масса с шумом поднялась, мы с Владимиром подбежали к пруду и за две-три минуты убили по три штуки. Поздно приехали к Мишаревым, и, когда после ужина легли спать и все смолкло, я долго слышал жалобные крики летящих над домом казарок и, несмотря на усталость, до утра не мог заснуть – все прислушивался. Утром, быстро одевшись, вышел во двор. Казарок не было. Воображаю, какие миллионы их теперь на нашей и Корольковской Манычи.

В 11 часов утра я через станцию Тихорецкая выехал в Петербург. В полку сразу втянулся в обычную служебную работу.

В 1905 году сотни довольно часто вызывались в помощь полиции для прекращения беспорядков. Меня, как занимающегося хозяйством, не посылали, но два раза пришлось ехать и мне, чтобы заменить заболевших офицеров. Первый раз я дежурил на заводе на Шлиссельбургском тракте и посылал казаков парами объезжать определенный район. Каждая пара, проездив свое время, являлась ко мне с докладом о благополучии. Одна пара говорит: «Едем шагом спокойно, проходят люди, и вдруг один тип бросился бежать. Мы его сразу догнали, а он упал на снег, поднял руки и ноги кверху и кричит: «Вы, казаки, меня не бейте – я за Царя». – «Да мы тебя и не

думаем бить, а почему ты боишься?» – «Да увидел вас и испугался». – «А ты иди и не бойся – мы здесь, чтобы защищать хороших людей».

Другой раз я стоял на перекрестке каких-то улиц на Васильевском острове. Был мороз, холодно. Мы стояли у костра и грелись, держа лошадей в поводу. Ко мне подходит незнакомый пехотный офицер и передает пакет со словами: «Это вам просили передать подкрепиться». – «Почему? Кто передает?» – «Дама за вами ухаживает – не удивляйтесь, жители часто заботятся о лицах, которые их защищают. Эту даму я тоже вижу первый раз, проходил мимо – она просила вам передать». Я был очень благодарен этой незнакомой даме, так как был голоден и негде было хоть что-нибудь купить. С казаками же приехала походная кухня, и они пообедали.

Но не со всеми офицерами, вызывавшимися в помощь полиции, все было так благополучно и легко. Один из них, недавно поступивший в полк, был со взводом казаков у заводов на Шлиссельбургском тракте. Точно не помню, кажется, это был хорунжий Илья Николаевич Оприц. Администрация завода просила его выгнать рабочих, влезших на балки под крышу завода, портящих машины, не желающих работать и не позволяющих закрыть двери завода. Хорунжий Оприц, оставив основную часть взвода у входа на улице, с одним казаком вошел в здание завода и обратился к рабочим со словами: «Я прошу вас сойти с балок и выйти с завода, чтобы можно было замкнуть двери». Никто не пошевельнулся. Оприц повторяет приказание и говорит: «Если не сойдете, я принужден буду позвать казаков, которые стоят на улице у завода». Не слезают. Тогда Оприц говорит: «Я даю вам пять минут, чтобы вы слезли и удалились. Если не уйдете – я через пять минут позову казаков, и они вас всех перестреляют». После этих слов в Оприца сверху посыпались револьверные выстрелы, к счастью, безрезультатные – рабочие оказались плохими стрелками. «Господа, осталось три минуты». Потом осталось две минуты, и, наконец, осталась одна минута. «Через минуту войдут казаки и всех вас перестреляют». Рабочие быстро спустились и вышли с завода.

Все удивлялись выдержке и хладнокровию молодого хорунжего Оприца, который стоял под выстрелами и ждал, когда истечет обещанный им срок – пять минут.

14 марта 1906 года я получил первый орден Святого Станислава 3-й степени.

За эти годы в полку я несколько раз был в карауле в Зимнем дворце. Служба там была такая же, как мною описана во время

пребывания в карауле юнкеров Николаевского кавалерийского училища. Казаки сидели на диванах в Большом фельдмаршальском зале, а почетно-парные часовые стояли у разных дверей дворца. При прохождении через залу начальства караул выстраивался, и, если начальство подходило к караулу, брали шашки на караул. Мы должны были так же встречать лиц Императорской фамилии, а также салютировать им всем.

Интересный случай произошел, когда караульным начальником во дворце был подъесаул Илья Васильевич Саринов[71] . Его предупредил скороход, что по залам дворца гуляет бонна с Великими княжнами[72] . В колясочке Великая княжна Мария Николаевна, за ручку бонна ведет Великую княжну Татьяну Николаевну, а Великая княжна Ольга Николаевна бегает возле них. Вдруг Великая княжна Ольга Николаевна убежала от бонны, вбежала в Большой фельдмаршальский зал, где находился караул, – и прямо к караулу. Саринов скомандовал: «Слушай на краул». Сверкнули шашки, и все замерло. Великая княжна крикнула: «Здравствуйте!» Караул громко ответил: «Здравия желаем Вашему Императорскому Высочеству!» Ребенку это понравилось, и она еще раз крикнула: «Здравствуйте!» Казаки еще раз ответили, и еще, и еще, пока не прибежала бонна, извинилась и увела Великую княжну. Казаки были в восторге.

В 1900 году, после производства в офицеры, мне пришлось побывать на царской охоте в Беловежской Пуще, где было много зубров. На охоте участвовали: Государь Император Николай Александрович, Великий князь Владимир Александрович, Великий князь Николай Николаевич, наследник – Великий князь Михаил Александрович[73] , кто-то из придворных чинов и два иностранца. Утром охотники в экипажах уезжали в лес и перед вечером возвращались. Государыня всегда сидела на номере рядом с Государем. За каждым охотником стояли два егеря, а за Государем, по секрету от него, стояли два переодетых в егерскую форму жандармских унтер-офицера. Государь был отличным стрелком, и о его выстрелах было много разговоров. Охрана была самая тщательная, в кругу охоты полиция и жандармы знали наизусть каждого человека из ближайшей деревни. Работы крестьян в это время не прекращались.

Как-то раз, когда коляски вытянулись по шоссе к лесу (автомобилей тогда еще не было), один из трех рабочих, орудовавших ломами в полутораста шагах от шоссе, с ломом в руке побежал наперерез к коляске Государя. Все обмерли. Можно было увеличить ход и избежать встречи, но Государь, увидевши бегущего, велел остановиться. Рабочий подбежал, упал на колени головой к земле и положил на голову прошение. Государь велел

взять прошение и, не читая, здесь же, сказал: «Все, что можно, сделаю». Спрашивали потом рабочего, почему он бежал с ломом. Он ответил, что от волнения и не заметил, что у него в руках лом.

Конечно, все интересовались, что же было в прошении. В нем крестьянин жаловался на соседа, который все время пускает свою свинью к нему в огород, а староста деревни не обращает внимания на его жалобы.

Перед вечером охотники возвращались. Убитых зверей раскладывали на земле у входа во дворец и зверей, убитых Государем и наследником, обвивали зелеными гирляндами. Все охотники, уже не в охотничьих костюмах, а Государь в простой кубанской черкеске, спускались вниз к убитым зверям, где царский ловчий господин Диц, показывая золоченой палочкой на зверей, убитых Государем, громко объявлял об этом, а взвод егерей на своих рожках играл оригинальный туш. После небольшой паузы играли туш и наследнику Великому князю Михаилу Александровичу.

После этой церемонии приходил царский повар в поварском костюме и колпаке и отбирал дичь к столу Государя. Остальных зверей, без всякой платы, раздавали чиновникам, служащим и всем остальным.

На одном из загонов Великий князь Николай Николаевич по ошибке убил крестьянскую свинью, и Владимир Александрович громко смеялся: «А Никола-то, Никола крестьянскую свинью подвалил. Я бы непременно подал на него иск». Конечно, крестьянин вознагражден был по-царски и, вероятно, жалел, что только одну его свинью убили.

Гулял я по Беловежской Пуще – замечательный лес. В нем много тщательно охраняемых зверей. Государь охотился здесь один раз в три года. Свирепые зубры были опасны для пешеходов, и в лес никто не ходил. Особенно страшны были старые «одинцы», не имеющие пары. Иногда зубр, видя идущий поезд, становился в боевую позу и ждал «противника» на поединок. Поезд должен был остановиться и ждать, когда зубр уйдет.

26 мая 1906 года я женился на дочери инженера путей сообщения девице Александре Вячеславовне Воробьевой[74] . Через два дня после венчания с женой отправились на две недели в свадебное путешествие. По железной дороге мы доехали до Рыбинска, а от Рыбинска пароходом по Волге до Саратова. Проехались по улицам города и потом опять по Волге до Ярославля. Любовались непередаваемой красотой великой реки, особенно восхищались Жигулями и Самарской Лукой. В Ярославле тогда временно работал отец жены – инженер Воробьев. Мы пробыли у них два дня и возвратились в Петербург

– двухнедельный отпуск окончился.

В этом году полк наш в лагери не пошел, и курс стрельбы мы проходили на Охтенском стрельбище. Мне, как заведующему оружием, и оружейному мастеру Кудрявцеву было особенно тяжело.

В 1907 году, 3 марта, родилась моя первая дочь, Ольга. Перед самым ее рождением в Новочеркасске скоропостижно скончалась моя мать.

Через три года, 3 февраля, появилась на свет вторая дочь, Лидия.

25 апреля 1907 года наш полк был на пять месяцев командирован в Лифляндскую губернию[32] и возвратился в Петербург 28 сентября.

В Лифляндии все четыре сотни стояли в разных городах. 2-я сотня, штаб полка, учебная команда, трубаческая команда и все нестроевые жили в городе Вольмаре. Все офицеры с семьями разместились в замке барона Левенштерна в Вольмарсгофе, а я с женой, ребенком и няней поместился в Вольмарсгофском парке в пустующем доме лесника.

Парк величиной в квадратную версту хотя и имел расчищенные дорожки, но в общем был довольно запущен и представлял собою прелестное место для прогулок. Были в нем зайцы и довольно смирные козы и олени. В пруду плавала пара лебедей... Окрестности парка – леса, пашни и болота. В версте от парка протекала река Аа (от старого верхненемецкого a h a – из a q u a (*лат.*) Лифляндская.

Во время этой командировки 11 июля я был назначен начальником полковой учебной команды. Эта должность считалась в полку лучшей. От каждой сотни в учебную команду командируют лучших хорошо грамотных 10 – 12 казаков, уже пробывших в полку год. Это будущие урядники. Помощником начальника учебной команды назначили отличного офицера хорунжего Фарафонова[75] . Так как классной комнаты для занятий не было, то я занимался с казаками на бревнах в парке. Мы проходили главным образом Полевой Устав и в теории, и на практике. Учились разведке, устраивали переправы через реку Ая на фашинах, которые строили из леса, растущего здесь же, недалеко от берега. Научил я всех лошадей быстро выполнять команду «Ложись». Каждый казак команды к концу занятий умел написать донесение и начертить кроки. Проходили и курс боевой стрельбы. Мое увлечение передавалось казакам, и все охотно учились.

Свою подготовку учебная команда заканчивала уже в Петербурге. Там мы проходили все кавалерийские уставы и

основательно проработали телеграфное дело. Каждый казак команды мог на аппарате написать телеграмму азбукой Морзе. Конечно, занимались и русским языком, Законом Божьим, арифметикой и прочим.

После экзамена казаки, окончившие учебную команду, возвратились в свои сотни со званием вице-урядников и с правом быть произведенными в урядники по представлению командиров сотен.

Всего я провел четыре выпуска вице-урядников.

В Лифляндии мы иногда компанией – командир полка генерал Пономарев, я, полковой адъютант сотник Хрещатицкий, хорунжий Фарафонов и хорунжий Захаров[76] – ездили по приглашению к разным помещикам-баронам на охоту. Стреляли зайцев, коз, лисиц, лосей. Нас любезно принимали и хорошо кормили. Часто на просеках среди загонов мы находили стол уставленным всевозможными закусками, холодными и горячими, с водкой и вином. А вечером, после охоты, в замке нас ждал великолепный обед. Для меня особенно удачной была охота 23 сентября, когда я на облаве убил двух лосей, лисицу и зайца.

Каждый год в Михайловском манеже в Петербурге устраивались состязания в джигитовке лейб-казаков, атаманцев, уральцев и казаков 6-й Донской Его Величества батареи, то есть казаков, служащих на собственных лошадях. Почти всегда первый приз брали лейб-казаки. Один год хорунжий Фарафонов назначен был заведовать этими джигитами. Казаки волновались и вынюхивали, как джигитуют атаманцы, – вечное с ними соревнование. И вот они говорят хорунжему Фарафонову: «Теперь атаманы возьмут приз, к ним поступил шустрый трубачонок, который на протяжении Михайловского манежа сделает больше перелетов через лошадь, чем наш, придумайте что-нибудь». Фарафонов ответил: «Можно на карьере пролезть под брюхом лошади с одной стороны на другую, но этот номер запрещен». – «Ничего, научите, чтобы никто не знал». Начал Фарафонов по секрету учить казаков и, чтобы никто не увидел, учил в конюшне между станками лошадей. Но как-то это дошло до командира полка генерала Родионова[77] . Он зовет Фарафонова и говорит: «Если вздумаете делать этот номер, посажу под арест». Фарафонов рассказывает это своим джигитам. Те приуныли было, но Фарафонов успокоил их: «Будем учиться, для полка я готов пострадать». Накануне состязания, во время репетиции в конюшне, лошадь шипом пробила голову джигиту – скрыли и это.

На состязании Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургским округом Великий князь Николай Николаевич. Прошла джигитовка. Наш казак лихо пролез на карьере под

брюхом лошади. Великий князь в присутствии командира полка генерала Родионова благодарит Фарафонова за джигитовку, вручает казаку первый приз – золотые часы с цепочкой – и приказывает в другой раз этот номер не повторять. Фарафонов подходит к командиру полка и спрашивает: «Когда прикажете сесть под арест?» Генерал Родионов отвечает: «Я не могу сажать под арест за поступок, за который благодарит Великий князь». Фарафонов идет к джигитам и объявляет им об этом. Его здесь же, в предманежнике, джигиты начали качать, подбрасывая кверху.

В 1908 году, во время лагерных сборов, наш полк был командирован во Владимирский лагерь для ознакомления пехотных начальников с действиями кавалерии. Этот лагерь был в нескольких часах езды от Петербурга. В лагере был размещен целый пехотный корпус с артиллерией. Командиром корпуса был очень строгий генерал Лечицкий – в 1-й Великой войне командующий армией.

В первую ночь в лагере произошел скандал. Генерал Лечицкий приказал нарядить конного казака в определенном месте, чтобы ни в каком случае не пускать солдат уходить ночью из лагеря. Идет солдат. Казак не пускает. Началась перебранка. Солдат говорит: «Все равно уйду». – «Все равно не пущу». Солдат отстраняет рукой лошадь и хочет пройти. Казак перетянул его плетью. Возмущенный солдат идет в лагерь и жалуется, что его избил казак. Сейчас же от них пошла жалоба генералу Лечицкому и протест нашему командиру, генералу Пономареву[78] . Пономарев взволнован и не знает, чем это может окончиться – генерал Лечицкий шутить не любит. Вызывает генерал Лечицкий нашего командира и просит рассказать, как все это было. После рассказа генерал Лечицкий благодарит генерала Пономарева со словами: «Совершенно правильно поступил казак, что же ему оставалось делать, чтобы выполнить приказ?» Этот инцидент моментально стал известен всему лагерю, и солдаты уже больше не пытались уходить из лагеря.

Начались занятия. Они заключались только в маневрах – полк против полка, бригада против бригады, дивизия против дивизии. Сотни наши придавались одной стороне и другой и занимались главным образом разведкой и ординаторской службой. После каждого маневра генерал Лечицкий собирал всех офицеров, участвовавших в маневре, и производил замечательный разбор. Он все видел и делал замечания каждой части. Кто начинал оправдываться – запутывался все больше и больше. Особенно доставалось одному старичку, бригадному генералу, которому оставалось несколько месяцев до получения пенсии и выхода в

отставку. Нас генерал Лечицкий всегда хвалил.

По субботам, до вечера воскресенья, разрешалось уезжать в Петербург к семьям. Во Владимирском лагере семей не было. Гулять было негде. Тоска. Во время трехдневного перерыва генерал Лечицкий уехал в Петербург. Наш командир полка, генерал Пономарев, отбыл вслед за ним. От скуки у нас в собрании был постоянный кутеж. Придумали устроить похороны Владимирскому лагерю. Кого хоронить? Конечно, того бригадного командира, которому больше всего попадало, сделали чучело, голова из ваты, и, когда льют в рот вино, впечатление, что генерал пьет. Ночью, когда лагерь крепко спал, понесли на носилках чучело с громкими звуками трубачей. Похоронные марши раздавались на весь лагерь. Все вскочили и сбежались смотреть на процессию, идущую с факелами. После двадцатиминутной прогулки по лагерю чучело сожгли.

Через неделю, в субботу, брат Филипп ждал на станции поезд, чтобы ехать в Петербург. На платформе появился генерал Лечицкий и, поздоровавшись с братом, спросил: «Скажите, почему вы хоронили именно этого бригадного командира?» Брат ответил: «Самый типичный представитель Владимирского лагеря». А мы думали, что генерал Лечицкий и не узнает об этих похоронах.

Перед общими большими маневрами наш полк был уже в Дудергофе.

Как-то по Высочайшему повелению во время лагерного сбора был смотр полку в стрельбе. Погода в назначенный день была неблагоприятная – дул сильный ветер. Мишени стояли на 1400 шагов. Инспектирующий генерал предложил командиру полка назначить хорошего стрелка, офицера или казака, чтобы определить точку прицеливания, которая, ввиду сильного ветра, должна быть вне мишени.

Командир полка назначил меня определить эту точку прицеливания. Я сделал пять выстрелов, и все пять пуль легли в центр мишени. Инспектирующий генерал сказал: «Ну, если у вас есть такие стрелки, то я не сомневаюсь в успехе моего смотра». Действительно, полк своей стрельбой выполнил поставленное задание.

После стрельбы из винтовок началась стрельба офицеров и вахмистров из револьверов, прошла она тоже хорошо.

Инспектирующий генерал, говоря речь полку, сказал: «Если вы в такую бурю справились с задачей – значит, полк стреляет хорошо».

Процентная расценка стрельбы в пехоте и в кавалерии различна, так как для обучения стрельбе отпуск патронов на каждого пехотинца приблизительно в два раза больше, чем для

кавалериста, и потому процент попадания для кавалерии, по уставу, понижен по сравнению с пехотной оценкой. Но наше начальство, начиная с начальника дивизии, требовало, чтобы стрельба кавалерии и казаков была выше отличного по пехотной расценке, говоря, что кавалерийская расценка введена в устав, чтобы не писать неприятности в приказах.

Для того чтобы достигнуть такого успеха в стрельбе, в полку, кроме всевозможных приготовительных к стрельбе упражнений, рекомендованных уставом (поверка прицеливания и спуска курка, наводка треугольников, стрельба дробинками и уменьшенным зарядом на стрельбище, устроенном на чердаке казармы), практиковалась ежедневная прикладка. В помещении казаков на окнах и стенках, в разных местах, наклеены были маленькие мишеньки, в которые казаки «стреляли» учебным (деревянным) патроном. Обыкновенно вахмистр кричал: «Выходи на прикладку». Все разбирали винтовки и без всякого строя кто где хотел «стреляли» в эти мишеньки. Прикладка продолжалась меньше десяти минут, никого не утомляла и была очень полезна.

Лично я имел собственную винтовку, которая стояла у меня в кабинете, и я несколько раз в день занимался прикладкой, тратя на это 2 – 3 минуты. Благодаря этому в моем послужном списке три раза записано о получении за стрельбу императорских призов.

6 декабря 1908 года я был произведен в подъесаулы.

Хутор Балабинка [33]

В 1909 году мне удалось получить отпуск на четыре месяца. Я списался со своим братом Владимиром, живущим в Новочеркасске, и мы с нашими семьями провели лето на хуторе Балабинка (основанном предками) в 12 верстах от Семикаракорской станицы. Зимовник в это время был уже продан. С нами была няня, пожилая женщина из Пошехонья, первый раз в жизни попавшая на юг. Она удивлялась всему: и гостеприимству незнакомых казаков, и обилию винограда, арбузов и дынь, колоссальному в этом году урожаю хлебов – казаки засыпались зерном, некуда было его ссыпать и прочее. Когда появились первые огурцы, няня захотела купить один и, приноравливаясь к петербургским ценам, не знала, дадут ли ей один за двадцать копеек. Подошла к приехавшему торговцу и молча протягивает двугривенный. Торговец торопился и крикнул: «Поднимай передник», и няня не успела опомниться, как торговец насыпал ей полный передник огурцов. Жена спрашивает: «Няня, зачем вы так много купили?» – «А я думала, что он мне даст один».

Я с братом был ежедневно на охоте. Кроме реки Сал, притока Дона, Балабинка окружена озерами, и охота там хорошая. Благодаря великолепному урожаю прислугу нельзя было нанять – все работали в поле, и жене, и няне приходилось самим чистить птицу и готовить, а я ежедневно приносил больше десятка, а за лето (три месяца) убил 682 штуки разной дичи.

Ездил я на несколько дней на зимовник к В.Я. Королькову[79] , новому хозяину нашего зимовника. С грустью обошел я все родные места, где родился и провел чудное детство и юность.

6 декабря 1909 года я награжден орденом Святой Анны 3-й степени.

6 октября 1910 года назначен командиром 3-й сотни.

26 августа 1912 года произведен в есаулы и в этот же день награжден медалью в память 100-летнего юбилея Отечественной войны.

Глава 6
ПОЕЗДКА НА КАСПИЙСКОЕ МОРЕ. БРЯНСКАЯ КОСА

6 сентября 1912 года. Наконец мы в вагоне и едем к берегам Каспийского моря – на Брянскую косу и к дельте Терека. Мечта, задуманная мной и Михаилом Михайловичем Алфераки[80] , наконец осуществляется. Отпуск получили на два месяца и везем с собой по два ружья, винтовки, маузеры с двумя сотнями патронов, около 2000 ружейных патронов на каждого, консервы, палатку, летнее, осеннее и зимнее платье (неизвестно, какая будет погода). За денщика с нами казак Иванков.

9 сентября в 7 часов вечера мы прибыли в Хасав-Юрт[34] Терской области, где ночевали в прекрасной гостинице «Жилин-Юрт». Чудный воздух, тепло, все небо усеяно звездами. Когда же выезжали из Петербурга, было холодно, шел мокрый снег.

На следующий день, двумя подводами, выехали в Кизляр, столицу терских казаков – 90 верст от Хасав-Юрта. Приехали, было уже темно, в лучшей гостинице грязь, вонь, ничего достать нельзя. 11 сентября, после всевозможных неприятностей с ямщиками-черкесами, выехали из Кизляра и вечером приехали на место – в село Брянское. Я позвал старосту села и просил нам нанять квартиру на один месяц, сообщив ему, что мы, офицеры, приехали из Петербурга на охоту. Просил дать нам проводника-охотника, показать нам места, где можно лучше поохотиться, что мы ему заплатим, сколько он хочет. Староста обещал все это выполнить.

Утром явился староста и доложил, что сход готов. На мой вопрос «зачем», он ответил: «А я думал, что вы будете что-либо приказывать». Я ему снова объяснил, что мы приехали исключительно на охоту, и он недоверчиво, подозрительно посмотрел на меня. Квартиру он нашел нам у самого ерика, который при северном ветре часто сливается с морем. Прекрасный вид на косу. Квартира – особняк пять комнат, старуха кухарка и горничная, ее внучка 13 лет, – все за 14 рублей в месяц. Жара страшная. В 4 часа дня выехали на охоту с двумя провожатыми. Вечером ели на берегу чудный суп из авдоток, которых до тех пор видели только на картинках. Спали на парусе, завернувшись в бурки. Вместо подушки у Михаила Михайловича ягдташ, у меня мешочек с мелочью. Масса комаров – едят безжалостно. Домой вернулись на следующий день в 2 часа дня.

Убили за эту охоту 54 штуки дичи и болотного луня.

Провожатые признались нам, что их послали с нами выведать, что мы за люди и зачем приехали, так как нельзя же поверить, чтобы два офицера приехали за тысячу верст птичек стрелять. Им советовали напоить нас, чтобы лучше узнать о наших намерениях. Провожатые говорили: «Мы видели, как вы охотились, и убедились, что вы приехали только поохотиться. Но все село Брянское не поверило даже нам и страшно интересуется, кто вы и зачем приехали». Оказалось, что некоторые говорят, будто мы «инженеры» и приехали отбирать землю у их врагов, тушиловцев. Другие думают, что мы приехали судить инженеров, которые подрядились рыть у них колодец, но, взяв около трех тысяч рублей, уехали за инструментами и уже два года не приезжают. Большинство же приняло меня за разбойника Зелим-хана[35], приехавшего на разведку. Начальник рыбного промысла сказал, что он при моем приближении спрячется в погреб и я его все равно не найду. Многие жалеют нашу хозяйку, уговаривают ее отказать нам в квартире, говоря, что от Зелим-хана хорошего не жди. Никто не верит, что мы приехали на охоту. Уже второй день ищем и не можем найти подводу съездить на ильменя (так здесь называют все озера) к дельте Терека. Никто не хочет дать, все говорят: «Самим надо». Нам было понятно, что просто боятся дать Зелим-хану. Наконец наняли почтовых лошадей. По дороге заехали к помещику Агинцеву, который рассказал нам, что Зелим-хан, местный разбойник, уже делал ему предупреждение об ограблении и убийстве и что сам Агинцев спасался на одном острове Каспия в 70 верстах от берега, где в свою очередь его приняли за Зелим-хана.

Несколько раз содержатель почтовых лошадей, черкес-тавлин, возил нас на ильменя и в назначенный день приезжал за нами. Один раз, когда в очень жаркий день мы возвращались с охоты, Михаил Михайлович снял фуражку. Когда въехали в лощину, стало очень прохладно. Я говорю: «Надень фуражку, простудишься». – «Нет, не простужусь». Тогда оборачивается тавлин и почти кричит: «Ей-бог надень шапку, ей-бог надень шапку». Мы много смеялись.

Тавлин рассказал нам, что недавно привез себе вторую молодую жену, так как первая уже устарела. «А как же первая согласилась на «вторую жену»?» – «Я ее не спрашивал и вторую обманул, сказавши, что у меня совсем нет жены». – «Да ведь это нехорошо». – «Ну а что же делать? Она не пошла бы ко мне, если б знала, что у меня уже есть жена». – «А как же они живут?» – «Не дай бог – все время ссорятся, дерутся».

У ильменей мы спали в палатке. Утром, до света, уходили в

разные места. К 12 часам дня приходили к палатке и втроем, садясь вокруг котелка, обедали. У каждого была ложка, а вилка одна на троих, чтобы доставать из котелка куски птицы. Пили чай и на час ложились спать. В это время Иванков чистил ружье. Опять расходились в разные места и охотились до позднего вечера, пока видно было стрелять. Чтобы не заблудиться в камышах, Иванков разводил большой костер. Возвратившись, ужинали и ложились спать.

В Брянском селе купались и снаряжали патроны. Михаил Михайлович снимал шкурки с некоторых птиц для своей коллекции. Внучка хозяйки приносила нам стерлядь, иногда больше себя ростом.

В селе Брянском явился к нам чиновник, начальник участка, и рассказал, что его срочно вытребовали мужики, приняв меня за Зелимхана. Я видел в окно, что мужики, собравшись группой, выглядывали из-за угла дома, видимо волнуясь за судьбу своего начальника. Мы же от него узнали, где можно поохотиться на фазанов и на диких свиней. Когда этот начальник успокоил мужиков относительно нас, то по селу нельзя было пройти, а мы ходили только на почту, все старались затащить нас к себе и угостить. Мы с трудом отбивались от этих приглашений.

Наконец наша охота окончилась. За это время мы вдвоем убили 500 штук разной дичи. Иванков засолил дичь в два бочонка, и мы отправили их в Петербург малой скоростью.

К югу от Брянской косы пароходы не ходят, и мы предполагали доехать до Астрахани, потом на другом пароходе морем до Петровска и по железной дороге, через Владикавказ, на Дон. От Брянской ехали на товарном пароходе. Капитан уступил нам единственную каюту. По краям две кровати, посередине, на полу, Иванков. Поднялась буря, страшный шторм, волны перекатывались через пароход. Меня укачало. Лежим. Я говорю Иванкову: «Посмотри, что там делается?» Иванков, держась за стенку, поднялся наверх. Через пять минут пришел, упал на свою постель, отдышался и говорит: «Беда, волны гуляют по пароходу и все сметают, все мокрые». «Шторм столько-то баллов (не помню сколько), нас на канате держит баржа, которую мы везем. Если канат лопнет, мы через минуту будем на дне». Успокоив нас таким образом, капитан ушел. Слава богу, канат не лопнул, но охота плыть в Петровск у меня пропала. Сели в Астрахани на большой волжский пароход и доплыли до Царицына. Там переночевали и по железной дороге приехали в имение М.М. Алфераки недалеко от Таганрога. От него я на пару дней поехал в село, где замужем за священником жила моя сестра. У сестры только что родился ребенок. Через день были крестины, и я стал

крестным отцом.

От М.М. Алфераки я поехал в Ярославль, где у своих родителей все это время жила моя жена.

5 ноября мы приехали в Петербург.

6 декабря 1912 года я награжден орденом Святого Станислава 2-й степени.

25 апреля 1913 года я назначен командующим сотней Его Величества, а 24 июля Высочайшим приказом я утвержден командиром сотни Его Величества.

С 30 сентября по 8 октября я временно командовал полком и одновременно замещал заведующего хозяйством.

Лето 1913 года мы всей семьей провели на берегу Азовского моря в станице Новониколаевской Таганрогского округа. Мы сняли дом с фруктовым садом на высоком обрывистом берегу Азовского моря.

С 29 июня я каждый день бывал на охоте, а до 29-го ездил на север Донской области, где недалеко от станции Тарасовка надо было продолжить контракт с арендаторами. Главный арендатор, здоровый, крепкий старик 60 лет с белой бородой до пояса, его 40-летний сын с такой же длинной черной бородой и 20-летний внук тоже с длинной бородой. Обойдя участок, вошли в их хату, чтобы подписать контракт. Я торопился, чтобы не опоздать на поезд, а этот 40-летний вышел из хаты. Я говорю: «Ну зачем же он вышел – я тороплюсь». – «А малой, должно, покурить пошел». – «Ну курил бы здесь». – «Как? При мне? Он этого не смеет». Вот патриархальность. Ведь «малому» 40 лет.

В станице Новониколаевской я познакомился с есаулом Николаем Иовичем Гриневым, страстным охотником. И станица Новониколаевская выбрана была местом для отпуска после того, как прочитал в охотничьем журнале его статьи об охоте в их станице. С ним мы все время охотились. Приезжал к нам из Темрюка кубанец Назаров, член Государственной думы, очень симпатичный, тоже страстный охотник и прекрасный стрелок, как и Гринев. Иногда они охотились на перепелов, а я больше любил сидеть у воды и стрелять пролетающих мимо меня уток и куликов. Как-то я сидел, ожидая перелета птиц, и задумался: «Как хорошо здесь. Великолепный воздух, солнышко, зелень, поют птички, тепло, уютно... Через десять дней я буду в Петербурге. Как там все не похоже на здешнее. Не так живут люди, как следовало бы. Все исковеркали, все испортили. Интриги, обман, сплетни, все показное, натянутое, неискреннее...»

Долго смотрел я на море и любовался им. Ветер затих, садилось солнце. Море приняло розовый цвет. Вдали плавали утки, с криком пролетали чайки... Где-то вдали разговаривали

казарки... Так хорошо, что, кажется, никогда бы не ушел отсюда, а смотрел бы и слушал без конца...

Там же, в Новониколаевской станице, познакомился с рыбником Василием Прокофьевичем. Он иногда приглашал меня с женой к себе и угощал замечательным балыком, какого не найти в продаже. Между прочим он спросил: «Правда ли, что в Петербурге рыбу надо есть только одним ножом?» – «Не ножом, а только одной вилкой». Он даже откинулся на спинку стула: «Ну, уж это я совсем не понимаю».

Чтобы отблагодарить его, мы пригласили его к себе на ужин, и жена особенно старалась над провансалем. Так этот рыбник ни за что не захотел и попробовать его. «Я, – говорит, – боюсь есть ваши петербургские кушанья».

Старшей моей дочери Ольге было тогда пять лет. Я говорю жене: «Надо бы Лялю уже молитвам учить». – «А я знаю», – говорит Ляля. «Что же ты знаешь?» – «У Василия Прокофьевича в носу противно». – «Что ты глупости говоришь? Откуда это у тебя?» – «А так няня молится». Позвали няню. Няня говорит, что ничего подобного она никогда не говорила. «Какие молитвы вы читаете?» Оказалось, что в молитве «Спаси Господи» слова «На сопротивные даруя» ребенок перевернул по-своему.

Наше офицерское собрание выписывало балык от Василия Прокофьевича.

Во время Великой войны один раз Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич обедал у нас в офицерском собрании. Ему так понравился этот балык, что мы все, что у нас было, отнесли к нему в вагон. Я сообщил об этом Василию Прокофьевичу.

У есаула Гринева был сын во 2-м классе кадетского корпуса в Новочеркасске. Этот сын бежал из корпуса и объявил отцу, что ни за что в корпус не возвратится, а хочет быть моряком. «Лучше быть хорошим моряком, чем плохим офицером». Чтобы пропала у мальчика охота быть моряком, Николай Иович дождался, когда на море был страшный шторм, сел с сыном на пароход, чтобы от Кривой косы доехать до Мариуполя, а в Азовском море штормы хуже, чем в океане. Шторм был действительно ужасный. Николай Иович страшно страдал. Не только пассажиры, но и матросы лежали вповалку – один сын Гринева с разгоревшимися глазами как ни в чем не бывало бегал по пароходу и старался всем помочь, так что пришлось все-таки отдать его в мореходные классы.

Барышней моя жена с родителями проехала из Одессы во Владивосток и обратно, потом на юг Франции, в Ниццу, и ее не укачивало. А пароход несколько часов из Таганрога до Кривой

косы к станице Новониколаевской так ее укачал, что она ни за что не захотела возвращаться морем, и мы по окончании отпуска из станицы до Таганрога ехали на лошадях.

С 1906 года я стал охотиться и в Петербурге. Записался в Императорское охотничье общество, арендующее земли у Красного Села и леса между станциями Пено[36] и Охват[37] в Тверской губернии... Сам я арендовал небольшой участок земли по Балтийской железной дороге, куда ездил со своим постоянным компаньоном Александром Петровичем Бармасовым. А.П. Бармасов поступил в полк седельным мастером и, окончив службу, остался в полку электротехником. Охота на Ладожском озере была только осенью. У Шлиссельбурга, то есть у истока Невы, Ладожское озеро имеет очень быстрое течение, и выбраться из озера может только очень сильный и опытный гребец. В истоке Невы, на огромной скале, стоит Шлиссельбургская крепость. За этой крепостью и начинается охота. Обыкновенно мы выезжали из Петербурга вечером по узкоколейной железной дороге до станции Шереметьевка. На лодке переезжали Неву и ночевали в Шлиссельбурге, в гостинице «Орешек». С рассветом выезжали на лодках в озеро и охотились на уток, которые при северо-западном ветре скоплялись у Шлиссельбурга. Чем больше было лодок, тем удачнее была охота. При благоприятной погоде в праздник иногда выезжало на озеро больше ста лодок. Стрельба была очень трудная, так как при сильном ветре лодку качало страшно.

Очень трудна и опасна была переправа на лодке через Неву у Шлиссельбургской крепости. Могучее течение несло лодку вниз. Ехать надо было версты три вверх по реке вдоль берега и потом переваливать через реку. Ночь, темно, плохо видны заколы, обозначающие фарватер реки. Лодка несется со страшной быстротой, и ею почти невозможно управлять. Один раз, 24 октября 1906 года, нас встретил наш лодочник Иван Кривой в очень нетрезвом виде. С бешеной скоростью мы несемся прямо на заколы. Иван изо всех сил работает веслами, но ничего не может поделать. Кажется, еще несколько минут, и мы, налетев на закол, разобьемся вдребезги – никто не сможет нам помочь. Ехавший с нами купец пытается управлять и то и дело кричит Ивану: «Правый, левый, греби тем веслом, смотри направо!» – ничто не помогает, и мы в ужасе несемся на заколы, но Бог спасает нас. Каким-то чудом мы проносимся на несколько вершков от заколов и остаемся живы. Все мы притихли и сидим под впечатлением пережитого. Только в первом часу ночи мы прибыли в гостиницу «Орешек».

Возвращались с охоты всегда на пароходе по Неве. Вверх против течения пароход идет четыре часа, вниз, к Петербургу, три

часа. Нева длиной 60 верст.

В начале июля 1914 года с визитом к Государю Императору приезжал президент Французской республики г-н Пуанкаре[38]. Я с сотней Его Величества назначен был сопровождать его. От пристани мы, окружив коляску президента, поехали в Петропавловский собор, к гробницам императоров. В коляске с президентом был генерал-адъютант Пантелеев[81] . Из Петропавловского собора поехали во французское посольство, там, в нескольких комнатах, был обед. В нашей мы пили с французами за встречу русской и французской армий в Берлине. После обеда проехали по городу, на четверть часа заехали в городскую думу, и потом на пристань, мне президент пожаловал орден французского Почетного легиона, а моим офицерам, хорунжему Кононову и хорунжему Зубковскому, маленькие офицерские ордена.

На следующий день на военном поле у Красного Села был парад войскам, но наш полк, как не находящийся в этом году в лагере, на параде не участвовал.

Один раз зимой Государь вызвал наш полк на смотр из Петрограда в Царское Село. Офицеры на ночь были размещены во дворце, а казаки в казармах лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка. В 8 часов вечера все офицеры были приглашены к Государю на обед. Все сидели в одной комнате за отдельными круглыми столами. Государыня сидела за столом Государя. Кроме офицеров нашего полка, были только дежурные генерал-адъютант, флигель-адъютант и статс-дама Нарышкина. Разговор был общий, или, вернее, говорил Государь, а мы слушали.

После обеда все перешли в соседнюю комнату, где образовались две группы – вокруг Государя и вокруг Государыни, и разговор продолжался. Государь заметил, что все мы обращаем внимание на распущенный темляк его шашки, и сказал: «Вы смотрите, что у меня темляк не форменный? Ну пусть он будет форменным» – и таким образом Государь вернул полку темляк, который офицеры полка носили до реформ Императора Александра III. Старые офицеры особенно радовались, говоря: «То, что отобрал у нас Император Александр III, вернул император Николай II».

Смотр на следующий день прошел прекрасно, и после завтрака во дворце мы отправились в Петербург.

За все парады, смотры, учения и маневры в Высочайшем присутствии все солдаты и казаки получили от Государя по одному рублю; ефрейторы и приказные по рублю пятьдесят; младшие унтер-офицеры и урядники по три рубля; старшие

унтер-офицеры и урядники по пяти рублей; вахмистры и фельдфебеля на действительной службе по десяти рублей, а сверхсрочные по двадцати пяти рублей.

В день нашего полкового праздника Государь обыкновенно бывал в Крыму, и полк посылал ему, как своему шефу, поздравительную телеграмму, но раз он не поехал туда и жил в Петергофском дворце. В день полкового праздника он пригласил к себе во дворец на обед всех офицеров с женами, а одну сотню в конном строю для участия на параде вместе с Конвоем Его Величества (полковой праздник у Конвоя был тоже 4 октября). Шел сильный дождь, и парад, к общему неудовольствию, сделали в манеже в пешем строю. Но во время обеда выглянуло солнышко, и Государь пожелал видеть нас и в конном строю. Протрубили тревогу, и через 20 минут все уже стояли на плацу в парадной форме. Государь удивился быстроте, так как все парадные мундиры казаков были уже уложены в сундуки для отправки в Петербург.

Когда полк наш справлял столетний юбилей Лейпцигской битвы[82] , у нас в полку были особые торжества. Утром в этот день в Михайловском манеже был молебен в присутствии Государя Императора и парад в конном строю. На молебне пел войсковой хор, прибывший к этому дню из Новочеркасска. Обедал Государь в этот день у нас в собрании. Были также Великий князь Николай Николаевич с супругой и другие Великие князья (не помню, кто). Во время обеда великолепно пел войсковой хор.

На следующий день Государь Император пригласил всех наших офицеров с женами на обед в Зимний дворец. На обеде присутствовала вся царская семья, были Великие князья и иностранные гости. После обеда Государь подарил полку великолепную большую картину – атака лейб-казаков в 1813 году, специально Государем заказанную ко дню нашего юбилея. Стоя у этой картины, Государь разговаривал со мной и интересовался, почему 4 октября, когда Он был в Крыму, телеграмма ему была подписана мной. Я ответил, что старшие в это время были в отпуске, и я временно командовал полком, а был я тогда есаулом.

На юбилейных торжествах все офицеры и казаки получили юбилейные бокалы с портретом Государя Императора, а офицеры, кроме того, бронзовые медали, на одной стороне которой буквы А-Ій и Н2, а на другой стороне портреты трех императоров – русского, австрийского и германского.

Много раз приходилось встречать Государя во дворце на «больших выходах» и один раз на балу в Зимнем дворце. На бал и ужин после бала были приглашены все гвардейские и армейские офицеры Петербургского гарнизона. Бал открылся полонезом

Государя, Государыни и еще не помню, всего три пары. В открытом коридоре, рядом с большим Николаевским залом, стояли столы, в изобилии уставленные всякими яствами и сладким. В изобилии были также всевозможные водки, вина, крюшоны, шампанское... После часу или двух (не помню) все были приглашены на ужин. Каждый должен был найти у прибора свою карточку. Когда все стали у своих мест, была прочитана и пропета молитва, и все сели. Государь сидел недолго. Он, как хозяин, обходил все столы, наблюдал, к некоторым обращался с коротким вопросом... Выходя после ужина, все кланялись Государю и благодарили.

6 января, на Богоявление, Государь Император обыкновенно выходил на иордань[39] на Неву. Против Иорданского подъезда строилась деревянная площадка – помост с прорубью посередине, а сверху помост прикрывался балдахином. От Иорданского подъезда, поперек набережной, – ковер к помосту. С двух сторон от Троицкого моста и от Дворцового, лицом к помосту, стояла гвардейская пехота. На Крещенский парад приглашались во дворец все офицеры гвардии и армии Петербургского гарнизона. Все были в парадных мундирах, а дамы, имеющие приезд ко Двору, статс-дамы, фрейлины и «городские дамы», – все в русских сарафанах и кокошниках. Приглашалась, конечно, свита, чины Двора, гофмейстеры, егермейстеры, камергеры, камер-юнкеры, министры, члены Государственного совета и сенаторы, а также камер-пажи и пажи. Все становились шпалерами в определенных местах Николаевского зала по старшинству полков, как и на всех царских выходах.

Церемониймейстер стуком палочки предупреждал о выходе Их Величеств из своих покоев. Все разговоры сразу смолкли, и все взоры устремились в сторону, откуда должен выйти Государь. И какая была радость и счастье, когда видели Государя в форме своего полка. Впереди шел Государь Император с Императрицей Марией Федоровной[83] , за ними Государыня Императрица Александра Федоровна с Великим князем Михаилом Александровичем, братом Государя. За ними дочери Их Величества, потом Великие князья и княгини и затем дамы по старшинству. За Государынями, с двух сторон, шли камер-пажи, поправляя, а иногда и неся очень длинные шлейфы Их Величеств.

Из церкви в сопровождении адъютантов выносились знамена и штандарты Петербургского гарнизона, хранящиеся в Зимнем дворце, а также привезенные на этот день из Царского Села, Гатчины и Петергофа.

Из церкви, на иордань, с крестным ходом шли митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский[84] с сонмом духовенства и

придворными певчими. Шла также свита и назначенные лица.

В момент погружения Святого Креста в Неву, при пении «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи»[40] гвардейская батарея, стоящая на другой стороне Невы, давала салют – три залпа холостыми снарядами… Все офицеры и дамы, не спустившиеся к Неве, смотрели на водосвятие из окон Николаевского зала.

В 1905 году вольноопределяющийся, отбывавший воинскую повинность в батарее, в одно из орудий гвардейской конной артиллерии вложил вместо холостого боевой снаряд шрапнели и направил орудие не вдоль Невы, а на Зимний дворец.

Когда после залпа шрапнель запрыгала по льду Невы у самого помоста, Государь не дрогнул, тогда как на лицах свиты был страх и волнение… От залпа в Николаевском зале посыпались стекла, и мы поднимали с пола кусочки свинца. Ужасный случай. Командир батареи был отрешен от должности. Понесли наказание и другие лица.

По окончании водосвятия все в таком же порядке прошли по направлению к покоям Их Величеств мимо шпалер стоящих офицеров.

На второй день Пасхи Государь всегда христосовался со всеми чинами, находящимися в наряде во дворце в пасхальную ночь, то есть с ротой пехоты – наружная охрана, ночной разъезд казаков вокруг Зимнего дворца и взвод внутреннего караула от кавалерии или казаков. Каждого Государь целовал три раза. От Государя подходили к Государыне, целовали ей ручку и получали фарфоровое яйцо.

В полку Пасху справляли торжественно. Пасхальный стол изобиловал всякой всячиной. В бригадной церкви служили заутреню и литургию. Некоторые офицеры после заутрени уходили в офицерское собрание и «начерно» разговлялись. Командир полка, часть офицеров и все казаки стояли в церкви до конца литургии.

Стол в офицерском собрании оставался совершенно нетронутым до самого возвращения командира полка после литургии. Все христосовались и начинали разговляться.

В каждой сотне были накрыты пасхальные столы для казаков. Обыкновенно каждый офицер христосовался с казаками своей сотни.

На следующий день офицеры делали визиты своим полковым дамам и знакомым. Все были в парадных алых мундирах, было торжественно и весело. Конечно, были визитеры и из других полков, у каждого было много знакомых, кого необходимо было поздравить с праздником.

Целый день раздавался трезвон колоколов всех церквей

города.

Лошади в этот первый день Святой Пасхи оставались непроезженными – казаки были свободны целый день и приходили в конюшню только задать корм лошадям.

Пища казакам была улучшена, и все получили по получарке водки – так писалось в приказе по полку (получарка – это пол чайного стакана).

Как-то дней через двадцать после Пасхи из одного села дальней губернии по постановлению сельского схода приехали в Петербург так называемые «ходоки» просить о чем-то правительство. Побывали у нескольких министров, все их принимали гордо, наспех, обещались рассмотреть дело и сделать все, что могут. Не уверенные в успехе, они решили обратиться к Царю и записались в очередь на прием. Как только они вошли в кабинет Царя, Государь Император встал и со словами «Христос Воскресе» всех расцеловал, усадил и начал подробно расспрашивать о деле, записывая кое-что в блокнот. После приема распрощался со всеми за руку и отпустил со словами: «Езжайте с Богом домой, все будет сделано, как вы просите». Со слезами радости вышли крестьяне от своего Царя, сравнивая его прием с приемом министров.

Во время приема Государем своих министров и посетителей пятилетний наследник Цесаревич Алексей Николаевич – атаман всех казачьих войск – часто бегал по комнатам дворца. Как-то военный министр ждал очереди в соседней с кабинетом Государя комнате и рассматривал журналы, лежащие на столе. Вбежал наследник, несколько раз пробежал мимо увлекшегося журналом военного министра, затем вдруг остановился и спросил: «Скажите, генерал, что – генералы должны отдавать честь и приветствовать наследника престола?» Военный министр вскочил, и в это время адъютант доложил, что Государь ждет министра. На вопрос Государя: «Что с вами? На вас лица нет» министр ответил: «Я сейчас получил страшный разнос» и рассказал как все было. Государь задумался и сказал: «Да, это не я».

1 мая все войска из Петербурга уходили в лагери. В конце мая происходили смотры эскадронных и сотенных учений. Это серьезный экзамен для эскадронных и сотенных командиров, влияющий на дальнейшую их судьбу, – чтобы знать о новых требованиях начальника дивизии, эскадронные и сотенные командиры старались посещать эти смотры в других полках. Три наших командира сотен со своими вестовыми поехали из Дудергофа, где мы стояли летом, в Гатчину на смотр кирасир Ее Величества. Во время смотра неожиданно приехал Государь. Он

просил начальника дивизии продолжать смотр, не обращая на него внимания, а сам следил за смотром, разговаривая с окружающими. Государь Николай II был великолепным наездником, как и все дети Императора Александра III. Александр III плохо ездил верхом и не любил это занятие. Зная этот пробел своего воспитания, необходимого военному, своих детей он сделал великолепными наездниками. Император Николай II часто ездил небрежно, забывая, что под ним хотя и отлично выезженная, но живая лошадь. И теперь он, бросив поводья, вынул ноги из стремян, протянул их на плечи своей лошади и весело разговаривал с окружающими. Берейтор, возмущаясь, говорил: «Посмотрите, что он делает, ведь это живая лошадь, и здесь чуть не в нескольких шагах скачут кирасиры – долго ли до греха, а за последствия отвечаю я». И действительно, лошадь Царя вдруг неожиданно полным карьером поскакала в поле. Государь не успел поймать ногами стремена, пытался остановить ее, но безуспешно. Все поскакали за Государем, но один казак, вестовой одного из приехавших командиров сотни, поскакал наперерез и, схватив под уздцы лошадь Государя, остановил ее. Государь смеялся над своей оплошностью, и, когда к нему подскакал генерал Воейков[85] , он сказал: «Дайте казаку или золотые часы с цепочкой, или десять рублей». Конечно, казаку дали часы, а потом Воейков сказал Государю: «Казаку дали часы, но за десять рублей не только золотые, но и железные часы купить нельзя, а золотые, да еще с императорским орлом и за сто не купишь». Государь ответил: «Это громадный пробел моего образования – я никогда не знаю, что сколько стоит».

Со всеми Государь держал себя очень просто, у всех оставлял неизгладимое впечатление. Он любил прогулки пешком и охотно разговаривал со встречными. Старик фотограф в Барановичах, с которым я иногда ходил на охоту, придя ко мне, со слезами на глазах рассказывал, как встретил Государя, как Царь расспрашивал его, давно ли он здесь, сколько зарабатывает и прочее, и как он с ним попрощался за руку.

Однажды Государь с несколькими сопровождающими гулял в лесу у Барановичей, когда наш полк был там в конвое. Государь всегда ходил быстро. Идя по тропинке впереди, он после нескольких поворотов скрылся от своей свиты и, выйдя на опушку, остановился около старика, рубившего дрова. Государь сказал: «Здравствуйте». Старик чуть взглянул на него, ответил: «Здравствуйте!» – и продолжал рубить. Государь спросил: «Ты знаешь, кто я?» Старик оглядел его с ног до головы и ответил: «Ахвицер». – «Я Государь». Старик с испугом посмотрел во все стороны – не слышал ли кто – и говорит: «Ты с этим не шути, а то

тебе дадут такого Государя, что ввек не забудешь». В это время на опушку вышла свита и обратилась к Царю с претензией: «Ваше Величество, нельзя же так уходить от всех, мы страшно волновались и во все стороны разбежались, ища вас». – «А я здесь со стариком разговорился. Ну, до свидания, всего хорошего». Совсем испуганный старик все кланялся Государю.

Летом в лагере наши сотни, как я уже писал, стояли в разных деревнях. Как-то, возвращаясь с маневров, Государь проезжал мимо кухни нашей 4-й сотни. Кашевар в колпаке стоял у дверей сотенной кухни. Поздоровавшись с ним, Государь спросил: «Готов ли обед?» – «Так точно, Ваше Императорское Величество». Государь сошел с лошади и деревянной казачьей ложкой начал есть казачьи щи и кашу. Проголодавшаяся свита также с удовольствием подкрепилась казачьей пищей. Государь благодарил повара и пожаловал ему серебряные часы с цепочкой для ношения на груди.

Когда Государь бывал в офицерских собраниях, то всегда награждал часами казака, подававшего ему блюда.

Однажды, во время маневров, подъехал экипаж с завтраком для Государя и свиты. «А для нижних чинов закуска имеется?» – спросил Государь, показывая на солдат, державших лошадей его и свиты. Оказалось, что для них специально ничего не приготовлено. Завтрак в походных кухнях их полков часто бывал далеко от Государя и свиты. И только когда все солдаты получили свою долю, Государь подошел к своему завтраку. После этого для солдат свиты тоже стали привозить пищу.

Командир полка генерал Дембский был замечательным хозяином. Каждый год в приказе по дивизии ему объявлялась благодарность за увеличение экономии полковых сумм. Каждый день он обходил все мастерские и наблюдал, чтобы ничего не пропадало. Из двух пришедших в негодность седел он требовал сделать одно годное. Все нестроевые его боялись, зная, что генерал Дембский все увидит и ко всему придерется. Раз, войдя в шорно-седельную мастерскую, он строго спросил казака: «Ты что делаешь?» – «Из одного два, Ваше превосходительство». Все рассмеялись, но генерал серьезно сказал: «Молодец, так и делай из одного два». Чтобы получить больше экономии, он приказал вновь строящиеся шинели делать короче на четыре пальца. Все были недовольны, но экономия получилась большая.

Генерал Дембский был холост, всегда завтракал и обедал в собрании с офицерами и всегда что-нибудь рассказывал. Один раз он говорит: «Еду на извозчике и обгоняю казака, не по форме одетого. Остановился и говорю: «Ты чей? Почему одет не по

форме? Перед уходом из казарм являлся дежурному?» – «Никак нет, Ваше превосходительство». – «Так ты самовольно отлучился?» – «Так точно, самовольно, Ваше превосходительство». – «Иди скорее в полк, в следующий раз под арест посажу». И когда генерал Дембский приказал извозчику ехать, казак, кузнец Львов, крикнул: «Ваше превосходительство, не говорите господину вахмистру». Вахмистров казаки боялись больше, чем командира полка.

Генерал Дембский был очень моложав, и его порой не признавали за генерала. Он рассказывал: «Встречаю часто на военном поле полковника-артиллериста, который, видимо, возмущен, что я не отдаю ему честь. Чувствую, что будет скандал, – он хочет меня цукнуть, но, видимо, стесняется, может быть, думает, что у меня плохое зрение». Один раз, перед полковым учением, генерал Дембский уехал вперед и видит, что три батареи пересекают военное поле по диагонали. Он направляется к средней батарее и как раз наталкивается на этого полковника, а у того вид такой: «Ну если ты слепой и раньше не замечал, что я полковник, то теперь видишь, что я перед батареей, значит, полковник». Генерал Дембский останавливается перед полковником и говорит: «Скажите, полковник, вы учиться хотите или едете на стрельбище?» Тогда полковник обратил внимание на погоны и во все горло закричал: «Батарея – смирно!» – «Не беспокойтесь, полковник, но сейчас военное поле по расписанию наше и здесь будет производиться полковое учение». – «Едем на стрельбище, Ваше превосходительство, только проедем через военное поле». – «До свидания». «Все обошлось хорошо, теперь меня не цукнет», – добавил генерал.

Один раз в купе вагона старый пехотный полковник покровительственно разговаривал с генералом Дембским, который был в летней николаевской шинели, закрывающей погоны. «У вас, казаков, какие-то странные чины – хорунжий, сотник». – «Не странные, у нас русские названия вместо немецких корнет, поручик и так далее». – «Ну вы, вероятно, уже есаул?» Дембский сконфуженно: «Нет, я генерал». Полковник вскочил. «Простите, Ваше превосходительство, я не знал». – «Садитесь, пожалуйста, мне только приятно, что вы приняли меня за молодого». Сидящий здесь хорунжий Дягилев едва сдерживался, чтобы не рассмеяться. Но полковник так был сконфужен, что через несколько минут перешел в другое купе.

Генерал Дембский командовал полком три года и получил Кирасирскую бригаду в нашей 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизии. Потом он получил дивизию, не помню какую, которой командовал до выхода в отставку по возрастному цензу с

производством в генералы от кавалерии и дальше служил в ведомстве Императрицы Марии Федоровны.

После генерала Дембского недолго командовал полком генерал Бернов[86] , бывший кавалергард. Он приходил в канцелярию в половине двенадцатого дня. Требовал, чтобы все хозяйственные чины ждали его, и каждого спрашивал, имеются ли к нему вопросы. И если у кого были вопросы, он разрешал их одной фразой. Потом шел с адъютантом в свой кабинет и спрашивал: «Есть бумаги для подписи?» – «Так точно, есть». – «Ну, отложим до завтра, завтра подпишу». И шел в собрание завтракать. На следующий день то же самое. Наконец бумаг накапливается много, и адъютант просит непременно подписать. «А есть срочные?» – «Так точно, есть очень срочные». – «Ну вот я завтра уже все подпишу». Наконец адъютант уже упрашивает: «Ведь это же недолго, за десять минут все подпишете!» Бернов сдается. Садится за стол, вздыхает и берет ручку. А бумаги сложены одна на другую так, чтобы было видно только место для подписи. Генерал Бернов говорит: «Ну, Господи, благослови» – и начинает подписывать: Бернов, Бернов, Бернов. Подписавши, не читая, бумаг 15, говорит: «Я, Петр Петрович, на вас, как на каменную гору» – и продолжает подписывать. Подписавши все бумаги, говорит: «Ну и поработали мы с вами сегодня» – и идет завтракать в собрание.

Но занятия в полку шли своим чередом. По традиции никто не смел опаздывать на занятия, и какой бы ни был «загул» ночью, в 8 часов утра все офицеры на работе, и требовалось, чтобы офицер не только присутствовал на занятиях, но чтобы он учил.

Иногда Бернов требовал пробные порции обеда в канцелярию, хвалил пищу, так как щи и каша всегда были приготовлены великолепно.

После Бернова полком командовал генерал Родионов[87] . Это был коренной лейб-казак. Он даже родился в наших казармах. На каком-то торжестве, не помню, генерал Родионов был зачислен в свиту Его Величества и одновременно с ним полковой адъютант П.П. Орлов зачислен флигель-адъютантом.

Генерал Родионов, обходя помещения полка, раздражался, если замечал где-либо паутинку, или сор, или картину, висевшую чуть косо, делал замечания, выговоры. Приказы по полку писал сам и исправлял параграфы, написанные адъютантом и заведующим хозяйством. Он выходил из себя, если находил в приказе ошибку. Один раз вхожу в канцелярию и вижу, что все: адъютант, полковник заведующий хозяйством, казначей, делопроизводитель по хозяйственной части, писаря – углубились в приказы и ищут ошибку. Адъютант говорит: «Ваше

превосходительство, никакой ошибки нет, все точно, как у вас написано в черновике». – «Плохо читаете». Оказывается, пропущена была одна запятая, и эту запятую вся канцелярия, бросив работу, искала полчаса.

После Родионова полком командовал генерал Пономарев, бывший офицер лейб-гвардии 6-й Донской Его Величества батареи. В турецкую войну в чине хорунжего он получил орден Святого Георгия 4-й степени. После войны он окончил Академию Генерального штаба, но по Генеральному штабу не зачислен. Это был скромный, тихий человек. Он любил посещать занятия полковой учебной команды, особенно уроки стрелкового и телеграфного дела. Задавал вопросы, давал написать телеграммы на аппарате. Экзаменовал, как умеют читать топографические карты, и прочее. В Лифляндии генерал Пономарев любил смотреть переправу учебной команды на фашинах через реку Аа Лифляндская, наблюдал разведку и тому подобное.

Перед обедом генерал Пономарев обходил все кухни, пробовал пищу, взвешивал порции мяса, причем брал самую большую на вид порцию и, взвесивши ее, уже по ней отмерял 5, 10 порций.

Потом генерал Пономарев был командиром нашей 3-й бригады и на войне командовал армейской казачьей дивизией.

После Пономарева полком командовал генерал Иван Давыдович Орлов[88] , взятый в свиту Государя на юбилейных торжествах. Он и повел полк на 1-ю Великую войну.

После него командиром полка был флигель-адъютант П.П. Орлов, двоюродный брат Ивана Давыдовича, взятый в свиту одновременно с производством в генералы.

После П.П. Орлова полк наш получил полковник Александр Митрофанович Греков, вскоре произведенный в генералы. При нем я стал командиром 12-го Донского генерал-фельдмаршала князя Потемкина Таврического полка.

Когда я вышел из лейб-гвардии в Казачий Его Величества полк, сотней Его Величества командовал есаул С.В. Еврейнов. Он принят был в полк без приписки к казачьему сословию. Еврейнов все хвалил своего денщика – умный, расторопный, дельный, но, видимо, очень бедный. Когда я ему даю, в конце концов, два рубля (так было принято в полку), он, видимо довольный, так весело мне говорит: «Покорнейше благодарю, Ваше высокоблагородие».

Один раз он говорит С.В. Еврейнову: «Хороший вы барин, а вот с браком». А Еврейнов был видный, представительный, великолепно сложен. «А какой же у меня брак?» – «Да вы не казак». – «Ну сделай меня казаком». – «Слушаюсь, Ваше

высокоблагородие». Еврейнов и забыл об этом, казалось, пустом разговоре, но не проходит и месяца, денщик подает ему бумагу, в которой объявляется о принятии Еврейнова казаком в станице Мелиховской. Зная, как непросто приписаться к казачьему сословию, Еврейнов спрашивает: «Как же ты это сделал?» – «Да у меня есть в станице друзья – они и сделали по моей просьбе. Теперь Вы, Ваше высокоблагородие, летом непременно должны посетить свою станицу. В августе я кончаю службу и из станицы вам сообщу подробный маршрут, как надо ехать. Из Ростова вверх по Дону идут пароходы по таким-то дням. Вы приедете поездом в Ростов, сядете на пароход, а в станице я встречу вас на пристани».

Вскоре Еврейнов получил подробный маршрут и отправился на Дон. В станице Мелиховской, на пристани, его встретил бывший денщик. Одет он был в великолепный черный костюм, но на голове красная лейб-казачья фуражка. Пройдя пристань, Еврейнов увидел шикарный экипаж с запряженной в него тройкой прекрасных лошадей. Усадив гостя, денщик садится рядом с ним и говорит кучеру: «Пошел!» Лошади рванули и понеслись. Еврейнов смущен. Он спрашивает: «Чьи это лошади и экипаж?» – «Мои, Ваше высокоблагородие». И Еврейнов уже не знает, как же величать бывшего денщика – по-прежнему на «ты» или по имени и отчеству, которого он и не знает. Спрашивает: «Куда же мы едем?» – «В станичное правление – там вас ждет вся знать станичная». Еврейнов говорит: «Надо бы мне переодеться, я в дорожном костюме». – «Ничего, все знают, что вы с дороги».

В станичном правлении целая шеренга казаков и на правом фланге – станичный атаман с булавой. Здесь же недалеко стоит священник. Получив благословение у священника, Еврейнов подошел к атаману, поздоровался с ним и сказал ему маленькое приветствие. Потом начал здороваться по очереди со всеми. Денщик представлял ему каждого казака. После этого перешли в другую комнату, где по всем правилам был сервирован стол. Рядом с Еврейновым сели атаман и денщик. Меню было составлено со вкусом. После тостов начали пить водку. Через некоторое время Еврейнов замечает, что на левом фланге, где сидели писаря, пьют вино, а на правом, где сидел он, все водку. Еврейнов и говорит: «Надо бы и нам переходить на вино – там уже вино пьют». – «Так они, Ваше высокоблагородие, ничего в водке не понимают, не стоит на них и водку переводить».

Денщик Еврейнова оказался одним из самых богатых и влиятельных казаков в станице – у него прекрасный дом и два магазина. А на службе будто бы радовался, получая, кроме жалованья, два рубля в месяц.

На 1-й Великой войне Еврейнов, будучи свитским генералом,

командовал дивизией.

После Еврейнова сотней Его Величества командовал граф Граббе Михаил Николаевич. Он числился казаком, так как еще его дед, будучи наказным атаманом Донского войска, был приписан к казачьему сословию.

Как-то Государь спрашивает графа Граббе: «Вы давно были на Дону?» – «Я, Ваше Величество, к своему стыду, должен сознаться, что еще ни разу не был на Дону». – «Вот этого я никогда не ожидал от вас». – «В следующее же лето, после маневров, я непременно пойду на Дон».

Наказным атаманом был тогда генерал Таубе[89] . Граф Граббе с ним объехал целый ряд станиц, частью в экипаже, частью верхом.

Потом граф Граббе командовал лейб-гвардии Сводно-Казачьим полком, был наказным атаманом нашего войска, а в эмиграции – выборным войсковым атаманом. Умер он в Париже.

Его брат А.Н. Граббе[90] , тоже наш лейб-казак, был командиром Конвоя Его Величества.

Глава 7
МОБИЛИЗАЦИЯ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. КОМАНДОВАНИЕ ПОЛКОМ

14 июля 1914 года была объявлена война. Был общий подъем, все рвались в бой. По объявлении войны все офицеры Петербургского гарнизона были приглашены в Зимний дворец, где Государь Император объявил о войне и сказал, что не заключит мир до тех пор, пока хоть один неприятельский солдат останется на территории России. Слова Государя были покрыты громовым «ура».

Подъем народа был небывалый. Когда Государь Император вышел на балкон дворца, многотысячная толпа, запрудившая всю Дворцовую площадь, с пением гимна «Боже, Царя храни» опустилась на колени. По городу ходили группы народа с плакатами «До победного конца» и другими подобными лозунгами.

Враждовавшие между собой партии Государственной думы объединились. Непримиримые враги – правый Пуришкевич[91] и левый Милюков[92] , которые до этого осыпали друг друга бранью и мешали говорить, – сделались друзьями. За несколько дней до мобилизации Милюков во время речи Пуришкевича кричал, стучал, не давал его слушать и, наконец, стал кричать: «Да что вы его слушаете, ведь это больной человек, ему доктора надо позвать, доктора позвать». Пуришкевич приостановился и крикнул: «А тебе ветеринара» – и продолжал речь. Теперь в отчете Государственной думы было сказано: «И первый раз в жизни Милюков и Пуришкевич назвали друг друга на «вы».

Благодаря совершенно исключительной организации объявление мобилизации по всей Российской империи прошло с быстротой молнии. Сразу все узнали о войне. Каждый полк имел свой план мобилизации. Части, находящиеся далеко от западной границы – петербургской, московской, казанской, и другие военные округа готовы были выступить в поход на третий день по объявлении мобилизации. Из Волыни выступление назначено было через четыре часа, а, например, во 2-м Донском казачьем полку, стоявшем в Августове, разведчики полка уже через два часа по объявлении мобилизации должны были быть за границей на территории Германии. Мобилизация проходила строго по расписанию, по часам. Каждый знал, что ему надо было делать. Один офицер ехал в Усть-Ижору за пироксилином[41], другой

принимал лошадей по военно-конской повинности для нестроевых, обоза и тому подобное. Сдавали старые вещи, принимали новые, шла укладка обоза, вьюков и другая необходимая работа.

Одновременно с объявлением мобилизации был издан приказ, запрещающий продажу спиртных напитков, и потому мобилизация прошла в идеальном порядке. Обыкновенно же проводы на службу в России, да и в других государствах всегда сопровождались пьянством.

О войне так много писали, что повторять я не буду и сообщу только некоторые эпизоды. Общее мнение было, что при современном оружии война продлится не больше 2 – 4 месяцев. Так думала вся Россия, и мы торопились скорее попасть на фронт. Была установлена очередь отправки полков Петербургского гарнизона, и наш полк был отправлен одним из первых.

Вначале мы составляли конвой Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича в Барановичах. 5-я и 6-я сотни полка, которые по мобилизации должны были прибыть с Дона, явились прямо в Барановичи, не заезжая в Петербург.

Станция Барановичи, пропускавшая обыкновенно в сутки 8 пар поездов, по мобилизации должна была пропускать 30 пар поездов, а в действительности принимала и отправляла 60.

В Ставке мы несли охранную службу и в свободное время проводили занятия с казаками. Верховный главнокомандующий жил в вагоне, в котором была и столовая. К обеду и ужину всегда приглашался командир полка генерал-майор Иван Давыдович Орлов, по очереди один из трех полковников, помощников командира полка, один из шести командиров сотен и один из младших офицеров. Был в вагоне специальный стол для офицеров лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка.

Когда в Ставку приезжал Государь Император, обед проходил в большой палатке, и на него приглашался командир полка, полковой адъютант и я, как командир сотни Его Величества.

Но полк рвался в бой, а Великий князь Николай Николаевич, очень суеверный человек, не отпускал нас, говоря: «Пока вы со мною – будет счастье. И у Великого князя Николая Николаевича Старшего[93] , в турецкую войну, ваш полк тоже был в конвое». А мы волновались – окончится война, а мы и в бою не были, стыдно будет возвращаться в Петербург... Поделились своим огорчением с Государем Императором, и Государь уговорил Великого князя Николая Николаевича отпустить наш полк на передовые позиции, уже из Петербурга мы получили от Его Величества телеграмму: «Поздравляю с походом». Ликованию не было конца. Назначен

был день отъезда. За обедом полковник П.П. Орлов говорит своему брату командиру полка: «Иван, а ведь отъезд назначен на понедельник». – «Как в понедельник? Не может быть». Посмотрели календарь, и Иван Давыдович вскочил и быстро пошел к Великому князю доложить об этом. Возвратившись, сообщил, что отъезд переложен на вторник. Вот суеверие.

Мы попали в армию генерала Ренненкампа[94] . Первый период войны 1914 года был для кавалерии наиболее интересным, хотя и очень тяжелым. Война была маневренной. Мы все время были в движении. Уходили из деревни, в которой ночевали, до рассвета и приходили в новую деревню, когда было уже совсем темно. Никогда не ночевали в одной и той же деревне. В этот период войны было много интересных атак, порой заходили в тыл противника и устраивали там панику. Немцы должны были охраняться со всех сторон и избегать встречи с нашей кавалерией, особенно с казаками, так как сразу обнаружилось значительное превосходство нашей конницы в сравнении с немецкой. Атак наших немцы не выдерживали и, завидев нашу конницу, особенно казаков, немедленно уходили. Благодаря этому наши так осмелели, что бросались в атаку, не разбирая числа противника.

Подхорунжий Дубенцев, посланный со взводом казаков в 24 человека в разведку, выполнив свою задачу, возвращался к полку и неожиданно встретил эскадрон немцев в сто человек. Не задумываясь, он с гиком бросился в атаку, разбил и разогнал немцев и привел в плен 50 человек и 60 лошадей, человек 10 остались в поле зарубленными. Из казаков никто не пострадал.

Хорунжий Мосолов[95] – сын начальника канцелярии министра двора Его Величества – был послан в дальний разъезд с 30 казаками. В 400 шагах от дороги, по которой он ехал, стоял стог сена. Вдруг казаки говорят ему: «Ваше благородие, смотрите, немцы бегут за стог, прячутся, один пеший остался!» Мосолов крикнул: «За мной!» – и все поскакали к стогу. Когда подскакивали, этот один, оказавшийся урядником Сибирского войска лейб-гвардии Сводно-казачьего полка, идя навстречу Мосолову, говорит: «Эх, ваше благородие, а я думал, немец обнаглел и на нас идет, так, чтобы он не испужался, я ребят попрятал за стог». – «А сколько же у тебя человек?» – «Со мной 7 человек».

Полк наш не присоединили к нашей 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизии, а стали перебрасывать из одной части в другую. Где прорыв, где серьезное положение – посылали нас. Первым среди нас был ранен хорунжий Моллер[96] .

Один раз штаб дивизии назначил нам ночлег в одной большой деревне, куда мы пришли ночью. Мы заняли крайние

хаты и легли спать. Я командовал сотней Его Величества. Все мои офицеры и я поместились в одной комнате на полу. Еще мы не заснули – стук в дверь. «Кто там?» – «Я, полковник Потоцкий[97] , предупреждаю, что в этой же деревне, в дальнем ее конце, ночует немецкий пехотный полк. О нашем здесь присутствии он, очевидно, не знает. Спите спокойно – выступление до рассвета во столько-то часов». Спали не особенно спокойно, но выступили утром из деревни вполне благополучно.

Еще эпизод: заранее посланы квартильеры[42] в назначенную для полка деревню. Квартильеры – значит, уже в тылу, где противника нет, но – война, и потому и в тылу едут с предосторожностью. Впереди дозорный казак, в ста – полутораста шагах, в зависимости от местности, еще пара дозорных, а за ними, на таком же расстоянии, все остальные. Надо проехать через деревню, которая начинается с поворотом главной улицы. Въезжает передний казак в деревню и сразу наталкивается на командира немецкого эскадрона, разговаривающего со своим вахмистром. Не было времени повернуться назад или еще предпринять что-либо, и казак по всем правилам, лихо отдает честь немецкому офицеру. Этот последний растерялся и машинально отвечает на отдание чести, прикладывая руку к козырьку. Опомнился вахмистр и схватил за повод казачью лошадь. В одно мгновение казак вынимает шашку и бьет вахмистра по руке. Вахмистр бросает повод, и казак полным карьером скачет по деревне... По обеим сторонам улицы, в открытых дверях, стоят на коновязи лошади немецкого эскадрона. Шум, крик. Немцы хватают ружья и с двух сторон стреляют в скачущего казака, но ни одна пуля не задевает его, он благополучно проскочил деревню и приехал в назначенное место. Едущие сзади, видя это, обогнули эту деревню и тоже благополучно приехали к месту назначения.

Еще эпизод. Темная ночь. Идет разъезд. Дозоры на сближенных расстояниях. Осторожно подъезжают к деревне, и вдруг у самой деревни из кустов залп, почти в упор. Один казак падает, остальные рассыпались и, явившись в полк, сообщили, что казак Ерохин убит. Через две недели Ерохин является. «Ты что, с неба свалился? Уже в приказе по полку написано, что ты убит». – «Убили только мою лошадь, а я притворился убитым. Ночь, темно, немцы не разглядели и за ноги стащили меня с дороги в лес, а когда они отошли, я потихоньку и скрылся. Вот две недели пеший ходил, искал наш полк – никто не знает».

29 октября 1914 года бой под Избицей. 30 октября бой под Ходечеле. 1 ноября бой под Данетой.

Не пишу подробности этих и других боев, так как мои

записки остались в Чехословакии, в Праге, и я боюсь ошибиться.

3 ноября бой за переправу у деревни Юзефовки, когда сотня Его Величества, пользуясь болотистым ручьем и длинной через него плотиной, до приказания присоединиться к полку, задерживала большие силы наступающей армии противника. В этот день 3-я сотня под командой есаула Дьякова отбила у немцев большую группу русских, взятых немцами в плен. Со слезами эти пленные благодарили казаков за спасение.

8 ноября бой у Брезина с арьергардом противника.

14 ноября бой у Стребшова.

20 и 21 ноября двухдневный бой у Илова.

3 декабря был бой у деревни Антонев, где был убит в разведке хорунжий Боткин[98] , сын лейб-медика Его Величества. Боткин только перед войной был произведен в хорунжие из Пажеского Его Величества корпуса и был, конечно, совсем неопытным. Вообще офицеры, произведенные во время войны, особенно ускоренных выпусков, плохо знали военную службу. Давая им задачу, обыкновенно говорили едущему с ним уряднику: «Смотри, Его благородие совсем неопытный, ты за все отвечаешь». Боткина послали в разъезд со взводом казаков и радовались, что в его очередь досталась, казалось нам, легкая задача. Урядник говорит ему: «Надо выслать дозоры». – «Дозоры замедлят движение, вышлем позже». Через несколько минут урядник говорит: «Ваше благородие, невозможно ехать без дозоров». – «Подожди, вышлем позже». Попали к немцам в засаду и сразу были окружены. Боткин крикнул: «Врознь марш!» Все рассыпались. Сам же Боткин почему-то задержался, под ним была убита лошадь, и цепь немцев сразу сгустилась со всех сторон. Немецкий офицер крикнул: «Сдавайтесь, вы окружены со всех сторон!» На этот крик Боткин пошел прямо к офицеру и, подойдя к нему на десять шагов, вынул револьвер и застрелил немца. Конечно, Боткина сейчас же расстреляли.

Очень мне хотелось достать тело убитого хорунжего Боткина или хотя бы точно определить место, где немцы его похоронили. И я пошел на преступление. Я решил подговорить кого-либо из евреев, который ночью, когда стрельба затихнет, пробрался бы на немецкую сторону и добыл тело Боткина, а если это будет невозможно, то хотя бы добыл крохи – точное описание, где он зарыт. Решил дать еврею много денег и обещать по выполнении поручения дать еще в два раза больше.

С вахмистром Козловым я поехал в населенный евреями город Сухачев искать там этого еврея. У Сухачева был страшный бой.

Мы оставили у города лошадей с вестовыми, а сами пошли в

город. Везде по улице рвались снаряды. У стенки домов мы осторожно продвигались вперед. Город казался пустым. От разрывов снарядов на головы наши сыпались осколки черепицы и всякого материала и мусора. Пройдя всю улицу, мы увидели нашу пехоту, удерживающую мост через реку. Немцы наседали. Шла страшная канонада с двух сторон, а на поляне, между городом и рекой, открыто стояли две лазаретные линейки, и молоденькие девушки, сестры милосердия, под страшным огнем, не обращая внимания на рвущиеся вокруг снаряды, самоотверженно перевязывали все время приносимых к ним раненых солдат. Это были действительно настоящие героини. Посмотревши на эту картину, мы повернули назад. Заходя в дом, мы все-таки нашли еврея, согласившегося выполнить наше поручение. Предупредив пехотный полк, с окопов которого должен был идти еврей, мы вернулись к своему полку и стали ждать.

Потом узнали следующее: когда стихла перестрелка между нашей пехотой и немцами, еврей пошел к окопам противника. На половине дороги, несмотря на поднятые им руки, немцы открыли по нему огонь. Он свернул вправо, думая там пройти, но и там поднялась стрельба, и еврей, видя, что пройти к немцам не может, повернул назад, но уже шел не к предупрежденному полку, а к соседнему с ним. Его схватили, начали допрашивать, и он, конечно, рассказал, кем он послан и зачем шел к немцам. Те были страшно возмущены и донесли об этом своему начальнику дивизии. Тот переслал рапорт командиру корпуса, а этот последний переслал рапорт нашему кавалерийскому командиру корпуса. Потом этот рапорт с предписанием, чтобы впредь не повторились такие поступки, также по команде, дошел до нашего командира полка генерала И.Д. Юрлова. Генерал спросил, как я решился на такой поступок. Я ответил: «Знаю, что это преступление, но знаю также, что, если бы окончилось все благополучно, как я хотел, был бы очень рад не только отец Боткина, лейб-медик Их Величеств, но и Государь Император. А еврей этот, конечно, не был шпионом, сидел у себя в подвале, ничего не видел и дрожал при каждом выстреле». Генерал Юрлов сказал: «Да, очень жаль, что все это вышло неудачно и не удалось порадовать и лейб-медика, и Его Величество».

Каждая сотня имела свою походную кухню, и казаки были всегда сыты. Офицеры же в течение дня поддерживали себя главным образом шоколадом. Он утоляет и голод, и жажду. А придя на ночлег, готовили себе суп из кур, гусей, индеек. Утром, перед выступлением, разогревали оставшееся от вечера, пили чай, и так до вечера.

Как-то нам дали дневку, и мы узнали, что в 12 верстах от нас

стоит в резерве пехотный полк, в котором один солдат – ясновидящий и хорошо предсказывает будущее. Два молодых офицера отправились туда поговорить с этим ясновидящим. Явились там к офицерам этого полка испросить разрешение на разговор с солдатом. Конечно, им разрешили, но предупредили, что этот солдат часто ошибается. Пошли к солдату. Солдат сказал: «С удовольствием, но мне надо уединиться в темную комнату минут на двадцать, и чтобы мне никто не мешал, а то часто ребята пугают меня, и я заболеваю...»

Что он предсказывал нашим офицерам, не помню. Но в этот же день к этому солдату приехал молоденький офицер-артиллерист и просил ясновидящего сказать, жива ли и где находится его молодая жена? Писала ему каждый день, и он ей также, но вот уже три месяца ни одного письма. Уединился солдат и, выйдя из темной комнаты, сказал: «Завтра увидите свою жену». Офицер этот был совсем огорчен таким предсказанием, понимая невозможность приехать даме в боевую обстановку. Но утром будит его денщик со словами: «Вставайте, Ваше благородие, наша барыня приехали».

Когда этот полк сидел в окопах под сильным артиллерийским и пулеметным огнем, пришло из штаба дивизии приказание выслать разведчиков к неприятельским окопам, чтобы определить, какие части противника перед их полком. Командир полка ясно понимал, что всякий вылезший из окопов будет немедленно убит, но приказ есть приказ. Вспомнили об этом ясновидящем, который всегда хвастался, что он все видит, все знает, и пуля в него не попадет, и он ничего не боится. Дали ему это приказание и сказали: «Если найдешь охотников, возьми с собой – все получите Георгиевские кресты». Охотники нашлись, так как были солдаты, которые беспредельно верили этому ясновидящему. Пошли. Все высмотрели и благополучно возвращались, под страшным огнем противника, но, когда до своих окопов осталось несколько шагов, один из его компаньонов не выдержал и побежал, чтобы скорее вскочить в окоп, и сейчас же был ранен. Ясновидящий с другим компаньоном благополучно вошли в окоп, и сейчас же этот ясновидящий стал ругать раненого: «Зачем же ты побежал?! Я же сказал: иди от меня на расстоянии вытянутой руки, и пуля в тебя не попадет».

В нашем полку был такой случай: приказ из штаба дивизии: «Срочно выслать две сотни и заполнить прорыв между пехотными частями до нашего подхода». Под командой полковника Александра Митрофановича Грекова[99] прискакали в назначенное место. Вместо окопа узкая канавка в пол-аршина глубиной – можно только ноги в нее опустить. Перед канавкой, вдоль всей ее

длины, сложены штабели шпал. Казаки разместились по канавке, а мы, офицеры, вышли вперед и сели на шпалы. Начался обстрел позиции тяжелыми снарядами. Интересно было смотреть, когда тяжелый снаряд попадал в шпалы: силой взрыва эти огромные шпалы, как щепочки, взлетали на высоту трехэтажного дома и с громом падали назад. Сотник Ш. сказал: «Ну что, если такой снаряд да попадет в глаз?» Посмеялись, но спрятаться некуда, и мы спокойно ждали своей участи. Слава богу, ни одному из нас снаряд в глаз не попал. Через полчаса обстрел прекратился. Наступила ночь. Выставили сторожевое охранение и впереди его спрятали секрет. Мы, офицеры, перешли в хату здесь же, у канавки, поужинали и сидим разговариваем. Казак докладывает: «Пехотный солдат пленного немца привел». – «Зови сюда и солдата, и немца». Солдат рассказывает: «Я обозный 3-го разряда такого-то полка. Меня послали с пакетом в обоз 2-го разряда. Я заблудился и не знал, куда я заехал. Ночь, тьма. Слышу, по дороге идут люди. Спрятался за сарай и слушаю, наши или нет? Слышу, говорят не по-нашему. А один из них, задний, забежал за сарай и наткнулся прямо на меня. И не знаю – я его взял в плен или он меня. Что-то говорит – не понимаю. И мы пошли, держась друг за друга, и не знаем, куда идем, и нашли прямо на ваш секрет, казаки нас и схватили. Возьмите, пожалуйста, этого немца, я не знаю, что с ним делать».

Обозному солдату дали бумагу о том, что он храбро взял немца в плен, и он, без сомнения, получил Георгиевский крест. Накормили его и показали дорогу к своей части. А с немцем долго разговаривали. Поужинал он и сидел с нами, курил. Оказалось, что он ранен был под Верденом, лежал в госпитале и по выходе из него попал на Восточный фронт, когда наши армия, не имея снарядов, отступала под натиском врага. Его спросили, знает ли он, какой мы части. «Гусары?» – «Нет». – «Уланы?» – «Нет». – «Драгуны?» – «Нет». – «Тогда я уже не знаю, кто же вы?» – «Мы казаки». Немец вскочил, прижался к стене, расставив руки, побледнел, дрожит. «Чего же ты испугался? Ведь ты целый час сидишь с нами, накормили тебя, куришь». Он сказал, что вся немецкая армия знает, что к казакам нельзя попадаться – выкалывают глаза, сдирают кожу и прочее. «Всем нам так объясняли».

Трепали наш полк, не стесняясь, и перебрасывали из одной армии в другую. Где более серьезное положение, где тяжело – посылали наш полк.

По какому-то случаю Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич послал нашему полку телеграмму, и эта телеграмма через две недели вернулась

обратно к нему «за ненахождением адресата». Конечно, Великий князь страшно рассердился и приказал разыскать наш полк и отправить в Ставку.

За эти несколько месяцев я получил Анну 2-й степени с мечами и Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Владимира 4-й степени Великий князь лично повесил мне на грудь.

22 марта 1915 года, в день Святой Пасхи, я был произведен в полковники, сдал сотню Его Величества и назначен был помощником командира полка по строевой части.

На Пасху Великий князь Николай Николаевич, христосуясь с нами, каждому подарил серебряный жетон в виде яичка с короной и буквами «Х.В.» и надписью: «Ставка Верховного главнокомандующего», а на левой стороне жетона – «22 марта 1915 года».

Вскоре после этого в Ставку приехал Государь Император. На обед были приглашены командир полка и три полковника: помощники командира полка, адъютант и командир сотни Его Величества.

Обыкновенно во время обеда без разрешения старшего встать нельзя, но во время войны каждый мог встать без разрешения и идти к своему делу. Дежурный флигель-адъютант обошел за столом всех нас, лейб-казаков, и сказал, чтобы мы не уходили, что Его Величество хочет с нами говорить.

Когда обед окончился, Государь разговаривал с нами в саду недалеко от палатки. Расспрашивал о наших боевых действиях, об убитых и раненых. Потом обращается ко мне и говорит: «А вы должны быть довольны – рано попали в полковники». – «Я, Ваше Величество, всем доволен». – «Ведь вы моей сотней командовали два года?» – «Так точно, два года без одной недели». – «Да, я помню». Какая изумительная память[43].

Тогда я не знал, что это было мое последнее свидание и последний разговор с Государем Императором, которому я всегда был предан всей душой.

В то время, когда наш полк был в Ставке Верховного главнокомандующего в Барановичах, польская делегация обратилась к Великому князю Николаю Николаевичу с просьбой перевести из Дикой дивизии в один из лучших гвардейских полков их кандидата на польский престол князя Радзивилла. (По-видимому, князь Станислав Антонович Радзивилл (1880 – 1920). – *Ред.*) Великий князь Николай Николаевич сказал: «Назначать в гвардейский полк я не могу, так как это право даровано Государем обществу офицеров полка», и посоветовал обратиться с этой просьбой в наш полк. Конечно, мы с удовольствием приняли князя Радзивилла, а молодежь быстро с

ним подружилась и сразу взяла его в «переплет». Свободного времени в Ставке было много, и начались кутежи и увеселения в офицерском собрании, так как в Барановичах никаких развлечений не было. В это время в Петербурге шла оперетка под названием «Король, веселись». И вот кричали Радзивиллу: «Король, веселись!», и он должен был танцевать казачка... Князь Радзивилл оказался прекрасным офицером. Верхом он ездил великолепно, но посадка у него была немецкая.

Кажется, князь был флигель-адъютантом императора Вильгельма. Не помню причину, но он вызвал на дуэль наследника австрийского престола. Дуэль, конечно, не разрешили, и князь Радзивилл обиделся и ушел из германской армии в русскую. Немцы его предупредили, что, если он попадет в плен, – его за измену немедленно расстреляют. Но Радзивилл этого не боялся и храбро дрался с немцами.

Князь Радзивилл был очень богатым человеком. У него были имения в Германии, Австрии и в нашей Польше.

Вместе с князем Радзивиллом из Дикой дивизии перешел к нам и его вестовой – кавказский человек. Он научил наших денщиков отлично готовить шашлык.

19 июня 1915 года мы второй раз из Ставки были отправлены на передовые позиции, но теперь мы воевали уже в составе нашей 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизии. Начальником дивизии был генерал-лейтенант Казнаков[100] .

Я не помню подробности перечисленных ниже боев (записки остались в Праге) и потому только перечисляю их из моего послужного списка.

17 августа был бой у деревни Дацюны.

19 августа бой у деревни Ужужели.

21 августа опять бой у деревни Дацюны.

26 августа бои у деревни Астыки.

27 августа бои у деревни Жиндулы.

28 августа 1915 года был арьергардный бой у фольварка Шелковщизна. Мне поручено было защищать позицию у этого фольварка с тремя с половиной сотнями и двумя пулеметами до отхода нашей пехоты на заготовленные позиции. У фольварка я должен был держаться насколько возможно и потом отойти на вторую позицию у Лиснова-Гора, откуда уже не смел уйти до приказания. Мне на помощь пришел страшный туман. Огромные силы противника не предполагали, что перед ними небольшая горсточка спешенной кавалерии. Но и я не мог видеть, что они постепенно окружают меня. Оказалось, что я окружен был со всех сторон. Прискакал казак, случайно увидевший с горы эту картину, со словами: «Вы окружены со всех сторон, мне пришлось

пробиваться, чтобы вас предупредить». Я послал сотнику Ноздееву приказание скорей присоединиться ко мне с пулеметами, так как мы отходим.

Спокойно выйти из этого окружения мне помог опять же этот благодатный туман. На второй позиции было легче, и я держался там до приказания присоединиться к полку.

У окопов ко мне подошел незнакомый, совсем молодой, красивый, жизнерадостный подпоручик. Он что-то весело рассказывал. Его окликнули, чтобы скорее шел в окоп, и я еще не сошел с этого места, как его уже несли убитого к лазаретной линейке. Так мне было жалко этого незнакомого подпоручика...

Меня за этот арьергардный бой представили к ордену Владимира 3-й степени с мечами. Я спросил полковника П.П. Юрлова, почему не к Георгиевскому оружию, ведь по статуту вышедшему из окружения противника полагается Георгиевское оружие. Полковник Юрлов ответил мне: «Владимира 3-й степени ты получишь через две недели, а Георгиевское оружие, после обсуждения в Георгиевской думе, ты получишь, может быть, через полгода. А война не кончается, и ты еще десять раз успеешь получить и Георгиевское оружие, и Георгиевский крест».

В дальнейшей службе я несколько раз выполнял условия для получения и Георгиевского креста, и Георгиевского оружия, но ни разу не был представлен к ним. Об этом скажу позже.

30 августа был бой Казачьей бригады у деревни Троки и Госпоришки с превосходящими силами наступающего противника. В этом бою полк понес большие потери убитыми и ранеными. В этом бою был тяжело ранен мой большой друг и компаньон по охоте Михаил Михайлович Алфераки.

4 сентября в пешем строю, под моей командой, с четырьмя с половиной сотнями и двумя пулеметами, была атака на немцев, находящихся в окопах у М. Солы. У противника был батальон пехоты и три спешенных эскадрона. В этом бою мы понесли большие потери.

28 февраля я получил орден Святого Владимира 3-й степени с мечами.

Со 2 марта по 30 марта 1916 года я временно командовал лейб-гвардии Казачьим Его Величества полком.

29 апреля 1916 года я был назначен командиром 12-го Донского генерал-фельдмаршала князя Потемкина Таврического полка. Перед этим мне предлагали два полка.

Один раз полк второй очереди и другой раз полк третьей очереди. Но я отказывался, так как эти льготные полки большей частью находились при штабах дивизии или корпусов. А от первоочередного полка я уже не мог отказаться.

15 мая я уехал из родного лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка и 28 мая вступил в командование 12-м Донским казачьим полком 11-й Кавалерийской дивизией, 6-го конного корпуса. Начальником 11-й Кавалерийской дивизии был генерал-лейтенант Дистерло[101] , а командиром корпуса генерал-лейтенант Вельяшев.

Помощниками командира полка у меня были полковник Дронов, полковник Клевцов[102] и войсковой старшина Сагацкий[103] , вскоре произведенный в полковники. С Клевцовым мы вместе учились в кадетском корпусе и в Николаевском кавалерийском училище. Он годом раньше окончил училище и был произведен в хорунжие в лейб-гвардии Атаманский Его Императорского Высочества Государя Наследника-Цесаревича полк. Мы с Клевцовым были приятели. Позже Клевцов перевелся в армию. Когда 12-й полк узнал о моем назначении командиром в их полк, Клевцов, помня мою трезвость в лейб-казачьем полку, предупредил офицеров о моей трезвости и сказал: «Теперь забудьте, какое есть вино и водка – этот командир и понюхать вам не разрешит» – совсем напугал офицеров...

На последней железнодорожной станции меня встретил мой вестовой, и я верхом поехал догонять свой полк в деревню Вишенки Волынской губернии. Прежде всего я догнал обоз, в котором в то время находился полковник Клевцов и заведующий обозом сотник Комисаров[104] . Я произвел выводку обозных лошадей, осмотрел повозки, спросил претензии у обозных казаков и на этом с обозом покончил.

Полковник Клевцов и сотник Комисаров пригласили меня с ними пообедать. Я поблагодарил – сели обедать. А Клевцов любил выпить. Он, очень стесняясь, обращается ко мне: «Разреши нам выпить по рюмочке?» – «Конечно, пейте». Из-под стола появилась бутылка с водкой. Выпили за мое здоровье. Немного погодя: «Разреши нам выпить еще по рюмке?» – «Да что ты спрашиваешь, как маленький? Пейте сколько хотите». У Клевцова недоумение на лице, и немного погодя он наливает себе и Комисарову и, обращаясь ко мне, говорит: «Может, и ты выпьешь?» – «С удовольствием». Клевцов говорил мне потом, что готов был провалиться сквозь землю, так ему стыдно было, что не предложил мне сразу, но был уверен, что я по-прежнему абсолютно не пью.

Пообедавши, я поехал в деревню Вишенки, где стоял полк, и приехал туда уже вечером. В этой же деревне находился командир корпуса генерал Вельяшев, начальник дивизии генерал Дистерло и командир бригады генерал Бьюнтинг[105] , и я сразу явился всем этим моим прямым начальникам. Встретили и

приняли меня очень любезно и даже радостно. Поговорив немного с ними, я пошел в отведенную мне хату и пригласил к себе старшего помощника полковника Дронова. С ним я сговорился о завтрашнем церемониале по приему полка.

Не было места для приема полка в конном строю, так что пришлось принимать его в пешем строю. И офицеры, и казаки произвели на меня хорошее впечатление. В своей короткой речи полку я между прочим сказал: «Требую от командиров сотен, чтобы пища казакам была приготовлена прекрасно и порции были полновесными. За упущения буду строго взыскивать». Претензий никто не заявил, сотни прошли мимо меня церемониальным маршем, и мы пошли в офицерское собрание обедать. Обед был прекрасный, повар оказался на высоте. Были и водка, и вино, но в очень скромных размерах, хотя я никого не стеснял.

На следующий день был поход, так что лошадей казаков и офицеров я сразу увидел в движении.

Всю войну я вел дневник, записывая по возможности ежедневно. К сожалению, все эти дневники остались в Чехословакии, и я сейчас не помню многих событий периода командования полком.

Командир корпуса генерал Вельяшев и начальник дивизии генерал Дистерло относились ко мне исключительно хорошо и ценили мою работу. Но оба они не любили друг друга. Начальник дивизии Генерального штаба генерал Дистерло был очень дельный и энергичный, работал с утра до вечера и ночью, но командир корпуса генерал Вельяшев[106] не представлял его к наградам, а начальник дивизии не представлял нас, командиров полков, и за все время моего командования полком ни один командир полка в дивизии не был представлен к наградам. Получил Георгиевский крест командир стрелкового полка полковник Кислицын[107] , но к этой награде представил его я, так как он совершил подвиг, будучи под моей командой.

Адъютантом у меня был сначала есаул Цыганков[108] , а когда он получил сотню, я взял к себе адъютантом прапорщика Черкесова[109] – инженера-металлурга. Черкесов отбывал воинскую повинность в лейб-гвардии Казачьем полку, а по производстве в офицеры перевелся в 12-й Донской казачий полк. Оба адъютанта – и Цыганков, и Черкесов – были выдающимися и ценными моими помощниками. Я всегда вспоминаю их с большой любовью и благодарностью.

Полк часто получал сложные задачи и всегда выполнял их с полным успехом. Начальник дивизии часто собирал командиров полков – давал указания и разъяснения. Как-то после заседания, когда я остался вдвоем с начальником дивизии, я говорю ему:

«Мои офицеры высказали мне некоторое неудовольствие, что полки получают задачи не по очереди, а как сложное и трудное дело – посылают наш полк, казаков». Начальник дивизии даже возмутился: «Как же они не понимают, что вот на такое дело я никого не мог послать, кроме вас, и на такое, и на такое... (Начдив перечислил несколько дел – боев.) Когда я посылаю вас, я не только уверен в том, что все будет выполнено, но и в том, что вы всегда сделаете больше, чем вам поручено. Разрешите мне завтра приехать к вам обедать – я поговорю с офицерами». – «Пожалуйста, очень рады будем, не надо и спрашивать, всегда рады видеть вас у себя».

За обедом начдив говорил на эту тему, и офицеры дружно ему ответили: «Посылайте хоть каждый день, с удовольствием все будем исполнять».

Все чаще и чаще стали полк сажать в окопы, и иногда мы сидели в окопах несменяемо больше месяца. У казаков и лица стали какие-то землистые. Два раза коноводы были в 60 верстах от окопов.

Каждую ночь мои разведчики пробирались к окопам противника, стараясь высмотреть, что делает противник и кто перед нами. Однажды утром приходят ко мне разведчики и приносят бумагу, снятую с проволочного заграждения австрийцев. На бумаге очень безграмотно было написано следующее: «Ваш царь Николай отрекся от престола. Все министры сцапаны. На улице стреляют женщин и ребенков». Я был потрясен, получивши такой плакат, и сейчас же передал его по телефону начальнику дивизии. Но начальник дивизии меня успокоил, говоря, что это провокация, чтобы ослабить нашу энергию, что его, как начальника дивизии, конечно, уведомили бы. Ведь мы, сидя в окопах на передовых позициях, совсем не знали, что творится в тылу. Если приходили газеты, то очень старые, и мы знали только ближайшее наше окружение и нашего противника. Но, когда дня через два начдив получил от своего начальства уведомление об отречении от престола Государя Императора, я был убит совершенно. Мне казалось, что все пропало – пропала династия, пропала церковь, пропала Россия. Наступило горе великое, страшное, непоправимое, и уже нет смысла жить. Ужасно было сознавать в этом несчастье полную свою беспомощность.

Через несколько дней приказ из Петербурга: «Всех привести к присяге на верность Временному правительству». На присягу шли, как на казнь. Явилась ненависть к Керенскому[110] . Сначала я думал, что это чувство только у меня, но потом убедился, что такое чувство у большинства. Когда через некоторое время

Керенский, как Верховный главнокомандующий, явился к армии, то в нашем районе его, ехавшего в автомобиле, обстреляла наша артиллерия, и он поторопился от нас поскорее уехать. А с обстрелом дело замяли – решили, что это недоразумение.

Большинство солдат и офицеров нацепили на себя красные банты, а у начальника дивизии генерала Дистерло бант был больше всех. Начались митинги. Ораторствовали главным образом пехотные солдаты, но выступал на митинге и наш начальник дивизии. Он меня упрекал, что я не ношу красного банта, что бант надо носить для самосохранения, но я категорически отказался надеть его.

Начали формировать пехотные ударные части, но видно было, что воевать уже никто не хочет. Кто-то пустил слух, что в тылу делят землю. Солдаты кричали: «Ребята, делят землю, а нам ничего не достанется – надо уходить». Началось массовое дезертирство из пехотных полков. Вагоны на железных дорогах были переполнены солдатами из ближайших расположений – и внутри, и на крышах вагонов, а в одесских газетах появилось объявление: «Все дезертиры приглашаются на митинг на такой-то площади». Ужас. Раньше дезертиров расстреливали, а теперь они герои. Появился преступный приказ № 1 за подписью Керенского, и начался уже полный развал армии.

Разговаривал я с одним пехотным солдатом, и он старался меня уверить, что теперь гораздо лучше: «Раньше куда прикажут, туда и идем, а теперь приказывают идти налево, а я впереди, мне виднее, и иду направо». (И, дурак, не понимает, какое зло от этого.)

У меня в полку, да, думаю, и во всех казачьих полках не только не было ни одного дезертира. Казаки осуждали происходящее в пехотных полках и спрашивали: что же теперь будет с Россией? Как же может быть дом без хозяина? Разговоров было много. Между прочим говорили: «Мы слышали, что в наших домах по станицам живут чужие, приехавшие из России». Неужели же я, вернувшись домой по окончании войны, не смогу жить в своем доме?

А Керенский, которого уже называли не главнокомандующим, а главноуговаривающим, продолжал уговаривать, хотя его никто не слушал. И у всех появилось к нему неприязненное отношение, которое в дальнейшем подтвердилось в полной мере.

В мае 1917 года Керенский, приняв пост военного министра, утвердил «Декларацию прав солдата». Не «обязанностей» солдата и не «прав и обязанностей офицера и солдата», а только прав солдата. Эту декларацию не решился подписать его предшественник, министр Гучков[111] . Этой декларацией русский

офицер предавался на уничтожение, оскорбления, поругания, мучительства и смерть. В августе того же года Керенский, будучи председателем правительства, изменил своему договору с Верховным главнокомандующим генералом Корниловым[112] и, заключив его и высший командный состав в тюрьму, предал командование армии и офицерство на произвол и издевательство уже разлагавшейся солдатской массе.

В октябре того же года, будучи Верховным главнокомандующим, вместо того чтобы организовать сопротивление и спасать страну, Керенский явил невиданный в России пример – «главнокомандующего-дезертира», покинул свой пост и армию, предал своего начальника штаба генерала Духонина[113] буквально на растерзание и предал опять не только многочисленное русское офицерство, но и всю доверившуюся ему армию, обрекая ее на уничтожение.

Но война продолжалась.

Через несколько дней начальник дивизии вызвал всех командиров полков на совещание. Я опоздал на полчаса – меня ждали. На удивленный взгляд начальника дивизии я сказ ал: «Вы удивляетесь, что я, такой аккуратный, так сильно опоздал. Сейчас чуть не разыгрался страшный скандал. Соседние с моим полком стрелки пошли брататься с австрийцами. Казаки повернули пулеметы и хотели их перестрелять. Я предотвратил это и, остановив казаков, послал сказать стрелкам, чтобы немедленно возвратились в свои окопы – через пять минут открою огонь и всех перестреляю. Стрелки убежали в свои окопы». Присутствующий здесь командир стрелкового полка полковник Кислицын сказал: «Завидую Евгению Ивановичу, что он командует таким верным и твердым полком».

В пасхальную ночь австрийцы открыли по нас ураганный огонь. Мы отвечали. Через несколько дней после этого мы взяли в плен австрийского унтер-офицера. Я сказал ему, что две недели назад, в их католическую Пасху, мы не сделали по ним ни одного выстрела, почему же они в нашу пасхальную ночь открыли по нас ураганный огонь? Он ответил: «Мы только защищались, мы боялись вашей атаки».

Но питались мы все время отлично – щи и каша. Один раз по окопам ходила записка, написанная каким-то вольноопределяющимся пехотного полка:

«Если будут щи и каша – Кимполунги будут наши. Если будет чичивица – отдадим и Черновицы».

Наш полк чечевицу никогда не получал.

С 3 июля по 9 августа я временно командовал 2-й бригадой 2-й Кавалерийской дивизии.

Несколько раз полк вел бой с большими силами противника, задерживая его и давая возможность нашей пехоте устроиться в заготовленных окопах.

8 августа был бой у Тарнополя[44].

10-го бой у Прошева, где мой полк был временно предан к дивизии генерала Африкана Петровича Богаевского, будущего Донского Войскового атамана. Положение было очень серьезное, и я любовался спокойствием и хладнокровием Африкана Петровича.

7 сентября 1916 года (так в тексте – *Ред.*) был бой у деревни Корытница. Армией командовал будущий Войсковой атаман Донского войска генерал Каледин. К этому бою мы тщательно готовились. Несколько раз приезжали ночью на место будущего боя, изучали местность и все подходы к неприятельской позиции. У противника было больше десяти линий окопов с колючей проволокой, и там у него были сосредоточены большие силы. Каждый наш офицер имел фотографический снимок этих окопов с аэроплана.

Начался бой – ужасный бой. Не было места, где бы не разрывались неприятельские снаряды тяжелой артиллерии. Я оставил полк в лесу и проехал вперед на наблюдательный пост у опушки леса. Поле было похоже на огромный кипящий котел, в котором везде выскакивают бульбушки-разрывы.

На этом наблюдательном пункте был и командир корпуса, и начальник дивизии. Вдруг комкор генерал Вельяшев говорит мне: «Идите с полком в атаку на неприятельские окопы». – «Мы же все равно не сможем перепрыгнуть эти 10 окопов с проволочным заграждением». – «Все равно, идите в атаку». – «Если вам нужны потери, я пойду не со всем полком, а возьму с собой человек сто охотников». – «Нет, идите со всем полком». – «Слушаю-с». Я подошел к начальнику дивизии и сказал: «Иду с полком в атаку на эти окопы – приказал командир корпуса». – «Да что он, с ума сошел? Я пойду с ним поговорю».

Я приехал к полку, сообщил им об атаке, и мы разомкнутыми рядами, чтобы меньше было потерь, поскакали на окопы. Я с полковым адъютантом Черкесом и 12 ординарцами, по два от каждой сотни, был, конечно, впереди и от волнения ушел шагов на сто вперед от полка. Мы уже перепрыгнули несколько окопов, и немцы из них бежали. На секунду мы приостановились над ходом сообщения – дорога, по которой немцы подвозили снаряды и провизию на камионах[45], через которую и лошадь не могла перепрыгнуть. А тяжелые снаряды ложились вокруг нас шагов на двадцать, на десять. Один снаряд попал прямо в нас, и мы все, вместе с лошадьми, упали. <…> Наблюдательный пункт

сообщил, что командир Казачьего полка убит. Когда я очнулся, увидел рядом с собой сидящую по-собачьи лошадь с перебитыми задними ногами. С другой стороны стонет мой денщик Киреев – ему совсем не надо было идти в атаку, и я не заметил, как он присоединился к нам. Он жалобно стонет: «Простите, умираю». Я его стал ободрять: «Выживешь, еще повоюем». Адъютант Черкесов скатился в окоп и кричит, чтобы и я скорей лез в окоп, где все-таки какое-то укрытие.

С нашим падением полк остановился в 150 метрах от нас, и только человек десять прискакали подобрать убитых и раненых. В результате все 12 ординарцев были убиты. Денщик Киреев через две недели скончался в госпитале. В живых остались только я, мой адъютант Черкесов и моя лошадь. У меня контузия в голову, выскочила барабанная перепонка левого уха, и я оглох, да еще и ослеп на левый глаз, у меня оказалась рана в левом боку и пробоина в седле на передней луке. Но я никуда не эвакуировался и остался в строю. После этой катастрофы лошадь мою, которая, очнувшись, вскочила, отвели к полку, а я дошел туда пешком. Приехали командир корпуса и начальник дивизии, сели на землю у бугорка и сидим, а неприятельские снаряды рвутся вокруг нас. Я говорю: «Что же мы сидим бесцельно под обстрелом, хоть лошадей надо подальше отвести». А все время поступают слова донесения: убито две лошади, ранено три казака и тому подобное. И только отвели мою лошадь, которую вестовой держал в двух шагах от меня сидя, как снаряд упал прямо в то место, где стояла моя лошадь, но, редкое исключение, не разорвался, а зарылся в землю. Если бы разорвался, и меня бы не было, и другие пострадали бы. Наконец командир корпуса приказал возвращаться в лес. Эта атака, кроме вреда, ничего не дала. Перебило много людей и лошадей, помешали нашей артиллерии стрелять, и, когда мы возвращались мимо <…> артиллерийских позиций, они нас справедливо выругали.

Но с каким комфортом мы воевали! Как только мы вошли в лес, там был разбит стол, покрытый белой скатертью, поставлены приборы, как в собраниях в мирное время, и обед из трех блюд с вином. Я пригласил к обеду офицеров лейб-казаков, которые тоже были в лесу, – пришли несколько человек. Но замечательно было то, что никто, ни одним словом, не упрекнул командира корпуса за его непонятное распоряжение. Были у нас на войне такие начальники, которые подвигом считали не достигнутые результаты, а большие потери, а подвиги без потерь для них не подвиги. Мне-то распоряжение Вельяшева понятно, но не хочется об этом писать.

Один раз меня отпустили в Петербург на три дня. Надо было

до станции железной дороги проехать поздно вечером десять верст. Ямщик оказался очень словоохотлив: «А у нас в деревне стояли казаки». – «Да ну?» – «Да, стояли, и я их видел, как вас сейчас». Он не подозревал, что и сейчас разговаривает с казаком. «Когда нам сообщили, что в нашу деревню придут казаки – вся деревня скрылась в лес – в хатах остались только старики и больные. Но среди наших тоже есть отчаянные. Дня через два несколько парней пошли в деревню посмотреть, что там делается. Возвратившись в лес, говорят: «Да они ничего, как и все люди, и за взятое хорошо платят». Пошли и другие, и еще дня через два все возвратились по своим хатам. Целый месяц стояли у нас казаки, и, когда уходили, все жалели, а бабы-девки навзрыд плакали».

В октябре я сидел со своим полком в окопах. Окопы противника в некоторых местах были от наших в 20 шагах – слышна была немецкая речь. Обстреливали нас минометами с удушливыми газами. Все мы надели маски и положили солому на брустверь, чтобы зажечь ее, если пустят волну удушливых газов. Иногда можно было видеть снаряд миномета, летящий по воздуху, и тогда казаки, забывая опасность, выскакивали со словами: «Гляди, гляди, летит».

Начдив по телефону сообщил мне: «Сейчас прибыла из Петрограда рота самокатчиков, посылаю ее вам на усиление – чистенькие, великолепно одеты, вам они понравятся». Явился ко мне поручик – командир самокатной роты, и я указал ему место в окопах между казаками. Через некоторое время немцы открыли по нас ураганный огонь, как всегда перед наступлением. Ждем, чтобы сразиться врукопашную. В это время приходит ко мне командир самокатной роты и докладывает: «Самокатчики все убиты». – «Не может быть, чтобы все трупы и в окопах?» – «Нет, трупов я не видел». В это время приходит казак и говорит: «Ваше высокоблагородие, уряднику Иванкову снарядом голову оторвало». – «Ну что же делать, Царство Небесное, хороший был урядник». – «Так, Ваше высокоблагородие, голову никак не можем найти, вылезли из окопов, везде лазили, искали и не нашли». – «Напрасно вылезали из окопов, и еще кого-либо могло убить». – «Так как же хоронить без головы?» – «Ничего, похороним и без головы». – «Иванков высунулся посмотреть, идут на нас немцы или еще нет, а ему голову и снесло». Самокатный поручик с ужасом смотрел на этого казака.

Наконец ураганный огонь прекратился. Самокатный поручик пошел разыскивать своих самокатчиков – нашлись все, никто не ранен, все здоровы, но не обстреляны, не выдержали артиллерийского ада и разбежались.

Когда стемнело, начальник дивизии, по телефону, приказал со всем полком идти к коноводам, чтобы завтра утром отправиться походом в Румынию. С радостью мы оставили эти окопы и передали их подошедшей пехоте.

Глава 8
РУМЫНСКИЙ ФРОНТ

В составе 5-го Конного корпуса мы, делая в сутки по 50 – 60 верст, без всяких дневок, из-под Луцкого района прибыли 19 октября в Румынию. Странно было видеть в Румынии мирную жизнь, не тронутую войной, стада пасущихся гусей и другой птицы, которую нам очень дешево продавали. Но за несколько дней или, вернее, ночей по Румынии не было, кажется, ни одного казака, которого бы не обворовали румыны. Все кражи бывали обнаружены, воров избивали, но никто из них не жаловался.

Выйдя из одной деревни, вестовые и денщик обнаружили, что из моей двуколки пропали мои вьюки. Они просили вернуться и найти их. «Найдите, только не бейте воров, все равно их не исправите, такой народ». Вскоре они догнали нас и сообщили, что вьюки нашли в доме на полатях, заваленные хламом и досками. «Били воров?» – «Никак нет». А потом мне Клевцов сказал по секрету, что избили их вдребезги.

В одной деревне в каждом дворе были бочки с вином. Конечно, все перепились, напилась и одна лошадь. Она отвязалась, пила прямо из бочки и опьянела.

С пьянством надо было бороться. Помню, еще в России полк наш проходил мимо одного завода, в котором было много вина. Пехотный начальник, чтобы не было пьянства, приказал разбить бочки и выпустить вино на землю. По канаве, сбоку шоссейной дороги, лилась река вина. Солдаты ложились на землю, пили прямо из канавы и, опьяневшие, так и оставались спать у канавы.

11 июля 1917 года я в пешем строю атаковал у села Лошнюв немцев, чтобы задержать их наступление и дать возможность нашей пехоте устроиться в окопах. Начальника дивизии не было. Временно командовал дивизией командир 1-й бригады, к сожалению, не помню его фамилию. Во время атаки он приехал в лес, откуда началась атака. Там, на опушке леса, стояли несколько казаков с запасными патронами. Генерал, поздоровавшись с казаками, спросил: «Где полк?» – «А вон атакует немцев». – «А где командир полка?» – «А его видать, он впереди полка». Генерал посмотрел в бинокль и говорит: «Это он впереди с ординарцами?» – «Так точно, Ваше превосходительство, наш командир завсегда впереди полка». (В этой атаке у меня с руки пропали часы фирмы «Буре».)

На следующий день генерал спрашивает меня: «Какие награды вы получили за время командования полком?» –

«Никаких». – «А за то, а за другое?» Генерал перечислил несколько боев, за которые меня особенно хвалили. Я ответил, что ни за один из них не получил, да у меня уже все ордена есть. «Тогда я за эту атаку представлю вас к производству в генералы». Через три месяца я получил приказ о производстве меня в генералы, и из Главного штаба в Петрограде сообщили мне частным образом, что в этот момент я был самым молодым генералом в Русской армии. Единственную награду я получил за командование полком – и то по представлении генерала другой бригады.

Интересно, что в ту ночь произошло в Саратове, где у своих родителей жила моя жена с дочерьми. Девочки спали в своих кроватках, жена в этой же комнате что-то шила. Вдруг младшая Лидия, 5 лет, не просыпаясь, поднимается на ноги и тянется к картине божественного содержания, висевшей у ее кровати. Поцеловав картину, она, не просыпаясь, ложится и крепко спит. Когда утром ее расспрашивали об этом, она ничего не помнит и не помнит, что ей ночью снилось.

Бои продолжались. Немцы, видя нашу разруху, энергично наседали и забрасывали нас снарядами. Тяжело был ранен лучший офицер полка есаул Духопельников[114] . Я не спал уже двое суток и едва держался на ногах. Начальник дивизии, видя это, сказал: «Впереди вас прочно сидит пехота, вы можете спокойно заснуть вон в той школе в деревне». Я сейчас же этим воспользовался. Утром просыпаюсь от толчков адъютанта и денщика, они мне говорят, что всю ночь ко мне приходили незнакомые офицеры и солдаты других полков за справками и никто не мог меня разбудить. «А мы сейчас уже десять минут вас будим, хотели сонного положить на двуколку и увезти. Скорей одевайтесь, немцы совсем близко». – «А пехота впереди?» – «Уже давно позади». – «А полк наш?» – «Он за пехотой, а ваша лошадь и двуколка во дворе». Школа насквозь простреливалась ружейными и пулеметными пулями. Я быстро оделся и поехал под страшным огнем противника. Только успел я поздороваться с полком, как получил приказ: «Присоединиться к дивизии, которая переходит к деревне такой-то. Казачий полк в арьергарде».

Через каждые 50 минут дивизия, как полагается, делала привал на 10 минут. Я слезал с лошади и здесь же у ее ног, на земле, засыпал. Когда раздавалась команда «Садись», меня будили. Мы шли так целый день, и я на всех привалах засыпал и храпел так, что солдаты впереди едущего драгунского полка оглядывались. На ночь остановились в лесу, и я сейчас же заснул на своей походной кровати, но меня все время будили по всяким делам и свои, и чужие. А вскоре приказ начальника дивизии:

«Всем командирам полков явиться на совещание в штаб дивизии – хата в полуверсте от полка». Я пошел с адъютантом, но, не доходя ста шагов до штаба дивизии, сел на землю и сказал адъютанту: «Идите один, я не в состоянии сделать больше и одного шага».

Самое ужасное на войне – это не рвущиеся над головой снаряды, а страшная усталость, переутомление, когда невозможно заснуть.

Еще ужасны на войне неприятельские аэропланы, которые летают на не досягаемой для винтовки высоте, безнаказанно бросают на вас бомбы, а вы не можете даже стрелять по ним.

Мне приказано прибыть с полком к перекрестку таких-то дорог и ждать дальнейших указаний. Только я прибыл к указанному месту, появился немецкий аэроплан. Леса, куда можно было бы скрыться, близко не было. Я приказал полку рассыпаться по обширному полю как можно дальше друг от друга и лежать на земле, держа лошадей в поводу. В одну минуту полк рассыпался. Минут десять немец летал на большой высоте и сбрасывал на полк бомбы. Но Бог хранил нас – все бомбы падали в промежутках между лошадьми, и от нескольких десятков бомб только одна лошадь была легко ранена. Казаки совсем не пострадали.

Помню еще случай. Приказано было мне перевести бригаду – два полка – из одного пункта в другой. Едем в тылу нашей армии параллельно фронту. Я, адъютант и еще несколько офицеров в голове бригады. Появляется аэроплан и летит так низко, что отличительных знаков не видно, и так близко, что мы приняли его за свой. Аэроплан летел у самой земли и прямо к голове колонны, то есть прямо ко мне. Чуть приподнявшись, он бросил бомбу. Бомба упала в десяти шагах от меня, но как раз за стоящим у дороги сараем, и этот сарай принял на себя весь удар и все осколки. Господь спас нас – никто не пострадал.

В Румынии мой полк был расположен в имении верстах в 20 от города Пьятра. Это была наша база. Вскоре нашу дивизию послали сменить уральцев у женского монастыря Торкео – это подножие Венгерских гор. Когда я пришел к командиру Уральского полка, он обедал со своими офицерами. Это был белый, совершенно седой полковник, лет на 25 старше меня. От предложенного обеда я отказался, сказав, что только отобедал. Полковник все время, не переставая, что-то говорил, пересыпая свою речь ужасными ругательствами. Потом вдруг встал и громко прочитал молитву после обеда. Он показал мне на карте, где стоят их посты, и сообщил, что у каждого поста устроена баня на воздухе. На мой вопрос, остались ли монашки в монастыре, он ответил: «Остались три, всем трем вместе 200 лет».

Наша позиция была совсем не там, где стояли уральцы. Лошадей я отправил обратно в имение за 60 верст от полка, а полк повел пешком на указанную штабом дивизии позицию. Крутизна гор не допускала возможности ехать туда верхом. Провизию подвозили на вьюках.

...Чудный прозрачный воздух. Красота гор изумительная. Скалистые горы, до 1595 метров высотой, покрыты великолепным лесом, в котором много медведей, кабанов, оленей, коз... Странно было видеть себя выше облаков. Потом эти облака опускаются, и показываются сначала верхушки гор, а потом и все горы. Командир бригады генерал Бьюнтинг зарисовывал чудные виды в свой альбом. Без привычки трудно было ориентироваться в горах – все расстояния скрадывались.

Меня назначили начальником передового участка, и под моей командой были все четыре полка нашей дивизии: мой полк, гусары, уланы, драгуны и пехотный стрелковый полк. Позиция была спокойная, не было даже перестрелки. Я был в более серьезном месте – у стрелков с командиром полка полковником Кислицыным. Вдруг противник неожиданно открыл по нас ураганный огонь. К австрийцам незаметно подошел немецкий пехотный полк и, зная, что перед ним спешенная кавалерия, решил нас атаковать. Я послал ординарца к полковнику Клевцову, который был с моим полком. Ординарец вскоре возвратился и доложил, что там полка нет. Не поверив ординарцу, я пошел туда сам со своим адъютантом Черкесовым. Убедившись, что ординарец был прав, я хотел возвратиться к полковнику Кислицыну, но там, откуда я только что ушел, уже были немцы. Я и Черкесов были отрезаны от своих и очутились в тылу противника. Наши полки быстро отступили, и начальнику дивизии сообщили, что мы с адъютантом попали в плен. Три четверти Стрелкового полка были перебиты, полковник Кислицын, смертельно раненный, вынесен в тыл. В моем полку убит офицер и несколько казаков. Мы с Черкесовым скрылись в лесистых горах. Наступила темная ночь. Немцы расставили вдоль всей позиции часовых на расстоянии 50 шагов друг от друга. Мы решили проползти между этими часовыми и радовались, что у противника нет собак, которые сразу почуяли бы нас. Ползли медленно, не отрываясь от земли. Проползли. Разговаривали шепотом, не знали, есть ли впереди цепи их секрет. Поднялись с земли, когда проползли от немцев шагов сто. Идем осторожно, с револьверами в руках, и не знаем, что впереди. Тьма, везде кусты. Вдруг в 5 шагах крик: «Стой, кто идет?» Вышли на наш гусарский пост. Отвечаю: «Командир Казачьего полка». – «Пожалуйте, Ваше высокоблагородие, наш командир сейчас разговаривает по

телефону с начальником дивизии». Командир Гусарского полка полковник Шведер[115] , бывший кирасир Ее Величества, крикнул в телефон: «Пришел полковник Балабин» – и, бросивши трубку телефона, начал меня обнимать и целовать, поздравляя со спасением. Потом опять схватил трубку телефона: «Вы слушаете? Передаю трубку полковнику Балабину». Начальник дивизии: «Я так рад, что вы возвратились, не могу сейчас видеть вас, но радуюсь, слыша ваш голос. Рад, что ваш полк не очень пострадал. Клевцов, видя, что перед ним огромные силы противника, в 20 раз больше, чем у него, без дорог скатился с горы и пришел к своим землянкам».

Израненного полковника Кислицына (кажется, это 15-е ранение) я представил к Георгиевскому кресту, и он его получил, лежа в госпитале. Кислицын выжил, выздоровел, но, кажется, к полку своему больше не явился.

В Румынии у нас были недоразумения с фуражом. Вагоны приходили исправно, пломбы целы, а внутри вагонов ничего нет. Румыны проламывали дно вагонов и крали овес и сено. Командующий армией генерал Лечицкий несколько раз предупреждал железнодорожное начальство и грозил наказанием, но кражи продолжались. Тогда Лечицкий вызвал к себе главного железнодорожного начальника и велел его выпороть, а он оказался чиновником в генеральском чине. Скандал. Пожаловались. Лечицкому – письмо с просьбой никого больше не пороть. С тех пор краж не было, и мы получали фураж исправно и полностью.

19 августа 1917 года приказом армии и флота я назначен командиром 2-й бригады 9-й Донской Казачьей дивизии. Я должен был ехать в Новочеркасск, принять эту бригаду и везти ее на фронт. С грустью я расставался со своим полком, которым командовал всего 16 месяцев, но успел привыкнуть к нему и полюбить. Полк всегда все это время оставался верным России и Казачеству[46]. Не сломили его и ужасный приказ Керенского № 1, и агитация приезжавших разлагать его комиссаров. Несмотря на приказ прибавлять к приветствию только чин, казаки, по-старому, говорили «Ваше высокоблагородие». Очень тепло я прощался с начальником дивизии генералом Дистерло и с командиром корпуса генералом Вельяшевым, а генерал Вельяшев даже посадил меня на колени и прослезился.

Ехал я через Киев, где купил хронометр Мозера с секундомером вместо часов Буре, утерянных мной 11 июля в атаке на немцев. На пару дней «по пути» я заехал к семье в Саратов, откуда Волгой на пароходе до Царицына и дальше по железной дороге до Новочеркасска.

Глава 9
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА. АТАМАНЫ

В Новочеркасске я остановился в отеле против Александровского сада и пошел представляться Войсковому атаману генералу от кавалерии Алексею Максимовичу Каледину.

Это было время, когда Временное правительство потребовало приезда генерала Каледина в Петроград на совещание с намерением арестовать его и на Дон не отпускать. Казаки ответили, что «с Дона выдачи нет» и генерал Каледин в Петроград не приедет. Тогда Временное правительство двинуло свои войска на казаков – началась Гражданская война.

Придя во дворец, я просил адъютанта доложить атаману, что я прибыл с фронта и хочу ему представиться. Адъютант ответил, что атаман никого не принимает. «Все равно я прошу доложить ему о моем прибытии». Сейчас же сошел ко мне брат атамана генерал Каледин-младший[116] и, хотя мы не были с ним знакомы, расцеловал меня и повел к атаману. Расспрашивали меня о фронте, о войне, о настроениях и тому подобном. Генерал Каледин-младший раньше командовал 12-м полком и спрашивал об офицерах, урядниках, всем интересовался. Меня оставили обедать.

Атаман сказал, что я должен в Новочеркасске подождать пулеметную команду из Петрограда и тогда уже везти бригаду на фронт, а пока разобраться с претензиями в двух своих полках, расположенных в станицах недалеко от Новочеркасска. Со мной поехал по полкам назначенный атаманом сотник, фамилию которого я, к сожалению, забыл.

На одном полустанке, недалеко от реки Маныч, мне пришлось долго ждать поезда. Начальник этого полустанка рассказал, что через полустанок проезжал эшелон революционных солдат. «Я был на охоте. Они потребовали, чтобы мой помощник «немедленно» отправил их эшелон дальше. Он ответил, что путь несвободен, надо подождать. «Не хотим ждать – немедленно отправляй». – «Не могу, это будет с моей стороны преступлением по службе, может произойти крушение». – «Отправляй, тебе говорят, без разговоров». – «Вот видите этот жезл, когда он опустится, путь будет свободен и я вас сейчас же отправлю». Солдаты избили этого помощника начальника станции, выволокли за станцию и потребовали, чтобы их отправил телеграфист. Телеграфист ответил, что он, кроме своего аппарата, ничего не знает и, взглянув в окно, сказал: «Да вон идет

начальник станции». Солдаты толпой бросились навстречу к начальнику станции, схватили его, крича: «Твоего помощника убили и тебя убьем, если сейчас же не отправишь нас». Начальник полустанка вошел на станцию, в это время жезл опустился, и он сказал: «Садитесь в вагоны – сейчас отправлю». – «Врешь?» – «Не вру, скорей садитесь». – «Ребята, вот это наш человек, возьмем его с собой, он на каждой станции будет нас немедленно отправлять». С большим трудом удалось уговорить солдат не брать его с собой... «Такое у меня зло на этих солдат, – продолжал рассказ начальник полустанка, – что хочется устроить искусственное крушение и пустить эшелон в реку Маныч, пускай бы искупались и отрезвились».

Во время моего объезда полков из Саратова приехала в Новочеркасск моя жена с дочерьми. Оставив вещи в моем номере, она пошла по городу искать квартиру. В одном доме их спрашивают: «А вы чьи такие будете?» – «Балабины». – «А не Ивана Ивановича и Ольги Адриановны?» – «Да, это родители моего мужа». – «Так я же вам тетенька, я вас сейчас кофеечком угощу». Но квартиру нашли в другом месте.

Пулеметной команды я не дождался, да и не время еще было везти бригаду на фронт.

Генерал Каледин командировал меня в Петроград за секретными картами Области войска Донского для борьбы с большевиками. В двухместном купе 1-го класса с незнакомым интеллигентным старичком я выехал из Новочеркасска. Не помню, на какой станции, в центре России, в наш вагон вошли человек двадцать разнузданных солдат и стали внедряться во все купе. В свое купе я их не пустил, сказав, что здесь оба места заняты, оплачены и больше места нет. Они хотели войти силой, но я захлопнул дверь и держал ручку, чтобы ее не смог по требованию солдат открыть и кондуктор. У нашей двери поднялся крик и раздалась страшная непристойная брань. Стучали прикладами в дверь, грозили расправиться. Мой старичок испугался: «Что вы наделали? Теперь и меня убьют вместе с вами». Я ничего не мог ему ответить. Когда поезд остановился, я боялся, что солдаты полезут в окно, но поезд сейчас же отошел. Солдаты ругались не переставая, грозили и требовали, чтобы их пустили в купе. Но, слава богу, на следующей станции они все сошли с поезда, и мы вздохнула свободно.

В Петрограде я остановился в меблированных комнатах А.П. Бармасова[117] , бывшего моего компаньона по охоте во время службы в лейб-гвардии Казачьем Его Величества полку. Через день по моем приезде в Петроград там началась революция. Солдаты и просто хулиганы убивали на улицах офицеров и

чиновников в форме и за ноги стаскивали в Неву или в Фонтанку. Младший мой брат, Филипп, имел квартиру на Миллионной улице в штабе Гвардейского корпуса. С ним жил молодой прапорщик, родственник его жены. По телефону ему сообщают, что брат арестован, и спрашивают, сам ли он явится, или прислать за ним конвой, что будет безопаснее, так как могут схватить на улице и убить. Брат ответил, что явится сам. Прапорщик пошел его провожать. Дошли благополучно. «А это кто?» – «Это мой родственник». – «Ну и он пусть будет арестован». В маленькую комнату внедрили 30 человек. Было так тесно, что нельзя было даже сесть на пол. Через сутки всех выпустили, приказав продолжать заниматься своей службой.

В Главном штабе мне удалось получить все карты, за которыми меня послал атаман Каледин. Встретил я в Петрограде сотника Козлова, бывшего моего вахмистра сотни Его Величества, и предложил ему ехать со мной на Дон. Заказали купе 1-го класса, но, когда явились на вокзал, революционная полиция потребовала от нас разрешение ехать вооруженными шашками. На наши протесты, что офицер не смеет на улице быть без шашки, они ответили, что теперь все наоборот – надо в Смольном взять разрешение на провоз шашек. Отложили отъезд на сутки, чтобы взять это разрешение, и на станции просили дать купе на следующий день. Утром Козлов выхлопотал требуемое разрешение, и мы благополучно уехали. Приехали в Новочеркасск 20 октября. Проезжая по России, видели, что на всех станциях пусто и голодно. Переехавши границу Области войска Донского, как будто попали в другой мир – обилие всего и на вокзалах, и у торговок перед поездом.

Генерал Каледин благодарил меня за привезенные карты и вскоре назначил комендантом Макеевки и командующим войсками Макеевского района.

В октябре я получил приказ о производстве меня в генерал-майоры со старшинством со дня подвига – 11 июля.

В Макеевку я прибыл 14 ноября 1917 года. Жил там в отеле, а обедать пригласила меня симпатичная семья инженера Тостивена[118] . Инженер Тостивен командирован из Франции для работы у нас в России на оборону.

Работа для меня в Макеевке была очень тяжелая. Пришлось мне познакомиться и с добычей угля, и с отношениями инженеров и рабочих, и со многим другим. Я мог спать только четыре часа в сутки. Несколько раз говорил по прямому проводу с атаманом Калединым, так как Макеевка не была связана телефоном с Новочеркасском. Посылал атаману телеграммы в 300 слов. Ко мне присоединился Кубанского войска сотник

Греков[119] , по прозвищу «Белый дьявол-альбинос». Он энергично исполнял все мои поручения. Рабочие бурлили и волновались, и надо было много такта, чтобы не началось форменное восстание. В моем распоряжении была сотня казаков, но не особенно надежных. Этой сотней раньше командовал знаменитый партизан есаул Чернецов[120] . Когда он раз повел свою сотню на площадь города усмирять волнующихся рабочих, казаки ему заявили, что никого усмирять не будут. Чернецов им ответил: «Я буду усмирять, а вы стойте и смотрите». Оставив сотню в ста шагах от волнующейся толпы, Чернецов один подъехал к толпе и сказал: «Прошу всех разойтись и идти на работу, иначе казаки всех вас разнесут и изувечат». Толпа разошлась.

Как-то я возвращался с телеграфа после разговора с атаманом и узнал, что на Макеевку наступает неприятельская кавалерия. Я один в отеле и в полной беспомощности. Из окна вижу, что передние дозоры противника уже вошли в Макеевку, через пять минут будут возле отеля, и меня арестуют. Вдруг вбегает сотник Греков и говорит: «Реквизировал для вас сани, скорей садитесь, а то нас захватят большевики». Под рев и улюлюканье рабочего населения я поехал к казарме, где на противоположном конце Макеевки была расположена сотня казаков. Я в санях, сотник Греков и его вольноопределяющийся верхом. Наступила ночь. Я выслал в сторону противника разъезд, но сейчас же пулей из винтовки был ранен начальник разъезда, вахмистр, и разъезд возвратился. Сотня самовольно исчезла. Надо было и мне уезжать к станции Ханжонково.

Ночь. Тьма. Дорогу не знаем. Ямщик-немец говорит, что дорогу хорошо знает. Поехали. Встречаем в поле случайного казака, спрашивает: «Куда едете?» – «В Ханжонково». – «Да это совсем не Ханжонково, в полуверсте рудник, и там сейчас митинг большевиков, я вас провожу в Ханжонково». Еще раз спас Господь от смерти. Немец извиняется, говорит, что заблудился. Вероятно, хотел выслужиться и сдать нас большевикам.

Утром, в Ханжонково, я поговорил с казаками, пристыдил их за бегство из Макеевки, выставил из них охранение и послал дозоры в местечко. Сам поселился в отдельном вагоне – салон и одно купе. Вскоре пришли дозорные казаки и докладывают, что поймали шпиона. «Почему вы думаете, что это шпион? Вы с ним разговаривали?» – «Никак нет, и так видать, что он шпион». – «Введите его ко мне в вагон». Здоровый, сильный парень. «Ты что за человек, и почему ты ночью ходишь по местечку?» – «Я с того рудника (где был противник) и послан узнать, сколько казаков и где они расположены». – «Значит, ты шпион?» – «Да, шпион». Шпиона арестовали. Какой ужас – Гражданская война. Какие

сильные люди погибают из-за своих заблуждений.

Прислали мне в помощь подполковника Генерального штаба (забыл фамилию) и два орудия.

На следующий день мы построили казаков против рудника, который решили атаковать. Со стороны противника страшная стрельба из винтовок, пулеметов и орудий. Наша артиллерия тоже сделала несколько выстрелов, чтобы показать, что и у нас есть артиллерия. Казаков невозможно было поднять для атаки – прилипли к земле и боятся встать. Я говорю им: «Ведь перед нами не войска, а сволочь. Смотрите: все их выстрелы идут выше нас, и даже в меня, стоящего во весь рост, не могут попасть. Мы в три минуты добежим до них, а тогда вскочим и побежим, они испугаются и стрелять перестанут. А не хотите атаковать – я один пойду на них» – и пошел. Но не прошел я и десяти шагов, как все вскочили и побежали. Большевики в панике бежали. Мы захватили их орудия и пулеметы и в этот же день возвратились в Макеевку. Большевики отступили верст на пятьдесят. Во всех большевистских газетах меня поносили как врага народа, прорвавшего их фронт.

Инженер Тостивен рассказывал, что его хотели расстрелять за то, что принимал меня и кормил обедами. Его ставили к стенке лицом и сзади щелкали затворами винтовок. Он сказал, что если придется нам еще уходить, то и он поедет с нами.

Из Новочеркасска прислали мне ружейные патроны. На станции Кутейниково рабочие задержали эти патроны. Сотник Греков взялся привезти их в Макеевку.

На станции он взял паровоз и один товарный вагон, в дверях которого поставил для устрашения пулемет... Сам управляя паровозом, неожиданно доехал со своим вольноопределяющимся до станции Кутейниково, вбежал на станцию, наполненную народом, разыскал ящики с патронами, поставил их в товарный вагон, дал задний ход своему поезду, и, только когда поезд тронулся, по нему открыли безрезультатную стрельбу... Патроны привез благополучно.

Через несколько дней Греков на станции Макеевка проверял документы едущих в Донскую область. Между приходом поездов он решил заснуть в свободном вагоне. Большевики хотели его схватить. Одни стали у дверей, другие вошли в вагон. Греков выскочил в окно и побежал, в него стреляли из винтовок, но ни одна пуля его не задела.

Через день он опять был на станции со своим вольноопределяющимся и встретил того большевика, который в него стрелял. Страшно избил его и спросил: «Знаешь, за что я тебя бью?» – «Знаю, за то, что хотел вас убить». – «Нет, за то, что

стрелял на десять шагов и не попал. Не умеешь стрелять, так и не стреляй».

Положение в Макеевке было очень тревожное, рабочие митинговали и не хотели работать. В мое распоряжение прислали полк казаков под командой полковника Михаила Евграфовича Власова[121] , нашего лейб-казака и моего товарища по кадетскому корпусу и по военному училищу. Власов высылал сотни казаков к заводам, и рабочие, видя большое число казаков, не решались выступать открыто. Высланные полковником Власовым разъезды на Юзовку и Харцызск донесли, что на Макеевку движутся большие силы большевиков из трех родов войск. Пришлось из Макеевки отойти на более удобную позицию у станции Кутейниково. Из Новочеркасска прибыл начальник дивизии генерал И.Д. Юрлов командовать всем отрядом. Он приехал ко мне и сказал: «Буду жить в вагоне на станции Успенская. Вы распоряжайтесь, как и раньше, я вам мешать не буду, но вы сообщайте мне о ваших распоряжениях». Я посылал донесения ему и, как полагается, копии атаману Каледину. Недели через две приезжает ко мне Иван Давыдович и просит: «Поезжайте в Новочеркасск и сообщите атаману Каледину о нашем здесь положении, а то он не верит моим донесениям». – «А что вы ему доносите?» – «Да ваши же донесения, только немножко их переделываю». – «Можно в Новочеркасске прожить мне сутки?» – «Нет, пожалуйста, сейчас же возвращайтесь». – «Может со мной ехать мой начальник штаба, он очень просится». – «Нет, ни в коем случае, его оставьте мне».

Выехавшие со мной супруги Тостивен проехали в Царицын и оттуда через Россию во Францию. Они писали мне, что из газет узнали о моем назначении министром Донского войска.

Генерал Каледин благодарил меня за работу в Макеевке и разрешил пробыть несколько дней в Новочеркасске. Но вечером в тот же день неожиданно приехал генерал Юрлов. «Что случилось?» – «Когда вы уехали, мой вагон прицепили к поезду и, не говоря мне ни слова, быстро, не останавливаясь на станциях, помчали к Таганрогу. Не доезжая до Таганрога, на станции Кошкино, поезд остановился. Я вышел из вагона, меня окружили казаки и сообщили, что больше не желают держать фронт, а чтобы мне не попало за это от атамана, предложили считать, что они меня арестовали и везут силой. Я, – сказал дальше Иван Давыдович, – доложил об этом атаману и подал рапорт об уходе в отставку. Моя отставка принята – вы назначены начальником 9-й Донской Казачьей дивизии». Это было 6 января 1918 года. В этой дивизии было 6 полков, которые стояли в разных станицах далеко от города.

Войско болело. Казаки, возвратившись с фронта и не видевши свои семьи по четыре и больше лет, разошлись по домам. А большевики наступали и с севера, и с запада. Задерживали их только партизаны – кадеты, гимназисты, юнкера, совсем дети, под командой Чернецова и Семилетова[122] . Каждый день можно было видеть в соборе целый ряд гробов этих детей, погибших за Россию и родной Дон. Каждый день можно было слышать в городе похоронные марши оркестра, сопровождавшего похоронную процессию.

В Новочеркасске никаких войск не было. Дети не могли удержать полчища большевиков, приближающихся к Новочеркасску. Знаменитый партизан Чернецов погиб. Наступила катастрофа.

Атаман Каледин, видя, что положение становится безнадежным, застрелился. Этот выстрел всколыхнул казаков, и в разных станицах начали образовываться группы для борьбы с большевиками. К Новочеркасску уже подходила революционная дивизия Голубова[123] . Чтобы спасти офицеров от гибели, а войск в Новочеркасске не было, решили под командой Походного атамана генерала Петра Харитоновича Попова отправить всех офицеров в степи Сальского округа, чтобы, избегая встреч с большевиками, выждать, пока переболеют казаки и поднимутся для защиты Дона. Я тоже предполагал ехать с П.Х. Поповым в Сальские степи, но мои лошади стояли в пулеметной команде, и надо было идти туда. Вестовым у меня был пленный немец – казакам я не верил. Я переоделся в солдата и пошел к пулеметной команде, чтобы верхом присоединиться к П.Х. Попову. Казаки-пулеметчики меня не знали, а вестовой немец был в городе, и чужому человеку казаки лошадь не дали бы. Я сказал, что у меня есть дело к этому немцу и я его подожду. Вскоре пришел из города один пулеметчик и, увидев меня, спросил: «А это кто?» – «Да человек ждет немца, а что в городе?» – «Голубов вошел с полком, занимает выходы из города, ловит и арестовывает офицерье». Я понял, что мне не уйти, но и от пулеметчиков нельзя было сразу уйти, чтобы не заподозрили. Просидел я у них еще минут 15, которые мне показались вечностью, и сказал: «Не могу больше ждать, приду завтра, скажите немцу». Не прошел я от пулеметчиков и ста шагов, как встретил полусотню казаков, идущих занимать последний выход из города. На меня не обратили внимания (в полушубке, в солдатской папахе, с мешком на плече). У заднего спросил: «Что за войско?» – «Казаки-голубовцы, занимаем заставу».

Зашел я в штаб дивизии. Там застал своего бывшего начальника дивизии И.Д. Юрлова. И он, и никто из штабных меня

не узнали, пока я не снял папаху. Иван Давыдович заволновался: «Почему вы не ушли? Вам нельзя оставаться, вас убьют». Попрощавшись с Иваном Давыдовичем и со штабом, я вышел. Домой идти нельзя. Куда идти – не знаю, в Новочеркасске всего несколько дней. Решил спросить совета у знакомой дамы, месяца два назад приехавшей из Петрограда. Постучал в окно. «Вы почему не уехали?» – «Не смог, посоветуйте, куда мне идти?» – «Ваши дочери у меня. Александра Вячеславовна, зная, что к ней явятся искать вас, привезла детей ко мне, но вам у меня остаться нельзя, рядом со мной ярая коммунистка. Идите на такую-то улицу, дом номер такой-то, в третьем дворе налево спросите студента Володю». Пошел. Ночь, темно, нашел двор, стучу. Голос за закрытой дверью: «Кто там?» – «Можно видеть студента Володю?» – «А вы кто?» – «Меня прислала к вам такая-то, я генерал Балабин, не успел уехать». Совершенно незнакомый мне Володя открыл дверь и бросился меня целовать. «Приходите к нам – мы вас сохраним». А обо мне все слышали, так как несколько раз выпускали экстренные телеграммы и мальчишки продавали их по городу с криком: «Победа генерала Балабина...» Мне дали комнату рядом с комнатой Володи и его супруги, которые совсем недавно поженились. Забавно было слышать их интимные разговоры: «А у нашего маленького будут такие же зубы, как у тебя?» – и тому подобное.

В город я выходил только вечером и, подражая «товарищам», с полными карманами семечек. Один раз я по Московской улице дошел почти до Платовского проспекта, и на меня так подозрительно посмотрели встретившиеся три матроса, что у меня мороз пробежал по спине. Долго я вспоминал этот взгляд, и больше уже к Платовскому не ходил.

К жене приходили в тот же вечер с требованием сообщить, где я. Жена отвечала незнанием, и, когда три матроса прикоснулись к ней штыками с разных сторон, она сказала: «Если бы и знала, не сказала бы. Какая жена была бы жена, если бы вздумала предавать своего мужа?» На страшную брань она заплакала. Тогда один матрос сказал: «Ну, жена не отвечает за поступки мужа. Давайте оружие, какое у вас есть». Жена отдала им штуцер, только что мне подаренный инженером Тостивеном, а охотничье ружье скрыла, зная, как я им дорожу. С ним я охотился и в Чехословакии, его отобрали у меня немцы, а когда немцы велели возвратить его мне, чехи сказали, что ружье утеряно...

Голубов со своими революционными казаками господствовал недолго. В Новочеркасск прибыл командарм Смирнов, бывший вахмистр лейб-гвардии Казачьего полка, и он всем распоряжался. Когда разнесся слух, что я арестован, жена пошла в отель к

Смирнову просить заступиться за меня. Смирнов ей ответил: «Я для того и состою командармом, чтобы заступаться и сохранить офицеров, особенно лейб-казаков. Об аресте Евгения Ивановича слухи не верны – его нигде не нашли». И действительно, из лейб-казаков никто не пострадал. И вообще, поведение Смирнова было выше похвал.

Между прочим, Смирнов собрал директоров всех учебных заведений и говорил им речь, и говорил так хорошо и разумно, что все приняли его за офицера Генерального штаба, а в действительности его образование было только Полковая учебная команда. В полк же он поступил почти безграмотным.

Вскоре ночью из ближайшей к Новочеркасску станицы Кривянской явились казаки – кто с оружием, кто с вилами – и освободили Новочеркасск. Большевики бежали к Ростову. Но защитить Новочеркасск небольшая группа казаков, да еще без оружия, конечно, не могла. На Новочеркасск наступали большие силы большевиков. С горки Александровского сада я посмотрел на наступающие цепи противника и убедился, что через час-два город будет ими взят. Оставшиеся в городе офицеры, и я в том числе, пошли пешком через станицу Кривянскую в станицу Заплавскую. Когда мы шли полем к первой из них, нас из города из ружей и пулеметов обстреляли местные коммунисты, у нас были раненые.

Образовавшееся временное Донское правительство тоже переехало в станицу Заплавскую. Командующим армией был назначен Генерального штаба полковник Денисов[124] , и там, в Заплавах, началась лихорадочная работа по формированию армии из прибывающих казаков. А Новочеркасск заняли большевики.

Выстрел атамана Каледина всколыхнул казаков. Каждая станица начала формировать свои отряды и изгонять большевиков, которые вздумали наводить в станицах свои порядки.

Вскоре большевики повели наступление из Новочеркасска на станицу Заплавскую. Меня просили защитить станицу. С небольшой группой казаков, около сотни, без орудий и пулеметов, я встретил наступающие цепи, разбил их и обратил в бегство. Был убит их предводитель, которого на следующий день в Новочеркасске торжественно хоронили в красном гробу.

А еще через несколько дней, на второй день Пасхи, под колокольный звон церквей, мы заняли Новочеркасск. Город ликовал. Меня встретила жена – на улице недалеко от нашей квартиры.

На следующий день меня назначили регистрировать всех

офицеров, находящихся в городе, и распределять их по частям. Пришли регистрироваться и пожилые воспитатели Донского кадетского корпуса. Некоторые из них были воспитателями в корпусе, когда я был там кадетом. Я их, конечно, никуда не зачислил, а отпустил с Богом.

В этот же день в Новочеркасск вошел Дроздовский полк[125] , прибывший на Дон из Румынии, и в этот же день приехал из Константиновской станицы генерал-майор Петр Николаевич Краснов. Образовавшийся «Круг Спасения Дона» единогласно избрал П.Н. Краснова Войсковым атаманом.

На следующий день генерал Краснов пригласил всех генералов во дворец, познакомился с нами и отпустил, а меня просил остаться. Он предложил мне быть членом Донского правительства и управляющим отделом коневодства и ремонтирования армии. Я отказался, не желая бросать строевую службу, но Краснов настаивал, говоря: «Безвыходное положение, вы коннозаводчик, больше некого назначить, а если вам эта работа не понравится, я через четыре месяца дам вам любую дивизию».

Я согласился. В Управлении коневодства я нашел полный штат служащих и опытного секретаря Смазнова.

Для армии нужны были лошади. Я сейчас же образовал три комиссии и назначил им районы для сбора лошадей в армию по известной шкале. На автомобиле я объезжал эти районы и руководил приемом лошадей.

Председателем одной из этих комиссий был полковник И.А. Клевцов, бывший мой помощник командира 12-го Донского полка. А моим помощником в управлении стал бывший командир лейб-гвардии Казачьего полка полковник А.А. Мишарев.

Генерал Краснов энергично принялся за работу. Образовал правительство, сформировал новую дивизию, первым полком которой стал наш лейб-гвардии Казачий полк. Вторым – лейб-гвардии Атаманский полк. Командиром лейб-казаков был назначен полковник Василий Аврамьевич Дьяков[126] . Начальником дивизии – опытный генерал Генерального штаба генерал-лейтенант Федор Федорович Абрамов. Работала дивизия не покладая рук и вскоре встала образцовой дивизией.

На заседаниях правительства быстро решались все вопросы. П.Н. Краснов удивлял всех знанием по всем отделам управления. День свой Петр Николаевич начинал с 6 часов утра. От 6 до 8 он ездил верхом. Его всегда сопровождала супруга, которая говорила, что это единственное время, когда она может поговорить с мужем. С 8 до позднего вечера Краснов занят делами. С 8 часов утра начинается прием посетителей.

Управляющие отделами входили без очереди. Меня Петр Николаевич просил всегда входить в его кабинет без доклада, не обращая внимания, что у него кто-то есть. Он всегда говорил: «Как я люблю ваши доклады – все понятно, все интересно, все дорого для меня». Генерал Краснов любил лошадь, и во всех его романах всегда есть кое-что о лошадях.

Донская армия продвигалась на север, тесня красных, и вскоре вся Донская область была освобождена от большевиков. Донской армией и управляющим военным отделом был полковник Денисов, вскоре произведенный в генералы. Начальником штаба войска Донского был назначен полковник Поляков[127] , тоже потом произведенный в генералы. Генерал-майора Краснова Большой Войсковой Круг произвел в генералы от кавалерии, минуя чин генерал-лейтенанта.

К сожалению, начались разногласия с главным командованием, которое не понимало казаков, не знало казачьего быта и истории казачества. Я, заведуя коннозаводством и ремонтированием армии, не имел отношения к этому разногласию, но болел душой, видя, что это разногласие идет во вред общему делу борьбы с большевиками... Случайно я разговорился с господином Х. из окружения Главнокомандующего. Он возмущался самостоятельностью казаков и говорил, что эту самостоятельность надо немедленно прекратить. «Да ведь донские казаки все поголовно поднялись для защиты Дона и России. Чем больше будет таких образований с организованными армиями против большевиков, тем скорее мы победим. Я бы приветствовал, например, царство Казанское, которое сформировало бы армию против большевиков». – «Кто бы это мог быть царем казанским, кроме меня?» – «Отлично, будьте вы царем, формируйте армию, бейте большевиков. А когда явится Царь-батюшка, все устроит по-своему, опять будет великая единая могучая Россия, и никаких царств казанских не будет, а пока надо принимать все меры, чтобы победить большевиков». – «Нет, с этим я не согласен, и сейчас должно быть объединение полное во всем». – «Да ведь в оперативном отношении казаки, Донская армия, подчинены главному командованию, – что же еще надо? А в неверности Престолу и России казаков упрекнуть нельзя. Более преданных Царю вы не найдете. Все Императоры верили казакам и свою охрану, Конвой Его Величества, имели из казаков, а не из крестьян Центральной России».

Встретил я еще одного господина – монархиста. Он говорит: «Вот уничтожим большевиков – будем Царя выбирать». – «Как выбирать? Мы не смеем выбирать. Царь выбран еще в 1613 году, Михаил Федорович Романов, и наши предки дали клятву Господу

Богу и за нас, и за наших потомков, что Царем Российским будет всегда старший в роде Романовых. Сейчас таковым является Его Императорское Высочество Великий князь Владимир Кириллович[47], и никто больше не смеет претендовать на Всероссийский Престол, кроме него. Свергнем коммунизм, прекратим «бунт» большевиков, и явится Великий князь в Москву, как единственный законный Император Российский… Даже страшно слышать слово «выбирать». Найдутся ведь господа, которые захотят выбрать кого-либо вроде покойного Милюкова или Керенского. Спаси, Господи, и сохрани Россию от такого несчастья. Никаких выборов не может быть.

Вспомните, что было в 1613 году. Мать Михаила инокиня Марфа ни за что не соглашалась отпустить сына на царство. Московскому посольству, во главе с архиепископом Феодоритом, келарием Авраамием Палицыным и боярином Шереметевым она перечисляла все измены бояр: «Когда умер Борис – клялись быть верными его сыну и предались расстриге – убийцу его детей. Когда был убит расстрига, клялись Василию и поехали к Тушинскому вору. Как же я, после таких клятвопреступлений, могу отпустить 16-летнего мальчика на царство?» Но посольство отвечало: «Каемся в своих грехах и хотим кровь пролить и головы сложить за сына твоего на царство». И когда Марфа и Михаил все-таки не соглашались, архиепископ Феодорит взял образ Владимирской Божией Матери, а Авраамий Палицын образ московских чудотворцев, подошли к инокине Марфе и отроку Михаилу, а послы, воины, народ – все упали на колени и вопили о пощаде и согласии, а матери положили детей своих на землю и присоединили свой вопль к общей мольбе – Феодорит сказал: «Перед святыми образами говорю тебе, Михаил, что отныне на тебя падет бедствие Отчизны и ты, инокиня, будешь отвечать перед судом Божиим за кровь и слезы христиан». Марфа упала на колени перед образами и, обливаясь слезами, изъявила согласие. Разве это не воля Божия? Разве не Господь избрал Михаила Федоровича?

Великим Московским Земским и Церковным Собором 21 февраля 1613 года заповедано, чтобы ИЗБРАННИК БОЖИЙ Михаил Федорович Романов был родоначальником правителей на Руси из рода в род, с ответственностью в своих делах перед Единым Небесным Царем, а кто же пойдет против сего Соборного Постановления – Царь ли, Патриах ли и всяк человек, да ПРОКЛЯНЕТСЯ такой в сем веке и в будущем и отлучен будет от Святой Троицы».

Мы не смеем нарушить данную за нас клятву Господу Богу, и Царем Русским будет Великий князь Владимир Кириллович»[48].

Депутаты Большого Войскового Круга (парламент), неопытные и не понимающие дела, настроенные недобросовестными людьми, считали своей обязанностью не работать, не помогать, а все критиковать. Однажды на заседании Круга они вынесли недоверие командующему армией генералу Денисову, и генерал Краснов заявил, что недоверие генералу Денисову он принимает на свой счет. Недоверие Денисову – это недоверие ему, так как они работают вместе. Он положил пернач[49] на стол и покинул зал заседаний.

Войсковым атаманом был избран генерал-лейтенант Богаевский. Командующим армией стал генерал Сидорин[129] .

Почти все время я был в разъездах. Несколько раз я побывал на своем бывшем зимовнике и иногда урывками охотился. Один раз, проезжая вдоль Манацких лиманов, я остановил автомобиль и спросил шофера: «Что это за темная полоса на воде у камыша?» – «Водоросли?» – «Нет». – «Это грязная отмель?» – «Нет». – «Так что же это?» – «Это сидит птица – утки, кулики, чибисы и прочее». – «Не может быть». – «Ну, поедем дальше». По мере нашего приближения птица разлеталась и, покружившись, опять опускалась сзади нас. Шофер был поражен и говорил, что никогда ничего подобного не видел.

20 июля 1919 года приказом Донскому войску я произведен в генерал-лейтенанты.

В гирлах (рукавах – *Ред.*) Дона были заповедные воды. Никому там не разрешалось ловить рыбу сетями. Весной эта рыба расплывалась по всему Дону и его притокам. Сотня казаков под начальством офицера охраняла в гирлах эту рыбу. В распоряжении заведующего охраной гирл Дона был паровой катер.

Военный министр генерал Куропаткин[130] во время посещения им Донской области, покончив с делами, просил угостить его рыбной ловлей. От Ростова на катере повезли его в гирлы и, бросив якорь в одном месте, предложили начать рыбную ловлю. Через минуту генерал Куропаткин вытащил огромного сазана (карпа), потом сейчас же другого, и в самое короткое время карпами наполнился весь катер. Потом, в Петербурге, делая доклад о своей поездке, Куропаткин написал, что рыбы в Дону так много, что этой рыбой с Дона можно было бы прокормить всю Европейскую Россию.

Во время Гражданской войны заведующим охраной гирл Дона был М.М. Алфераки, мой компаньон по охоте в гирлах Терека. Он рассказывал, что иногда какая-либо станица подавала прошение на Высочайшее имя, чтобы закинуть «один раз» невод в гирлах Дона на построение храма в станице. Во время Гражданской

войны такое прошение было подано Войсковому атаману при М.М. Алфераки. Разрешение было дано. В газетах объявили торги на этот невод. Было много желающих. Устроили аукцион и продали невод за огромную сумму, к сожалению, не помню какую. Купивший невод пригнал в Елизаветинскую станицу несколько барж и заручился продажей рыбы в нескольких магазинах Ростова, Нахичевани, Таганрога и других мест. Ко дню ловли, объявленному в газетах, съехались много любопытных. М.М. Алфераки, как заведующий всем, стал на лучшем месте, где рыба с невода будет течь в подставленную баржу. Он вооружился сачком, чтобы поймать более интересный экземпляр. Наконец страшная лавина рыб потекла с невода в баржу. Алфераки хотел схватить что-то мелькнувшее белое, но его сачок так потянуло этой лавиной вниз, что он едва удержал его в руках, конечно, без рыбы. Наполнили одну баржу, другую, третью... Не помню, сколько было барж.

Конечно, были в гирлах и браконьеры. Ведь один удачный невод обогащал семью на всю жизнь. По браконьерам всегда стреляли без предупреждения – были и раненые, и убитые.

Хотя наша Донская армия, продвигаясь на север после больших сражений, очистила донскую землю от большевиков, но чувствовалось, что нам не удержаться и все-таки придется эвакуироваться за границу. Ведь на Дон навалилась вся Россия. А из Петрограда и Центральной России многие, спасаясь от большевиков, прибыли в Новочеркасск. Между прочими приехал знаменитый профессор – зубной врач. К сожалению, не помню его фамилию. Друзья и знакомые начали меня уговаривать, чтобы я воспользовался приездом в Новочеркасск знаменитого зубодера и вырвал будто бы совершенно ненужные мне зубы мудрости. «Зачем же их вырывать, если они не болят?» – «Будут болеть, непременно вырвите, ведь все будет безболезненно, и вы будете спокойны, что не пропустили удобный случай». Я долго не соглашался, но на меня была такая дружная атака, что я, наконец, сдался. Профессор спрашивает: «Почему вы хотите вырвать зубы, когда они целы и не болят?» – «Меня уверяют, что будут болеть». – «Ну хорошо, вырву». – «Только, пожалуйста, доктор, без боли». – «Да, да, конечно». И он начал рвать. Долго дергал и тянул зуб, но не мог вырвать обыкновенным способом. Тогда он зажимал мою голову между локтем и своим туловищем и старался расшатать зуб – ничего не выходило. Наконец он сказал: «Я не могу вырвать зуб, я распилю его и вырву по половине». Распилил. Страшными усилиями и с ужасной болью он вытащил одну половину. «Я вас измучил и сам измучился и не могу сейчас вытащить вторую половину – идите домой, отдохните,

успокойтесь, а через недельку придите, и я вытащу вторую половину». – «Сколько я вам должен?» – «Я не могу брать деньги, если я не окончил лечение. Когда все окончу, тогда заплатите». – «Доктор, я очень прошу вас взять деньги – я больше к вам не приду». – «Это невозможно, у вас будут такие боли, что вам придется вырвать все зубы и вставлять челюсть». – «Доктор, прошу вас, примите деньги – никогда ни к одному дантисту больше не приду». – «Боли пройдут, успокоитесь и придете». А я от боли и от всего пережитого не мог даже рот закрыть и сидел с открытым ртом.

К вечеру боль прошла, а еще через несколько дней я был командирован в Макеевку. Я никогда в жизни никому не был должен, и этот долг доктору просто меня мучил. Успокаивал себя тем, что, вероятно, доктор знает, что я в Макеевке, об этом писали в газетах. По городу бегали мальчишки с экстренными телеграммами, крича: «Победа генерала Балабина». Должен знать доктор, что я не в Новочеркасске.

Когда я попал опять в Новочеркасск, я встретил доктора на улице, обрадовался и сразу вытащил бумажник, чтобы расплатиться с ним, но он ни за что не захотел взять деньги и настаивал, чтобы я к нему зашел. «Что вы, что вы, на улице платить, это невозможно, да и никаких денег не надо – я ничего не сделал».

В 1920 году я был в Константинополе, о чем буду писать ниже. В комиссии, в которой я был председателем, работал чиновник Министерства финансов Роберт Матвеевич Вебер. Он страдал зубной болью. Как-то он опоздал на работу по подсчету ценностей и, придя, сказал: «Извиняюсь за опоздание, был у замечательного зубного врача, просил вырвать больной зуб. Доктор что-то делал у меня во рту, не переставая болтал, и, наконец, я сказал ему: «Доктор, я опаздываю на работу, скорее тащите зуб». – «Да он давно вырван, вот лежит перед вами». Я даже не заметил, когда он его вырвал – идеальный доктор». Я решил к нему пойти, чтобы вырвать вторую половинку зуба мудрости. Рассказал ему подробно, как мучил меня профессор в Новочеркасске и что я пришел к нему сейчас, после восторженного о нем рассказа г-на Вебера. Доктор осмотрел мои зубы, провел по ним, как по клавиатуре, каким-то металлическим предметом со словами: «Вот зубы так зубы, такие редко встретишь. Думаю, что профессор, мучивший вас, просто сапожник». И начал тянуть. Мучился, нервничал, также зажимал мою голову между локтем и своим туловищем, стараясь расшатать зуб, и наконец сказал: «Не могу вырвать, напрасно осудил новочеркасского профессора, устал, измучился, придите в

другой раз». Денег с меня не взял. Я, конечно, больше к нему не зашел, и так и живу с половинкой зуба вот уже сорок лет, и зубы не болят.

Глава 10
УПРАВЛЕНИЕ ОТДЕЛОМ КОНЕВОДСТВА И РЕМОНТИРОВАНИЯ АРМИИ

Своей новой должности – управляющего отделом коневодства и ремонтирования армии – я отдался всей душой. Частное коннозаводство я хорошо знал, так как родился и вырос в конном заводе на зимовнике, но станичное коневодство знал плохо: в станице никогда не жил. Меня сразу поразили колоссальные цифры конских поголовий в станицах – до ста тысяч лошадей. Да это и понятно. Казак выходил на службу на собственной лошади, в собственном обмундировании. В полку ему давали только винтовку и пику. Если в полку лошадь падет, казак должен приобрести вторую. На войне некоторые казаки переменили трех и даже четырех лошадей. Поэтому казак старался иметь дома несколько лошадей, а некоторые имели целые косяки. Станичное коневодство – это строевые лошади казаков, производители-жеребцы, матки и молодняк. Рабочие лошади, на которых казаки пашут, сеют, работают, имеют особый учет. Казак, отбывший военную службу в полку и придя домой на льготу, не имеет права продать свою лошадь. А если хочет заменить ее другой, то предварительно эту новую лошадь должен показать начальству. Если лошадь будет принята, то в описи лошадей делают исправление. Будучи на льготе, казаки на майские сборы являются на своих лошадях. Только переходя в третий разряд льготы, в запас, казак может продать свою лошадь, но по мобилизации должен в трехдневный срок явиться на сборный пункт верхом на хорошей лошади в полном обмундировании.

Война сильно разорила станичное коневодство, и хотя были приняты все возможные меры к возрождению его, но Гражданская война и отсутствие спокойной мирной жизни служили помехой к возрождению. Особенно пострадали те станицы, которые были под непосредственной угрозой нашествия большевиков или переходили из рук в руки. К большевикам попало много жеребцов-производителей и плодовых маток, и хотя их потом отбили у большевиков, но они уже были приведены в полную негодность варварским обращением и голодом. Кроме того, для борьбы с большевиками многие казаки выбрали из табунов своих лошадей и служили на них. Все это сильно разоряло станичное коневодство.

В каждой станице были отведены особые земли для выпаса табунов, из расчета 6 десятин на матку, всего 264 000 десятин. Поставка лошадей в табуны была добровольная без ограничения числа их на пай. Табунщиками служили казаки, и это считалось им за отбывание воинской повинности.

Война показала, что наилучшей лошадью в смысле приспособления к боевой обстановке, легкости и выносливости является донская степная лошадь, и потому признавалось необходимым, чтобы все заботы в коневодском деле были направлены в сторону не только наизаботливейшего сохранения станичных табунов, но и возможно широкого развития коневодного дела.

Перед революцией в 1916 году в станичном коневодстве числилось: жеребцов-производителей – 2209; маток – 34 248; трехлеток – 8926; двухлеток – 15 838; одного года – 19 492; сосунков – 20 334. Итого – 101 047 голов.

Провальский войсковой конный завод пострадал от нашествия большевиков сравнительно мало. На заводе состояло: 32 жеребца коренного основания, 525 маток, приплодок разных возрастов – 33 жеребчика из частных заводов и 59 упряжных, а всего – 1398 лошадей. Кроме того, войсковой завод обогатился приобретением высокоценных лошадей. На пункте Гальти Мора[50] куплено 20 отличных чистокровных лошадей на сумму 98 700 рублей. В Стрелецком государственном заводе взято бесплатно 24 бурлачка, которые предназначались производителями на различные государственные конюшни России. На Беловодских заводах куплено 25 чистокровных лошадей за 34 475 рублей. Все бурлачки, кроме одного, оставленного для завода, распределены по станицам. Из Великокняжеской заводской конюшни даны в станицы 8 бурлачков, которые предназначались на пункты России. На Стрелецком государственном заводе взято бесплатно 192 матки и 10 выдающихся жеребцов-производителей. На Ефремовском пункте взято 2 матки и 53 жеребчика, из них 30 чистопородных орловских рысаков и 23 тяжеловоза – 15 першеронов и 8 арденов. На Лимаревском заводе взято 23 жеребца бесплатно.

В общем, Провальский завод под управлением генерала Бобрикова представлялся в самом лучшем виде, что особенно отрадно отметить, когда вследствие общей разрухи коневодного дела он оставался единственным на всю Россию. Лучшим доказательством этому служит отзыв осматривавшего наш войсковой конный завод английского генерала Пуля, который высказал Донскому атаману генералу от кавалерии П.Н. Краснову дословно следующее: «Я видел много конных заводов в Англии.

Они у нас поставлены отлично. Но я нигде не видел такого образцового порядка, как у вас на Провальском заводе. Я могу вас поздравить – вы обладаете богатейшим материалом – настоящей военной лошадью».

Войском приобретены два зимовника: Гудовский зимовник – 1-е отделение войскового конного завода – и зимовник Ванифатия Яковлевича Королькова – 2-е отделение войскового конного завода.

Донское частное коннозаводство в дореволюционное время служило главным, если не единственным, источником питания российской регулярной кавалерии. В целях сохранения этого источника бывшее центральное правительство напрягало все усилия к поддержанию и развитию его. На помощь этому присылкой лучших производителей приходило Государственное коннозаводство. Казна же участвовала денежными средствами, оплачивая арендную стоимость земли, занимаемой Донским коннозаводством. В 1917 году Государственное казначейство уплатило войску за эту землю 27 773 496 рублей.

Для пополнения же Донской казачьей конницы служили, как я уже писал, станичные конно-плодовые табуны, дававшие возможность посадить на станичных приплодков до 87 процентов выходящих на службу казаков. Причем станичное коневодство росло и развивалось в тесной связи с донским частным коннозаводством, являвшимся главным источником снабжения станичных табунов жеребцами-производителями (до 130 ежегодно) и дававшим то или иное направление в разведении донских лошадей в зависимости от предъявленных к нему требований со стороны регулярной кавалерии.

Всех коннозаводских участков в дореволюционное время было в Задонской части 136 по 2400 десятин (321 600 дес.), в Восточной части – 177 по 2400 десятин (424 800 дес.) и в Верхнем запасе 138 уч. по 1200 дес. – 145 600 десятин. А всего 451 участок площадью в 892 000 десятин.

По числу этих участков конских поголовий было:

В Западной части – 23 450.

В Восточной части – 30 975.

В Верхнем запасе – 12 400.

А всего – 66 825.

В этом числе было 24 320 плодовых жеребцов и маток и 42 505 приплодков разных возрастов.

Ожидая нашествия большевиков, коннозаводчики рекомендовали казакам спасать своих лошадей в Кубанской области или в Астраханской губернии.

Комплектование и ремонтирование постоянной Донской

армии лошадьми при сложившихся исключительно неблагоприятных условиях являлось делом весьма затруднительным. В прежние годы, до начала войны, Донской край обладал громадным запасом лошадей. В последние годы эти запасы сократились до минимума. Война 1914 – 1917 годов потребовал от войска Донского огромного расхода лошадей. Одними казаками было взято на войну 98 600 лошадей. Артиллерийских, обозных и заводных – 9600. Итого – 108 200 лошадей. Кроме того, в войске набирались лошади и для российской армии. Все это истощило запасы лошадей настолько, что уже в 1915 году была командирована особая комиссия в Среднюю Азию и в восточные области России, которая и закупила там для пополнения Донских полков 15 000 лошадей.

С фронта на Дон вернулось 47 780 лошадей. Из них 30 процентов истощенных, разбитых и к строевой службе совершенно негодных. Осталось годных 35 000 плюс плодовые матки, около 32 000, и приплодков 9000, а всего 76 000 лошадей.

Ремонтными комиссиями осмотрено было 250 000 лошадей, а принято их них было всего 15 500. Остальные лошади не принимались как не соответствующие требованиям ремонтной шкалы в отношении роста, экстерьера и возраста. Кроме того, много лошадей заражены чесоткой.

В 1919 году производили скаковые испытания для обществ – Ростово-Нахичеванского-на-Дону и Донского, а также вновь возникшего Екатеринодарского. Производство этих состязаний сыграло важную роль в развитии и сохранении чистокровного дела не только на Дону, но и на всем Юге России, привлекая в особенности на Ростовский ипподром весь сохранившийся в этих южных краях спортивный материал.

В 1919 году общее число лошадей, принимавших участие в состязаниях на Ростовском ипподроме, было 137, а в предыдущем только 104. Благодаря этому росту общества смогли увеличить и призы. В 1918 году – 1000 – 2000 рублей, в 1919 году. – 3000 – 8000 рублей, установив целый ряд таких первоклассных призов, как Донское Дерби – 32 000 рублей; Русский С.-Леджер – 35 000 рублей, Окс – 20 000 рублей. Общая сумма призов выросла с 237 796 до 2 000 000 рублей.

Таким образом Ростово-Нахичеванский ипподром начал приобретать значение единственного на Юге России крупнейшего ипподрома. Кроме развития своего непосредственного дела, ипподром дал доход войску свыше 2 700 000 рублей.

Провальского конного завода в 1918 году скакало 11 лошадей, которые выиграли 28 463 рублей, а в 1919 году 32 лошади принесли 300 000 рублей, причем крупнейший приз,

Донское Дерби, выиграл жеребец Мармарош Провальского завода от собственного жеребца и матки (о. Мимо, м. Спринг-Верт).

Общество поощрения рысистого коннозаводства, занимая раньше второстепенное место, благодаря установленному порядку и хорошим условиям фуража, приобрело первенствующее значение.

В 1918 году принимали участие в беге 85 лошадей с суммой призов – 249 500 рублей, а в 1919 году – 153 лошади с суммой призов в 1 150 000 рублей. Впервые в 1919 году открыт зимний сезон.

Глава 11
ЭВАКУАЦИЯ – ТАБУНЫ И СКОТ. КУБАНСКИЙ ЧЕРНОЗЕМ. ЕКАТЕРИНОДАР

Наша армия почти без сопротивления быстрыми переходами отходит к югу. Добровольческая армия, разбитая под Орлом и Курском, также стремительно двигается назад. Несмотря на уверения командующего армией генерала Сидорина о благополучии, решили эвакуировать Новочеркасск. Уже давно сложилось мнение, что генерал Сидорин никогда не говорит правду. 18 декабря, за день до занятия Провалья большевиками, выступил войсковой Провальский завод.

20-го в Екатеринодар выехали наши семьи. 21-го по железной дороге двинулись члены Войскового Круга.

22-го эвакуировалось Донское правительство[131] . Так как железнодорожное движение прекратилось, то поехали кто как мог. Мы с управляющим отделом финансов Митрофаном Васильевичем Корженевским[132] поехали на моем автомобиле «Оверланд», Владимир Николаевич Светозаров[133] с Председателем правительства Николаем Михайловичем Мельниковым[134] на своем «Лауренс-Клемент». Остальные поехали на подводах. Первый переход – до станицы Богаевской с очень трудной переправой вброд через разлившийся Аксай у станицы Бессергеневской. Там мы нагнали хвост Провальского завода и переправились только благодаря их помощи. Я переезжал Аксай верхом. Магнето моего автомобиля залило водой, и нам с М.В. Корженевским пришлось дальше до станицы Богаевской ехать в автомобиле на волах. 23-го – дневка в станице Богаевской. 24-го – переход в хутор Малая Западенка. Магнето не было еще исправлено, и этот путь автомобиль тянули волы. Это был сочельник, и все члены правительства пошли в церковь. Настоятель храма с грустью приветствовал нас, чувствуя в посещении нами храма тревогу и приближающуюся опасность.

25-го, после литургии, ездили в савок[51] ловить рыбу.

26-го все тронулись по направлению на станицу Егорлыцкую, а мы с М.В. Корженевским на исправленном автомобиле поехали во 2-е отделение войскового конного завода и, отдав там все распоряжения по эвакуации завода, направились в 1-е отделение (зимовник Гудовский), куда уже прибыл с Провальским заводом генерал Бобриков[135] .

Наши прекрасные степи стали ужасны. Масса павших животных по всей степи заражает воздух трупным запахом. Все зимовники разорены, везде мерзость и запустение. Большинство коннозаводчиков погнали своих лошадей и скот в соседние Ставропольскую губернию и Кубанскую область. Все шли одной дорогой: масса голодных животных, несколько десятков тысяч голов, сбившись в общее стадо, метались в поисках корма и воды из стороны в сторону. Это была ужасная, не поддающаяся описанию картина.

27-го отбыли с Гудовского и нагнали свои обозы в станице Егорлыцкой. От Председателя правительства Н.М. Мельникова узнали, что Новочеркасск и Ростов уже сданы и штаб командующего армией генерала Сидорина находится в Кубанской области на станции Сосыка. Сдача Новочеркасска и Ростова произвела на всех ужасное впечатление.

Послав приказание генералу Бобрикову поторопиться с эвакуацией, мы тронулись дальше.

Из-за оттепели и беспрерывного движения беженцев и военных обозов дороги настолько испортились, что движение на автомобиле стало мучением.

На подъезде к Гуляй-Борисовке в моем автомобиле сломалась ось, и мы с М.В. Корженевским пересели на подводу. Дальнейшая дорога с ночевками в Гуляй-Борисовке, хуторе Кучейском, станицах Пашковской, Екатерининской и Павловской до станции Сосыка была полным ужаса кошмаром. Описать это невозможно. Особенно тяжело перенесли такую дорогу пожилые люди, не привыкшие к походам.

От беспрерывных дождей жирный кубанский чернозем превратился в кисель. Вязли обозы, утопали в грязи люди. Местами в крутую непролазную грязь уходило все колесо, и через несколько шагов приходилось останавливаться и руками отдирать налипшую в колеса грязь. От хутора Пашковского до станицы Екатерининской 12 верст ехали с раннего утра до вечера. На дороге, превратившейся в болото, в бессильном отчаянии застревали обозы, лошади, люди. Я почти всю дорогу ехал верхом. Большинство шло пешком. Автомобиль генерала Дубовского перевернулся с моста в ручей и погиб.

Табуны страдали еще больше. Молодняк, годовики и двухлетки, часто не в силах были вытаскивать ноги из липкой грязи, гибли один за другим и устилали путь своими трупами. Грязь была так велика, что останавливались даже старые табуны.

К общему ужасу прибавлялось еще возмутительное отношение к донцам «братьев» кубанцев. Последние старались брать за все колоссальную цену. Например, за несколько

сломанных у забора столбов – 10 тысяч, за обгрызенную лошадьми доску – 5 тысяч. Ночлег стоил безумных денег, даже за воду в колодце, чтобы напиться, брали большие деньги. Часто они совсем не пускали в свои станицы и дворы, причем, враждебно настроенные, старались захватить себе лошадей. Измученные за день непролазной грязью табуны, не находя себе приюта, и ночью часто оставались без корма, отчего еще больше выбивались из сил.

31 декабря члены Донского правительства с группой чиновников и членов Круга прибыли на станцию Сосыка, где находился командующий армией генерал Сидорин.

1 января 1920 года на станции Сосыка мы погрузились в специальный поезд и 3-го прибыли в Екатеринодар. Сначала разместились там в Учительской женской семинарии, потом переехали в Мариинский институт[52].

Кроме работы в правительстве, все время приходилось бывать на бесконечных заседаниях Донского и Верховного Круга. Екатеринодар клокотал в котле политических страстей.

Армия между тем в невероятно тяжелых условиях, при небывалом 30-градусном морозе, с кровопролитными боями отходила на юг. Госпитали и лазареты были переполнены сверх всякой меры. Раненые и больные, лишенные элементарного ухода, умирали тысячами.

Большевики же наседали. Фронт держала главным образом Донская армия, и стало ясно, что и Екатеринодар не удержится. Командировали в Новороссийск помощника Управления отдела народного просвещения А.П. Петрова[136] , чтобы поставить визы на дипломатические паспорта управляющих отделами – французскую и других государств. Через несколько дней Петров прислал телеграмму, что он ничего не может сделать. Решили командировать для этого меня и вместе со мной отправили в Новороссийск и все наши семьи. Я с А.П. Петровым пошел во все места, где ему отказывали в визе, и все мои просьбы исполняли везде без отказа. Генерал Бобриков просил устроить на пароход 10 лучших чистокровных лошадей для перевоза их в Болгарию. Я и на это получил согласие, но эти лошади опоздали к отходу парохода.

6 марта на английском пароходе «Браунфельс» семьи членов правительства отбыли за границу. В Новороссийске дул сильный норд-ост. Семья моя – жена и две дочери – поместилась в трюме. Народу было столько, что лежали на полу вповалку, без малейших промежутков. Из-за тесноты жене нельзя было вытянуть ноги. В пути во время качки плескало из люков на лежащих у наружной стены. На этом пароходе во главе со своим

дряхлым первосвященником ехали калмыки. На палубе устроились кадеты Донского корпуса. В пути от Новороссийска к Константинополю начались заболевания – сыпной тиф и скарлатина. Негде было мыться, появились клопы. Думали, что цель путешествия – Константинополь, но там спустили только больных и, постояв в карантине, поплыли дальше.

Позже дочь писала об этом: «Дивное впечатление было от вида Босфора и Константинополя: золотое и оранжевое небо, золотые мечети, вода. К пароходу подплывали лодки с фруктами. Все яркое, цветистое. Люди веселые, шумные, крикливые… Сказка из «Тысячи и одной ночи».

Сообщили, что пароход идет к городу Мудрос на острове Лемнос[53]. В пути старшая дочь, Ольга, заболела скарлатиной. Перед тем как подойти к Лемносу, заболела и младшая дочь – Лидия. Ее недолго думая посчитали тоже больной скарлатиной. У Лемноса «Браунфельс» стал на карантин, а больных отправили на остров. Лемнос – песчаный остров почти без растительности. Где-то далеко олеандровые рощи. Крошечные греческие деревушки. Белые домики, заросшие виноградом. Больницы в низких деревянных бараках. Врач и очень мало сестер. Все англичане. Лечили главным образом сквозняком. На третий день матерей, привезших больных детей в больницу, отправили обратно на пароход. Остались только те, кому удалось устроиться сестрами-сиделками. Уход был более чем недостаточный, и неопытные дамы зачастую даже не подходили к больным. Когда старшую дочь от страшной мигрени вырвало, то ей не только не помогли, а еще накричали на нее. В ту же палатку принесли двухлетнего кудрявого мальчика и положили в дальний угол. Он кричал два дня, но к нему так и не подошли: у него был дифтерит, и сестры боялись заразы. В конце второго дня он умер. Умирали рядом и напротив ежедневно, главным образом дети.

О матери мои дочери ничего не знали. Выздоровев и отбыв карантин, дети поспешили к маме. На катере их подвезли к пароходу «Рион». Но когда они подплыли, им с парохода крикнули: «Вашей мамы здесь нет, она еще до переселения с «Браунфельса» на «Рион» отправлена в тифозный госпиталь на берег. Дети оказались одни и не знали, что им делать. Ольге было 13 лет, Лидии 10. Решили все-таки идти на «Рион». Выбора не было. Приютились они на палубе рядом с семейством Марковских, с которыми познакомились в Екатеринодаре. На следующий день Лидия заболела опять. Оказалось – только теперь началась скарлатина. Первый раз была просто простуда. Лидию увезли обратно в госпиталь. Вся семья, таким образом, оказалась разбита, и Ольга была очень рада, когда и ее через два

дня отправили в госпиталь с температурой 41, с осложнением после скарлатины.

На этот раз, выздоровев и отбыв карантин, дети отказались уйти из госпиталя. Им было разрешено остаться и помогать сестрам мерить температуру и тому подобное. Волосы их были острижены под гребенку. Белье свое они мыли сами в море, употребляя песок вместо мыла, которого не было.

Жена моя долго была при смерти и чудом выжила. Но, пока она не вышла из госпиталя, дети оставались в скарлатинном бараке.

Все это время я оставался в Новороссийске.

9 марта на английском пароходе «Бургомистр Шредер» я отправил из Новороссийска за границу около 200 чиновников, их семейств и членов Круга. Ко мне со всех сторон обращались с просьбой о спасении, но что я мог: мест для всех не было. Особенно приставал один старик. Англичанин выкликал по списку тех, кто принят, и вызванные по одиночке входили на пароход. Несколько раз он крикнул: «Мария Петрова!» – ее нет. Англичанин кричит: «Сейчас пароход отходит, где Мария Петрова?» Тогда уже я крикнул: «Здесь!» – и толкаю этого старика на сходни. Так под этим именем он и поехал на Лемнос.

Глава 12
КОНСТАНТИНОПОЛЬ. СПАСЕНИЕ ДОНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ. НОВОРОССИЙСК. ЛЕМНОС

13 марта в Новороссийске Донское правительство погрузилось на итальянский угольщик «Чита ди Венеция» вместе с донским серебром и процентными бумагами.

Новороссийск в это время был переполнен отступающими войсками. Все улицы, площади, вся набережная были заполнены лошадьми. Пехота, кавалерия, артиллерия, обозы перемешались между собой. От беспорядка получилась сплошная пробка, и не только проехать, но и пройти по улице было почти невозможно. Начались грабежи и разбои. В некоторых местах висели пойманные на месте преступления грабители. Слышалась близкая орудийная, пулеметная и ружейная стрельба. Каждую минуту в городе ожидалось вступление большевиков и чувствовалось, что сейчас разразится что-то ужасное, кошмарное. На пристанях происходили душераздирающие сцены. Все стремятся на пароходы, обрываются, падают в воду. Матери теряют детей, жены мужей, братья сестер. Слышатся истерические рыдания женщин. Все думают об одном – как бы спастись, как бы попасть на пароход. За пароходы идет бой. С пароходов сбрасывают друг друга в море. Ужас… Кошмар…

В городе шел погром! Громили магазины, громили и расхищали громадные склады с продовольствием, с английским обмундированием. По улицам валялись ящики с консервами, с товарами…

13-го Новороссийск горел в шести местах. Жутко было смотреть на море огня и дыма. Хулиганы поджигали склады, чтобы грабить, пользуясь замешательством.

14-го утром мы отбыли из Новороссийска, а вечером в город вошли большевики.

Среди колоссальной военной добычи им досталось более 60 000 лошадей, которых англичане отказались грузить на пароходы. Казак, который с детства привык к своей лошади, который сжился с ней, как с лучшим другом, принужден бросить эту лошадь в руки врага. Со слезами на глазах расседлывали казаки коней и выгоняли их в город, где уже бродили тысячные табуны. Лошади жалобно ржали и снова возвращались к морю, к своим хозяевам. Это была душераздирающая картина.

К вечеру 14-го мы прибыли в Феодосию. Там уже были главнокомандующий Юга России генерал Деникин, Донской атаман генерал Богаевский, командующий Донской армией генерал Сидорин.

18-го мы прибыли в Керчь и остановились на рейде в трех верстах от города. 22-го, разгрузившись от части угля, причалили к берегу и пробыли в Керчи до 8 апреля.

10-го днем прибыли в Феодосию, а 11-го отбыли в Ялту.

13 апреля до обеда осматривали Ливадийские дворцы и Ореанду. Управляющий имением Государя господин Ставровский все нам подробно рассказывал.

15-го осматривали Массандру и в двух погребах пробовали 13 сортов чудного вина.

16 апреля вечером прибыли в Севастополь. Там меня назначили председателем комиссии по сохранению ценностей Донского войска. Членами комиссии назначены: от Управления отделом юстиции сенатор Николай Михайлович Захаров[137] , от Управления отделом народного просвещения Владимир Николаевич Светозаров. В помощь нам был дан чиновник Министерства финансов Иван Робертович Вебер. Ценностей было около 3030 пудов.

25 апреля пароход «Чита ди Венеция» прибыл в Ялту. В Ялте была проверка всех ценностей. Всего принято было серебра 900 $^{1}/_{2}$ деревянных ящиков, 27 кожаных сумок, 11 холщовых мешков и процентных бумаг и ценностей 3 сундука, 30 мешков и 42 ящика. Все это аккуратно сложено было в трюм парохода и охранялось в пути пятью членами комиссии и двумя прикомандированными.

27 апреля в Константинополь выехали я, Светозаров, Захаров, Вебер, а также Буданов, Успенский и Янушевич.

Пароход «Чита ди Венеция» сопровождал итальянский офицер П.Г. Росси[138] со своей русской супругой Ксенией Георгиевной. Всю 1-ю Великую войну Росси, как артиллерийский офицер, провел на фронте в нашей армии. Когда же в России началась революция, Росси перешел в итальянскую армию.

Супруги Росси оказались очень симпатичными людьми, и я с ними искренно подружился. В Константинополе у них родился сын, и Росси пригласили меня быть крестным отцом их первенца.

Из Константинополя Росси со своей прелестной супругой уехал в Италию, а я в Чехословакию, и мы потеряли друг друга.

Живя в Чили, я узнал, что Росси сейчас генерал в Италии, а мой крестный сын, Николай Павлович Росси, оказался знаменитым певцом, поющим в известных оперных театрах Европы и Америки. В 1956 году на интернациональной оперной сцене получил золотого «Оскара». Кроме замечательного голоса

(бас), у него исключительный артистический талант. Кроме того, он поэт и за свои стихи получил три приза. Я очень рад его успеху. Побывал он и на войне и за боевые отличия, как пехотный поручик, получил военный крест.

28 апреля, когда мы выехали из Севастополя, была чудная погода, 29-го поднялся сильный ветер, который при нашем приближении к Босфору перешел в страшный шторм. От сильного тумана маяков совсем не было видно. Капитан наш побоялся войти в пролив и повернул в море против ветра. Пройдя несколько миль, он опять повернул к Босфору и, дойдя до него, опять побоялся войти в пролив и снова повернул в море. Так мы гуляли взад и вперед целые сутки.

Пароход наш бросало, как щепку. Даже старые моряки-матросы считали, что наша гибель неминуема. Каждую минуту я ждал, что пароход ляжет на бок, особенно на поворотах. Пенящиеся волны, казалось, были выше парохода.

В буфете побило всю посуду. Разбились все бутылки купленного нами в Массандре вина, и винный запах стоял во всех наших каютах. Все были больны морской болезнью. Я все время лежал и страдал.

30-го мы, наконец, вошли в Босфор, и всякая качка прекратилась. Все вздохнули спокойно. 30-го мы подошли к Константинополю.

В Босфоре был всем нам медицинский осмотр и дезинфекция белья и платья, причем за бельем входили женщины, не смущаясь присутствием совершенно раздетых мужчин.

Босфор – чудный красивый пролив. Оба берега пролива в красивой зелени и цветах, чудные дачки.

Охрана ценностей в Константинополе оказалась очень трудной, так как серебро подвергалось опасности быть конфискованным союзниками ввиду категорического запрета на ввоз в Константинополь денег и, главным образом, звонкой монеты. Кроме того, опасность угрожала и со стороны турецких властей и турецкой таможни. Нельзя было терять ни одной минуты – надо было срочно принять меры к спасению ценностей от конфискации. Я отправился к генералу Лукомскому[139] , который в то время был единственным представителем русских интересов в Константинополе. С ним считались миссии союзных нам держав. Генерал Лукомский, исходя из факта конфискации в Лондоне серебра, принадлежащего Добрармии, и разрешения расходовать его только на нужды беженцев под контролем союзников, ответил, что вопрос о помещении серебра на хранение здесь, в Константинополе, в высшей степени сложный и острый. Ввиду громадной ответственности за те или другие мероприятия

в этом деле Лукомский воздержался от совета в разрешении этого вопроса. При этом он, однако, обещал оказывать нам поддержку в случае необходимости, так как от генерала Врангеля[140] он получил соответствующее распоряжение – не чинить комиссии никаких препятствий.

Тем временем администрация парохода торопила комиссию с выгрузкой, так как пароход должен был продолжать свой рейс.

Перед комиссией стояла альтернатива: отдавать ли ценности под опеку всех союзников – англичан, французов и итальянцев – или иметь дело только с итальянцами, с которыми фактически мы связались еще в Новороссийске. Остановились на последнем варианте, и нам очень помог в этом отношении местный турок господин Фреско, хорошо знающий местные порядки и имеющий связи в турецких правительственных кругах.

13 мая пароход остановился на рейде в Золотом Роге. На следующий день комиссия обнаружила в трюме полный хаос: от недавнего шторма ни одной вещи не осталось на своем месте. Мешки с ценностями смешались с ящиками, часть которых была сильно повреждена.

17 мая для охраны ценностей прибыла итальянская полиция. При появлении полиции среди матросов был полный переполох. Произведен был самый тщательный осмотр парохода. В дымовой трубе парохода нашли мешок, в котором оказалась пачка процентных бумаг, завернутых в грязные теплые кальсоны. На носу парохода, где помещаются якорные цепи, в воде нашли два мешка разменного серебра. Было много и других хищений. Всего окончательно похищено оказалось 1524 листа на сумму 2 738 130 рублей.

Серебро было сдано на хранение на итальянский крейсер – стационер[54] «Сардения» (от *ит.* Sardegna – *Ред.*), а процентные бумаги – в Американо-итальянский транзитный склад, где для ценностей отведена была двойная комната, которая запиралась двумя замками и опечатывалась двумя печатями – печатью комиссии, а также печатью таможенного турецкого чиновника на транзитном складе.

После того как ценности были помещены на хранение, я и В.Н. Светозаров по поручению Донского атамана и правительства 18 мая (по старому стилю) 1920 года отправились в краткосрочную командировку на остров Лемнос для выявления нужд беженцев.

На Лемносе я нашел жену в одном госпитале, а детей в другом, в версте от первого. Дети уже поправились, а жене стало немного лучше после тифа и паратифа. Выжила она, на удивление всего медицинского персонала, только благодаря

здоровому сердцу.

Поместили меня на Лемносе в палатке, где я нашел и женины вещи. Войдя в палатку, я представился сидящему там старику, сказавши: «Я Балабин, меня определили в вашу палатку». – «А я Мария Петрова». – «Я не понимаю вашей шутки». – «А я и не шучу. Марией Петровой вы назвали меня, когда в Новороссийске сажали на пароход». Тогда я вспомнил всю эту историю.

Один раз, идя берегом моря к жене в госпиталь, я встретил группу грязных запыленных рабочих с ломами на плечах. Один из них, очень пожилой, подходит ко мне, жмет руку и говорит: «Я прокурор такого-то суда такой-то, очень рад, что встретил вас, чтобы поблагодарить вас за спасение от большевиков в Новороссийске». – «А почему вы так работаете?» – «Англичане не разбирают ни возраста, ни положения и всех посылают на работу».

На Лемносе я пробыл три недели. Ежедневно навещал больных, купался в море, гулял с компанией по острову. Мы что-то покупали в греческих деревушках, объяснялись жестами, так как никто не знал по-гречески ни одного слова. Любовались красивым морем, кроткими осликами, своеобразной природой. Жара стояла ужасная, и я с удовольствием ежедневно купался. Очень не хотелось уезжать, но надо было возвращаться в Константинополь для подсчета и описи ценностей. Англичане вздумали меня не пустить, но я заявил им, что на Лемнос приехал одиночным порядком, по службе, и опять возвращаюсь к месту службы. С этим они согласились и больше не задерживали.

24 июня на крошечном турецком пароходике «Джесси» я выехал с Лемноса и 25-го прибыл в Константинополь.

В Константинополе мы ежедневно занимались составлением описей и подсчетом ценностей. Когда все это было завершено, комиссия должна была возвратиться в Крым, но представитель Донского атамана Николай Михайлович Мельников попросил меня задержаться на несколько дней, чтобы познакомить меня с некоторыми вопросами. Я, конечно, остался, но был огорчен, так как только что получил сведения о массовом пролете дроф в Крыму. И как же я позже был счастлив, что не уехал. Члены комиссии, приехавши в Крым 16 ноября, должны были немедленно уезжать из Севастополя. Н.М. Захаров занял номер в отеле, пошел являться начальству и уже не смог зайти в отель за вещами, торопясь на пароход.

16 ноября 126 судов, перегруженных 135 тысячами человек, среди которых было до 70 тысяч бойцов, отошли от родных берегов Крыма. Переезд до Константинополя длился около пяти дней. Это была мука, которую трудно описать. Лишенные всякого

прикрытия от дождя и леденящего норд-оста, сбитые в кучу люди возле вонючих ретирад, у которых круглые сутки нескончаемая очередь. Продвинуться за чем-либо со своего места по пароходу было почти невозможно. Для нескольких сажен пути приходилось затрачивать часы, ибо везде стояли очереди. При этом всюду нервные, раздраженные до крайности люди, грубые окрики, обиженная придирчивость и начальников, и равных... Офицер, солдат, генерал, юнкер, дама – все сразу уравнялись в правах на кружку воды, на проход в уборную. Дисциплина и простая житейская вежливость, воспитанность, выдержка падали катастрофически. Пароходная обстановка сразу разлагающе повлияла на моральный облик людей. Скученность породила грязь и насекомых. Нельзя было, да и не во что, переодеться. Спали вповалку на мокрых палубах, в грязных трюмах. Особенно тяжело было женщинам. И в этой ужасной обстановке родилось несколько младенцев и умерло несколько больных и стариков.

И от этого ужасного, кошмарного переезда избавил меня Господь... Прибывшие пароходы стали на рейд в Мраморном море. Измученным людям не разрешили сгружаться в Константинополе, и на пароходах продолжались та же давка, грязь, моральное разложение и общий голод. Сгрузили только больных, раненых и гражданских беженцев, а затем и строевые казачьи части. Через день после этого пароход с чинами Добровольческой армии отправили в Галлиполи – город, разрушенный землетрясением и бомбардировкой.

В Константинополе члены Донского правительства несколько раз собирались на заседания, но работы не было, и 16 декабря 1920 года правительство было расформировано. Я с другими министрами остался без дела и, следовательно, без жалованья.

Я организовал в Константинополе сельскохозяйственную колонию, куда под начальством есаула Козлова поместил рабочих казаков. Вскоре открыл вторую колонию и совсем маленькую третью колонию. Сеяли, сажали, косили и прочее. В первой колонии построили казино, которое хорошо посещалось турками и греками.

Чтобы улучшить пищу рабочим, я поехал на корабль, где жил главнокомандующий генерал барон Врангель, и просил его начальника штаба, генерала Шатилова, моего однополчанина, обратиться к французам за продовольствием для нашей колонии – консервами и другими продуктами. Генерал Шатилов сказал, что несколько раз просил об этом французов, и ни одного раза они не исполнили нашу просьбу. «Попробуй сам попросить, хотя считаю, что это безнадежно». Я надел орден французского Почетного легиона и поехал во французское консульство. Меня

там приняли с почетом, часовые отдавали честь, все обращались со мной как с начальством. На мою просьбу дать продовольствие для колонии немедленно дали согласие и снабдили бóльшим количеством, чем я просил. Генерал Шатилов был очень удивлен.

Приехала с Лемноса жена с дочерьми, и мы наняли квартиру у греков. Хозяйка-гречанка предупредила нас, чтобы мы не выбрасывали сор и не выливали помои из окна на улицу. На наше удивление она объяснила, что здесь всегда так делали, а вот приехали англичане и французы и запретили это.

В городе бросается в глаза обилие собак. Оказывается, собаки у турок – священные животные и никто не смеет их обижать. Иногда собака лежит посередине улицы, и извозчики бережно ее объезжают. В Мраморном море есть необитаемый Собачий остров. Как-то свезли туда всех бродячих собак – и они там постепенно съели друг друга.

Вскоре приехал к нам чиновник из французского посольства, привез письмо и посылку с бельем из Парижа от Тостивен, у которых я столовался в Макеевке, и с приказанием от своего начальства немедленно предоставить мне во французском посольстве хорошо оплачиваемое место. Я ответил, что не могу принять, так как плохо знаю французский язык. «Да не надо хорошо знать, будете писать, вести книги». – «Нет, очень вас благодарю, но принужден отказаться». – «Тогда дайте нам письменный отказ: мы не имеем права не дать вам место». Повез меня в посольство, где я расписался в отказе.

Один раз я ездил с проводником-татарином, говорящим по-турецки, в лес у Босфора, думая найти там кабанов и других зверей. Ничего не нашли, а ночевать попросились у старика турка в каких-то временных постройках. На ночь туда явились 12 огромного роста рабочих турок. Разговаривал с ними через переводчика-татарина. Турки интересовались большевиками, что они из себя представляют, и очень меня благодарили за подробное разъяснение. Пригласили меня с ними поужинать, но у них на ужин был только рис, которого я совсем не ем. Один из турок тоже не ел риса, и я его накормил своим ужином.

Лес у Босфора красивый, в лесу есть озера с деревьями по берегам.

Глава 13
РУССКАЯ ГИМНАЗИЯ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ И ЧЕХОСЛОВАКИИ

В Константинополе образовалась русская гимназия с интернатом, директором ее стал Адриан Петрович Петров.

Мы сейчас же отдали туда своих дочерей. Ольгу в третий класс и Лидию – во второй.

История этой гимназии является красочной картиной той помощи, которую в первое время оказывали эмигрантам иностранцы, а потом, в самом широком масштабе, братский чехословацкий народ.

В Константинополе гимназия пробыла год.

В день открытия гимназии на торжественном молебне, отслуженном архиепископом Анастасием[141] , присутствовали русские общественные деятели, иностранцы, родители, педагоги и дети.

В первые же дни интернат при гимназии был переполнен.

Тяжело вспоминать, как в грязных солдатских шинелях, в изорванном белье, с глазами, полными отчаяния и надежды, эти юные герои находили дорогу в гимназию. В числе учеников, поступивших в гимназию в Константинополе, был некто казак Семен Базграмотнов. Он юношей служил в Казачьем полку, дравшемся с коммунистами на Дону, и во время внезапного нападения большевиков на Каменскую станицу попал в их руки. Его застрелили и оттащили в мусорную яму во дворе. Через час-два женщина сообщила большевикам, что в мусорной яме «один еще дышит». Большевики пришли и добили Безграмотнова.

В этот же день казаки ворвались в Каменскую станицу и ликвидировали большевиков. Сейчас же стали собирать по дворам убитых. Подойдя в Безграмотнову, один сказал: «Этот как будто еще не совсем умер – отвезем его не на кладбище, а в госпиталь, пускай определят, живой он или мертвый».

Безграмотнов был перевезен в Новочеркасск и там выздоровел. Он поступил в гимназию в Константинополе и в Чехословакии хорошо ее окончил.

А один ученик, Л. Усачев[142] , дрался с коммунистами на Кавказе. Его большевики вместе с большой группой казаков расстреляли и зарыли в яму. Усачев очнулся, выкарабкался из ямы и, так как идти не мог, пополз в бурьян. Страшные боли от

ранений и упадок сил не позволили ему ползти далеко, он лег и только мечтал, чтобы его нашли и добили. Услышав недалеко шаги, он стал громче стонать. Подошел человек, оказавшийся кубанским казаком, он донес Усачева до своего дома и выходил его.

Гимназию Усачев окончил с отличием и был псаломщиком в нашей гимназической церкви в Чехословакии.

Вскоре после открытия в гимназии числилось 350 детей, а через год было уже 550 мальчиков и девочек.

Поставлена была определенная цель: создать такие условия, при которых можно было бы хоть немного залечить раны, нанесенные детской душе ужасом Гражданской войны.

Воспитание проводилось на основе здорового патриотизма – любовь к Родине, знание родных обычаев, соблюдение русских традиций, умение заслуженно гордиться своей национальностью.

Громадное значение в деле воспитания имела наблюдающаяся у детей религиозность, которая давала возможность укрепить расшатанные в эпоху безвременья моральные устои.

Сердечно и с любовью относились к своей школе и дети, и персонал гимназии. Дети чувствовали и ценили все, что делалось для них, для их благополучия и дальнейшего счастья.

Иностранцы интересовались работой гимназии, следили за ней. В течение года гимназию посетили в целях осмотра и ознакомления с ней 65 иностранцев, принадлежащих к различным кругам и организациям.

Гимназия была помещена в старом турецком доме – бывшем гареме. Девичий дортуар, где жили мои дочери, выходил громадными, от пола до потолка, окнами на Босфор, и дети, лежа в постели, наслаждались дивным видом. Множество иностранных кораблей отражались своими огнями в черной воде Босфора. Иногда наблюдали, как на противоположной стороне залива, в Малой Азии, светились зарева постоянных пожаров. С улицы доносились звуки шарманки.

У гимназии было два сада: один большой, в котором была устроена церковь, и другой маленький, находившийся на крыше соседнего турецкого дома. Посередине там было три трубы-отдушины. Дети, играя в саду, бросали в трубы камешки, ветки глицинии и кричали: «Кач пара шайтан?» («Сколько стоит черт?») Это продолжалось до тех пор, пока не прибежал, как сумасшедший, турок и отодрал за уши попавшего ему под руки мальчика.

В большом саду, во флигеле, была турецкая баня, и еще был какой-то флигель без дверей с малюсеньким окном. Брошенные

камни падали долго и шлепались в воду. Дети верили, что туда бросали неверных жен. Под землей была пещера, говорили, что там была турецкая молельня, но мальчики сделали там курилку.

Гимназия, в которую поступили мои дочери, выхлопотала приют и полное содержание в Чехословакии. Чтобы не расставаться с дочерьми, я и моя жена поступили в гимназию 20 декабря 1921 года. Я воспитателем, жена заведующей бельем гимназии.

Ехали в Чехословакию 14 эшелонами. Я был начальником последнего 14-го эшелона. Выехали мы из Константинополя 29 декабря через Грецию, Болгарию, Сербию и Австрию. В Белграде нам был приготовлен обед, и, когда я с учениками шел по городу, мы встретили сербского короля Александра[143] . Он очень любезно со мной раскланялся, и ученики спрашивали: «Почему он так раскланялся? Он ваш знакомый?» – «Нет, он раскланялся не просто со мной, а с русским генералом» – я был в форме.

В Чехословакии, на одной станции, я послал двух учеников купить для эшелона хлеба. В магазине, узнав, что мы русские и едем в Чехию учиться, снабдили нас хлебом и отказались взять деньги.

4 января 1922 года мы прибыли в Моравскую Тржебову[55]. На вокзале нас встретил директор гимназии А.П. Петров.

Жена моя и дочери выехали в Чехословакию первым эшелоном. Вот впечатление о гимназии моей старшей дочери Ольги:

«Покинув яркий, красочный, южно-солнечный Константинополь, мы поехали в Чехию. В Моравскую Тржебову наша группа приехала ночью, в самый католический сочельник. Выйдя с вокзала, мы были поражены представившейся нам картиной. Все было покрыто снегом. Тяжелыми шапками он лежал на деревьях, заборах, крышах домов. Ночь была тихая, морозная. Нам, прожившим более двух лет на юге, показалось, что мы попали на другую планету. По заснеженным аллеям, радуясь скрипу снега под ногами, мы отправились в предоставленный нашей гимназии чешским правительством лагерь, лежащий в получасе ходьбы от вокзала. Лагерь этот, приготовленный во время 1-й Великой войны для военнопленных, обнесен был колючей проволокой. С его однообразными пустыми каменными бараками он произвел на нас довольно грустное впечатление. Однако через пару лет для очень многих русских людей этот унылый «баракенлагерь» обратился в цветущий сад, в кусочек потерянной Родины.

Приехав, мы стали понемногу приспосабливаться. Молодежи все было нипочем. Печи были неисправны, мы глотали едкий

дым, мерзли у открытых окон, но радостно приподнятое настроение не покидало нас. Вынув из ночных столиков ящички, мы садились на них и весело неслись, как на санках, с горки через весь лагерь.

Каждый барак состоял из четырех больших, на 25 человек, комнат. Наверху, в пристроечках, были комнаты для воспитателей. В каждую комнату барака вел с улицы тамбурчик. Наш тамбурчик мы обратили в салон с диванчиками и подушками, даже с картинками. Там было разрешено принимать визитеров. Когда они там не помещались, снимали с петель двери, к ужасу бедной воспитательницы по прозванию Монах. Мы старались уверить недоверчиво охавшую старушку, что это все двоюродные братья.

В Тржебове наша гимназия[56] сильно пополнилась. Было очень людно и весело. Мои родители жили в пристройке барака старшего класса мальчиков, где папа был воспитателем. Мы с одноклассницами бегали через комнату мальчиков наверх пить чай и затевали своеобразную игру. Сочиняли и пели «журавля» по очереди, то они на нас куплет, то мы на них:

«Кто лопату спер у нас?
Это, верно, старший класс».
«Тяжела по части бега
Пенионжкевич наша Нега».

Вскоре начали проявляться и потребности в самодеятельности. Были созданы два кружка: культурно-просветительный и художественный. Говорили: «В Культе уют, а в Худе приют». Действительно, в Культе было как в уютной гостиной. Там кто-нибудь играл на рояле, было спокойно и хорошо. Устраивались там литературные доклады с дискуссиями. Приходили только члены кружка. В Худ ходил кто хотел. Там было неуютно, но очень много места, очень шумно и весело.

Начали издавать журналы. Один выпускался культурно-просветительным кружком. Это был художественный, серьезный журнал, официальный, с хорошими стихами и прозой на отвлеченные темы. С рисунками. Хороши были стихи Евгения Попова. Запомнилось одно: «Я не шаблонный, не простой я – хромоникелевой стали». Все журналы были написаны, конечно, от руки. Сотрудников было немало. Вторым журналом, неофициальном и даже секретным, был ежемесячник «Всякая всячина», издаваемый мной и Татой Виноградовой. Это был журнал злободневный, юмористический. В нем смеялись над преподавателями и над нами самими в одинаковой мере.

Иллюстрации тушью и акварелью были мои. Мы оберегали его как зеницу ока от персонала, и я помню один очень забавный случай. Раз прихожу в художественный кружок. Мальчики принесли туда при мне очередной номер нашего журнала. В кружке сидел воспитатель Николай Николаевич Дрейер[144] . Я с ужасом поспешила спрятать от него журнал, а он вдруг во всеуслышание начал декламировать, как всегда с большим выражением, на это он был большим мастером, стихи из моего злополучного журнала. Было много смеха.

Еще существовал сатирический журнальчик «Смешняк» – автор и карикатурист Жора Широких. Он был очень остр на язык, и попасть в этот журнал никому не хотелось. У нас с ним был договор – друг друга не задевать».

Когда-то в России лучшие, выдающиеся педагоги мечтали о создании школы за городом. Эта мечта в полной мере сбылась в эмиграции. Гимназия действительно была вынесена за город, хотя и слишком далеко от милой Родины. Гимназия в Моравской Тржебове представляла собой отдельный русский городок, состоящий из 32 зданий. Гимназия имела свою церковь, два школьных здания с 14 классами, физический кабинет, химическую лабораторию, класс ручного труда, музыкальный класс, гимнастический зал, библиотеку, театральный зал, детский сад, дортуары, столовую, пекарню, склады, прачечную, баню, различные хозяйственные службы, кооператив и квартиры для служащих.

Это была не только средняя школа, это большая русская колония со своим обособленным устройством. Гимназия расположена как в парке, а вокруг, на небольших горах, прекрасные леса, полные черники, земляники, ежевики и грибов. Местность очень красивая и живописная. Чудный воздух. Нельзя придумать более здорового и более веселого места для детей. Приходящих учеников не было – все жили в интернате, и все – за казенный счет. Чешское правительство прекрасно кормило и хорошо одевало детей, по согласованию с нами. Мальчики имели зимние и летние гимнастерки и фуражки с белыми кантами, как в России носили гимназисты. Девочки тоже были одеты в форменные платья, зимние и летние. Обувь прекрасная, от Бати[57].

Персонал получал небольшое, но достаточное жалованье. Юношей и девочек, окончивших гимназию, принимали в высшие учебные заведения и давали стипендию. Количество учащихся в гимназии не ограничивалось, и на втором году своего существования в Чехии в гимназии обучалось 640 мальчиков и девочек. Учились русские – дети эмигрантов, карпаторосы[58], а в

последнее время и чешские дети.

У большинства учеников, поступивших в гимназию, документы были утеряны во время войны – принимали на веру. Многие, желая попасть в гимназию, уменьшали себе лета. На это смотрели сквозь пальцы... Мне дали барак с самыми старшими учениками 8-го класса. В бараке было 88 учеников, и только один 18-летний юноша не участвовал в войне. Три ученика были унтер-офицерами и 84 офицера. Самый старый был капитан Фисенко. Фисенко поступил в гимназию 25-летним, а когда через год окончил ее, оказалось, что ему 36 лет. Один гимназист признался, что еще в России окончил гимназию с золотой медалью, потом в Крыму с серебряной медалью и третью гимназию блестяще окончил у нас.

Один из учеников окончил гимназию и юридический факультет в России и был присяжным поверенным. Конечно, эти господа выдавали себя сочинениями и знанием литературы в течение года. Но все это выяснилось только по окончании ими гимназии. Такое ненормальное положение было только в первых двух выпусках, потом великовозрастные уже не поступали.

Постоянное общение взрослых гимназистов с девушками-гимназистками усложняло работу воспитателей и воспитательниц, но и в этом отношении, благодаря надзору, у нас было полное благополучие.

Ученики так любили свою гимназию, что окончившие ее старались на Рождество и на Пасху приехать из Праги и Брна[59] сюда, в свою гимназию. Иногда им отводили для жилья целый барак с обязательством содержать его в полном порядке.

За всем порядком и поведением учащихся в гимназии, кроме воспитателей и воспитательниц, очень следил инспектор гимназии Дмитрий Дмитриевич Гнедовский[145] , и гуляющие по аллейкам лагеря «парочки» старались не попадаться ему на глаза.

Среди преподавателей гимназии были выдающиеся лица: всеми любимый и уважаемый преподаватель гимназии полковник-геодезист Михаил Мартынович Газалов[146] , бывший преподаватель Пажеского корпуса и профессор Технологического института... Генерал-лейтенант Пащенко[147] , профессор-артиллерист. Оба умерли в гимназии. Отлично преподавал историю В.Н. Светозаров, бывший министр Донского правительства. Н.М. Захаров, министр юстиции, сенатор, заведовал библиотекой. Замечательный был священник отец Яков Ктитарев[148] . Батюшка читал литературу в старшем классе. Я, когда имел время, посещал его лекции. Это было наслаждение лучше всякой музыки. Он прекрасно служил и великолепно говорил проповеди в церкви.

Были среди персонала и отрицательные типы, о них не хочется вспоминать.

К сожалению, с гимназией связано не только хорошее, и я не могу умолчать об одном возмутительном случае. Был у нас в гимназии ученик Л. Карташов. Его отец как-то был причастен к коннозаводству, которое я только что оставил. Я хлопотал о приеме Карташова в гимназию, и в гимназии он принят был у нас в доме, как свой человек. Мои воспитанники часто приходили ко мне на квартиру, где жена угощала их чаем. И ближе других был Карташов, к которому мы относились с большим доверием. По окончании гимназии он поступил в высшее учебное заведение в город Брно. И из Брна он иногда приезжал к нам в гости.

Моя жена отвезла в Брно для починки свою каракулевую шубу и муфту. Квитанцию и сто крон за починку она отдала Карташову, обещавшему взять починенную шубу и переслать моей жене. Слишком долго не получая своей шубы, жена написала письмо Карташову, но ответа не получила. Тогда она написала другому студенту, окончившему гимназию вместе с Карташовым, и тот сообщил, что Карташов шубу из починки получил, но вместо того, чтобы послать жене, продал ее и на эти деньги уехал в Америку. Больше мы о нем ничего не слышали. Для моей жены это был, конечно, тяжелый удар.

Вскоре по приезде в Тржебову меня назначили старостой гимназической церкви. Под церковь приспособили отдельное здание, которое предназначалось для кинематографа. Не было икон – ничего не было. Но среди старших учеников нашлись художники, которые недурно написали иконы. Потом появились и старые иконы, а постепенно и вся необходимая утварь. На аналое лежал прекрасный образ Николая Чудотворца с парохода «Веха». Был большой образ Александра Невского, привезенный из СССР. Лик Александра Невского был пробит штыком большевика. На иностранцев, осматривающих церковь, а таких было много, это производило сильное впечатление. В церкви было около двадцати лампадок.

Справец Индржишка покрыл весь каменный пол красным ковром-сукном, и церковь стала очень уютной и приятной. Соорудили очень красивую люстру-паникадило, провели электричество. Царские врата украсили золотыми листьями из консервенных банок.

Посещение церкви было обязательным, и мальчики и девочки строем шли в церковь. Персонал также не пропускал служб. Свечи покупались в городе, а потом мы завели свою свечную машину и сами научились отлично делать свечи. Поставили в церкви и две печки, так что зимой не мерзли.

Отлично пел хор под управлением талантливого Буримова. Потом был прекрасный регент Розов, хорошо знающий службу, и последним регентом был оперный певец Евтушенко, при котором хор особенно хорошо пел.

Дальше отрывок из письма старшей дочери Ольги:

«В первый же год нашего пребывания в Тржебове началось увлечение танцами. Мы, девочки, сами обучали наших будущих кавалеров в свободных от занятий классах. Учили вальсу, падись-пань (падеспань – *Ред.*), хиоватте[60] и т. п. А потом устраивали танцульки в театральном зале. Плясали до упаду в самодельных туфлях-балетках, сшитых из порванных простынь.

Ни граммофонов, ни радио тогда не было. Однажды нам объявили, что директор Кагасьян, он же преподаватель физики, будет слушать передачу по радио в театральном зале. Радио только что приобрели для гимназии. Желающие слушать должны явиться в зал. Ну, конечно, побежали все. Что такое радио? Никто его еще не видел и не слышал. Но нас ждало разочарование. Радио трещало, хрипело, но ни музыки, ни разговора так и не смогли поймать. Теперь, спустя 30 с лишком лет, даже представить себе это трудно.

Ежегодно старшие выпускные классы устраивали вечер, и один класс старался перещеголять другой. Неудивительно, что эти балы были действительно отличными. Обыкновенно начиналось программой, ставились небольшие пьесы, декламировали, танцевали... (Я часто плясала с Люсей Кривошеевой, моим кавалером, – казачка, матло[61] и прочее.) После программы – другие танцы.

В нашем распоряжении были и два класса, где готовился главный сюрприз. То устраивали там салон в турецком стиле с тахтами на полу по стенкам, с массой выклянченных у дам персонала на этот вечер подушек и с гвоздем вечера – настоящим фонтаном посередине комнаты. То была там палатка с хиромантком, то буфет. Хороши были котильоны. Мастерили их за долгое время перед балом. Специалистами были братья Протопоповы, научившиеся делать эти котильоны в Париже. Много внимания обращалось на художественное исполнение программок, которые давались главным образом почетным гостям. Я рисовала до одурения и раз, нализавшись кисточки, отравилась. Девочки бегали за мамой и меня отправили в лазарет.

Модный тогда во всем мире фокстрот был запрещен. Танцевали в формах. Мальчики в черных гимнастерках, девочки в синих шевиотовых платьях, но, несмотря на это и на форменные черные чулки «в резиночку», – белоснежные воротнички,

беленький кантик у ворота гимнастерок и блестящие радостью глаза создавали праздничное и нарядное впечатление. О губной помаде и думать никто не смел. Преследовалась даже безобидная пудра. У входных дверей стояла воспитательница и «проверяла носы». Если нос оказывался напудренным – виновная без разговоров отправлялась умыться. Ах, эта пудра. Иногда, во время уроков, воспитательницы проверяли шкафчики и всю найденную пудру безжалостно выкидывали. Иногда, к злорадному смеху всего дортуара, увлекшись, выкидывали и зубной порошок. Завиваться или стричь косы было тоже запрещено. Когда по окончании гимназии, сдав экзамен на аттестат зрелости, я сходила в город и, возвращаясь подстриженная и завитая, наткнулась на Д.Д. Гнедовского – он устроил из этого целую историю. Да, Дмитрий Дмитриевич. Сколько он нам, а мы ему испортили крови. Чего-чего ему только не устраивали. Раз ухитрились даже его калоши прибить гвоздями к полу. Грыз он нас необыкновенно и постоянно, и вот, покидая Тржебову, никто не сохранил и капли горечи. В памяти остались только одни счастливые годы. Прощаясь со мной, Дмитрий Дмитриевич вышел в другую комнату и принес показать нарисованный мной когда-то со злости, во время урока, прямо в чистовой тетради математики, его портрет. На весь лист в профиль с характерной бородкой, очень удачный. Он меня тогда поймал за рисованием, вырвал и спрятал. А теперь: «Вот, мадемуазель Балабина, храню на память».

Процветал у нас и спорт, главным образом футбол. Было несколько команд, но фаворитами были «Кречет» и «Унитас». На их матчи сходилась вся гимназия и приходили даже многие посторонние из города. Футбольное поле находилось перед входом в лагерь. На нем же устраивались и гимнастические празднества с очень красивыми ритмическими номерами, со знаменитыми «тройками». Хорошо был поставлен «Сокол», по примеру чешского гимнастического национального общества «Сокол», запрещенного впоследствии Гитлером. В гимнастическом «Соколе» состояли некоторые педагоги, и мой папа был два года «соколом». Наши «соколы» и «соколки» нередко ездили на Сокольские слеты в соседние чешские города и в 1926 году принимали участие даже во Всесокольском слете в Праге. На эти Всесокольские слеты слетались «соколы» и из других государств. Особенностью этих слетов были массовые, вольные движения, исполняемые на неимоверно большом поле одновременно многими тысячами человек. <…> С выступлением ездил и хор. Я и моя сестра Лидия участвовали и в хоре, и в «Соколе». Принимали нас везде исключительно хорошо. Хор пел

прекрасно. Создан он был Максимом Петровичем Буримовым. С большой любовью он разучивал с нами духовные и светские вещи. Особенно удавались ему украинские песни. Пение мы вообще очень любили и пели при всяком удобном случае. Хорошо было летним вечером петь под звуки гитары, сидя на лавочках, заросших цветущими кустами, в нашем парке.

Зимой увлекались катанием на санях. По страшно крутому извилистому шоссе, ускользнув вечером через прорезанную колючую проволоку из лагеря, неслись все – мальчики и девочки, от мала до велика – на самых разнообразных санках вперегонку. Среди саней выделялись огромные грубо сколоченные «громобои», на которые взбирались до 10 человек. Это тяжелое сооружение неслось со страшной скоростью, с криком и свистом. С его пути спасался кто мог. Однажды такой «громобой» наскочил на придорожный камень. Было много раненых, у двоих сломаны ноги, и один убит. После этого стали преследовать катание особенно строго, а батюшка отец Павел не ограничился рядом страшных проповедей, но и нарисовал большую картину: несущиеся на громобое ребята, а за ними смерть с протянутыми руками. Батюшка наш был неплохой художник, приложивший немало труда и для нашей церкви.

Страсть к катанию на санках не покинула меня даже и впоследствии. Будучи замужем, я приехала с дочерью Зоей в гости к родителям в Тржебову. Зое было полтора года. Я сажала ее перед собой на санки, и мы неслись с ней по шоссе. Раз во время езды слышу: дочь что-то кричит. Разобрать от свиста ветра в ушах не могу. Пришлось остановиться, пристав к краю. «Колик!» – кричит Зоя. Оказывается, потеряли сидящего перед ней плюшевого кролика, и он точкой чернел где-то вдали.

Хороши были окрестности нашего лагеря. Тенистые кленовые и липовые аллеи вели к покрытым хвойными лесами холмам. Эти леса изобиловали грибами и всякими ягодами и были очень живописны. Летом всех тянуло в лес. Ходили члены персонала, преподаватели с семьями, вооруженные сумками и рюкзаками. Ходили мальчики и девочки. Целым бараком водили малышей собирать грибы и ягоды.

Характер нашей интернатской жизни со временем очень переменился. Как-то совсем исчезла халтура, интернат подтянулся, стал более походить на школу. Ученики перестали ходить к воспитателям «пить чай с вареньем» (так называли воспитательские выговоры). Не было громких шалостей. Помню один случай еще из первого времени, когда директором был очаровательный Адриан Петрович Петров, большой умница, которого ученики хоть и любили, но боялись. Как подымет бровь

– гроза.

В старшем бараке у девочек воспитанницы плохо вставали по утрам. Чтобы наказать их, придумали вечером укладывать их спать в 8 часов. Поднялся ропот, и решили взбунтоваться. В 4 часа утра устроили побудку – выспались. На этот раз никто не задержался в постели. В пять минут все были одеты и высыпали из барака, а в бараке жило около ста человек, и переполох получился основательный. Со смехом и громким хоровым пением пошли парами по лагерю. Обошли все главные аллеи и перебудили буквально весь лагерь, пока выскочивший навстречу взбешенный воспитатель Богенгард не накричал на взбунтовавшихся девиц, назвав их мокрохвостками, и не загнал их обратно в барак. Бедная дежурная воспитательница, «птичка», плакала и хотела подавать в отставку, пока у нее торжественно не попросили прощения. Наутро было читка директора, и все окончилось перемирием. Но долго пели появившуюся новую песню на мотив «Что вы говорите?.. Ца-ца».

Как у нашей милой птицы
Разбежались все девицы,
И орали и шумели,
Очень громко песни пели...
Они так ужасно выли,
Всех и вся перебудили,
Повстречали молодца,
Что вы говорите... Ца-ца.

Тржебовских песен было немало. Это было как бы народное творчество. Обыкновенно на известный мотив сочинялся новый, на злобу дня, текст или же изменялся старый.

Пример на мотив «Ты мой единственный, мой ненаглядный».

Листья кленовые все опадают,
И ветры песни заунывные поют.
Правила новые душу терзают,
А воспитатели проходу не дают».

Гимназический хор всегда выступал в русских костюмах. У мальчиков были разных цветов рубашки-косоворотки, у девочек – разнообразные боярские костюмы. Кокошники разных цветов и форм были изготовлены и расшиты самоцветными камнями самими же девочками. Вид у хора был очень красивый и богатый.

Позже приобретены были музыкальные инструменты, быстро составился оркестр, который недурно играл, и танцульки были уже не под рояль, а под оркестр.

Старшая моя дочь, Ольга, окончила гимназию в 1926 году и поступила в Праге в английский колледж, по окончании которого держала экзамен при университете. Младшая дочь, Лидия, годом

позже окончила гимназию, а затем так же, как и сестра, – английский колледж и поступила в Государственную чешскую оперу (Народное Дивадло), в которой поет до сих пор.

Обе дочери окончили гимназию отлично и знали пять языков.

Акт первого выпуска абитуриентов, устроенный в Чехословакии, прошел исключительно торжественно. Много было посторонней публики: чехи, словаки, карпаторусы, штатские, военные. Один чех-помещик, господин Х., узнав, что в гимназии живет и служит «генерал», пришел ко мне с визитом. Он просил, чтобы я непременно побывал у него в имении, соблазняя охотой на куропаток, и я действительно три раза ездил к нему.

Господин Х. – бывший офицер австрийской армии. Однажды во время 1-й Великой войны, когда русская армия стояла против австрийской, разделенная непроходимым болотом, господин Х., зная хорошо эту местность, прошел через это болото по известной только ему дороге к русским, потребовал свидания с высшим русским начальником, рассказал ему подробно расположение австрийской армии и эту секретную дорогу. Русские воспользовались этими сведениями, прошли болото, неожиданно напали на австрийцев и одержали над ними полную победу.

В благодарность за это русское правительство дало господину Х. полную свободу в России. А один помещик, имеющий имения в трех губерниях, взял господина Х. к себе главным управляющим над всеми своими владениями, и господину Х. пришлось все время ездить из одной губернии в другую. Он говорил: «Часто приходилось останавливаться у крестьянских изб и попросить напиться воды. Не было случая, чтобы крестьянин просто вынес мне кружку воды. Нет, каждый, у кого я останавливался, приглашал в дом, старался угостить молоком, простоквашей, салом, яичницей и всем, что было у него в доме. Я был поражен и изумлен таким гостеприимством, такой добротой и такой лаской русских. Нигде на Западе ничего подобного нет. Нет на свете добрее и отзывчивее русского человека. Не редкость на Западе, что отец, придя в гости к женатому сыну, должен заплатить ему за обед и за все съеденное у него. И я рад, что угощаю у себя русского человека, вспоминая, как в России меня, незнакомого иностранца, угощали русские».

В 1935 году, после девятимесячного страдания, от рака в желудке, в Пражском госпитале умерла моя жена.

В этот же 1935 год нашу чудную гимназию из великолепного места Тржебова перевели в Прагу, соединив с имеющейся там маленькой русской гимназией. Так жалко было покидать Моравскую Тржебову, где прожил 14 лет и где было так хорошо.

В Праге тоже был интернат и для мальчиков, и для девочек,

но много было и приходящих. Формы для учеников не было, кружков не было, церкви своей не было и, вообще, все было по-другому – и хуже.

После ушедшего в отставку А.П. Петрова директором в Моравской Тржебове был А.Е. Когосьянц[149] , а после него, с 16 октября 1927 года, В.Н. Светозаров. Заведующим интернатами, на должности старшего воспитателя, все время с 9 октября 1925 года был Д.Д. Гнедовский. Всем хозяйством гимназии ведала Господарская Справа. Бюджет гимназии достигал до 3 000 000 чешских крон в год.

Тржебовская гимназия сначала была в ведении Министерства иностранных дел, а потом перешла в ведение Министерства школьстви (народного просвещения). Ведал всем учебным делом гимназии назначенный от министерства профессор Лакомый, исключительно хорошо относившийся к нашей гимназии. Он нередко приезжал из Праги в Моравскую Тржебову и прямо с вокзала шел в гимназию, посещал все классы, следил за методами преподавания. Как-то раз, приехав, он вошел в классное здание и был поражен, что все классы пусты. Он пошел в другое классное здание – там тоже никого. Идет по лагерю – пусто, никого нет. Наконец он встречает столяра-лютеранина и спрашивает: «Куда делась гимназия?» – «А все в церкви». – «Разве сегодня праздник?» Вошел Лакомый в церковь, отстоял все богослужение, сам он был католик, и потом спрашивает директора Светозарова: «Почему дети в церкви, почему нет занятий?» – «А сейчас неделя говения, Великий пост». – «Сколько же дней вы говеете?» – «Всю неделю, так всегда было в России». – «Нет, это невозможно, у нас говеют один день». После торговли сошлись на трех днях – говели в четверг, пятницу и субботу.

С 8 августа 1925 года русская гимназия стала называться Русской реформированной реальной гимназией. Выпускные экзамены раньше производились по русскому обычаю с подготовкой к каждому предмету. С момента преобразования гимназии по типу чешских школ выпускные экзамены матурных[62] предметов производились в один день. Новая система волей-неволей побуждала готовиться к «матуре» в течение всего года и даже с шестого класса.

Прием в гимназию, особенно в первое время, производился в течение всего учебного года, и, чтобы не нарушать нормального хода классных занятий, учрежден был репетиторский класс, где под руководством преподавателей дети готовились к экзамену в соответствующий класс.

Много было в Тржебовской гимназии кружков. Главнейшие из них: культурно-просветительный, художественный,

туристический, физико-математический, литературный, шахматный, химический, музыкальный, спортивный, ручного труда, переплетный, изучения французского языка, юношеского Красного Креста и другие. Уставы кружков утверждались педагогическим советом. Ответственным руководителем был или преподаватель, или воспитатель, а правление состояло из учеников.

Детские спектакли на гимназической сцене проходили с большим успехом. Шли Пушкин, Гоголь, Островский, Чехов, Метерлинк, инсценировка русских сказок. Русский быт со всей родной красотой в этих постановках проходил перед глазами детей, оставляя сильное впечатление.

Тржебовская гимназия получила много приветствий от лиц, посетивших ее.

Приведу некоторые из них:

«Всякий раз, как я бываю в Моравской Тржебове, два чувства наполняют меня: любовь к детям, к большому русскому гнезду будущей России, и благодарность чешскому народу, который столько лет хранит и развивает это большое дело. Моравская Тржебова – поистине единственное в своем роде учреждение».

1928 год. Професс. Зеньковский[150]

«С истинно отрадным чувством провел здесь день и, уезжая, оставляю здесь кусочек своего сердца».

Профессор А. Кизеветтер

«С отрадным чувством провел я несколько часов в Мор. Тржебове. «Дома, у себя в России» – вот какое чувство владело мной в эти часы. Так дорого было и столь редко за границей общение с русской молодежью. Великое дело делается в Мор. Тржебове. Нельзя быть русским и не испытать чувства глубокой признательности и к педагогическому персоналу, несущему на себе ответственность за 400 молодых душ и ведущему их к свету; и к правительству братского славянского народа – своей своевременной поддержкой спасшему эти души для лучшей человеческой жизни».

1929 год. Б. Булгаков

«Каждый раз, когда я бываю в русской Тржебовской гимназии, я испытываю чувство живейшей радости и чувство глубокой признательности всем, кто работает на благое просвещение русских детей, русского юношества. Это большое национальное дело нужно для нашей России».

1929 год. Н. Астров[151]

«Случайность привела меня в Вашу школу и дала возможность видеть Ваших детей в работе. Это замечательное учреждение, и я желаю Вам успеха».

1929. Американец Артур Гет

«Посещение Вашей русской колонии доставило мне большое удовольствие и изменило мои представления о русском народе».

Американец Стеврод

«Глубоко растрогана и очарована радостными днями, которые мы провели в родной каждому русскому сердцу Тржебовской гимназии».

В. Свечина-Кишенская

Такая оценка родной школы радостно вдохновляла и детей и персонал и вселяла твердую уверенность в плодотворности нашей работы. В этой моральной поддержке – опора всего дальнейшего успеха.

У всех тржебовцев глубокая любовь к своей гимназии.

На первые каникулы в гимназии в 1923 году я с женой и дочерьми ездил в Комарно на Дунае. Туда же ездила этим летом семья Железняков – супруги и два сына. Гуляли, купались в Дунае. Познакомились с очень симпатичными супругами Ившиными. Подполковник Ившин – русский офицер на чехословацкой службе. Супруга его – чешка. Ившин познакомил меня с офицерами Комарненского гарнизона, которые приглашали меня на их совместные охоты. Разрешили мне и в одиночку охотиться, но не стрелять куропаток и зайцев, которые оставлялись для совместных охот. Вся убитая дичь на облавах делилась среди охотников поровну.

Два лета я провел на радиоактивном курорте в Дюденцах. Купался и много фотографировал. Брал за фотографии минимальную плату и этой платой окупал дорогу в Дюденцы и обратно. В городе Шаги, на границе с Венгрией, встретился с Ившиным, который получил там отдельный батальон. Потом Ившин перевелся в Брно, где, продолжая служить в полку, поступил в университет и, окончив его, стал инженером-философом.

Одно лето я жил в деревне Надашаны недалеко от Дюденец с инженером Н.Е. Корольковым и Безугловым[152] , бывшими коннозаводчиками на Дону.

Одно лето провел недалеко от Дуная в городе Паркан.

Устроил меня туда воспитатель С.В. Зубарев[153] . Там я ежедневно охотился и два раза посылал убитых уток жене в Тржебову.

Одно лето жил в деревне недалеко от Братиславы, где находилась и семья нашего регента Евтушенко, одну неделю был гостем Безуглова в Братиславе.

В 1935 году наша гимназия соединилась с Пражской. Директором гимназии был назначен чех (не помню фамилии). Он сразу отменил пение и чтение молитвы перед обедом и ужином, что всегда соблюдалось с основания гимназии.

В 1943 году для русской гимназии было построено прекрасное здание с великолепными классами и аудиториями, как в лучших университетах, и директор-чех объявил, что в новом здании гимназии могут служить только те лица, которые приняли чешское подданство или подали заявление о принятии. Девять человек, в том числе и я, отказались принять чешское подданство и должны были уйти из гимназии. Директор уговаривал меня принять подданство и продолжать работать в гимназии, но я отказался, сказав, что это измена России. «Да ведь России нет, есть СССР». – «Да, но ведь там живут русские люди».

Полгода я отдыхал, получая небольшую пенсию за 18-летнюю службу в гимназии. Много читал, не пропускал церковные службы и беседы владыки Сергия[154] на подворье. Пражский епископ Сергий был исключительно хороший человек, добрый, честный – святой человек. Он покорял сердца всех, кто с ним соприкасался. Каждый четверг его маленькая гостиная наполнялась посетителями, которых он всегда очень ласково принимал и угощал. На столе у него всегда стояло печенье и двенадцать сортов варенья – частью подаренного, частью изготовленного им самим. Он всех угощал чаем, причем чай всегда разливал сам. Одни уходили, другие приходили, иногда до шестидесяти человек в один день. Приходили к владыке русские, чехи, немцы, приходили православные и католики, и все на епископа Сергия смотрели как на святого.

Иногда епископ Сергий приходил в гости к нам, и всегда так просто, с такой любовью, без всяких претензий.

Иногда епископ Сергий ездил в лес собирать грибы и очень любил этот спорт.

Я посещал его беседы на подворье. Там обыкновенно было короткое богослужение, чтение Евангелия, после которого епископ Сергий, за чаем, говорил на какую-либо духовную тему.

Любил епископ Сергий пасхальные колядки, хорошо их знал, и посетители, сидя за столом, пели их вместе с епископом.

Уезжая из Праги, перед приходом туда большевиков, я уговаривал епископа Сергия ехать со мной в Австрию, в город

Зальцбург, но архимандрит Исаакий[155] уговорил его остаться в Праге. Вскоре епископ Сергий был переведен в Вену, потом в Берлин и затем в Казань, где он в страшных муках скончался. Царство ему небесное.

Глава 14
ОККУПАЦИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ НЕМЦАМИ – АРЕСТЫ, РАССТРЕЛЫ

Но вот немцы оккупировали Чехословацкую республику. Занятия в гимназии продолжались, но все настроены были очень нервно. Немцы объявили, что главным предметом в гимназии считают гимнастику. В городе начались аресты. Приказано сдать оружие, и тех, у кого после определенного срока находили его, расстреливали. Расстреливали и всех слушающих заграничное радио.

Был такой случай. Солдат-немец прислал с фронта телеграмму жене-немке, что такого-то числа приедет на несколько дней в отпуск. Жена его напекла всякой всячины, а 12-летний сын стал требовать, чтобы мать немедленно угостила его сладким пирогом. Мать не захотела портить пирог, говоря: «Подожди до завтра, завтра все получишь, сегодня не дам».

Мальчик пошел в гестапо и заявил: «Мать каждую ночь слушает радио из Советского Союза. Вчера передавали то-то, позавчера то-то. Радио под кроватью...» Немцы пришли, нашли радио и арестовали мать. На вопрос приехавшего отца «Где мать?» сын ответил: «Арестована гестапо». А в гестапо ответили: «Слушала советское радио и сегодня расстреляна, донес на нее ваш сын». Немец явился домой – застрелил сына и сам застрелился.

Немцы назначили генерала Бискупского[156] , бывшего офицера лейб-гвардии Конного полка, заведующим русскими эмигрантами в государствах Средней Европы, занятых немцами. Приехал генерал Бискупский и в Прагу, здесь он сделал доклад представителям общественности в Протекторате Чехии и Моравии о преобразовании русских организаций по образцу Германии. Немцы требовали, чтобы была одна организация, но потом согласились с необходимостью 6 организаций: церковь, благотворительность, инженеры, казаки, воинский союз и инвалиды. До этого в Чехии было около ста организаций.

В атаманы казачьей группы планировалось 4 человека: генерал Ф.Ф. Абрамов, генерал Долгопятов[157] , полковник Ковалев[158] и кубанец полковник Шелест. Генерал Бискупский сказал: «Я вас никого не знаю и потому спрошу совета у генерала Краснова – кого он укажет, тот и будет атаманом». Все кандидаты на это согласились. Представитель Донского атамана профессор

Сергей Васильевич[63] Маракуев[159] предложил мне возглавить казаков. Я отказался. На следующий день ко мне явился астраханский калмык университетского образования, воспитатель Пражской гимназии Санжа Баянович Баянов и просил меня стать во главе казаков – я отказался. Приходили и другие просить, чтобы я был атаманом. Я отказывался. А потом приехал ко мне представитель генерала Бискупского в Протекторате инженер Константин Александрович Ефремов[160] с письмом в руках и сообщил, что генералом Бискупским и генералом Красновым я назначен атаманом казаков в Протекторате Чехии и Моравии. Мне оставалось только подчиниться решению двух высших начальников. Потом явился казак Ерохин[161] и горячо уговаривал меня не отказываться от атаманства.

Объединение казаков оказалось делом довольно трудным. Одни настаивали, чтобы станицы разных войск слить в одну, другие не соглашались. Даже кавказских казаков – терцев и кубанцев – слить в одну станицу не удалось. Организовали три станицы – Донскую, Терскую и Кубанскую. Помощниками моими стали представители Войсковых атаманов Маракуев, Горбушин[162] и кто-то еще (к сожалению, не помню).

7 января я был на елке в Грабевской станице, еще не объявляя о своем атаманстве. Архимандрит Исаакий с дьяконом служил молебен. Потом закуска с водкой и вином. Тосты. Пели, танцевали, веселились. Явился Брненской станицы пьяный инженер Гусельщиков, сказал несвязную речь, потом танцевал в дамском пальто и шляпе. В них хотел уйти из ресторана. Его побили. Он опять явился в пальто С.В. Маракуева, ушел вниз, где разбил какие-то стекла. А когда его окончательно выпроводили, он в 100 шагах от ресторана лег в снег. Полиция отправила его в больницу. На следующий день он явился в ресторан «Огонек», извинился, заплатил за все разбитое и уехал в Пардубице, где он служил. Вот таких господ надо было объединять.

Каждый день происходили совещания с С.В. Маракуевым, атаманом Грабевской станицы войсковым старшиной Папковым[163] , заведующим казачьим музеем полковником Ковалевым и инженером Поличенковым, которого генерал Бискупский рекомендовал как знающего все тонкости пражской жизни... Тормозили объединение самостийные группы. Одна во главе с генералом П.Х. Поповым, другая во главе с Глазковым[164] .

16 февраля, в земледельческой Едноте[64] состоялся мой доклад казакам Дона, Кубани и Терека. Сначала была прочитана моя биография, потом я вошел, и меня приветствовал длинным словом профессор С.В. Маракуев. Мое выступление хвалили даже строгие критики. В конце доклада бурные аплодисменты. Ко мне

подошли доктора Чекунов[165] и Камышанский со словами: «20 врачей казаков в вашем распоряжении. Всеми силами поддержим ваше начинание и всех казаков вашей группы лечим бесплатно». Я был очень тронут и благодарил. Ставропольцы просили принять их в казачью группу как дравшихся с большевиками. Я ответил, что «с распростертыми объятиями».

Некоторые, сбитые с толку П.Х. Поповым и Глазковым, видя, что генералы ссорятся, не знают, куда идти и кого слушаться.

С П.Н. Красновым у меня все время переписка. Он вполне одобряет все мои распоряжения. За время моего атаманства я написал ему около 20 писем и почти столько же получил от него. Письма генерала Краснова, как представляющие громадный интерес для казачества, мной переданы в казачий музей полковнику Ковалеву. Жаль, что они попали в руки большевиков, вместе с самим Ковалевым.

Из моих помощников больше всех работал профессор С.В. Маракуев – он незаменимый человек и неутомимый работник. Поличенков, рекомендованный генералом Бискупским, редко помогает, но больше вредит, хочет командовать, распоряжаться, и им все недовольны.

25 марта, на казачьем станичном собрании, меня провозгласили Почетным Стариком с сильными аплодисментами.

Происходят заседания комиссии по устройству предстоящего казачьего вечера. На одном заседании я сказал: «Я в Праге новый человек, но говорят, что на каждом казачьем вечере происходят драки. Надо принять все меры, чтобы драк не было, и если их нельзя предотвратить, то лучше вечера не делать». Мне ответили, что каждый год принимались меры и без церемонии выкидывали каждого, кто позволял себе лишнее. Один вечер прошел без драки, так когда вышли на улицу – передрались.

4 мая этот общеказачий вечер состоялся. Прошел прекрасно. Программа была великолепная – пение, казачок, лезгинка, молитва Шамиля и прочее. Все меня поздравляли и благодарили. Скандалов не было, пьяных выводили и выносили по-хорошему. Все в восторге от вечера – хвалят и благодарят. Какой-то важный немец благодарил за прием, оказанный немцам, и сказал, что завтра же об этом будет доложено протектору Нейрату[166] . (Немцам был такой же прием, как и всем.) Какой-то высокий немец студент благодарил за прием и «урок», данный на вечере немецкой молодежи. Верхний комиссар по русским делам был в восторге и сравнивал недавний вечер самостийников с нашим. Там, говорит, было около 200 человек, а у вас – тысяча. У вас культурно, интеллигентно, а у них… (сморщившись, покрутил рукой). Теперь я вижу, говорит, за кем идет народ.

Вечер разрешен был до трех часов ночи. Когда я подошел к комиссару и спросил: «Надо вечер кончать – три часа?», он ответил: «Вы здесь хозяин, мы в полном вашем распоряжении, когда хотите, тогда и кончите». В это время подошел чешский комиссар и стал требовать закрытия вечера. Я его свел с немецким комиссаром, и вечер продолжался до пяти часов утра.

Началась лезгинка, потом общий казачок. Скакали какие-то статские, и вдруг пустился вприсядку какой-то немец в форме. Общее веселье – и все в восторге.

В 5 часов я с трудом остановил оркестр и прекратил танцы. Публика не расходится. Погасили огни – начали вяло уходить. Пражские старожилы говорят: «При вас казаки стали совсем другие».

На следующий день, 5 мая, в ресторане «Огонек» был съезд станичных атаманов Протектората. Приветственной речью я открыл съезд и просил не увлекаться красноречием ввиду множества работы. Несмотря на это, многого не успели сделать.

Прочитали «устав», «наказ», поговорили о взносах и других вопросах. Но атаману Брненской станицы надо на поезд – завтра утром на работу. Заторопился и С.В. Маракуев – жена не имеет ключа и ждет под дождем. Возникли и другие серьезные причины, и совет распался.

Очень важный вопрос о Брненских хуторах, о брожении под влиянием вредной агитации Гусельщикова и еще некоторые вопросы совсем не затронули. Съехались со всего Протектората и все скомкали.

Представитель Кубанского атамана генерал Горбушин сообщил, что доход с вечера – около 8000 крон. Решили устроить «благодарственный чай» на 70 человек. Клеопатре Давыдовне Асеевой[167] дал от вечера на устройство Галлиполийской колонии 500 крон. Очень благодарила и не хотела брать так много.

12 мая был этот «чай». Все прекрасно сервировано. Мои соседки К.Д. Асеева и Елизавета Николаевна Никольская[168] – известная балерина. Много тостов, много веселья, чарочка с «пей до дна», песни, лезгинка, казачок…

15 мая Ерохин сообщил, что самостийный генерал П.Х. Попов с вечером прогорел – дефицит 500 крон.

14 апреля встретил в городе Елену Ивановну Гижицкую[169] – бывшую фрейлину Ее Величества. Очень любезна и ласкова. Сообщила, что немцы назначают меня директором гимназии. Я категорически от этого отказался. «Ну мало ли что вы отказываетесь – немцы вас назначают. Какие же это причины?» – «Я никогда не был преподавателем, мне более 60 лет и прочее». – «Все это мы знаем, это не причина». – «У меня много друзей – все

они станут врагами. У меня нет никакого желания быть директором гимназии». – «Вы должны пожертвовать собой для России, для юношества». – «Но есть много людей, более подходящих к этой должности и желающих ее». – «Знаю, но немцы перебрали всю эмиграцию и никого не хотят, кроме вас или Савицкого[170] . За Савицким стоят красные и розовые. За вами правые, и вы более приемлемы». – «Так оставьте директором Д.Д. Гнедовского». – «Ни за что не хотят. Вы можете оставить его инспектором, он будет получать больше, чем сейчас, и будет доволен». – «Отличным директором будет А.Ф. Поляков[171] ». – «Не хотят немцы по некоторым причинам. Да бросьте, милый генерал, – все равно вам не открутиться». – «Я только что выдержал страшную борьбу с самостийниками и не в состоянии вести борьбу еще с педагогами». – «И не надо вести борьбу, примирятся, и все будет хорошо».

22 июня я поехал в Брно. Остановился у Атланова[172] , бывшего своего воспитанника в гимназии. Прохазки[173] просили перейти к ним, но мне неудобно было уйти от Атланова.

Вечером в Брненской станице был «приветственный чай». Бесконечные речи, я говорил три раза. Очень теплый, сердечный прием. Высказывали радость, видя меня во главе казаков. Так было уютно и симпатично, что иногда казалось, что я в кругу родного мне полка. Чешки – жены казаков – стараются приспособиться к казачьей жизни. Все дружно, все вместе, полная дисциплина и подчинение «тамаде» и все время прекрасное пение. Речи дышат любовью и преданностью России и казачеству. Самостийничество порицается. Домой к Атланову пришел в 2 часа ночи, но от возбуждения и пережитого не мог спать. Обедал у своих старых друзей Прохазок, и они просили в будущем останавливаться у них.

От 2 до 6 в казачьей столовой деловое совещание. Гусельщиков недоволен, что я подчиняюсь «не казаку» генералу Бискупскому. Просто у него выворочены мозги.

26 июня Ефремов сообщил, что меня назначают директором гимназии. Я ответил, что директором гимназии не буду.

29-го Е.И. Гижицкая опять говорила о моем назначении директором гимназии: «Вы для России жертвовали жизнью, а здоровьем и подавно можете пожертвовать. Все переставите на военный лад. Недовольных и мешающих выгоните, и все будет хорошо».

17 июля приходил Прокудин[174] . Говорил, что у П.Х. Попова совсем разброд. Горчукова[175] ненавидят, а Попов «дурачок», и от них разбегаются. Бардин же хочет образовать свою группу и никому не подчиняться.

22 июля получил разрешение на издание «Казачьего вестника». Печатались прекрасные статьи Маракуева, «История Дона» П.Н. Краснова и статьи других сотрудников.

Получил сведения о смерти моего младшего брата, Филиппа. Большевики сослали, как я уже писал, в Сибирь и там замучили.

3 сентября получены сведения, что П.Х. Попову, как самостийнику, оказывают нелегальную поддержку англичане. Канадцы и католики тоже за обещание в будущем ввести католичество у казаков. Немцы это знают и зорко следят за Поповым. Потом немцы узнали, что Попов старается запродать каким-то авантюристам донецкий уголь, и посадили его в тюрьму. Через несколько месяцев его выпустили как американского гражданина, но приказали ежедневно являться в гестапо для регистрации. Немцы говорят, что они хотели бы выслать его из Протектората, но не хотят никаких осложнений с американцами во время войны.

Немцы издали приказ о моем назначении атаманом Общеказачьего объединения на весь рейх, то есть на все государства Средней Европы и на западные провинции России, занятые немцами.

Я списался со всеми, и у меня в объединении более 100 казаков всех войск. Во все государства, по всем станицам я рассылал свой «Казачий вестник».

По вызову гестапо я поехал в Берлин. Переводчиком в гестапо был генерал Бискупский. Приняли меня очень любезно и между прочим спросили, откуда самостийник Глазков берет деньги. Я ответил, что это им лучше знать.

Берлинская станица устроила мне торжественную встречу. Была трапеза и речи. На эту встречу пришли многие казаки, которые и не состоят в станице. Один, выпивший, все время подавал реплики и как-то неприятно вел себя. На мой вопрос «Кто это?» станичный атаман генерал Кубанский[176] сказал: «Неприятный тип. Его несколько раз выгоняли из станицы, он каялся, его принимали и вскоре опять выгоняли, и я сейчас не знаю, состоит ли он в станице. Пьяница. Был дьяконом. Побил в алтаре священника, и его расстригли. Он наш кубанский казак. Каялся, просил принять его опять дьяконом, но его не приняли. А теперь втерся к немцам и сейчас занимает большую должность – заведует всем затемнением в Берлине. Город разбит на районы, он каждую ночь объезжает районы на автомобиле, и в городе действительно полная тьма...» После трапезы этот пьяница приглашал меня к себе хоть на минуту, но я отказался – меня ждали в другом месте. Время пребывания моего в Берлине было расписано по минутам.

Глава 15
ВЛАСОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Когда генерал Андрей Андреевич Власов образовал в Берлине Комитет Освобождения Народов России[177] , он пригласил в Берлин меня и генерала Федора Федоровича Абрамова и объявил: «Вас, генерал Балабин, я прошу быть в президиуме Комитета, а вас, генерал Абрамов, членом Комитета». Я предложил Андрею Андреевичу сделать наоборот: чтобы я был только членом Комитета, а генерал Абрамов в президиуме, так как у меня еще есть казаки. «Нет, мы так решили – вы в президиуме, а генерал Абрамов в Комитете».

Потом мы с генералом Абрамовым несколько раз ездили в Берлин на заседания. Несколько раз мне пришлось выступать от имени казаков, и за мои выступления меня награждали дружными аплодисментами.

Чтобы поехать в Берлин, надо было сообщить по телефону железнодорожному начальству, и мне бесплатно оставляли купе 1-го класса. Конечно, купе наполнялось пассажирами, но все, входя, спрашивали разрешения. Один раз купе было наполнено немецкими офицерами. Начали пить по чарочке, предложили и мне. Я поблагодарил, выпил и говорю: «Шнапс – найн, найн – медицина». Водка была тогда запрещена.

Берлин страшно бомбили американцы, и мне несколько раз пришлось отсиживаться в убежищах. В номере отеля запрещено было оставаться – проверяли.

Петру Николаевичу Краснову А.А. Власов почему-то не нравился, и он несколько раз говорил мне: «Как вы можете верить вчерашнему большевику». Краснову и Власову устраивали свидания. Они целовались, объединялись и все-таки шли врозь. Но вчерашнему большевику Доманову Петр Николаевич, к сожалению, верил, как себе. Приехавшего из Лиенца кубанского есаула Фенева я послал к генералу Краснову доложить обо всем, что делалось в Лиенце. Петр Николаевич его не принял, сказав, что он все знает от Доманова.

14 ноября 1944 года в Праге состоялось торжественное учредительное заседание Комитета Освобождения Народов России, утверждение временного положения о комитете и выборы президиума комитета. Андрей Андреевич Власов торжественно прочитал Манифест[178] . На торжестве этом присутствовало много высших немецких чинов. Много было и русских по особому приглашению. Нас фотографировали. А когда пришли в Прагу

большевики, они арестовали всех, кто вышел на фотографии.

На следующий день был парадный обед во дворце протектора, который устроила и которым распоряжалась Елена Ивановна Гижицкая, упоминавшаяся уже, бывшая фрейлина Ее Величества. На этом обеде я дважды держал речь.

Через месяц или два было такое же торжественное заседание с чтением Манифеста в Берлине, в помещении театра.

Но не все немцы сочувствовали движению Власова, особенно тормозил его работу Розенберг[179] .

Власов старался сформировать свою Русскую армию. По его просьбе был отдан приказ командировать в Берлин к Власову всех русских, находящихся в немецких частях на фронте. Этот приказ не был исполнен, так как это значило бы уменьшить немецкую армию на фронте почти наполовину. Гитлер этого, конечно, не знал. Его панически боялись и многое от него скрывали. Во время 2-й Великой войны многие русские солдаты, попадая к немцам в плен, изъявляли желание поступить в их армию и воевать против коммунистов. Этим они избавлялись от голода в тылу и получали хорошее немецкое обмундирование. А немцы их охотно принимали: панически боясь Гитлера, скрывали свои потери, пополняя их русскими. Нередко можно было видеть стройно идущую немецкую роту и поющую русскую солдатскую песню вроде «Солдатушки, браво, ребятушки, где же ваши хатки» (так у автора – *Ред.*). Кроме того, русские в немецкой армии дрались, как львы. Немцы могли сдаться в плен, а русского, попавшего в плен, немедленно расстреливали.

Берлинские банкиры предоставляли генералу Власову неограниченный кредит. На вопрос Власова, почему они так щедры, ему отвечали: «Если будет Россия – вы нам все возвратите. Если же мы войну проиграем – все равно все наше погибнет».

Конечно же я в первый же свой приезд в Берлин навестил генерала Петра Николаевича Краснова. Встретились как родные. Вспоминали совместную службу в Новочеркасске. Петр Николаевич приветствовал меня словами: «Ну а вы совсем не изменились». Мы не виделись 25 лет. Я же не мог сказать ему такого комплимента – уж очень он постарел. Но голова свежая, как и раньше. Одет Петр Николаевич был в немецкий китель, но с русскими погонами генерала от кавалерии.

Вскоре А.А. Власов назначил меня Главноуполномоченным Комитета Освобождения Народов России в Протекторате Чехии и Моравии. У меня была большая канцелярия. Главным помощником стал инженер Георгий Николаевич Юрлов – мой воспитанник по гимназии. Было много служащих, две

машинистки. С утра до вечера приходили посетители с разными просьбами, и иногда приходилось принимать их по нескольку человек сразу. Приходило много казаков и неказаков со всевозможными просьбами: выхлопотать продовольственные карточки, продлить пребывание в Праге, устроить где-нибудь, чтобы хоть чуточку отдохнуть от войны, и тому подобное. Немцы все мои требования исполняли.

Один раз явился ко мне молодой человек в полуказачьей-полувоенной форме и просил устроить его в казачью часть. «Вы казак?» – «Нет, я был в Ростове подмастерьем у сапожника, а когда отходили русские вместе с немцами, я присоединился к казачьей группе и некоторое время с ними «казаковал». Потом меня немецкий генерал взял к себе ординарцем. Он мне верил больше, чем своим немцам. Немцу ничего не стоит сдаться в плен, а меня большевики немедленно расстреляли бы. Когда мой генерал был убит, я поступил в роту к немцам. Один раз ночью мы все спали в окопах. Просыпаюсь на заре и вижу, что я один – все ушли и меня бросили. Выглядываю и вижу, что в 150 шагах от меня большевики роют окопы. Я бежал и не хочу больше идти к немцам, которые бросили меня на съедение к большевикам. Устройте меня к казакам».

Несмотря на помощь, оказываемую немцам русскими эмигрантами в их борьбе с коммунистами, немцы часто относились к русским очень плохо. Инженер Герасименко[180] , мой воспитанник по гимназии, поступивший к немцам переделывать широкую русскую железнодорожную колею на более узкую немецкую, серьезно заболел дизентерией. В бессознательном состоянии он был помещен во временный немецкий госпиталь на той же линии, где переделывались рельсы. Когда его привели в сознание, увидели из документов, что он русский, и объявили ему, что он не может остаться в лазарете, так как немцы не желают, чтобы с ними лежал русский. «Но я на немецкой службе, у меня немецкая форма». – «Все равно вы русский и должны покинуть наш госпиталь». – «Куда же я пойду – ведь я же болен». – «А во дворе есть сарайчик, можете там перебыть».

В грязном запущенном сарайчике, на навозе, Герасименко лежал три дня. Никто к нему не приходил. Три дня он ничего не ел, что, конечно, хорошо при дизентерии. Почувствовав, что может встать, он вышел из сарайчика к шоссе, и первый проходивший автомобиль подвез его к деревне, где работала его группа. На вопрос шофера, почему он такой бледный, Герасименко ответил, что три дня ничего не ел. Шофер остановил машину, сделал ему гоголь-моголь и этим подкрепил его.

Своему начальнику Герасименко подробно все рассказал и

просил перевести его на другую службу к Киеву, где у него оставались родственники. До восстановления сил Герасименко освободили от работ. Он пошел по деревне, зашел в один дом и, утомленный, молча сел на лавку. В избе было несколько человек, и все очень враждебно смотрели на пришедшего немца. Отдышавшись, Герасименко попросил пить. «Да вы русский? Мы думали, что вы немец. Что с вами? Что вы хотите? Мы вам все сделаем». Сразу же на столе появилась закуска, сало, самовар. Узнав, что у Герасименко дизентерия, сказали, что эту болезнь у них в деревне в каждой хате умеют хорошо лечить. Герасименко остался жить у них до перевода в Киев.

Спустя несколько месяцев я опять был вызван вместе с генералом Абрамовым в Берлин на заседание Комитета Освобождения Народов России. Вдруг во время заседания выходит говорить речь тот самый пьяница-казак, дьякон-расстрига, в епископском одеянии, с панагией на груди. Оказывается, он ездил в Варшаву, куда съехалось много архиереев, бежавших от большевиков, и один возвел его в сан дьякона, другой сделал иереем. Так он дошел до епископа, а сан архиепископа он уже сам себе присвоил. Я все это рассказал Андрею Андреевичу, и речь самозванца в отчет не поместили.

Последний раз меня вызвали из Праги на заседание Комитета Освобождения Народов России в Карлсбад. Вечером в мой номер отеля неожиданно вошел генерал Власов. «Чем занимаетесь?» – «Составляю конспект речи к завтрашнему заседанию, чтобы не получилось, как сегодня, когда вы заставили меня говорить экспромтом». – «Это очень хорошо, завтра непременно будете говорить. А сегодня ваша речь всем очень понравилась, и вам так дружно аплодировали – ваши выступления очень любят». Я спросил Андрея Андреевича, почему он взял меня в президиум. Ведь в окружении его нет ни одного моего знакомого. «Когда вы обо мне еще не слышали, я уже знал о вас по рассказам». Затем Андрей Андреевич рассказал о себе. Родился он 1 сентября 1900 года в крестьянской семье в селе Ломакино, Нижегородской губернии. Отец его – унтер-офицер лейб-гвардии Конного полка 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизии – был убежденным монархистом и до конца своей жизни предан был своему Государю. Он глубоко верил, что после настоящего безвременья восстановится монархия и без царя России не быть. Но об этом пока нельзя говорить.

Когда Андрею исполнилось 10 – 12 лет, отец говорил ему: «Имения я дать тебе не могу, денег, как ты знаешь, у меня нет, да и все это теперь ненадежное, а дам тебе то, что у тебя никто не отнимет, – дам тебе образование» – и повез Андрея в город.

«Определить меня в духовное училище было легко, но квартиру со столом и присмотром за мальчиком найти было невозможно. Цену спрашивали непосильную для простого крестьянина. И отец определил меня в одно заведение, где жили «легкомысленные женщины»... Их хозяйка, солидная женщина, взяла меня, обещаясь хорошо кормить и смотреть за мной. Мне, – продолжает Власов, – жилось там очень хорошо – хорошо кормили, ласкали, ухаживали за мной. По окончании семинарии я поступил в государственный агрономический университет, но учиться в нем не пришлось – меня потребовали в 27-й стрелковый полк отбывать воинскую повинность. Военная служба мне так понравилась, что я решил посвятить ей всю свою жизнь».

В 1928 году Власова отправили в Москву на Высшие стрелково-тактические курсы, по окончании которых он преподавал тактику в Ленинградской школе, но вскоре получил 137-й стрелковый полк, а затем назначен был помощником командира 72-й дивизии.

В 1938 году он стал начальником штаба при военном советнике в Китае Янь Сишань[181] , а потом при Чан Кайши[182] , который наградил Власова Золотым орденом Дракона. (Близкие потом называли Власова китайцем.)

В 1939 году Власов назначен командиром 99-й стрелковой дивизии, которая была признана лучшей во всей Красной армии.

Война застала его командиром 4-го корпуса, и вскоре он получил новое назначение командующим 37-й армией.

После тяжелой операции отступления из Киева, где пришлось пробиваться из окружения на протяжении 500 километров, до самого Курска, Власов был назначен заместителем командующего тылом Юго-западного направления. Здесь Андрей Андреевич столкнулся с тыловым хаосом и беспорядком. Не было обмундирования, не хватало горючего, было мало патронов, недоставало подвижного состава... Кто же был в этом виноват? В сознании Власова постепенно созревал страшный в своей убедительности ответ: «Виновата система большевизма».

В ноябре 1941 года Власова вызвали в Москву, на подступах которой стоял враг. В столице паника. Эвакуировались заводы и учреждения. Власову предложили срочно сформировать 20-ю армию и защитить Москву. Он блестяще справился с этой задачей. Противник был оттеснен до Ржева. Честь и слава спасения столицы принадлежат только генералу Власову. Он рассказывал: «Когда положение Красной армии было очень тяжелое, когда часть Москвы была уже эвакуирована – вызывают меня ночью на совещание в Кремль. На совещании было человек 12[65]. Была там, конечно, вся головка, все окружение Сталина.

Собрались. Всех их мне Андрей Андреевич перечислил, но я забыл, кто именно там был. (*Примеч. авт.*)Долго ждали Сталина. Наконец он появляется вместе с Берией, злой и расстроенный. Не стесняясь в выражениях, ругает Берию и кричит на него. Берия пытается как-то оправдываться. Поклонившись всем и предложив садиться, Сталин сел и, продолжая разговор с Берией, спросил: «Да сколько у тебя агитаторов в Германии?» – «Сто человек». С криком «Дурак!» Сталин ударил кулаком по столу и закричал: «Не сто надо и не тысячу, а десять тысяч надо туда послать. Ты во всем виноват. Надо сделать положение военнопленных в Германии невыносимым, надо, чтобы никому не хотелось попасть в плен. Надо распропагандировать и старую эмиграцию, чтобы все ненавидели немцев. Надо постараться для всех сделать невыносимые условия, надо и немцев вооружить против старой эмиграции, чтобы никто никому не верил. Приказываю, чтобы все это было немедленно исполнено».

На следующий же день были организованы ускоренные курсы агитаторов и 10 000 человек разными способами наводнили Германию.

Дальше Андрей Андреевич рассказывал, что в 1942 году его послали на самолете в окруженную немцами армию Мерецкова. Армия эта была сформирована для выручки голодающего Ленинграда и сама попала в окружение немцев. Обещанная помощь не приходила, а своих сил прорвать кольцо немцев не хватало. Власов сознавал, что окруженная в болотах и лесах голодная армия обречена на гибель. Перед ним встал вопрос: за что? За что гибнут русские люди? За власть Сталина? Продолжать свою прежнюю работу – значит идти против интересов народа. Борьба в этих условиях становилась бесполезной, ненужной и даже вредной. Андрей Андреевич с остатками своей армии попал в плен. Была у него мысль о самоубийстве, но он решил подождать: может быть, думал он, еще пригожусь России.

В плену многое было передумано, многое получило иную оценку, и окончательно окрепло убеждение, что большевизм является злейшим врагом русского народа, что он должен быть вырван с корнем из Русской земли.

Находясь в плену, Власов долго не соглашался на уговоры разных лиц предложить немцам свои услуги для борьбы против большевиков. Власов не верил немцам и ненавидел их всей душой. Больше других его уговаривал старый эмигрант полковник К.Г. Кромиади[183] , который потом был его личным секретарем. Власов видел, какие крупные ошибки делают немцы, и не верил в их победу. Успехи немцев в 1941 году, когда сотни тысяч русских людей сдавались в плен, не желая защищать режим

Сталина, Власов, как и все мы, отлично понимал. Не понимали своих побед только немцы.

Наконец Власова уговорили, что формирование в Германии Русской Освободительной Армии заставит Красную армию повернуть оружие против Сталина и его правительства, и Россия будет спасена. Начались переговоры с немцами. Одни поддерживали Власова и видели в формировании Русской армии победу и Германии, другие, наоборот, призывали не верить вчерашнему большевику, считали опасным в тылу немецкой армии формировать армию врага и чинили Власову всевозможные препятствия, особенно Розенберг.

Начали вырабатывать Манифест. Немцы его много раз переделывали. Приходилось спорить чуть не за каждое слово. И если есть в манифесте слова и фразы, с которыми мы не согласны, значит, в этих местах переспорить немцев нам не удалось.

За 20 ноября в комитет поступило 470 телеграмм. За один день в Освободительную Армию записалось свыше 60 тысяч бойцов. Манифест объединил вокруг генерала Власова не только «остов» и военнопленных, но и политических общественных деятелей, профессоров, врачей, военных – и не только русских, но и калмыков, грузин, украинцев, татар и представителей других национальностей. Власову писали: «Ведите нас освобождать Россию. Русский народ под вашим руководством победит. Ведите нас, и ни тягчайшее горе, ни холод, ни голод, ни смерть не смогут нас возвратить с этой дороги, ибо нет больше сил, чем наша ненависть к большевикам и к сталинскому террору».

Власов говорил, что Сталин, узнав, что Власов стал во главе Освободительного Движения, велел казнить всех его родственников – и близких, и дальних.

Борьба, вражда и ненависть между власовской РОА и немцами продолжалась все время. Для РОА Сталин был врагом № 1, а Гитлер № 2.

У Власова не было ни одного свидания с Гитлером.

Власов говорил: «Может быть, меня убьют, но наша идея, наше движение не умрет. Россия будет спасена и будет сильной, могучей и грозной для врагов».

Чтобы иметь понятие, как реагировала Красная армия при встрече в бою с частями генерала Власова, расскажу маленький эпизод. Полковник Сахаров, работавший некоторое время в штабе Власова, с его разрешения сформировал небольшой отряд и направлен был немецким командованием на усиление одной немецкой пехотной дивизии. Начальник дивизии, выслушав рапорт полковника Сахарова о прибытии отряда в его дивизию,

спросил: «А сколько человек в вашем отряде?» – «Двести человек». Генерал расхохотался: «Как может усилить меня такая горсть людей? Я три раза бросал всю дивизию на город Х., где засели большевики, и каждый раз они отражали наши атаки с большими для нас потерями. Что может сделать рота, где дивизия не в состоянии справиться?» И генерал, не обращая внимания на Сахарова, углубился в какую-то бумагу. Постояв минуту, Сахаров говорит: «Господин генерал, разрешите хоть разведку сделать?» – «Ну, разведку, конечно, можете сделать». Сахаров откланялся и вышел. На следующий день генерал получил от Сахарова донесение: «Город Х. взят, взято столько-то (свыше 3000) пленных, столько-то орудий, пулеметов, танков. У нас потерь нет – один раненый». Генерал прочитал донесение: «Что это, шутка? Какой вздор». Потом к адъютанту: «Немедленно поезжайте на мотоциклетке и узнайте, в чем дело». Адъютант, возвратившись, подтвердил все цифры взятого. Русские, узнав, что против них части Власова, немедленно перешли на сторону Сахарова.

Генерал писал в донесении начальству: «Пришлите мне еще два-три таких отряда, и все красные немедленно перейдут к нам».

После заседания КОНР Андрей Андреевич пригласил меня в свой номер ужинать. Были там генералы Трухин[184] , Малышкин[185] , Жиленков[186] , еще кто-то из близких Власова и одна дама, которая хорошо пела. Пел и Андрей Андреевич – у него был красивого тембра бас.

В Праге я снимал комнату в семье Семеновых: мать, Надежда Николаевна, и два сына: Женя, инженер-строитель, и Вова, студент-медик. Вову, ярого монархиста, гестапо арестовало за то, что на экскурсии будто бы пел с другими советскую песню. Донес на него представитель генерала Бискупского – инженер Ефремов. Вова был абсолютно без слуха и ничего петь не мог. Это явно была месть Ефремова...

Мы с матерью Вовы по четвергам приносили ему в тюрьму чистое белье и съестное, а в белье вкладывали образ Божией Матери. (Вова был очень религиозен и служил иподьяконом у епископа Сергия Пражского.) Каждый раз вместе с грязным бельем немцы возвращали этот образ. И все-таки один раз они не заметили его, и Вова все-таки образ получил.

Вот выдержки из полученного от него письма:

«За полгода, что я сидел в тюрьме, я получил только три пощечины, да и то не по своей вине. Первый допрос для меня был совсем благоприятный. На втором допросе меня начали бить по голове, а от «доктора» я получил такой удар кулаком по уху, что я моментально оглох на левое ухо, из уха потекла кровь – была

пробита барабанная перепонка. Меня связали и, положив на табуретку, стали пороть палкой. Как долго я был в прачечной (так называется в тюрьме порка), не знаю, но, когда экзекуция окончилась, все были без пиджаков и порядочно вспотевшие, было их пять человек. После начался допрос. К моему удивлению, протокол был составлен для меня хорошо, но у меня создалось впечатление, что мама, брат Женя и вы уже расстреляны.

Не знаю, откуда у меня было столько сил, ясно, что это была помощь Божией Матери, которой я очень молился и во время битья. Я все время повторял: «Пресвятая Богородица, помоги и спаси меня». Но я не издал во время битья ни одного звука, и на их вопрос, чего я хочу, чтобы меня расстреляли или повесили, я ответил, что прошу дать мне возможность принять участие в борьбе с коммунизмом.

Когда я ехал из гестапо в тюрьму, я молился за всех вас, как за покойников, и сам себя подготовлял к завтрашнему расстрелу. Я распрощался со своими товарищами по камере, роздал им свои витамины, зубную пасту, мыло и вообще все, что считал уже ненужным. Ночь я не спал. Все тело болело, а место ниже спины было сплошным кровоподтеком. При каждом шорохе, каждом шаге казалось, что вот-вот идут за мной. Утром увели моих товарищей по камере. Я остался один и все время молился. В четверг я получил белье из дома и понял, что все это была гнусная комедия, игра на нервах.

9 февраля меня повезли в Терезин.

Терезин – это самое ужасное, что мне пришлось пережить: грязь, вши, блохи, голод, холод и тяжкая работа. В камере на 280 человек было 640. Работал я ночью от 6 вечера до 6 утра, без перерыва, без пищи, в подземных шахтах – мешал бетон лопатой. Потом работал в Усти над Лабой, потом рыл окопы. 640 человек на нарах в 4 этажа, на мокром полу, холод, со стен и потолка течет, миллиарды вшей и блох... Началась дизентерия, тут же туберкулезные, с воспалением легких, с рожей, флегмонами и т. п. – и всего 2 уборные и 6 кранов. Как мы выжили?..

3 апреля нас вывезли из Терезина в концентрационный лагерь в Флоссенбюрге у Вейдена – снова голод и холод. У нас отобрали все и дали полосатые арестантские халаты или тряпье с буквами «К.Л.». Страшно били свои же заключенные, так называемые «капо»[66]. Били резиновыми трубками, не разбирая по чему. Я еле ходил, ослабел от голода, ноги болели от ревматизма. Кроме того, натер ногу джеваками, и у меня правая нога постоянно была вся в нарывах. Кормили так: утром пол-литра черного кофе без сахара, в обед один литр горячей воды, в которой плавала кормовая репа, и вечером пол-литра кофе без

сахара и 200 граммов хлеба. Это все. Последние пять дней хлеба не давали.

20 апреля нас погнали в Дахау, так как подходили американцы. Это был «голодный поход смерти». Шли мы, слава богу, только 4 дня. На пятый нас догнали американцы. Шли и день и ночь под проливным дождем, без пищи. Ели по дороге щавель или корни травы. За эти четыре дня два раза нас останавливали на три часа, и мы спали на мокром лугу по щиколотку в воде. Из 14 600 человек, вышедших из лагеря, пало 6000. Тех, кто падал, задние эсэсовцы пристреливали. Я шел во второй группе, и мы шагали по шпалерам трупов.

23 апреля, в семи верстах от баварского города Хама, нас догнала 7-я американская армия. Я прожил десять дней в г. Родинге и 3 мая отправился пешком в Чехию. До Меркулина я шел пешком. Линию фронта и границу переходил под артиллерийским огнем, шел наугад по лесам и полям, кружил, боялся попасть в руки немцам. На мне был арестантский костюм. В Домажилице я случайно встретился с моим сослуживцем по институту г-ном Тейхманом. 5-го пошел дальше. В каждой семье меня кормили и нагружали бухтами[67], печеньем и т. п. Я едва волочил ноги. В Мерклине ночевал в школе, где еще накануне спали немцы. Ночью проходили немцы, но в школу не заглянули. 6-го в Мерклин вошли американцы. Это была Пасха, и мне не хотелось идти дальше.

На следующий день меня на автомобиле отвезли в Пщештице и поместили у одного мясника, семья которого меня одела. А арестантский костюм я взял с собой на память. Очень мне помог доктор Зеньковский. На грузовике я проехал в Пильзень[68], а 10 мая вечером был в Праге. Дома никого не было. Квартира была разграблена – утащили материи, костюмы, лампы из радио, все припасы, даже из супа вытащили мясо, увезли нашу машинку, мою коллекцию царских портретов и какие-то Ваши бумаги.

В тюрьме я научился молиться и верить. Кроме того, со мной было много чудесного. Уже то, что я получил икону Божией Матери в день Рождества Пресвятой Богородицы, что мне во сне снилось еще в Праге на Панкраце все, что со мной было потом (камера в Терезине, работы и даже избиение), что во сне видел точно, как увижусь с мамой (я точно так с ней и встретился), что все мои товарищи по тюрьме умерли – я один вырвался из дремучего леса. Я убедился, что нас хранит Господь, что мы не пропадем, не погибнем.

Видел я во сне и встречу с вами, дорогой Евгений Иванович, и верю твердо, что мы еще увидимся. Когда я молился, закрыв глаза, я видел силуэт Божией Матери, держащий надо мною

покров. Когда взяли брата Женю, я, лежа больной, начал молиться и опять увидел три головы – мамину и наши с Женей – и опять силуэт Божией Матери с покровом... Крестик и иконка, которую Вы послали мне в Терезин, – со мной. Их отобрали у меня в Флоссенбюрге и бросили в грязное белье. Заведующий бельем – чех – мне их вернул, и я пронес их через все осмотры. И то, что я испытал и выдержал такие ужасы, как Терезин и поход смерти, – это только чудо Божие и помощь Пресвятой Богородицы.

В Праге много перемен: церковь отобрали, служили на Ольшанах. На Рождество служили в чешском православном храме».

А вот выдержки из письма старшего брата – Жени:

«В субботу в Праге началось восстание. У нас на Панкраце стрельба и немецкие аэропланы бросали бомбы. Вечером восстание было уже в полном разгаре. Положение Праги было критическое: несколько немецких дивизий шло от Бенешова и с севера от Мельника. Всего 10 дивизий. В самой Праге были немецкие части, но разрозненные. Со стороны Панкраца немецкие танки подошли уже к гимназии. В этот критический момент подошли первые отряды власовской армии. Они-то и спасли Прагу. Их прошло через Прагу около 33 тысяч. Очистили Смихов, Жижков, Панкрац, Отрашнице, центр города, взяли штурмом Мелихаровскую гимназию, где засела 1000 эсэсовцев, аэродром в Рузине и горы Петржина, где были расположены немецкие батареи. По радио передавали, что немцы массами сдаются победоносной армии генерала Власова. Ушли власовцы так же внезапно, как и пришли, но немцев разбили наголову. Поведение власовцев произвело на население прекрасное впечатление. Между прочим, Вы у нас на Панкраце стали легендарной личностью. Все знали, что Вы власовский генерал, и теперь говорят, что это Вы привели власовцев спасать Прагу от немцев».

9 мая в Прагу вошла Красная армия.

Глава 16
ПЕРЕЕЗД В АВСТРИЮ – ГАЛЬВАНГ, ЗАЛЬЦБУРГ

Сам я со своей канцелярией выехал из Праги последним поездом. Для меня и моей канцелярии был предоставлен отдельный вагон 2-го класса, и так как в нем оставалось еще много свободного места, то я принимал всех, кто обращался ко мне. Со мной поехала и старшая дочь Ольга с моей внучкой Зоей. Младшая дочь, Лидия, осталась в Праге. Со мной в вагоне ехала семья Юрловых, командир корпуса генерал Ф.Ф. Абрамов, известная певица А.П. Свечинская-Малышева[187] и другие. Кроме классного вагона мне дали и товарный вагон с провизией.

На станции Фрейштадт, не доезжая Линца, нам велено было выйти из вагона и бежать в лес. Был сильный налет американских бомбовозов. Вагон, в котором мы ехали, был изрешечен пулями и осколками. А в лесу осколком от снаряда оторвало правую руку моей 12-летней внучке. Здесь же, на станции Фрейштадт, в немецком санитарном поезде Зое сделали перевязку, и она с матерью должна была отстать от эшелона и остаться в госпитале Фрейштадта. Не помню, сколько Зоя пролежала в госпитале, но она выздоровела окончательно. Писала и рисовала левой рукой и продолжала учение в школе католического монастыря. Когда я подошел к Зое в лесу, где она лежала на земле, истекая кровью, она мне сказала: «Балет пропал». А она преуспевала в балете и уже выступала за сцене в Народном Дивадле.

Потом Ольга с Зоей переехали в Вену, где Зоя, получив среднее образование, поступила в Академию художеств и в 1957 году была командирована от академии на один месяц в Норвегию. В 1959 году она блестяще окончила академию, и ее имя, как художника, стало появляться в газетах.

Чтобы существовать, дочь моя в Фрейштадте поступила переводчицей к бургомистру. Вскоре туда пришли советские войска, и дочь, хорошо знающая пять языков, регулировала отношения между местными жителями, красноармейцами и другими иностранцами, приезжающими в Фрейштадт. Приехавшая оттуда дама мне рассказывала: «Ваша дочь, Ольга, самый популярный человек в Фрейштадте – все идут к ней за помощью и разъяснениями: и немцы, и красные».

Я же со своей канцелярией проехал дальше и остановился на станции Гальванг, не доезжая пяти километров до Зальцбурга –

дальше путь был разобран.

В Гальванге канцелярия моя была расформирована, все начали разъезжаться и устраиваться кто как мог. Большинство уехало в Зальцбург. Я еще некоторое время жил в вагоне. Приближалась Пасха. Ко мне пришел только что приехавший в Гальванг старый священник отец Иоанн Грамолин и предложил служить заутреню в моем товарном вагоне. Так и сделали. Из мешков с мукой и других предметов устроили престол, закрыли его, отслужили заутреню, в 9 часов утра литургию, в 6 часов вечера вечерню и потом служили там ежедневно всенощную и литургию.

8 мая окончилась война – американцы вошли в Зальцбург.

Вагоны, в которых мы жили, надо было освобождать. Мы переселились в брошенные немецкие бараки для зенитной батареи. Бараков было несколько, каждый из двух комнат. Расположены они были у деревни Гальванг в десяти минутах ходьбы от железнодорожной станции. Сначала я жил в бараке с Юрловыми. Я в одной комнате, они в другой. Они меня кормили. Потом приехала из Праги их бабушка, Екатерина Адамовна, и я уступил ей свою комнату, а сам перешел в освободившуюся комнату соседнего барака, где жила семья Дудникова[188] .

От всех Семеновых из Праги я получил письма, а о своей дочери и внучке, оставшихся в Фрейштадте, долго ничего не знал, несмотря на все хлопоты.

Богослужения в Гальванге были каждый день до 11 июля, когда наш батюшка, отец Иоанн Грамолин, был назначен священником в лагере Парш[69] в Зальцбурге. Он не покинул нас совсем и часто приезжал к нам, жил по несколько дней, служа и вечером, и утром.

4 августа переехала в лагерь Парш Антонина Петровна Свечинская-Малышева, которая всегда пела у нас в Гальванге на богослужениях. Там она стала петь в церковном хоре в лагерной церкви и с большим успехом выступала с русскими песнями в Паршинском театре.

Позже Антонина Петровна переехала в Нью-Йорк, где служила на разных должностях, затем два года была регентом в одной нью-йоркской церкви и, уйдя, опять потом служила на разных должностях. Я все время с ней переписываюсь[70].

12 августа у нас была литургия и молебен по случаю рождения Коли Юрлова, и у них был парадный обед и много гостей. Вообще, все праздники – рождения и именины – справляли торжественно, с богослужениями и трапезой.

В июле, августе и сентябре мы ездили ловить рыбу на чудное большое озеро Валрзее, и иногда ловли были очень добычливы.

Особенно часто ездил на рыбальство Г.Н. Юрлов.

Один раз я рыбачил вместе с Юрой Кортиковым, моим воспитанником по гимназии, и он руководил ловлей, как опытный в этом деле. Но самым заядлым рыболовом оказался М.М. Дудников. Он уезжал и с ночлегом, знал все лучшие места. С ним я ездил в Мондзее – чудный курорт, красивое озеро, великолепная набережная, купальни.

Все это время очень жаркие дни перемежались с сильными дождями, которые иногда почти без перерыва шли по нескольку дней. 9 июля день и ночь – проливной дождь. Комната течет во многих местах, каплет и на подушку – пришлось отодвинуть кровать. И такая погода бывала часто по нескольку раз в неделю.

В Гальванге, под Зальцбургом, я прожил года два. Местность там исключительно красивая. Кругом лес, чудный воздух. Из окна моей комнаты – вид на снеговые горы, вокруг много цветов, зелени, в десяти шагах, через дорогу, – рожь. Из окна видел фазанов, диких коз, пролетающих гусей, уток. В лесах много ягод, грибов.

Кормили меня сначала Юрловы, а когда я 7 сентября 1946 года перешел в другой барак, стал сам себе готовить и питался тоже отлично.

Барак мой протекал в десяти местах, и я везде подставлял что-либо, чтобы вода не заливала пол. Для этого служили главным образом немецкие каски, которых было вполне достаточно. Летом было хорошо, а зимой очень холодно. Щели в бараке нельзя было заделать, а мороз доходил до 40 градусов. За ночь вода в ведре замерзала, а в умывальной чашке она промерзала до дна, надо было отогревать на ришо. С топливом тоже было плохо, а когда ветер бил в окно, топить было нельзя, так как весь дым шел в комнату.

18 декабря мороз 15 градусов. Вода замерзла. Трубы от печки сгнили и упали в снег. С трудом на морозе поправил их, но ветром их сбило опять, топил без колена, в комнате полно дыму, я закоченел. Пошел за молоком, час ходу в один конец, пробираться по снегу тяжело, попробовал идти по великолепному насту и сейчас же провалился по пояс. Зимой барак иногда так засыпало снегом за ночь, что наружные двери трудно было открыть. Воду надо было брать в ста шагах от дома, но иногда эту яму так засыпало снегом, что не сразу можно было ее найти. Во время сильного ветра все злачные места переворачивало, и картина получалась далеко не живописная. Иногда были страшные бури-ураганы. Барак скрипит и, кажется, вот-вот перевернется, ветер гуляет по комнате – холодно. Я просился на зиму в лагерь Парш, но не оказалось свободного места.

Отец Иоанн Грамолин говорил, что это чудо: не имея теплой одежды, в таком бараке, я прожил зиму и не заболел. А у меня даже и насморка ни разу не было.

В Линц приехал на своих лошадях станичный атаман кубанец Майдачевский и донес мне, что лошадей предоставляет в мое распоряжение. Я поблагодарил и, конечно, от лошадей отказался, и он в Линце создал школу езды. Через Майдачевского мне удалось организовать посылку писем дочери во Фрейштадт. Потом этого Майдачевского большевики украли и отвезли на свою сторону через Дунай. Он выскочил было из автомобиля и побежал, но его поймали. Майдачевский очень открыто боролся против большевиков, и я думал, что его сейчас же расстреляют. Но вот, уже в Чили, получил от него привет с Волги. Он отсидел 10 лет в концлагере и был отпущен.

В Гальванге я организовал начальную школу и учил 10 мальчиков и девочек – детей советских русских, работавших на железной дороге. Учил бесплатно, но некоторые иногда приносили мне то пирог, то щи. Уроки с ребятами я очень любил и с удовольствием проводил с ними два часа в день. Иногда они смешили меня своими ответами. 10-летний Вова выучил наизусть незаданное стихотворение «Кто он» и на вопрос, что такое всадник, ответил: «А это тот, который работает в саду». 9-летняя Рая умножала 4 на 40 и получила 10…

Советчики[71] писали, что они совершенно уничтожили безграмотность, но приехавшие оттуда, не только дети, но и подростки, и юноши, и родители их, за небольшим исключением, не умеют читать и писать. Советы затормозили развитие грамотности на Родине.

Часто я ездил в Зальцбург на богослужения, а когда отец Иоанн Грамолин приезжал в Гальванг, он служил литургию у меня в комнате, которая тогда наполнялась всеми православными, живущими в окрестностях.

У своего барака я устроил огород, и у меня рос лук, морковь и другие овощи. Огород был и у Юрловых, но значительно больших размеров.

Из Зальцбурга к нам часто по праздникам приезжали и приходили гости: генерал Ф.Ф. Абрамов, мои воспитанники по гимназии, супруги Дон-Донцовы[189] и другие.

В 1947 году старший врач госпиталя лагеря Парш доктор Ключевский по просьбе отца Иоанна Грамолина разрешил мне прожить в госпитале первую неделю Великого поста, чтобы я мог отговеться в лагерной церкви. В субботу после причастия я пришел к доктору поблагодарить за прием и попрощаться, а он говорит: «А куда вы торопитесь – живите у нас, а я начну вас

лечить, что у вас болит?» – «Ревматизм». – «Вот я и буду делать вам уколы и прогревания». Начались уколы, потом прогревания, и я прожил в лазарете весь Великий пост. Ежедневно, и утром, и вечером, был в церкви, отговелся и на Страстной неделе, разговелся в лазарете и только на второй день Пасхи выехал в свой лагерь Гальванг.

За все время Великого поста в госпитале мне сделали 31 укол и 23 прогревания. Я навещал тогда А.П. Свечинскую-Малышеву, генерала Ф.Ф. Абрамова, Дон-Донцовых, отца Иоанна Грамолина, супругов Смола-Смоленко, Михеевых[190] , у которых в Праге крестили девочку.

Соседом моим в госпитале был Конвоя Его Величества кубанский генерал Михаил Алексеевич Скворцов[191] . Мы друг друга не узнали. Я сказал, что всех офицеров Конвоя Его Величества знаю, но его не помню, а он ответил, что знает всех лейб-казаков, а меня не помнит. Узнали мы друг друга только тогда, когда показали свои старые фотографии, – так мы изменились за время войны и революции.

Инженер Томашевский[192] , тоже мой воспитанник по гимназии, организовал мое свидание с дочерью Ольгой и внучкой Зоей. 4 сентября 1946 года мы съехались в Линце и несколько часов провели вместе. Потом мы встречались еще несколько раз. Это были наши последние свидания.

Январь 1947 года был исключительно холодный. Мороз долго стоял около 30 градусов, электричества часто не было, я замерзал и безумно страдал. Но как только становилось тепло, все оживлялись и страдание забывалось. Сказочно красиво покрыты снегом деревья, много заячьих и козьих следов. Фазаны не улетают, когда проходишь от них в двадцати шагах. А на следующий день – опять 27 градусов мороза и опять страдание.

8 января пять раз затапливал печь – не горит. Каждый раз выгребал все из печи, измучился, голодный, и только в 4 часа дали электричество, а вскоре загорелась и печь.

13 января, ввиду полного отсутствия угля и невозможности его получить в ближайшее время, совершенно прекращено движение всех поездов. Сообщение с городом только пешком. А американцы произвели обыск в лагере Парш. Они выгнали всех жильцов на мороз и отбирали драгоценности, часы, деньги и прочее. После протеста кое-что возвратили.

В Вене участились случаи раздевания прохожих – втягивают в авто и раздевают. У нас в Зальцбурге тоже зарегистрировано 12 таких случаев.

30 июня, после чудной погоды, после обеда страшный ливень с грозой и градом. Комната моя протекла в 10 местах. Юрловых

совсем затопило, сорвало три листа толя. Один лист перебросило на 200 шагов. Ливень, какого я еще никогда не видел. Георгия Николаевича, Катю и их бабушку ливень застал в лесу – собирали малину.

Писали, что над Англией пронесся такой ливень, какого не хранит человеческая память. 3 августа у нас опять ужасный ливень с грозой и градом.

Пишут, что в Италии англичане предают ДП[72] Советам. За неделю 20 самоубийств. ДП вступили в бой с английскими солдатами: убито 20 англичан, 70 русских. Задержанных в пломбированных вагонах отправили в Австрию. При переезде через американскую зону американцы проверяли груз, предназначенный для СССР, открыли вагон и обнаружили пленников. Транспорт был задержан, послали протест в ООН и в Красный Крест. В протоколе написано: «Мы ошеломлены этим вероломством, этим преступлением англичан, которые, как всегда, не останавливаются перед подлостью и предательством». Действительно, предательство, обман и подлость в крови у англичан.

В Румынии запрещена продажа английских газет и журналов.

Польские евреи, эвакуированные из образцового лагеря Цуффенгаузен у Штутгарта, разрушили бараки, разбили окна, двери, мебель, газовые и водопроводные установки, а некоторые дома сожгли.

Поток беженцев из советской зоны Германии в американскую не прекращается. Тысячи беженцев ежедневно нелегально переходят границу.

В Германии 8 000 000 детей потеряли свой дом. 2 000 000 сирот. Юношеская преступность развивается в неслыханных размерах. 30% преступлений совершено девочками.

6 июля в Паршанской гимназии был акт по окончании учебного года, на котором Коля Юрлов прочитал свое стихотворение, произведшее фурор и общий восторг.

В конце марта начались наводнения. В Германии прорвало плотину, построенную Фридрихом II, – 8000 на крышах ждут помощи. Урожай погиб. В Варшаве катастрофическое наводнение, которого еще никогда не было: 50 000 без крова.

9 апреля, в час ночи, у нас случился страшный ураган. Барак трещал, скрипел и трясся. Казалось, он вот-вот развалится или перевернется. Ураганом перевернуло и перекрутило уборные, повалило столбы с проводами, и мы остались без электричества. Мне без печки особенно тяжело – без ришо голод. Ураган продолжался два часа. Я помолился и опять заснул. Другие оделись и ждали катастрофы.

Пишут, что в Австрии за пять месяцев подростки совершили 1800 серьезных преступлений, включая и убийства. Ужас! Куда же мы идем?!

В конце 1947-го и в 1948-м – общая тяга эмигрантов за океан. Наша группа, во главе с Г.Н. Юрловым, просилась в Аргентину, но ответа долго не было. Начали думать о Венесуэле, где в Каракасе круглый год весна, как у нас в середине мая. Но получили из Венесуэлы письмо, что жить там можно только в Каракасе, стоящем на горе. Если спуститься вниз, неизбежно получишь малярию. Начали хлопотать о переселении в Чили. Я был приписан, как дядя Г.Н. Юрлова.

В Бразилию брали 250 человек, а прошений было подано 10 000.

В Аргентину брали только из Италии.

Очень мне не хотелось ехать за океан. Хоть не виделся с дочерьми, но чувствовал, что они близко, на третий день приходили письма. Мы все время обменивались посылками. Не хотелось ехать в неизвестность к чужим людям, но невозможно было отстать от Юрловых, которые все время обо мне заботились, помогали. Без их заботы я, по своему возрасту, совсем пропал бы, поэтому и не особенно беспокоился о том, куда ехать, главное – быть с Юрловыми.

Приближалась зима, и Юрловы решили переехать из Гальванга в Зальцбург, так как провести зиму с 10-месячным ребенком в наших бараках было невозможно. В Гальванге я остался один. Пока было тепло, меня одолевали мухи, мыши и уховертки: бороться с ними было очень трудно, но уж очень мне не хотелось расстаться с природой и чудным воздухом и вселяться в барак, где, в лучшем случае, быть четвертым человеком в комнате. Все-таки я попросился в лагерь Парш, куда переехали Юрловы. Мне ответили, что нет ни одного свободного места.

В феврале 1948 года из Вены приехал в Зальцбург чилийский консул, и я приехал в лагерь Парш, в квартиру Юрловых, чтобы выполнить все необходимое для получения разрешения ехать в Чили. Консул принял нас 25-го. Юрловых, конечно, охотно принял, но меня, нетрудоспособного старика, спросил: «Что же вы будете делать в Чили?» Я ответил, что могу быть учителем русского языка, так как многие русские желают, чтобы дети их не забывали родной язык. Могу также быть полезным по коннозаводству, которое хорошо знаю. И меня приняли.

С приемом «за океан» были всевозможные казусы. Сообщили, что одно государство нуждается в портных. Сразу записалось несколько сотен человек. Начали их экзаменовать: «Вот вам

иголка и нитки, пришейте этот рукав к пиджаку». «Портной» оторвал нитку длиной почти в метр. Экзаменатор говорит: «Можете идти, вы никогда не были портным».

Другой назвался инженером-химиком. Консул просит сказать формулу серной кислоты. Не знает. «Вы никогда не были инженером-химиком». – «Эх, и здесь сорвалось, никуда не могу устроиться». – «Да вы кто и что знаете?» – «Я кавалерийский ротмистр и кроме военной службы и лошади ничего не знаю». – «Так я вас устрою на конный завод». Ротмистр был в восторге.

27 марта страшные боли в желудке – грыжа: трясет лихорадка, потом сразу жарко, бросает в пот, через несколько минут опять трясет лихорадка и замерзаю. Боли нестерпимые. Часов в 6 стучу к Дудниковым и прошу старушку Александру Ефимовну зайти ко мне. Говорю ей: «Кажется, умираю. Если умру, передайте мою просьбу Юрловым – переслать все ценное моей дочери в Фрейштадт». Через стенку услышала это Анна Константиновна – дочь, прибежала и засуетилась. Предлагала отвезти меня в лазарет лагеря Парш. Я отказался, так как не в состоянии был подняться и пройти по комнате, да и не уверен был, что меня примут в лазарете. Дважды у меня была рвота. Несмотря на мои протесты, Дудниковы, Анна Константиновна и Михаил Михайлович, пошли в деревню и через полицию сообщили по телефону Юрловым о моей болезни. К ним пришел полицейский и сказал: «Ваш генерал тяжело заболел – умирает». Георгий Николаевич переговорил по телефону с Михаилом Михайловичем и послал Колю ко мне узнать, в чем дело, чтобы, если надо, привезти меня в лагерь Парш. Сам же он пошел в лазарет к старшему врачу Жукову с просьбой принять меня в лазарет. Жуков категорически отказал и сообщил, что и городской лазарет для ДП тоже не примет, не имеет права принять без письменного свидетельства местного врача, которого в Гальванге нет. Положение безвыходное. Будут спокойно смотреть, как человек умирает, но помочь не смеют. Когда приехал Коля, мне было уже легче. Анна Константиновна трогательно за мной ухаживала.

31 марта вышел приказ, запрещающий докторам записывать в Чили глухих, слепых и прочих тяжелобольных, а также нетрудоспособных стариков. Мы счастливо проскочили. По новому закону ни я, ни бабушка Юрловых (старше меня на пять лет) не попали бы за океан.

Когда мы были еще в Праге, чехи с нетерпением ждали к себе большевиков, говоря, что те не посмеют делать у них то, что делают у себя в России. «Если будут притеснять, то и немцы нас притесняют, но большевики не будут издеваться над нашей

национальностью, как издеваются немцы». Теперь от 2 апреля пишут, что в Баварии 1500 беглецов из Чехии и ежедневно прибывает по 40 – 50 человек, несмотря на усиленную охрану границы.

Все эти дни, когда я болел или уезжал в Зальцбург, вместо меня ходили за молоком мои ученики – Вова и Рая. Возвращаясь из Зальцбурга, я заходил к Демьяненкам[193] за молоком, и они всегда угощали меня прекрасными щами, а иногда какао или чаем с молоком.

От старшей дочери Ольги получил образ Божией Матери, который написан ею с образа, найденного ею в лесу и ею же реставрированного. Очень рад я был этому подарку.

Каждый день воспаления грыжи я должен ложиться на час-два, пока утихнут боли. По предписанию доктора получил за 43 шиллинга бандаж. Надели мне его – ужасная гадость и неудобство. На меня он произвел гнетущее впечатление, хочется снять и забросить подальше. Теперь я знаю, что просто не умел его надевать.

2 мая Пасха. От боли едва выстоял заутреню и литургию. Разговлялся у Юрловых. Делал визиты всем знакомым. В Гальванге зашел к Демьяненкам и наотрез отказался от всяких угощений – дали с собой кусок кулича и крашеное яичко. Сам Демьяненко упал на работе – у него перебиты два ребра и позвоночник, – будет лежать в гипсе 12 недель.

Анна Константиновна Дудникова дала мне куличик, специально для меня изготовленный, и крашеное яйцо, а на следующий день – сырную пасху и торт.

Во вторник 4-го я пытался продать флакон настоящего розового масла, что год назад подарил мне генерал Ф.Ф. Абрамов. Он точно такой же флакончик (20 г) продал за 600 шиллингов. Сейчас же в трех аптеках сказали «не надо», а в одной давали 10 шиллингов.

Заходил благодарить, что присылают без денег бюллетень, извинялся, что не плачу´ – совсем нет денег. Очень любезны, просили не беспокоиться и обещали и дальше высылать.

Продал свою серебряную шашку за 300 шиллингов – очень жалко.

Пишут о «свободных» выборах в Корее. За три месяца – 400 человеческих жизней. 16 поездов сошло с рельсов. Раненых не считали. Эти свободные выборы – идеал всех врагов монархизма.

20 мая должен переехать в лагерь Парш к Юрловым. Послал благословение: Ольге – Спасителя; Лидии и Зое – Михаила Архангела. На почту снесет Анна Константиновна Дудникова и уплатит за бюллетень.

Все дети приходили прощаться и все Демьяненки, Волошины[194] и Шевченки[195] , а в 4 часа приехал Коля и на грузовике свез меня в лагерь Парш. На следующий день Георгий Николаевич и Коля свезли и сдали 10 мест нашего багажа, назначенного в трюм.

Елисей Клементьевич Смола-Смоленко дал мне на дорогу от Союза инвалидов пакет с какао и две банки консервов.

22 мая день святого Николая Чудотворца, день Союза инвалидов и Николаевского кавалерийского училища. Литургия, молебен, всенощная, а на следующий день, 23 мая, литургия – последнее богослужение в Европе.

24 мая приказано в 8 утра явиться на сборный пункт, а там сообщили, что до 12 часов дня поверки багажа не будет. Мы сложили свой багаж во дворе и ждали скромно на чемоданах. В 4 часа дня, без всякой поверки, доставили нас на вокзал. Там уже полнейший беспорядок, хаос. Только в 8 часов мы погрузили свой багаж в отдельное купе 3-го класса. В четырех классных вагонах поместилось 450 человек с багажом. Много было провожающих. В 10 вечера поезд тронулся в путь. В 12 часов 26-го приехали в Дипгольц. Выгрузились и опять, у вагонов, сели на чемоданы. Потом под проливным дождем перенесли свой багаж в отведенный нам барак № 7 – большое двухэтажное здание. Таких зданий здесь много, и уже 300 человек ждут отправки за океан.

Нас здесь ждали и о нас подумали – оставили нам обед: кукурузную кашу, а в 4 часа дня дали кофе. Потом выдали сухой паек на три дня – хлеб, масло, сахар и прочее. Все получили наши хозяйки – Вера Осиповна и Катя.

Первый раз с 18-го, когда узнал об отъезде, проспал спокойно семь часов. Все эти дни недосыпал, а в вагоне две ночи и полтора дня совсем измучился, не имея возможности прилечь, а большей частью и ноги протянуть.

27-го дали совсем хороший картофельный суп, на второе свои мясные консервы и холодный кофе. В 8 $^{1}/_{2}$ вечера пустили ток, и Коля приспособил ришо, на котором готовили чай.

Был поверхностный медицинский осмотр. Меня осматривали полминуты – глаза, рот, раздевали до пояса. Молодежь осматривали подробнее. Женщин осматривали тоже поверхностно, но возмутительно: в одних штанишках они подходили к доктору, другой мужчина что-то записывал, а еще один сидел и смотрел.

Сообщили, что с собой на пароход можно взять только один чемодан; требуется пропуск. Пришлось сортировать вещи и кое-что сдать еще в трюм. Объявили, что на пароходе семьи разбиваются: женщины отдельно, мужчины отдельно, еще одна

группа – матери с детьми до 6 лет. Разбивкой семей все недовольны. 90 мужчин взяли для переноски багажа и работ на корабле, они будут жить тоже отдельно и получать добавочное питание.

28-го купались мужчины и женщины, и, когда купались дамы, перестала идти вода, но, когда дали служащим сигареты, вода сразу пошла. Потом был медицинский осмотр.

29-го погрузили багаж в трюм. Выдали всем по 10 сигарет, по 4 плитки шоколаду, по две пригорши очень вкусных леденцов.

За 4 пачки сигарет купил у книгоноши 20 русских книг. За две пачки сигарет – один фунт хорошего малороссийского сала.

30 мая. Накормили прекрасной яичницей и сладким кофе. Сегодня большой католический праздник – Божье тело. Крестный ход – 3 священника-ксендза, несколько сот молящихся. Алтари украшены зеленью, горят свечи.

Глава 17
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

31 мая. Чудный солнечный день. В 8 часов выехали из Дипгольца. В Бремене отправил письма – дочери, отцу Иоанну Грамолину и Дудниковым. В Бремергафен приехали после 12 часов дня и подъехали прямо к кораблю «Генерал Гайнцельман». В 2 часа началась погрузка. Комната, где поместили меня и Георгия Николаевича, на 240 человек – кровати в три яруса. Верхний свободен. Я внизу, Георгий Николаевич – надо мной. Первое впечатление неприятное. Кажется тесно, темно, чужие незнакомые люди – мадьяры, поляки, евреи, югославы. Русской речи почти не слышно.

Веру Осиповну с Лизуткой поместили в лучшей каюте, очень благоустроенной. Катюша поместилась отдельно на носу корабля. Позже бабушка Екатерина Адамовна перешла в каюту Веры Осиповны.

Коля поступил на кухню и поместился с кухонным персоналом. Он очень доволен своим положением, своей деятельностью, вволю ест и кое-что приносит матери.

В 4 $^{1}/_{2}$ дня нас накормили обедом. По очереди подходим, берем ложки, ножи, вилки, поднос, кружку. Продвигаемся дальше, и на этот поднос с разделениями кладут кушанья. Сегодня по 2 колбасы, макароны, капуста, еще что-то, печенье, мороженое. Хлеба нет, супа нет. Кофе прекрасный и сколько угодно. Сахар каждый берет по вкусу.

Около 7 часов вечера корабль отчалил – все на палубе, прощаемся с Европой. Море спокойное. Никакой качки. На палубе можно быть с 6 часов утра до 10 вечера. Собрали мужчин и объявили правила.

Спали хорошо, стука машин не слышно, и в каюте не чувствуешь, что корабль идет. Кровати как походные – холст, дали по два одеяла.

1 июня. С утра прекрасная погода, полный штиль. С 2 дня сильный ветер, море в волнах. Корабль идет спокойно, по 12 узлов в час. На корабле 840 человек. Ночью переведены часы на час назад. В 7 $^{1}/_{2}$ кормили завтраком – прекрасный кофе, овсянка, омлет, варенье, белый хлеб с маслом и что-то вроде апельсинов.

Был пробный аларм[73]. Вышли к спасательным лодкам в выданных нетонущих жилетках, и около шлюпок объявили, чтобы водку, у кого есть, все спиртное и всю провизию, кроме

нераспечатанных консервов, выбросили в воду. Оружие сдать. Завтра американская полиция будет осматривать вещи.

В 11 дня был второй завтрак: макароны, по одной картофелине в мундире, капуста, кусочек помидора, 2 ломтика хлеба. Георгий Николаевич сказал, что он не наелся, а Катюша сказала, что она «впроголодь».

На палубе рвет ветер, все море в белках, но качки нет, прекрасный новый корабль.

В 4 $^{1}/_{2}$ дня обед: рыбное с вареной картошкой, очень вкусная фасоль, салат (помидоры с капустой), печенье, мороженое, кофе.

Неприятное и скучное ожидание в очереди, чтобы попасть в столовую, стали брать книги.

В 6 часов остановились против Дувра. На берег отошел катерок с письмами. Очень сожалел, что не знал этого и не написал дочери.

2 июня. Ветер, сильные волны, началась качка и морская болезнь. Около меня в обморок упала женщина, возле нее рыдала девочка лет двух. Палуба, лестницы и коридор покрылись извержениями морской болезни. На второй завтрак в 11 $^{1}/_{2}$ многие не пришли. Я с трудом позавтракал, выпил кофе и здесь же, в столовой, все пошло назад – едва успел добежать до ведра.

Обед в 4 $^{1}/_{2}$ дня дали сухой: двух сортов печенье и по два прекрасных яблока. Все время кружится голова, подташнивает, хочется спать и, когда ляжешь, не тошнит, а встанешь – головокружение.

3 июня. Прекрасный солнечный день. Море спокойное, но корабль качает – мертвая зыбь, волны в глубине. Говорят – в Бискайском заливе всегда качка. Голова кружится, но пообедал с аппетитом и все съел, что дали.

В 4 часа дня пробный аларм. Поднялся ветер – трудно стоять на палубе. Входим в полосу Азорских островов, где еще не все мины выловлены.

Катюша вчера сильно страдала от морской болезни и сегодня белая как полотно. Вчера все страдали. Сегодня всем лучше, а Коля даже два раза пообедал. Вчера он нам принес коробку пломбира, и мы с наслаждением все съели.

4 июня. С утра пасмурно, большие волны, сильная качка. Я почти все время на палубе. Не тошнит и голова не кружится. И всем лучше.

Выдали по 200 папирос, мыло, зубную щетку, зубной порошок.

5 июня. Ночью страшно качало.

От 9 вечера до 6 утра не мог заснуть. Днем качки почти нет, ярко светит солнце. Уже четвертый раз переводим часы на час

назад. Ночь увеличивается.

Недалеко от корабля видел двух зверей и над ними вьющихся чаек. Говорят, то были дельфины.

В нашей семье все здоровы. Большинство на палубе, расстилают одеяла на полу, здесь же спят, дети играют, бегают.

6 июня. Опять ночью была буря, и корабль качало во все стороны. С треском и грохотом вылезал винт из воды и опять проваливался вглубь. Сильный туман, все время гудки. К утру ветер почти стих, и качка небольшая, а вечером опять туман и гудки.

В 9 $^{1}/_{2}$ часа в столовой молебен для православных. Служил отец Николай Кашников[196] . Хор набрался в 19 человек. Отличное контральто у Веры Дмитриевны Вишневской[197] . В 2 $^{1}/_{2}$ служба католиков.

Кормят как и прежде. Супов нет, хлеба мало. Некоторые голодны.

У Катюши вчера вырвали зуб, выкачали гной, и она сегодня не могла выйти на палубу. Лизутка все время требует гулять – тутю и мучает Веру Осиповну. Носить тяжело, а пустить бегать нельзя. Проехали уже больше половины океана.

7 июня. Утренний завтрак съел до крошки и голоден: мелкое мясо в соусе, манная каша с молоком, варенье, печенье, но все в миниатюре. В 11 $^{1}/_{2}$ дали два больших ломтика консервированного мяса, по три кружка колбасы, холодный картофель, пудинг, сыр, кусок булки и кофе. В 4 $^{1}/_{2}$: свинина, фасоль, макароны, томатный с перцем соус, ананасы, какао, кусок булки. Корабль идет спокойно, почти без качки. Видел дельфинов.

8 июня вечером в столовой танцы.

9 июня. Жарко. Видел летающих рыбок – маленькие, как бабочки. Выныривают из воды, пролетят некоторое расстояние и опять в воду.

Мы на 2800 километров от Панамы. Здесь самое глубокое место Атлантического океана, около 7 километров. Место это кишит акулами и еще какими-то хищниками хуже акул. Если человек падает в воду, то немедленно спущенная шлюпка может найти только его объеденный скелет.

В 7 часов вечера вечерня (утрени не было) под Вознесение Господне. Служил отец Николай Кашников. Я читал.

Моряки говорят, что море в этом месте исключительно переменчивое. При совершенном штиле может вдруг разразиться страшная буря. Сегодня вечером переехали тропик, вступили в тропическую полосу.

10 июня. Вознесение Господне. Жарища. Качки нет. Наблюдал

летающих рыбок. В 9 $^{1}/_{2}$ был молебен и акафист Господу Иисусу Христу. Был пробный аларм. Видел вдали два встречных парохода.

Во время обеда была драка между итальянским перуанцем и чилийским югославом.

В 10 часов вечера капитан собирал всех мужчин, приказывал, чтобы драк больше не было и чтобы не отказывались от работы. Грозил непослушных отправить в Европу.

Ночью прошли между Гаити и Порторико (Пуэрто-Рико) и из Атлантического океана перешли в Карибское море.

11 июня. Солнце в зените, тени нет, жара. Хожу без галстука с расстегнутым воротником, так как воротничок сразу становится мокрым. У всех мокрые лица. Все изнывают от жары. Ветер приносит облегчение.

12 июня. Потребовали сдать фотографические аппараты: завтра утром приходим к Панамскому каналу.

В 7 часов вечера в столовой вечерня.

13 июня. Очень, очень жарко. Все встали рано. В 5 часов утра по левому борту, в тумане, была видна земля Панамы. В 6 часов красиво взошло солнце. Увидели, что все горы покрыты густой растительностью. Господин Вишневский предложил мне бинокль для наблюдения. Справа виден был лес пальм, гигантские папоротники, свежая яркая зелень лугов, траву с которой, видимо, никто не косит. Оригинальной постройки дома, много судов – пароходы, ялики, лодки. Вошли в ворота между двумя молами огромной длины. Корабль наш едва двигается. Явились с ялика американские контролеры в штатском, потом офицеры и солдаты с ружьями и револьверами. Потребовали спрятать бинокли, отогнали публику от бортов. Наконец мы вошли в канал и к 8 $^{1}/_{2}$ часа подошли к шлюзам. В трех шлюзах корабль поднимался и при помощи вагонеток продвигался к следующему шлюзу. Подъем производился быстро, без задержки. После третьего шлюза вошли в озеро. И в канале и в озере красивые берега и очень красивая растительность. Летают одиночками цапли, небольшими стайками альбатросы, бакланы.

Пройдя озеро, корабль тремя шлюзами опускался, после чего вошел в Великий океан. Спуск корабля больше подъема. Уровень воды в Великом океане на 15 метров ниже Атлантического океана.

От начала подъема на первом шлюзе до конца спуска на шестом шлюзе прошло шесть часов. От входа в залив с Карибского моря до входа в Великий океан – 9 часов.

С трех часов начали исчезать острова Панамы, и мы опять не видим земли. Все устали, но налюбовались берегами с чудной

растительностью.

Служили молебен Николаю Чудотворцу с акафистом.

Долго разговаривал со скульптором Вишневским (фамилия им изменена). Он казак Хоперского округа, мать его Новочеркасской станицы. Он окончил Новочеркасский политехникум в 1932 году и служил у большевиков по строительному отделу в коннозаводстве. Рассказывал о многих конных заводах, называя число маток каждого завода, и о беспорядках на заводах.

Сегодня самый жаркий день. В 12 часов 60 градусов жары. С 3 часов появились тучи, стало прохладней.

14 июня. Свежо. Приближаемся к экватору, но так прохладно, что многие надели куртки, некоторые дамы в пальто. На вопрос, когда мы переедем экватор, А.Н. Радзевич[198] сказал: «Я думаю, мы приближаемся к полюсу – холодно». Вечером в столовой танцы. Экватор переехали в 10 вечера – я спал.

15 июня. Холодный ветер. Полураздетых нет. Собирали в столовой всех «чилийцев» и распределяли по работам. Я по возрасту от работы освобожден. «Перуанцев», ввиду их скорого приезда, также от работ освободили. Работоспособных всего 180 человек, а ежедневный наряд на корабль 160 человек.

Доктор-американец сказал: «Я все время в плавании и привык к переходам температур и климатов, но каждый раз, как попадаю в тропики, у меня слабость, отсутствие аппетита, головокружение. У всех вас сейчас повышенная температура, а малые дети, как правило, совсем отказываются от пищи».

Многие на палубе в пальто. Вот так экватор, тропики...

16 июня. Хороший день. Качки нет. Не жарко. Ввиду прибытия едущих в Перу, утренний завтрак сделали в 5 $^{1}/_{2}$ часа. В 6 часов корабль остановился на рейде. «Перуанцев» собрали на средней площадке палубы. Приехало перуанское начальство. В 11 часов дали второй завтрак и корабль подвели к пристани. Во втором часу началась выгрузка, и «перуанцы» долго сидели на своих чемоданах. Потом их погрузили на перуанский пароход, так как бараки для них еще не готовы. Сорока человекам не хватило места на их пароходе, и они возвратились ночевать на «Гайнцельман». В общем, прием «перуанцев» самый отвратительный.

В порту много судов – и военных и частных. Порт почти без зелени и производит нехорошее впечатление.

Много альбатросов, тьма чаек различных пород и величин, множество бакланов и похожих на них птиц: по строению и полету они как бакланы, но у них белая грудь, шея и начало спины, а нос как у большой чайки. На горизонте утром тучи птиц.

Познакомился с генералом Агапеевым[199] , которого один раз встречал в Парше и раз в Линце. Он бывал в собрании нашего лейб-казачьего полка и был дружен с Чернозубовым, который ушел из полка до моего туда поступления.

18 июня. Солнце и ветер. В час с половиной наш корабль отошел на Вальпараисо. За портом сотни тысяч птиц – альбатросы, бакланы, чайки и какие-то еще – все рыболовы. Изредка все они тучами поднимаются в воздух. Альбатросы иногда долго летят рядом с кораблем – в 40 – 50 шагах – можно хорошо рассмотреть оперение. Видел ныряющих краснозобых гагар.

Корабль идет без качки, океан спокойный. Вечером холодно.

19 июня. Солнце, ветер, качает. Переехали тропик. Вечером вечерня под Троицу с поминовением усопших.

20 июня. Троица. Хороший день. Качка. Всех нас собрал чиновник ИРО, ругал за спор и беспорядок, велел все убрать и уложить вещи – завтра прибываем в Чили. Выдали по 200 сигарет.

21 июня. Сильный ветер. Качка больше, чем за все три недели путешествия. Некоторые очень страдали. В 10 часов медицинский осмотр. Раздевали до пояса. Смотрели глаза и горло.

Глава 18
РЕСПУБЛИКА ЧИЛИ

В 3 $^{3}/_{4}$ корабль остановился на рейде порта Вальпараисо. Город вдоль океана, по склону горы, растянулся на несколько километров. Растительности мало. На меня все производит какое-то гнетущее впечатление. На рейде видел чаек, трех бакланов... Объявили, что завтра подъем в 5 утра, а завтрак в 6. К пяти часам корабль подвели к пристани.

Выдали наши документы, отобранные вчера, когда выдавали сигареты. На документах поставлена чилийская виза. Поздно вечером выдали каждому «карманные деньги» по 662 пезо. Все очень довольны. В других государствах давали по 10 долларов, а доллар в Чили тогда стоил 60 пезо.

22 июня. Туман, свежо, даже холодно. Встали в 5 утра. Завтрак в 6 $^{1}/_{2}$. Уборка корабля и осмотр его американцем. Приказали всем, кто с багажом, подняться на верхнюю палубу и построиться по порядку номеров для осмотра чемоданов – не сперли ли чего? Из трюма багаж перенесли в вагоны. Осмотра ждали до 12 дня. Около часу дня, без осмотра чемоданов, в порядке номеров, сошли с корабля и разместились в 20 автобусах. В Вальпараисо брали бензин, долго выстраивались в одну колонну, проехали по городу в одну, другую сторону и в 3 часа 40 минут тронулись в путь на Сантьяго – 200 километров.

Полпути ехали днем и полпути, когда уже стемнело. Несколько раз останавливались и бежали на минутку в лес. Путешествие приятное, но всю дорогу невозможно капризничала и кричала крошка Лизутка.

Город Вальпараисо произвел хорошее впечатление – чисто, хорошие дома, бульвары, пальмы, памятники, прекрасная мостовая.

Сантьяго видели ночью: широкие улицы, бульвары, множество автомобилей и автобусов.

Приехали к стадиону в 9 $^{1}/_{2}$ часа вечера. Накормили нас прекрасным ужином. Дали очень вкусный суп, жареный картофель с перцем, мясо с салатом, сладкий компот, черный кофе. На столах чистые скатерти, цветы, прекрасные приборы, быстрое обслуживание. Все были довольны.

Спать легли мы под теплыми, хорошими одеялами. Женщины и дети поместились отдельно. В комнате холод, как на улице – зима. Кровати в два яруса. У меня с одной стороны Георгий Николаевич, с другой отец Николай Кашников, сверху Коля.

23 июня. Туман, холодно, лихорадит. В 9 был завтрак – кофе и булки.

Приехали живущие здесь русские – рассказывали о порядках и возможностях. Комитет здешних русских прислал чудное приветствие, подписанное Председателем Союза русских в Чили инженером В.К. Федоровым[200] .

В 11 $^{1}/_{2}$ обед. Сначала матери с малыми детьми, потом взрослые до 215 номера, потом все остальные.

Вся публика целый день на стадионе, где можно сесть и греет солнышко.

И чилийки и чилийцы черные, как жуки, женщины с ярко накрашенными губами. Все очень милы и очень приветливы.

28 июня. Регистрация, опросы, фото с номерами для карнет (документов), медицинский осмотр и прочее. На это ушел целый день.

В Чили у меня знакомых не было. Первый человек, который приехал ко мне познакомиться, был кубанский казак сотник инженер Иосиф Николаевич Шевяков[201] , живущий в Чили с 1930 года. Он женат на чилийке, у него две дочери и сын. Шевяков имеет в Сантьяго аптекарский магазин, два дома и дом в Кинтеро на берегу океана. Иосиф Николаевич предложил мне сейчас же поехать к нему, но нам уходить со стадиона было запрещено. Потом пришел еще один кубанский казак, Андрей Васильевич Елчищев[202] , совсем не богатый человек, но принес для неимущих два костюма, которые с благодарностью были приняты нуждающимися.

Группа кубанских казаков ездила по республике с джигитовкой. Андрей Васильевич разбился, лежал в госпитале и отстал от группы. Потом эта группа джигитовала в Аргентине и Бразилии и в Бразилии разошлась.

У Лизутки корь – отвезли в больницу и Вере Осиповне не позволили с ней остаться.

Познакомился я с инспектором конных заводов в Чили князем Оболенским[203] и его супругой. Много говорили с ним я и В.Г. Буряковский[204] и узнали, что устроиться по коннозаводству очень трудно. Улучшений чилийцы не хотят, за лошадьми смотрят кое-как и ничего в них не понимают. Люди ленивые, пьянствуют, по понедельникам на работу не являются. Картина безотрадная.

4 июля. Воскресенье, чудный солнечный день. В 12 часов на стадионе литургия. Служил отец Илиадор[205] в сослужении отца Владимира Ульянцева[206] и отца Николая Кашникова.

5 июля. Отец Илиадор сообщил мне, что он устраивает меня на мясной завод. Мне предлагают комнату, стол и карманные

деньги по 15 пезо в день, работа небольшая. Но из этого ничего не вышло.

6 июля Константин Евгеньевич Куракин[207] пригласил меня, Г.Н. Юрлова, Катю и Колю на завтра обедать и после обеда угостил меня ванной. Е.И Федорова пригласила на завтра ужинать.

7 июля Катя уехала в Винья-дель-Мар на службу к детям на 1000 пезо в месяц, отдельная комната, стол. Говорить только по-немецки и по-английски.

11 июля в 4 часа дня в кафе на Аламеде старая эмиграция приветствовала вновь прибывших – чай, бутерброды и прочее. Александра Семеновна Жаркова[208] , как старейшая в Чили, читала приветствие. Коля читал свое стихотворение. Мадам Суше[209] пела под аккомпанемент рояля.

13 июля выпал снег. 28 лет его здесь не было. Жители были в восторге – играли в снежки. В каждом доме и даже на крышах такси стояли снежные бабы – все было завалено снегом. Но снег держался недолго, его сменил дождь и лил, не переставая, неделю. Несмотря на ненастье и холод, в садиках пышно цветут розы, ромашки и другие цветы. По стенкам заборов буйно цветет герань выше роста человека. Много зеленых деревьев, прекрасные пальмы. Европейские же деревья, как им и положено, зимуют без листьев. Страшно холодно, сыро, и я, кажется, в Австрии в 30 градусов не мерз так, как здесь.

Климат в Чили лучше, чем в других государствах Южной Америки. Во время самой сильной жары в тени прохладно, а ночи, вечера и утра замечательные. В соседней Аргентине всю ночь парит, и люди изнывают и обливаются потом.

Местные жители здесь приветливы и хорошо к нам относятся.

Приехал Алексей Львович де Витт[210] , оформил все в канцелярии и перевез меня жить к себе.

17 июля от дождей улицы обратились в реки, на панелях озера, переход через улицу по щиколотку в воде.

18 июля на литургии и панихиде по Государю Императору и Его Августейшей семье я стоял с мокрыми ногами.

20 июля с утра греет солнце. Ужинал у Андрея Константиновича Федорова – брата председателя. Были В.К. Федоров с супругой, Георгий Николаевич и Коля. Ужин очень обильный и очень вкусный.

Алексей Львович де Витт говорил о своем пушествии из Буэнос-Айреса в Сантьяго. Сначала 1200 километров равнина, покрытая пасущимися стадами скота и табунами лошадей. Через Кордильеры – особый узкококолейный поезд с зубчатыми колесами, поднимающийся по крутизне, а в Чили опять

обыкновенный поезд до Сантьяго.

У А.Л. де Витт я прожил две недели, и 2 августа меня пригласила жить к себе Александра Семеновна Жаркова, так как к де Витту приезжали родственники.

У Александры Семеновны собственный дом, и живет она в Чили уже больше 20 лет. У нее две прелестные дочери, Галина и Ксения. В отдельном флигеле у нее жил полковник Улагай Кучук Каспалетович[211] с супругой, сыном и дочерью.

Рядом с домом Александры Семеновны – дом инженера Сергея Януаровича Вешнякова[212] , живет он со своей матерью Антониной Тимофеевной, бывшей фрейлиной Государыни Императрицы, вдовой генерала, основателя нашего Союза русских в Чили. У них в доме квартирует доктор Виктор Васильевич Сальков[213] с супругой Натальей Дмитриевной, дочерью Ларочкой с мужем Эрнестом.

Доктор Сальков из Новочеркасска, и у нас с ним нашлось много общих знакомых.

У Александры Семеновны я прожил два месяца как на лучшем курорте. Но грыжа моя все больше и больше давала о себе знать. Один раз – писáл в своей комнате, Александра Семеновна работала в мастерской через две комнаты от меня, в кухне Ксеночка шалила и смеялась с Саррой. У меня начался сильный приступ грыжи. От страшной боли я не мог уже сидеть. Лег и чувствую, что умираю. Не в состоянии встать, я начал стучать в стоявшую у кровати тумбочку. Стук услышала Александра Семеновна и подошла к двери. «Вы стучите?» – «Войдите. Простите – не могу встать. Я умираю. Напишите дочерям, адрес на столе». – «Сарра, Сарра, беги за доктором, генерал умирает». Через несколько минут прибежал доктор Сальков, осмотрел и говорит: «У вас защемление грыжи, надо немедленно в госпиталь, но по дороге вы, без сомнения, умрете. Попробую сам вправить грыжу». Через пять минут боли прекратились – я был здоров.

28 сентября меня назначили заведовать Домом Союза русских в Чили на Ранкагуа. Буфетом ведал Дамский комитет под председательством Нины Константиновны Глазуновой[214] , сестры нашего председателя, а книги и вся отчетность лежали на мне.

В Союзе у меня второй раз было защемление грыжи. Я промучился ночь, а утром приехал доктор Сальков и второй раз спас меня от смерти. Он потребовал, чтобы я опять переехал к Александре Семеновне, рядом с ним. Александра Семеновна начала хлопотать о помещении меня в госпиталь на операцию, и вскоре меня приняли в университетскую клинику.

В госпитале мне сделали операцию, и я пролежал там неделю

без движения. Меня ежедневно навещала Александра Семеновна. Потом я неделю лежал у Александры Семеновны.

Домом на Ранкагуа я заведовал год. Председатель Союза инженер Вадим Константинович Федоров исключительно хорошо ко мне относился, так же как и его секретарь Павел Парфирьевич Макавой[215] . В нижнем этаже, в большой комнате, была церковь, а через коридор – канцелярии и комната для молодежи. Я жил во втором этаже. Окно выходило во дворик, но видна была и часть города и красивые горы вдали.

На этот же дворик, но с другой стороны, выходил балкон Марьяновых[216] , у которых был очаровательный мальчик Юра 4 лет. Как-то этот Юра зашел ко мне в комнату. «А, Юрочка, очень рад дорогому гостю, иди сюда». Посадил его к себе на колени и что-то ему рассказываю. Вдруг он меня перебивает и говорит: «А вы любите болтать?» – «Нет, Юрочка, болтать не люблю, но ты мой гость, и я занимаю тебя разговором». В это время появляется на балконе мама Юрочки Ольга Эдмундовна и, увидев Юру у меня на коленях, говорит: «Гоните его, ведь он мешает вам заниматься». – «Не мешает – я очень рад такому гостю. Подарите мне Юрочку». – «Нет, подарить не могу, пользуйтесь им пока, если он вам нужен». Тогда Юрочка с укоризной: «И ты жалеешь такое барахло?»... Раз Юра зашел в буфетную комнату, где В. В. Ш. из спирта приготовлял водку. «Вы что делаете?» – «Не видишь разве, сапоги тачаю». Юра, видя, что В. В. не в духе, постоял минутку и молча ушел из буфета.

В доме, рядом с двориком, была сапожная мастерская, и Юра часто заходил туда и наблюдал, как починяют сапоги.

Один раз он сидел во дворике и изображал сапожника. Я, проходя, говорю: «А, Юрочка, как дела?» – «Да вот, проблема, – сапожнику прежде всего нужны гвозди, а у меня их нет». – «Ну, гвозди легко можно достать». После меня проходил через дворик В. В. «Здравствуй, Юрочка, ты что делаешь?» – «Не видите разве, водку разливаю».

Теперь Юрочка – первый ученик в Чилийской гимназии, играет на рояле и имеет очаровательного брата, пятилетнего Вовочку.

Владимир Григорьевич Буряковский все-таки устроился заведовать конным заводом. Трудно было ему бороться с чилийскими конюхами, ленивыми, непослушными, непонятными, и вскоре он оставил этот завод и перешел в другой, принадлежащий немцу. На этом конном заводе, у города Киото[74], я был несколько раз и гостил у них по неделям. Чудный завод, прекрасные чистокровные лошади. Особенно меня восхищал косяк годовичков. У Владимира Григорьевича –

отдельный дом в четыре комнаты. Его супруга, Евгения Константиновна, развела птицу – много кур, уток, гусей. Жили помещиками. Но Владимир Григорьевич скучал по бегам, которых в Сантьяго не было. В России он увлекался бегами чуть не от рождения, и он бросил завод в Киото и переехал в Бразилию, где бега поставлены прекрасно. Там он преуспевает на этом поприще.

Через год для Союза сняли дом на Аламеде, 1977, там домом заведовали члены правления Союза по очереди. Я же стал заведовать библиотекой и был старостой церкви в этом же здании Союза.

Одновременно с переездом Союза с Ранкагуа на Аламеду в доме Союза поселились Трипольские[217] – инженер Алексей Григорьевич и его супруга Марьяна Федоровна. Мы сразу подружились, и, когда не было в Союзе буфета, Марьяна Федоровна меня кормила. Часто приглашала меня, чтобы угостить арбузом, или омаром, или устрицами. Года через три Трипольские переехали на городскую квартиру, но продолжали мне помогать. Я часто их навещал. Заходили и они ко мне.

Старостой церкви меня выбрали вскоре по приезде в Чили, еще на Тегуальде, где батюшка отец Владимир Ульянцев служил в своей квартире. Я, пробыв старостой церкви в Европе 18 лет, отказывался от этой должности здесь, в Чили. Но многие настаивали на моей кандидатуре. Одна дама, госпожа Б., непременно хотела сама быть старостой. Она отозвала меня в сторону и сказала: «Вас хотят выбрать старостой, но старостой должна быть я, а вы не выставляйте своей кандидатуры». – «Я все время отказываюсь, но меня просят два священника, председатель Союза и много прихожан, и мне уже трудно отказываться». – «А вы все равно отказывайтесь». – «Я продолжаю отказываться, а вы агитируйте против меня». – «Непременно отказывайтесь». – «А мне интересно знать, почему непременно вы должны быть старостой?» – «Я так хочу». – «Хорошо, я продолжаю отказываться». Но неделю спустя приехала Мария Николаевна Андреюк[218] к Александре Семеновне Жарковой, где я жил, и сказала: «Я приехала делегаткой от целой группы лиц с просьбой к вам, чтобы вы выставили свою кандидатуру в старосты церкви. Мы ни за что не хотим, чтобы старостой церкви была госпожа Б., и ее все равно не выберут». – «Кто же эта группа лиц?» – «Председатель Союза В.К. Федоров, два священника, В.И. Савицкий, П.П. Макавой» – и назвала еще десяток лиц. А.С. Жаркова поддержала просьбу М.Н. Андреюк, и я сдался.

В воскресенье, после литургии, на Тегуальде были выборы, и я на выборы не явился, а уехал в другую церковь, где служил отец Илиадор.

Меня выбрали, и госпожа Б., получившая всего два голоса, стала моим лютым врагом. Она начала клеветать и распространять про меня самые невозможные вещи, что я пьяница, что она сама видела меня в пьяном виде в парадном мундире под мостом в Новочеркасске во время войны. Ее лжи никто не верил, но это ее не смущало. Когда ей говорили, что во время войны генерал ни одного дня не был в Новочеркасске, что в Новочеркасске и мостов нет, она отвечала: «Ну, я лучше знаю». Потом я узнал, что госпожа Б. клевещет не только на меня, но и на других, что ее уже исключали из Союза.

А теперь она пришла в полное неистовство, когда во время демонстрирования фильма о Государе Императоре спикер сказал: «А вот Президент Французской республики едет по Петрограду в сопровождении казаков сотни Ее Величества лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка под командой есаула Евгения Ивановича Балабина». Госпожа Б. начала уверять, что Е. И. Б. никогда в жизни не был в Петербурге. «Да ведь он служил в полку, который стоял в Петербурге». – «Ну, я лучше знаю. А вот я была в это время в Петербурге и во дворце, в присутствии Государя и Пуанкаре пела и танцевала». После этого спорить с ней перестали, увидев, что старуха совсем с ума сошла.

Кроме должности старосты церкви и заведования библиотекой Союза русских в Чили, я был атаманом общеказачьей станицы в Чили, начальником Русского Обще-Воинского союза в Чили, председателем Союза инвалидов, который вскоре передал подполковнику Елисею Клементьевичу Смола-Смоленко, а также полномочным представителем власовского объединения в странах Южной Америки.

Георгий Николаевич Юрлов скоре поступил в Военное географическое общество. Катя, после короткого пребывания гувернанткой в Винье-дель-Мар, поступила на бухгалтерские курсы и одновременно секретаршей в Военное географическое общество, где служил отец. Туда же пошел и Коля.

Окончив бухгалтерские курсы, Катя перешла в одно крупное предприятие с жалованьем в два раза большим, чем платили в Военном географическом обществе, и стала там незаменимой работницей.

Я уже писал о процветающем в Чили воровстве. Пострадал и я, как большинство русских, приехавших из Европы. В трамвае у меня из кармана пальто украли очки. Нина Константиновна Глазунова подарила мне свои старые очки, которые были мне совсем по глазам.

Живя в Чили, я разыскал своего племянника, офицера нашего лейб-гвардии Казачьего полка Олега Александровича Балабина[219]

. Вернее, он нашел меня, списавшись с Донским атаманом генералом Поляковым. Олег Александрович живет с семьей в Австралии, имеет двух сыновей, оба женаты. Один сын инженер, другой дважды дипломированный доктор – один в Германии, другой в Австралии. С Олегом Александровичем у нас оживленная переписка. Его письма исключительно интересны и остроумны.

В 1952 году Александра Семеновна заболела раком желудка и, промучившись несколько месяцев, 16 октября тихо скончалась. Девочки остались круглыми сиротами. Галя продолжала служить, а Ксеночка преуспевала в балете и скоро стала примой-балериной.

После ухода Улагая из квартиры Жарковых в их комнату вселилась семья Колчевых[220] – Владимир Николаевич и его супруга Елена Георгиевна с двумя сыновьями – Лимочкой и Кирочкой, которые прислуживали в церкви. Я занимаюсь с мальчиками и с Ксеночкой русским языком. Но Колчевы 9 июня 1950 года уехали в Аргентину, куда из Китая приехали их родители. Я долго с ними переписывался. Теперь они уезжают в Северную Америку.

Подросла Лизутка Юрлова и поступила в Чилийскую гимназию. Она скоро выучила чилийский язык, говорит, как чилийка, и в гимназии стала первой ученицей. Но не забывает и русский язык, хорошо читает и пишет. Один раз в неделю я приезжаю к ним и занимаюсь с Лизуткой русским языком, Законом Божиим, географией и историей.

Иногда я бываю у И.Н. Шевякова. Несколько раз он возил меня на своем прекрасном автомобиле на океан в Кинтеру, где у него прекрасный собственный дом с чудным видом на океан. Медикаментами из своего аптекарского магазина Иосиф Николаевич снабжает меня бесплатно.

Со вторым транспортом из Европы приехал подполковник Елисей Клементьевич Смола-Смоленко, инвалид, потерявший на войне правую руку. С ним его супруга Вера Дмитриевна и два сына – Жоржик (электротехник) и Олег. Елисей Клементьевич еще в Европе один раз выручил меня из тяжелого положения, дав мне из инвалидных сумм пособие в сто марок. Его друзья, Наталья Евгеньевна Гордеева-Зарецкая[221] , ее дочь Нина Михайловна и живущий у них Алексей Пустовойтенко, стали и моими друзьями.

С тех пор как Нина Михайловна вышла замуж за доктора Игоря Георгиевича Калиновского[222] , моего воспитанника по гимназии, мы часто встречаемся и живем дружно.

У меня опять начались боли от грыжи, и доктор Сальков настаивал, чтобы я опять лег в госпиталь на операцию. Доктор

И.Г. Калиновский устроил меня в университетскую клинику, где доктор Миллер прекрасно сделал мне операцию.

В деревне Рома, недалеко от города Сан-Фернандо, имение Александра Ивановича Демьяненко и его супруги Раисы Васильевны. Один раз я поехал к ним в гости и познакомился там с Натальей Михайловной Кубраковой[223] . Оказалось, это жена Ивана Андреевича Кубракова, зимовник которого был в пяти верстах от нашего. Я знал его отца и деда, тогда они приезжали к нам, я часто охотился на их участке. По приезде моем в Сантьяго Иван Андреевич приехал ко мне с визитом и увез к себе обедать. Я очень рад был этой встрече – масса воспоминаний, много общего, одинаковое детство. Я часто бывал у них, и мы всегда вспоминали старое, хорошее время. Вспоминали и калмыцкий язык. К страшному моему огорчению, Иван Андреевич, крепкий здоровый человек, скоропостижно скончался. Это для меня была ужасная потеря... Его вдова, симпатичная Наталья Михайловна, продала их чудный двухэтажный дом (построенный В.К. Федоровым) и уехала в Австралию к своему родному брату.

Позже приехал из Мюнхена талантливый художник Сергей Николаевич Латышев-Баикалов[224] , есаул Забайкальского войска. Много великолепных икон он написал для нашей церкви. Его икона – триптих, в центре которого икона Казанской Божией Матери, показывалась в кино у нас, в Сантьяго, а также в Нью-Йорке и других государствах и городах. Его супруга, Елизавета Алексеевна, хорошо знающая английский язык, служит здесь у американцев. Позже из Америки приехали родители Елизаветы Алексеевны: известный профессор Лебедев[225] с супругой. С этим семейством я тоже в самых лучших отношениях. Профессор Лебедев охотник, и у нас с ним много общего.

Одно время я часто бывал у доктора Георгия Александровича Фиалковского[226] – меня волновали наши расхождения по религиозным вопросам. У него прелестная жена Мэри из Австралии и очаровательная и способная дочь Хайди 11 лет. Обе не говорят по-русски.

Как-то из Германии я получил письмо от очень дальней родственницы госпожи Т., которая разыскала меня по газетам. Их было три сестры. Средняя из них – исключительная красавица. Старшая О. – туберкулезная, и врачи сказали, что она может поправиться только в Швейцарии, а денег на это не было. Тогда один очень богатый помещик Т. сказал, что устроит поездку в Швейцарию, содержание и лечение там О., если красавица М. согласится выйти замуж за его сына. Для спасения сестры М. согласилась на этот брак. Деньги на поездку в Швейцарию сейчас же были получены.

Богатая свадьба, изобильный пир в доме помещика Т. Во время танцев г-н Т. отзывает красавицу М. и говорит: «Твой муж дурак, в твоей красоте ничего не понимает и тебя не оценит. Я предлагаю теперь сейчас же, пока идет бал и суматоха, бежать со мной за границу. Будешь жить в полном богатстве, и ни в чем тебе отказа не будет». М. хотя и не любила мужа, но категорически отклонила предложение Т. Тогда Т. сказал: «Если не соглашаешься, то завтра же с мужем уходите из моего дома, и я вас знать не хочу». Все знали, что у этого господина Т. 103 зарегистрированных незаконных ребенка, которым он помогает.

Уехали молодые в Самарканд, где молодой Т. поступил в одно учреждение на самое скромное жалованье – жили бедно, отказывая себе во всем. Но красота М. обратила на себя внимание всего города. Обратили внимание на нее и сарты. Как-то, когда муж был на службе, сарты украли красавицу М. Среди бела дня, на виду у многих идущих по улице сарты схватили М. и умчали ее из города. Подняли тревогу, сообщили казачьей сотне, казаки моментально вскочили на лошадей и погнались за ворами. Вскоре их догнали и отобрали красавицу.

Прошел год, и молодые написали старику письмо, что у них родился сын. Старик сейчас же телеграммой перевел им большую сумму денег и потребовал, чтобы молодые немедленно возвращались домой и обязательно ехали в 1-м классе.

Старшая сестра О. в Швейцарии, совсем умирающая, перенесена была в палату смертников, из которой уже никто живой не выходит. Рядом лежал умирающий В. Разговорились. В. говорит: «Вы знаете, что в этой палате все умирают?» – «Знаю». – «Давайте сговоримся, если произойдет чудо и мы выздоровеем, то поженимся...» Чудо произошло, оба выздоровели и поженились, был и ребенок. Господин В., выйдя из санатория, прожил еще, кажется, полтора года, простудился и умер. Умерла и М., а ее младшая сестра, туберкулезная О., живет до сих пор – ей уже 85 лет.

Церковный хор в нашей церкви во имя иконы Казанской Божией Матери вначале пел совсем неважно. Но когда со вторым транспортом приехала Вера Николаевна Самойленко[227] , великолепно знающая церковную службу и обладающая замечательным свежим сопрано, хор наш преобразился. Вера Николаевна оказалась прекрасным регентом. А это дело у нас очень трудное, так как многие певчие опаздывают к службе, некоторые приходят к середине службы и даже к концу. Дисциплины никакой, а на спевки большинство не является. Самым исправным был Николай Леонидович Воробьев. Он же был у нас и псаломщиком. Часто начиналось богослужение, когда,

кроме Веры Николаевны и Николая Леонидовича (бас), певчих не было, но этот дуэт был очень симпатичным. Были и службы, когда всю литургию пели бас и две октавы.

Приехавший в Чили епископ Леонтий[228] , настоятель Свято-Троицкой церкви, как-то сказал, что хор в церкви иконы Казанской Божией Матери поет лучше и молитвенней и ему больше нравится. Это так обидело их регента, что он бросил регентствовать и ушел из церкви.

Отец протоиерей Иоанн Грамолин, с которым я так подружился в Австрии, в Зальцбурге, переехал в Аргентину. У нас с ним постоянная переписка, и я всегда прошу его молитв за себя, своих дочерей и внучку, оставшихся в Европе.

Сейчас же по приезде в Аргентину отец Иоанн нанял квартиру с большой комнатой, в которой ежедневно начал служить всенощную и литургию. Одновременно он приступил к сбору денег и постройке своего храма во имя Сергия Радонежского. Сейчас этот храм готов и освящен. Кроме ежедневных богослужений, у отца Иоанна церковноприходская школа, а все свободное от богослужений и школы время отец Иоанн проводит в посещении госпиталей Буэнос-Айреса, разыскивая православных. Он беседует с больными, наставляет, приходит со святыми дарами, исповедует, причащает... Целый день он в работе, а ему почти 90 лет. Замечательный священник. Есть ли еще такие? Прихожане его очень полюбили, и по их просьбе Священный синод наградил отца Иоанна Наперсным Крестом с украшениями.

И вот как-то пишет мне отец Иоанн: «Вижу, что одна пара – муж и жена и двое детей – каждый день в церкви на богослужениях. Познакомился и узна*ю*, что они не венчаны. Начал уговаривать обвенчаться, внушая, что это важно не только для них, но и для детей. Согласились со мной новые знакомые, но оказалось, что у них нет никаких документов – все пропали в теперешней разрухе, а без документов священник не имеет права венчать. Что же делать? Помолился я и повенчал без документов. А через несколько месяцев они подали в Священный синод просьбу о разводе. Священный синод запрашивает меня, на основании каких документов я повенчал эту пару? Я чистосердечно написал в Священный синод, что пожалел эту пару, пожалел их детей и обвенчал, сознавая, что не имею права венчать без документов». Сообщил мне все это отец Иоанн и прибавляет: «Теперь жду от Священного синода нахлобучку».

«Нахлобучка» вскоре последовала. Священный синод понял побуждения отца Иоанна и принял мудрое решение – он наградил отца Иоанна митрой.

Я не могу описать, как я был счастлив, когда получил об этом сообщение отца Иоанна. Ни одной своей награде я так не радовался.

Теперь отец Иоанн возведен в сан протопресвитера.

Подружился я здесь в Чили с полковником артиллерии Михаилом Александровичем Белошапкиным, старичком года на два старше меня. Он занялся здесь переплетным делом и дешево переплетал книги в нашей союзной библиотеке. Я начал учиться у него переплетному делу и только стал самостоятельно переплетать книги, как Михаил Александрович внезапно скончался. Это было для меня большим горем. Михаил Александрович был очень религиозным человеком, был одно время нашим псаломщиком, мы часто говорили с ним на религиозные темы. Остались после него тяжелобольная супруга и слабенькая прелестная внучка, только что блестяще окончившая Чилийскую гимназию.

С 1953 по 1956 год я давал уроки русского языка чилийцу Альберто Декомбе – час в неделю, но с большими пропусками на Рождество, Пасху и летние каникулы, а еще однажды он ездил с женой и дочерью в Европу на пять месяцев. Это солидный господин, имеющий взрослых сына и дочь, хорошо знающий французский, немецкий и английский языки и теперь решивший выучить русский, чтобы переводить с русского на испанский. Занимались главным образом грамматикой.

А.Декомбе научился хорошо читать, писать и прилично говорить по-русски. Один раз я ездил к нему в имение у города Киото, где у него прекрасный дом. Декомбе говорил, что привык к землетрясениям: у горы, где его дом, почти каждый день трясет. Во время короткого пребывания в Вене он сделал визит моей дочери Ольге и рад был, что с ней можно было говорить на каком угодно языке. Декомбе так хорошо выучился русскому языку, что служащие в Союзе иногда принимали его за русского. Декомбе с восторгом рассказывал о Европе и говорил, что с удовольствием поехал бы туда еще.

Особенность Чили – постоянные забастовки: бастуют автобусы, и мы ходим пешком; бастуют пекаря, и мы сидим без хлеба; бастуют доктора, ученики средних учебных заведений, рабочие заводов, похоронные бюро. Ходят по городу с плакатами, на которых выставлены их требования. Никто им не мешает – все за законном основании.

В 48 – 50-х годах много было пьяных на улицах. Вино было дешевое, и его сколько угодно. Нередко пьяный спит на панели, его обходят или переступают через него, и никто не протестует.

Развито и воровство, и ловкость здесь доведена до

виртуозности. В.В.Ш., гуляя, сделал круг по улицам от дома, где жил, и не заметил, как у него стащили бумажник. На следующий день с целью поймать вора он прошел опять по тем же улицам и в то же время, имея в кармане пакет, похожий на бумажник. Шел все время готовый схватить вора, но вора не было, а когда он пришел домой – бумажника не оказалось.

Женя О. во время остановки автобуса высунулась посмотреть в окно, и, когда автобус тронулся, вор сорвал у нее с глаз очки и убежал. Она, конечно, возмутилась, но сидящие в автобусе смеялись и, видимо, одобряли ловкость вора. Я сам видел, как отлично одетый господин, выходя из автобуса, на виду у всех, вынул торчащий в кармане одного старика журнал, спокойно развернул его, прошел мимо старика и пошел по панели, читая журнал. Старик не заметил.

Чилийский виноград считается одним из лучших во всей Южной Америке. 100 000 гектаров виноградников с избытком снабжают страну и первоклассными, и дешевыми сортами вина. Чилийские вина успешно конкурируют даже с французскими. Вывозится около 10 000 000 литров в год, из них 85% в Европу. Потребление вина внутри страны необычайно велико. В среднем на долю каждого взрослого чилийца приходится в год больше 200 литров только виноградного вина. А если учесть еще громадное количество дешевых сортов водки, то можно быть уверенным, что любителям выпить здесь скучать не придется.

Иногда я делал доклады Союзу русских в Чили. Два раза о Государе Императоре Николае II. Доклад о национализме в России. Доклад о ближайшем будущем России. Доклад к 20-летию смерти генерала Врангеля. Дважды в День военных инвалидов, дважды на казачьих вечерах. Доклад о публичной дипломатии и стратегии и другие. Приготовлен доклад, но не прочитан о советской каторге на Колыме. Доклад о Государе Императоре Николае II помещаю далее.

Глава 19
О ГОСУДАРЕ ИМПЕРАТОРЕ НИКОЛАЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ И ЕГО АВГУСТЕЙШЕЙ СЕМЬЕ ПО СЛУЧАЮ 35-ЛЕТИЯ СО ДНЯ ИХ СМЕРТИ ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДОКЛАДА

Все чаще и чаще приходится слышать от эмигрантов, что Россия теперь совсем другая и что даже после переворота и изгнания большевиков незачем ехать туда – мы тех людей не поймем, они нас не поймут. Родины у нас нет – есть место, где была Родина.

Но вспомните, что было 350 лет тому назад в 1613 году.

Ветер вольно гулял по лесам и степным равнинам, по огромному кладбищу, называвшемуся Русской землей. Там были обгорелые стены городов, пепел на местах селений, кресты и кости у заросших травой дорог, стаи воронов да волчий вой по ночам.

Кое-где еще по лесным тропам пробирались последние шайки шишей, давно уже пропивших награбленные за десять лет боярские шубы, драгоценные чаши, жемчужные оклады с икон. Теперь все было разграблено, вычищено на Руси.

Опустошена и безлюдна была Россия. Даже крымские татары не набегали больше на Дикую степь – грабить было нечего.

За десять лет великой смуты самозванцы, воры и польские наездники прошли саблей и огнем из края в край всю Русскую землю. Был страшный голод – люди ели конский навоз и солонину из человеческого мяса. Ходила черная язва. Остатки народа разбредались на север к Белому морю, на Дон, на Урал, в Сибирь.

В эти тяжкие дни к обугленным стенам Москвы, начисто разоренной и опустошенной и с великим трудом очищенной от польских захватчиков, к огромному пепелищу в 1613 году везли на санях по грязной мартовской дороге испуганного 16-летнего мальчика, выбранного по совету патриарха обнищалыми боярами, бесторжными торговыми гостями и суровыми северных и приволжских земель мужиками в Цари Московские.

Новый Царь умел только плакать и молиться. И он молился и плакал, в страхе и унынии глядя в окно возка на оборванные,

одичалые толпы русских людей, вышедших встречать его за московские заставы. Не было большой веры в нового Царя у русских людей. Но жить было надо. Призаняли денег у купцов Строгановых. Горожане стали обустраиваться, мужики – запахивать пустую землю. Стали высылать конных и пеших людей бить воров по дорогам. Жили бедно, сурово. Кланялись низко и Крыму, и Литве, и шведам. Берегли веру. Знали, что есть одна только сила – крепкий, расторопный, легкий народ. Надеялись перетерпеть и перетерпели. И снова начали заселяться пустоши, поросшие бурьяном...

Великая Россия не пропала. И теперь не пропадет. Внуки этих самых драных мужиков, которые с кольями ходили выручать Москву, разбили Карла XII и Наполеона. А внук этого мальчика, которого силой притащили в Москву на санях, построил Петербург. И теперь великая Россия не пропадет. Америка, Англия и другие страны хотят раскромсать Россию, но если даже один только уезд останется – и оттуда пойдет Русская земля.

Трудно перечислить все, что сделали и как возвеличили Россию Цари и Императоры Дома Романовых за свое более чем 300-летнее царствование.

Когда умер Царь-миротворец Император Александр III, его наследнику – молодому Императору Николаю II – было 26 лет. Он только откомандовал батальоном в Преображенском полку, должен был вскоре получить генеральский чин и полк, но, волей Божией, вместо полка получил всю необъятную Российскую империю.

Трудно было молодому Императору. Александр III не допускал разговоров о политике в семейном кругу и совершенно не посвятил наследника в государственные дела, считая его пока слишком молодым и полагая, что для этого всегда найдется время. Николаю II пришлось одновременно управлять страной и учиться ее управлению, совершая ошибки, всегда неизбежные, и самому их исправлять. Обращаться же за советом было не к кому. Александр III нес все на своих богатырских плечах – министры были лишь послушными исполнителями его предначертаний, неспособными к самостоятельному творчеству и не имевшими своего мнения. Опоры же в среде своих близких родственников Государь не имел.

Великие князья были с рождения предназначены только к военному делу. Многие из них чувствовали склонность к наукам, искусству, дипломатическим делам – фамильная традиция запрещала это, обязательно требуя лишь военной службы.

В начале царствования Императора Николая II все осталось так же, как и при предыдущем царствовании. Государственный

механизм казался налаженным на многие столетия – везде чувствовалась могучая рука Александра III. Международное положение России было блестящим, и московские коронационные торжества 1896 года, когда вся Европа стояла в свите молодой императорской четы, явились апофеозом российской великодержавности.

Государь Император Николай Александрович был одним из самых образованных людей своего времени. Он блестяще окончил Академию Генерального штаба[229] и университет. Лучшие профессора России преподавали ему право и стратегию, историю и литературу. Государь свободно говорил на трех языках. Его знания не были односторонними, как знания любого ученого специалиста – они были «живыми знаниями». Право и стратегия, история и литература были объектом ежедневной работы его, его отца и его деда. Это есть знания, непрерывно связанные с каждым шагом его деятельности.

Вера в Бога и в свой долг царского служения были основой всех взглядов Императора Николая II. Он считал, что на нем лежит ответственность за судьбу России, что он отвечает за нее перед престолом Всевышнего. Другие могут советовать, но ответ за Россию перед Богом лежит на нем. Он говорил: «Другие напортят, а отвечать мне».

Император Николай II обладал живым умом, быстро схватывающим существо докладываемых ему вопросов. У него была исключительная память. Иное мнение было широко распространено о нем потому, что у него поверх железной руки была бархатная перчатка. Воля его была подобна не громовому удару, она проявлялась не взрывами, не бурными столкновениями, но скорее напоминала неуклонный бег ручья с горной высоты к равнине океана: он огибает препятствия, отклоняется в стороны, но в конце концов с неизменным постоянством близится к своей цели.

Император Николай II, и это признают и его враги, обладал совершенно исключительным личным обаянием. Он не любил торжеств, громких речей. Этикет был ему в тягость. Ему было не по душе все показное, искусственное. В тесном кругу, в разговоре с глазу на глаз он умел обворожить своих собеседников, будь то высшие сановники или рабочие посещаемой им мастерской. Его большие серые лучистые глаза дополняли речь, глядели прямо в душу. Эти природные данные еще больше подчеркивались тщательным воспитанием. «Я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели Николай II», – писал граф Витте в ту пору, когда был уже врагом Государя.

Президент Французской республики Лубе[75] писал о

Государе: «Он предан своим идеалам, он защищает их терпеливо и упорно. У него надолго продуманные планы, которые он постепенно проводит в жизнь. Царь обладает сильной душой и мужественным, непоколебимым верным сердцем. Он знает, куда он идет и чего он хочет».

В этом же роде писал о нем и Уинстон Черчилль[76]. Для России никто не делал и не сделал больше, чем сделали ее Цари.

В разговорах о своих врагах никогда нельзя было уловить у Государя ни малейшего оттенка раздражения. На выраженное однажды удивление по этому поводу Государь сказал: «Эту струну личного раздражения мне удалось уже давно заставить в себе умолкнуть. Раздражительностью не поможешь, да и резкое слово от меня звучало бы обиднее, чем от кого-либо другого». Государь никогда не менялся в своих отношениях к окружающим его лицам.

В бытность свою наследником престола Государь получил основательную строевую подготовку, причем не только в гвардии, но и в армейской пехоте. Он служил младшим офицером в 65-м пехотном Московском полку – первый случай службы члена царствующего Дома в армейской пехоте. Наблюдательный, чуткий Цесаревич ознакомился во всех подробностях с бытом войск и, став Императором, обратил все свое внимание на улучшение этого быта. Эту свою любовь и привязанность к войскам Император Николай II сохранил до самой своей мученической кончины. Без глубокого волнения нельзя читать строки тобольского дневника темных дней проклятого года: «27 ноября – праздник Нижегородцев. Где они и что с ними?.. 6 декабря – мои именины. После молебна стрелки 4-го полка, бывшие в карауле, все поздравили меня, а я их с полковым праздником. Во время чая пошли с Государыней в караульное помещение и устроили им елку. Посидели со стрелка́ми...» Последние месяцы своей земной жизни Царь-мученик был душой с погибшей без него армией.

Государь обладал выдающимися качествами человека и правителя. Он одарен был безграничной памятью, исключительной умственной силой, глубокими и разносторонними познаниями, сильной, дисциплинированной волей, нравственной серьезностью и постоянным сознанием ответственности. Благодаря совершенной честности он всегда был рабом своего слова. Его верность союзникам в войне, которая и была причиной его смерти, как нельзя лучше доказывает это. А что такое была политическая верность вообще, а в наши времена особенно?..

В век агитации и пропаганды, искажающих всякую правду,

Государь удивлял бы своей постоянной правдивостью. Государь всегда стремился к исторической истине во всей ее неприкосновенности. Он был непримиримым врагом всех попыток идеализировать то, что недостойно. Он говорил и требовал всегда только правду. Ее одну он всюду искал.

Государыня Императрица Александра Федоровна, лютеранская принцесса по рождению, восприняла православие с глубиной совершенно исключительной для нашего времени. В этом отношении свой долг супруги православного монарха она исполнила во всей полноте. Монархическую идею, в самодержавном ее понимании, она приняла всем своим существом, как веление Божие со дня священного коронования и пронесла ее через все испытания, борясь и страдая до последнего дня своей земной жизни, увенчанной мученической кончиной.

Мужа и детей своих она любила безумно и отдавала им всю себя.

Россию, простой народ, солдат возлюбила всем сердцем.

Новую свою родину старалась изучить и принести ей посильную помощь-пользу. Врагов своего народа ненавидела, солдату служила, как простая сестра милосердия. Друзей своих любила настойчиво и неизменно. Когда девятый вал накатился на монархию, она не пряталась и приняла удар полной грудью. Чего еще можно требовать от человека?

Правильно ли она понимала нужды России? Правильно ли она оценивала людей, влияя своими взглядами на своего державного супруга? Допустим даже, что ошибалась. Но были ли правы ее современники? Было ли право русское общество, не поддержавшее монархию в самый критический момент ее существования и принявшее переворот с хладнокровием, граничащим с предательством? Была ли права интеллигенция, использовавшая затруднения власти, чтобы совершить переворот в период тягчайшей мировой войны? Лучше ли понял Россию адмирал Колчак, опиравшийся на социалистов? Деникин – на кадет? Юденич – на что-то уже совершенно несуразное? (Максимум композитум...)

Во многом была права Императрица, и история скажет это в свое время, но гораздо раньше легенда сотворится о ней и уже творится в недрах народной души...

Целые века Орлеанская дева была для многих колдуньей, а потом в глазах образованных людей стала простой истеричкой. Теперь светские люди ставят ей памятники, а религиозные ее канонизируют. Памятников Императрице Александре Федоровне ставить не будут – она никого не победила. Беспристрастная история отведет ей достойное место, а народная душа забудет

всю ложь и сплетни о ней и сохранит память о ней, как образе величайшей христианской любви, смирения и самоотвержения, завершенном мученической кончиной, озаренной необычайным величием смирения и веры. И если не мы, то наши дети и внуки еще услышат канон: «Царица Александра, моли Бога о нас»[77].

Английский посол сэр Бьюкенен[230] писал: «Императрица полагала и развернувшиеся события показали, что она была права: самодержавие принципиально было единственным образом правления, способным охранить существование России».

Когда до Тобольска дошли слухи о Брестском мире, Императрица писала: «О Боже, спаси Россию. Это крик души и днем и ночью – все в этом для меня – только не этот постыдный ужасный мир. <…> Бедная Родина, измучили ее внутри, а немцы искалечили снаружи. Умилосердись над Родиной многострадальной, Боже, как молюсь за ее спасение. <…> …Такой кошмар, что немцы должны спасти всех и порядок навести. Что может быть хуже и унизительней. <…> Какая я стала старая, но чувствую себя матерью этой страны и страдаю, как за своего ребенка, и люблю мою Родину, несмотря на все ужасы теперь и на все согрешения».

Исключительное влияние при Императоре Николае II получил министр финансов Витте – политик авантюристического склада, очень способный, но безмерно честолюбивый и совершенно беспринципный. Витте привел финансы России в блестящее состояние, но, к сожалению, начал вмешиваться и в политические дела. Вместо разработки своих богатств в Сибири, как то полагал Император Александр III, он позарился на чужие, нам не нужные земли. Реализм сменился авантюризмом. В 1897 году взяли у Китая в аренду Порт-Артур – объект японских мечтаний, результатом чего явился взрыв ненависти к нам Японии, и сорок миллионов японцев, как один человек, стали готовиться к войне с Россией. Вместо того чтобы продолжать сибирский путь вдоль Амура, как повелел в свое время Император Александр III, Витте повел его по китайской территории, и русское золото полилось рекой, обогащая чужой край. Из ничтожной рыбачьей деревушки Харбин в несколько месяцев возник большой город. Деньги, ассигнованные на Порт-Артурскую крепость, наполовину пошли на устройство ненужного нам города Дальнего. Крепость осталась недостроенной, а оборудованный по последнему слову техники Дальний с началом войны получили японцы как прекрасную базу против Порт-Артура. Вся эта авантюра стоила России десятков тысяч жизней, целого флота, трех миллиардов бесцельных затрат, великодержавного престижа и тяжелых внутренних потрясений.

(А главный виновник этого стал графом Портсмутским.)

Министерство финансов (Витте) всячески урезало кредиты Военному ведомству и полиции. На всю Россию было десять тысяч (10 000) жандармов, тогда как в республиканской Франции с населением в 4 раза меньшим было 36 000 жандармов, не считая колоний. В царской России один урядник обслуживал волость часто в 12, 15, а то и 20 тысяч населения, а в Италии, в городе Баньоли, на 3000 населения было 250 полицейских. Французские жандармы были облечены такой властью, которая никогда и не снилась нашей полиции. А наша передовая интеллигенция ненавидела «синие мундиры» и мечтала о «великих достижениях» западных демократий, которые она себе представляла без полиции…

Под влиянием западных демократий в России шло страшное полевение нашей интеллигенции, и это делалось очень просто. Как только сеятель разумного, доброго, вечного встречал в своем собеседнике оппонента, он задавал ему уничтожающий вопрос, долженствующий вызвать у того краску стыда за свое невежество и несознательность: «Послушайте, но вы ведь интеллигентный человек?» Одно лишь подозрение в недостаточной дозе «интеллигентности» должно было человека раздавить, дискредитировать и опозорить навеки. Воинствующая интеллигентность во время «царизма» была синонимом протеста и прогресса. Правоверный интеллигент обязан был протестовать против всего того, что могло бы связать его духовно с прежде жившими поколениями предков, потом и кровью создавшими русскую нацию.

В 1896 году Государь Император с Государыней и единственной тогда дочерью Ольгой (ей было 10 месяцев) поехали в Париж с визитом к президенту Франции Фору[78]. Принимали там Государя с искренним восхищением. Париж был переполнен, так как для приезда туда встречать русского Царя давали скидку в 75%. На улицах сплошное народное гулянье. Окна сдавались внаймы, причем цена доходила до 500 франков за одно окно. Все стало русским. Мыло – ле тсар, конфеты с русским гербом, посуда с царскими портретами, игрушки – Государь, Государыня, Великая княжна Ольга. Реклама процветала. На улицах раздавались портреты Царя, на обратной стороне которых были всевозможные рекламы. На магазинах готового платья надпись: «Подарок Царя». Появился французско-русский сыр и множество тому подобных вещей. Было предложение всех девочек, родившихся в октябре 1896 года, назвать Ольгами. Всего не перечесть. Парижское население охвачено было подлинным восторгом. Несмолкаемые крики: «Да здравствует Царь», «Да

здравствует Царица». Наш гимн французские солдаты распевали на улицах. Восторг был всеобщий... Днем под звуки «Боже, Царя храни» состоялась в присутствии Государя закладка моста Императора Александра III, о чем и теперь можно прочесть на мраморной доске на правом берегу Сены...

Во Франции удовлетворение было всеобщим. Приезд Государя «пробил лед». Франция «восстановила свой ранг среди держав», как писали газеты. Она стряхнула с себя подавленность поражения, тяготевшую на ней 25 лет, почувствовала себя полноправной великой державой.

В России же крайние левые круги были возмущены восторженным приемом, который «свободная страна» оказала «деспоту». Начали организовываться силы, враждебные государственной власти. Организовался Союз борьбы за освобождение рабочего класса, в который вошли непримиримые противники государственного строя. В их числе были Ульянов-Ленин, Нахамкес, Крупская, Елизаров (муж сестры Ленина) и другие. Они устраивали забастовки, беспорядки, волнения. Агитация велась страшная. Один Союз борьбы за освобождение рабочего класса каждый месяц выпускал во множестве экземпляров по 25 различных листовок. На агитацию денег не жалели. Широко помогала заграница. Бастовали фабрики и заводы, бастовали студенты в университетах. Интеллигенция пассивно сочувствовала всем этим беспорядкам, а иногда и поддерживала их. В Москве образовался студенческий Союзный Совет, объединящий 45 землячеств. Этот Совет послал французским студентам «свое негодование» по поводу раболепства свободной нации перед представителями самодержавного режима...

Трудно было Государю. Все это он видел и знал, но не хотел применять суровых мер к главарям забастовок и беспорядков. Он старался милостью исправлять преступников. В 1896 году был установлен предел рабочего дня для взрослых мужчин в 11 $^{1}/_{2}$ часа. В это время во Франции предел был 12 часов, в Англии, Германии, Бельгии и Соединенных Штатах работали еще дольше, а в Италии 12-часовой рабочий день был введен только для женского труда. Норма ниже русской была только в Австрии – 11 часов и в Швейцарии 10 $^{1}/_{2}$ часа.

Ложь лилась на русских монархов и на их правительства. Осуждению подвергалось все, чем Россия не была похожа на Запад, и что тем не менее сплошь и рядом было лучше, чем на Западе.

Прогрессисты и революционеры всячески старались очернить Государя и правительство, хотя знали, что Россия имела самый

быстрый в мире хозяйственный рост и что война 1914 – 1916 годов остановилась на границах царства Польского и дальше не пошла.

Сколько страданий и мук перетерпел несчастный Государь за свое царствование. Только глубокая, непоколебимая вера в Бога и сознание своей ответственности перед Россией и ее народами поддерживала его и давала ему силы работать.

Александр III как-то провозгласил свой известный тост за единственного верного друга России князя Николая Черногорского[231] . Во время царствования Николая II не было ни одного друга.

Во время пребывания Государя в Париже президент Французской республики Фор уговаривал своего высокого гостя хоть на несколько минут посетить большой бал еврея Ротшильда.

Государь долго не соглашался, но потом поехал. Там президент стал уговаривать Государя поговорить с Ротшильдом. Государь согласился. Ротшильд сразу задал вопрос Государю: «Как велик русский долг Франции?» Государь ответил: «Столько-то миллиардов». Ротшильд сказал: «Я весь этот долг беру на себя, если вы согласитесь дать в России равноправие евреям». Государь отказал, говоря, что русский народ еще темный и очень доверчивый и при равноправии он немедленно попадает в кабалу евреям. Отойдя от Ротшильда, Государь сказал: «Сейчас я подписал себе смертный приговор».

В России начались террористические акты. Сначала был убит министр Боголепов, потом Сипягин. Для Государя убитые были мученики долга, для интеллигенции убийцы стали героями.

Рознь углублялась. Забастовки и волнения начались по всей России.

Был убит министр внутренних дел Плеве – взрывом бомбы, разнесшей в щепы карету, был убит кучер, 10 человек и трехлетняя девочка. Смерть Плеве произвела огромное впечатление: «Строго посещает нас Господь гневом Своим», – писал Государь. А среди интеллигенции радость была всеобщая.

Во время японской войны наша интеллигенция радовалась каждому поражению нашей армии, считая, что поражения приближают Россию к революции. В случае же победы «свобода» будет якобы задушена под крики «ура» и колокольный звон торжествующей Империи.

Русская смута поддерживалась и на иностранные деньги. От американских миллионеров получили миллион франков. Были и другие пожертвования.

В 1905 году началась 1-я революция. 4 февраля был убит московский генерал-губернатор Великий князь Сергей

Александрович. Готовились покушения и на Государя. В Черном море вспыхнул бунт на броненосце «Потемкин». В июне убит московский градоначальник Шувалов[232] . Запылали помещичьи усадьбы. Казаки и кавалерия спасли тогда Россию от анархии и большевизма и за это получили прозвище нагаечников и кровопийцев. Усмиряла бунтовщиков и пехота. Волнения в Москве прекратил решительными действиями присланный из Петербурга лейб-гвардии Семеновский полк со своим командиром генералом Мином[233] . Потом революционеры убили Мина.

Несмотря на противодействия злых сил, Россия шла вверх. Рост русской мощи тревожил все другие державы, в том числе Германию. Все смотрели на Россию со страхом и завистью... Ожидался распад Турции, и Россия, при обеспеченном азиатском тыле, могла бы и на Ближнем Востоке заговорить по-новому. Германия и Америка ни за что не хотели допустить победу России в японской войне.

Император Вильгельм писал Бюлову[234] : «Если Англия и Япония будут действовать вместе, они могут сокрушить Россию... Но им следует торопиться, иначе русские станут слишком сильными». Еще определеннее об этом говорил Бюлов.

Государю нужно было бороться и с остатками дворянских привилегий, и со всеми неурядицами, и со всей или почти со всей интеллигенцией, и, имея в тылу революционно настроенную массу, надо было бороться и с Японией, и с Германией.

Государь твердо верил, что чем больше было самодержавия, тем больше росла и крепла страна. Чем меньше было самодержавия, тем стране было хуже. Ликвидация самодержавия всегда влекла за собой катастрофу. Расцвет Киевской Руси закончился удельным разделом, то есть ликвидацией ее самодержавной власти, – и Киевскую Русь кочевники смели с лица земли.

После смерти Всеволода (Большое Гнездо) самодержавие никнет, и Россия попадает под татарский разгром.

Прекращение династии Грозного вызывает Смутное время. Период безвластных императриц организует дворянское крепостное право. И на наших глазах – свержение Императора Николая II рождает колхозное крепостное право.

Японская война приближалась к концу. Германия и Америка настаивали на заключении мира, так как Япония уже не в состоянии была воевать. Все ее надежды на волнения в России пропали. Но Русская армия была сильнее, чем в начале войны, когда еще не успели подойти войска из Европы. Государь готов был продолжать войну, и в этом была его сила. Но Америка,

Англия и Германия не допустили этого. Во время переговоров японцы пошли на все уступки, и, когда делегат Комура принял все условия России, присутствующие были ошеломлены. Никто не ожидал, что японцы откажутся от контрибуции.

Война стоила России около двух миллиардов. Столько же она стоила и Японии, но налоги после войны увеличились – в Японии на 85%, а в России только на 5%. Из этого видно, насколько Япония нуждалась в контрибуции и насколько им нужен был мир во что бы то ни стало.

Император Николай II закончил войну так, что Россия осталась в Азии великой державой.

После войны беспорядки в России продолжались: бунт в Севастополе, почтовые забастовки, студенческие волнения и прочее.

Наряду с революционными вспышками происходили инциденты и «обратного характера». Кровавые волнения в Баку были уже не выступлением против власти, а междоусобием татарских и армянских элементов города. В Нижнем Новгороде произошло столкновение революционной демонстранции с толпой портовых рабочих-крючников, которые разогнали демонстрантов, причем был один убитый и 30 – 40 раненых. В Балашове, Саратовской губернии, толпа осадила здание, где собрались земцы и интеллигенция, и грозила с ними расправиться. Губернатор П.А. Столыпин личным вмешательством успокоил толпу. В Томске толпа окружила демонстрантов в городском театре. Те начали отстреливаться. Тогда толпа подожгла театр, и сгорело 200 человек. В Симферополе, Ростове-на-Дону, Казани, Полтаве, Ярославле, Туле – всех городов не перечесть – прокатилась народная антиреволюционная волна, бывшая ответом на выходки торжествующих левых партий, – жестокая, как всякое стихийное народное движение. Эта волна прокатилась и быстро, в 2 – 3 дня, схлынула.

О Гаагской конференции[79], созванной по инициативе нашего Государя, говорить не буду – она всем хорошо известна.

В Первую мировую войну Государь проявил исключительную мудрость и мужество в защите сербов.

В 1915 году несколько десятков тысяч сербов при отступлении из одной земли не выдержали страшного похода через горные ущелья и снеговые перевалы Албанских гор и, придя к берегу моря в г. Валлону, массами стали падать от истощения. Союзники равнодушно смотрели со своих кораблей, как умирали люди славянской земли.

В этот страшный момент Государь послал главам

правительств союзных стран телеграмму, в которой требовал немедленно вывезти сербов с албанского побережья и спасти. Государь грозил в противном случае выйти из числа союзников, воюющих с немцами. Немедленно десятки итальянских, французских и английских пароходов вывезли умирающую сербскую армию и ушедших с нею жителей на остров Корфу…

Одна еврейка, не имевшая права въезда в Петербург и получившая отказ в этом, обратилась к Государю с просьбой разрешить ей приехать к больному сыну. Государь положил резолюцию: «Не может быть такого закона, который не позволил бы матери приехать к больному сыну».

Государь тратил на дела благотворительности и неожиданную помощь колоссальные деньги из своих личных средств, ограничивая себя в личном обиходе. Он носил много раз штопанную одежду… Через любимую учительницу своих детских лет, имевшую к нему доступ во всякое время, Государь своими взносами освобождал от платы учащихся и отпускал крупные суммы на благотворительность из своих собственных средств.

Обходя один из военных лазаретов, Государь увидел, что у койки одного хирургического больного стоит часовой. Узнав, что здесь ждет выздоровления подлежащий военному суду дезертир – «самострел», которого ожидает по выздоровлении самая тяжелая кара, Государь сказал: «Скажите кому следует, что я прощаю этого преступника. Довольно с него одной русской пули, наказавшей его». Преступник был помилован.

В вестибюле покидаемого лазарета, когда Государь надевал шинель, из его глаз падали крупные слезы, ибо только что больной, лишенный и рук и ног, просил: «Ты все можешь, Государь, прикажи, чтобы меня умертвили».

Государь был очень религиозным человеком. Количество церквей в его царствование увеличилось больше чем на 10 000, и их стало к концу его царствования 57 000. Количество монастырей увеличилось на 250 и стало к концу царствования 1025.

На 20-м году царствования Императора Николая II население империи возросло на 50 миллионов человек и заметно повысился общий уровень благосостояния. Вклады в сберегательные кассы возросли с 300 миллионов в 1894 году до 2 миллиардов в 1913 году. Бюджет достиг 3,5 миллиарда.

Эдмонд Тери[80], обследовав русское хозяйство, заключил: «Если дела Европейских наций будут с 1912 по 1950 год идти так же, как они шли с 1900 по 1912 год, Россия в середине текущего века будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении». Относительно

народного образования интересен отзыв левого лидера трудовиков в 1-й Государственной думе Жилкина: «Все более и более стихийно растет дело народного образования. Неслышно, почти неуследимо совершается громадный факт: Россия из безграмотной становится грамотной… Вся почва российской равнины как бы распустилась и приняла в себя семена образования – и сразу, на всем пространстве, зазеленела, зашелестела молодая поросль».

Государя заставили отречься от престола. Его убедили, что отречение спасет Россию. Государь, всеми оставленный и со всех сторон окруженный изменой, уступил петроградским делегатам, и только два казака-конвойца обратились к нему со словами: «Ваше Величество, прикажите их убить». Государь ответил: «Теперь поздно». …Слезы звучали в голосе Царя, когда он говорил о своих друзьях и родных, которым он больше всех доверял и которые оказались соучастниками в низвержении его с престола. Государь получил телеграммы Брусилова, Алексеева и других генералов и членов его семьи, в том числе и от Николая Николаевича: все просили Его Величество для спасения России отречься от престола. В минуту несчастья отпали от Государя и его семьи один за другим все те, кто, казалось, обязаны были первыми сложить головы на их защиту. Тщетно Их Величества ожидали того флигель-адъютанта, которого считали ближайшим своим другом. Отказался прибыть в Царское Село по зову Государя и его духовник. Приближенные и близкие слуги, за исключением нескольких верных, поспешили покинуть их при первых признаках развала. Много было тяжелого и позорного в то время… Но наряду с тяжелыми картинами развала, предательства и измены было много чистых и светлых явлений…

Среди бесконечного, казалось бы, озверения сбитого с пути народа столько прорывается чуткого страдания и ласки, столько геройского самоотвержения, столько привязанности к старому, гонимому прошлому. В этих добрых людях – оправдание России, в них – ее светлое будущее.

Когда после отречения Государь Император, приехав в Ставку, узнал, что и его брат Великий князь Михаил Александрович отказался от престола в пользу Временного правительства, он, видя крушение страны, решил принести в жертву Родине своего больного сына. Государь взял назад псковское отречение за наследника (сына), и Россия вновь становилась на свой природный путь. Но генерал Алексеев, которого Государь просил отправить об этом телеграмму в Петроград, скрыл от России эту телеграмму и не отправил ее. Страна не узнала о начавшемся было царствовании юного

Императора, а от армии скрыли и последний прощальный приказ Царя-подвижника, которому суждено было стать Царем-мучеником.

8 марта утром в одном из залов Ставки собрались генералы и офицеры штаба Верховного главнокомандующего, чтобы проститься с Государем. Быстро пройдя через зал, Царь остановился и, повысив голос, начал свою речь. Он говорил звонко и ясно, немного задыхаясь от сдерживаемого волнения, что оставляет их и просит довести войну до победного конца. Потом он подал каждому руку с ласковым словом. Послышались сначала сдержанные, а потом все более громкие рыдания по всему залу. Какие-то голоса пробовали сказать: «Тише, тише. Вы волнуете Государя». Но рыдания продолжались. Царь невольно поворачивал голову по направлению этих звуков. С полными слез глазами он пытался улыбнуться, но улыбка эта была горестной. Один из офицеров, штаб-ротмистр Муханов, побледневший, как смерть, лишился чувств, за ним хорунжий Лавров и несколько других упали в обморок. Казак-конвоец рыдал навзрыд, и слезы текли по его окладистой черной бороде. Громадного роста вахмистр Кирасирского полка, громко всхлипывая, воскликнул: «Батюшка, Господь тебя благослови. На кого ты нас покидаешь?..»

Император посмотрел вокруг себя влажными от слез глазами, его губы задрожали. Он старался принудить себя улыбнуться, хотел сказать еще последнее прости, голос его оборвался. Он поднял руку, махнул безнадежно и вышел.

Иностранные военные агенты ушли от Царя со слезами на глазах. Сербский полковник Бронислав Лонткевич поцеловал руку Государю, выражая этим трогательную благодарность сербского народа тому, кто даровал ему свободу.

«Россия без Царя... Нет, нет, это невозможно... Этого никогда не может быть», – с отчаянием повторял Лонткевич.

9 марта вся царская семья была арестована. Россия рухнула в бездну.

Убийство царской семьи было введением в работу Чека, ОГПУ, НКВД. Их 30-летняя работа является возмездием за нашу измену нашей монархии и нашей Родине. Страдаем, впрочем, не мы одни – весь мир тонет в грязи и в свинстве, какие при наличии Русской монархии были бы немыслимы.

Прошло 40 лет от начала русской смуты. Много за это время пережито, и многое из того, что было тайным, становится явным. Сквозь туман взаимных обвинений, раздражения и злобы, вольной и невольной неправды истина пробивается на свет Божий. Раскрываются двери архивов, становятся доступны тайны

сношений, растут воспоминания, и у людей начинает говорить совесть... И по мере того как с прошлого одна за другой ниспадают завесы, рушатся с ними и те злые вымыслы и сказки, на которых выросла в злобе зачатая русская революция. Как будто встав от тяжелого сна, русские люди протирают глаза и начинают понимать, что они потеряли.

И все выше поднимается над притихшей толпой чистый образ царственных страдальцев за грехи всей России. Их кровь, их страдания и смерть тяжким укором ложатся на совесть всех нас, не сумевших уберечь и защитить их, а вместе с ними и Россию... Покорные воле Предвечного, с евангельской кротостью несли они поругание, храня в душе непоколебимую верность России, любовь к народу и веру в его возрождение. Они простили всех, кто клеветал на них и кто предал их, но мы не имеем права этого делать. Мы обязаны извлечь из прошлого все и всех виновных пригвоздить к столбу позора, ибо нельзя извлечь из прошлого благотворных уроков для грядущих поколений, пока это прошлое не исчерпано до дна.

Старое, доброе, хорошее погибло или примолкло, придавленное обвалившейся на него громадой злобы и звериных страстей, но она жива – эта бесконечно трогательная душа православной, сердобольной России. Под грубой корой предрассудков, под грязью и гноем, хлынувшими из трещин истории, продолжает жить нежное и сострадательное сердце народа. Оно лучшая порука в том, что не все пропало, что настанет день, когда из праха, из развалин и грязи встанет Россия, очистит себя покаянием, стряхнет с души своей инородное иго и вновь явит изумленному миру беззаветную преданность исконным своим идеалам.

И погибший Царь-праведник станет тогда первой святыней России.

«ПОМЫШЛЕНИЕ ПРАВЕДНЫХ – ПРАВДА» [81]
Послесловие редактора

Разнолика русская эмиграция, многоплановы, разнородны и разнокалиберны оставленные ею свидетельства о бытии на чужой земле. Столь же непохожими могут быть чувства, с которыми разные читатели перевернут последнюю страницу книги Евгения Ивановича Балабина. Кто-то порадуется возможности вглядеться и вслушаться в течение ушедшего столетия и благодарен будет автору за открывшиеся глазу и душе грани общей и частной жизни. Кто-то, может быть, закроет книгу с неудовольствием, обидевшись за внимание автора к некоторым персонам и Белому движению за рубежом.

Не будем никого ни в чем разубеждать – каждый имеет право на собственный взгляд и подход.

Не возьмемся разбирать чужие вины – не вины…

Не станем никого судить: не для того пришла к нам книга еще одного сына России, окончившего свои дни в долгой разлуке с ней… Помочь читателю вступить на путь Правды, который может привести к Истине, – вот достойная миссия издалека долетевшего до нас эха времени.

Именно этим путем, как бы сложен он ни был, и старается вести читателя автор, стремясь на протяжении всего повествования сохранить незамутненным свой внутренний взор, строго выверяющий соответствие воспоминаний реальным картинам пережитого. Судя по откликам современников Евгения Ивановича, ему это удалось, и отпечатанный на пишущей машинке, а затем переплетенный томик мемуаров, снабженный собственноручно вклеенными и подписанными автором фотографиями (уникальное произведение в единственном экземпляре!), стал живым источником Правды. А вправе ли мы отказываться от Правды только потому, что кому-то она не нравится?

Генерал А.А. Власов, например, часть такой «неудобной» правды, одна из самых непростых фигур Второй мировой войны. Однако надо ли из нашей истории вычеркивать страницу с этим именем или покрывать ее толстым слоем дегтя и сажи, равно как обелять и лакировать? У каждого из нас есть неприкосновенное право на Правду, в том числе и об этом советском генерале. На одном из современных форумов в Интернете довелось, например,

прочитать: «Если бы судьба сложилась иначе, ему бы командовать Парадом Победы. Власов был куда более толковым командиром, чем Рокоссовский и Говоров»...

Уходящий в плавание корабль нуждается в хорошей оснастке. Отправляя в 2008 году к современному читателю книгу, написанную в 1959 году автором, родившимся в 1879-м (вот такая получилась эстафета столетий: XIX – XX – XXI), мы сочли необходимым оснастить ее комментариями и справочными материалами, которые облегчат, как нам кажется, читательский дрейф по временам, помогут глубже осмыслить написанное, сделают более близким и понятным далекое, давно ушедшее.

Сам же корабль оставлен таким, каким замыслил и построил его Е.И. Балабин, – со всеми, без изъятия, многочисленными каютами-кубриками-отсеками жизни и памяти, действующими лицами и событиями, красками и ароматами.

Бережного отношения к себе потребовал и сам материал, из которого создан этот корабль, потому и сохранены в книге некоторые непривычные порой для современного носителя языка тематические группы слов, обороты и формы, столь естественные в речи потомственного офицера, «донского казака старинного рода», тесными внутренними узами связанного навек с «родимым местом», его традициями и обычаями, в том числе речевыми. От внимательного читателя не ускользнули, надеемся, те колоритные слова и формы, без которых померкла бы и стала безлико-нейтральной речь Евгения Ивановича Балабина – бессменного вахтенного на своем корабле, уже полвека плывущем из прошлого в настоящее.

Семь футов под килем!

Валентина Благово

КРАТКИЕ СПРАВКИ [82]

[1] **Балабин Евгений Иванович** (1879, Область войска Донского, – 1973, Вена, Австрия) – генерал-лейтенант (на 1940). Из дворян ВД.

Образование: Донской кадетский корпус, Николаевское военное училище.

Кадровый офицер лейб-гвардии Казачьего Е. В. полка. Участник Первой мировой, Гражданской, Второй мировой войн. Командир 12-го Донского ген.-фельдмаршала князя Потемкина Таврического полка, затем начальник 9-й Донской дивизии, в Белом движении: командующий боевой линией обороны Новочеркасска, член Войскового Круга ВВД, член Донского правительства.

Эмиграция: Турция, Балканы, Чехословакия, Чили, Австрия. Во время Второй мировой войны участвовал в формировании казачьих подразделений в составе вермахта в должности атамана «общеказачьего объединения в Германской империи, Словакии, Венгрии», в штабе казачьих войск при штабе РОА, в составе совета казачьих войск при главкоме ВС КОНРгенерал-лейтенанте А.А. Власове.

[2] **Краснов Петр Николаевич** (1869, Петербург, – 1947, Москва) – российский политический деятель, потомственный военачальник, один из вождей Белого движения, публицист и писатель. Генерал-лейтенант (1917), генерал от кавалерии (1918), атаман войска Донского и командующий белоказачьей армией.

Образование: Александровский кадетский корпус, 1-е Павловское военное училище (1888), Николаевская академия Генерального штаба (1 год), Офицерская кавалерийская школа (1908).

Службу начал хорунжим в лейб-гвардии Атаманском полку. Сотрудничал как журналист, беллетрист и военный теоретик с целым рядом военных журналов. В качестве спецкора газеты «Русский инвалид» был в Китае (1901), как военный корреспондент прибыл на русско-японский фронт (1904), однако принимал участие и в боевых действиях, за которые заслужил боевые российские ордена. Эфиопскую, русскую и французскую награды получил за блестящее исполнение должности начальника конвоя первой русской дипломатической миссии в Абиссинии (Эфиопии). Выдающиеся заслуги и исключительная храбрость Краснова были отмечены Георгиевским оружием, орденом Святого Георгия 4-й степени, производством в полковники «вне правил», то есть минуя очередные чины. В чине

генерала от кавалерии вышел в отставку и эмигрировал в 1920 г.

Эмиграция: Франция (деревня Сантени, где занимался литературным трудом); Германия (во время Второй мировой войны). Убежденный монархист, П.Н. Краснов не мог принять большевизм и советскую власть и пытался бороться с ними участием в мятеже Л.Г. Корнилова, попыткой взятия революционного Петрограда в кратковременном союзе с А.Ф. Керенским и сотрудничеством с вермахтом в качестве руководителя Главного казачьего управления. В 1945 г. сдался в плен англичанам и был выдан ими советской военной администрации. Был предан мучительной казни через повешение по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

[3] **Каледин Алексей Максимович** (1861, хутор Каледина, – 1918, Новочеркасск) – генерал от кавалерии, Донской атаман. Из дворян, сын офицера Всевеликого войска Донского, казак станицы Усть-Хоперской Области ВД. Участник Великой войны 1914 г., участник Брусиловского прорыва в 1916 г.

Образование: Воронежский кадетский корпус (1879), Михайловское артиллерийское училище (1882), Николаевская военная академия (1889).

Командовал 12-й кавалерийской дивизией, 12-м армейским корпусом, 8-й армией Юго-Западного фронта. Не признал советской власти, возглавил антибольшевистское сопротивление на Дону. Организатор (вместе с М.В. Алексеевым и Л.Г. Корниловым) Добровольческой армии. Не встретив отклика у широких масс казаков, застрелился.

[4] **Абрамов Федор Федорович** (1870, станица Митякинская, ныне Ростовской обл., – 1963, Лейквуд, штат Нью-Джерси, США) – военачальник Белого движения в годы Гражданской войны в России (1917 – 1922), генерал-лейтенант (1914). Участник Русско-японской, Первой мировой войн.

Образование: Петровско-Полтавский кадетский корпус, 3-е Александровское училище (1891), Академия Генштаба (1898).

Занимал штабные и командирские должности, адъютант штабов кавалерийской дивизии, армейского корпуса (1898 – 1902), старший офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа (1902 – 1903), ст. офицер для поручений и делопроизводства при Полевом управлении Маньчжурской армии и генерал-квартирмейстера при главнокомандующем войсками на Дальнем Востоке (1904 – 1905). Начальник штаба 4-й Донской, затем 13 казачьих дивизий (1905 – 1912), командир 1-го уланского полка (1912 – 1913). Начальник Тверского кавалерийского училища (с 1914). Генерал-квартирмейстер штаба 12-й армии; командир 4-й казачьей бригады, затем

кавалерийской дивизии; начальник войскового штаба Донского казачьего войска (1914 – 1918). Участвовал в ликвидации советской власти на Юге России в составе войска Донского (в распоряжении атамана А.М. Каледина); в армии А.И. Деникина, в войсках П.Н. Врангеля. Участник формирования казачьих частей во время Второй мировой войны, КОНР и РОА.

Эмиграция: Турция, Болгария, Югославия, Германия, США. Почетный председатель объединения лейб-гвардии Атаманского полка. Автор публикаций в казачьих органах печати, участник создания музея лейб-гвардии Казачьего полка в Курбевуа под Парижем.

[5] **Попов Петр Харитонович** (1876 – 1960, Нью-Джерси, США) – генерал-лейтенант (1918), генерал от кавалерии (1919). Походный атаман Донского казачьего войска (1918).

Образование: 6 классов Новочеркасской классической гимназии, Новочеркасское кавалерийское юнкерское училище (1891), Николаевская академия Генерального штаба (1899).

Участник Первой мировой войны. Начальник Новочеркасского казачьего училища (1910 – 1918). Организатор Степного похода белоказаков. Один из руководителей Общедонского восстания, в ходе которого освободил (вместе с отрядом Дроздовского) Новочеркасск от войск Красной армии. Командующий Донской армией, затем атаман войска Донского. Председатель Донского правительства и министр иностранных дел.

Эмиграция: Болгария (один из создателей первой здесь казачьей станицы Габрово, Франция, США, Чехословакия, Германия, США.

[6] **Рутченко (Рутыч) Николай Николаевич** (1916, Кишинев) – историк, публицист, общественный деятель, автор известных трудов «КПСС у власти», «Думская монархия», «Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России». В настоящее время (2007) проживает в Аньере под Парижем, активно сотрудничает с библиотекой-фондом «Русское зарубежье», пополняя фонд материалами русской эмиграции.

[7] **Шатилов Павел Николаевич** (1881, Тифлис, – 1962, Аньер под Парижем) – генерал от кавалерии. Из дворян. Георгиевский кавалер.

Образование: 1-й Московский кадетский корпус, Пажеский корпус (1900), Николаевская академия Генерального штаба (1908).

Службу начал офицером лейб-гвардии Казачьего полка. Генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта. В

Добровольческой армии и ВСЮР. Начальник 1-й Конной дивизии; командир 3-го и 4-го конного корпусов; начальник штаба Кавказской армии; начальник штаба Добровольческой армии.

Эмиграция: Константинополь, Франция. 18 марта 1920 г. генерал Шатилов и генерал Врангель были вызваны из Константинополя в Севастополь на заседание Военного совета для избрания преемника главнокомандующего ВСЮР генерала Деникина. Шатилов стал помощником главнокомандующего ВСЮР (им был избран генерал Врангель), а позже начальником штаба Русской Армии Врангеля, штаба Русской Армии. В генерал-лейтенанты произведен П.Н. Врангелем за успешную эвакуацию Крыма в 1920 г. Начальник 1-го отдела РОВС во Франции, член Общества офицеров Генерального штаба, почетный председатель объединения лейб-гвардии Казачьего полка.

[8] **Богаевский Африкан Петрович** (1872 – 1934, Париж) – генерал-лейтенант (1918), войсковой атаман войска Донского (1919 – 1934). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Награжден Георгиевским оружием и Георгиевским крестом 4-й степени с лавровым венком. Из дворян войска Донского. Казак станицы Каменской, Донецкого округа.

Образование: Донской кадетский корпус (1890), Николаевское кавалерийское училище (1892), Академия Генштаба (1900).

В офицеры произведен в лейб-гвардии Атаманском полку (1892). Был зачислен в Свиту его Императорского Величества (1915). Занимал должность начальника штаба 2-й Гвардейской Кавалерийской дивизии, затем штаба походного атамана казачьих войск Великого князя Бориса Владимировича, был командиром 4-го гусарского Мариупольского полка, командовал лейб-гвардии Сводно-Казачьим полком, затем Забайкальской казачьей и 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизиями. С декабря 1917 г. на Дону, в рядах Добровольческой, а затем Донской армии. Участник 1-го Кубанского похода. Командир Партизанского полка, 2-й пехотной бригады, председатель совета управляющих отделами Донского правительства и управляющий отделов внешних сношений Донского правительства.

Эмиграция: Турция, София, Белград, Париж. Автор мемуаров. Похоронен в Сен-Женевьев-де-Буа.

[9] Граф **Граббе Михаил Николаевич** (1868 – 1942, Париж) – генерал-лейтенант, наказный атаман войска Донского. Участник Великой войны 1914 г. Георгиевский кавалер. Из дворян Области войска Донского.

Образование: Пажеский Е. И. В. корпус (1890).

Кадровый офицер лейб-гвардии Казачьего полка. В Гражданской войне участия не принимал.

Эмиграция: Франция. Участник съезда русских монархистов в Бад-Райхенгалле (Германия, 1921). Войсковой атаман Всевеликого войска Донского (1935). В 1941 г. содействовал формированию антисоветских воинских частей.

[10] **Доманов Тимофей Иванович** (1887, хутор Калиновский, станицы Мигулинской, Верхне-Донского округа, – 1947, Москва) – генерал-майор (1944). Сын урядника ВД. Участник Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войн. Георгиевский кавалер.

Образование: учебная команда 12-го Донского казачьего полка, Екатеринодарская школа прапорщиков.

В войске Донском с 1908 по 1917 г.: 12-й Донской полк, 3-й Донской казачий запасной полк, член 1-го Войскового Круга, член 3-го Войскового Круга, войсковой есаул от Хоперского округа.

В Красной армии: февраль – сентябрь 1918 г. Взят в плен немцами, передан в Донскую армию, где служил до февраля 1920 г. (казначей конной сотни, командир сотни Гундоровского Георгиевского полка).

Остался в Новороссийске (1920). Новочеркасск – Майкоп – Шахты. Работал шахтером, горным техником в г. Шахты. Отбывал заключение в тюрьме (Ейск, 1934 – 1935) за «экономический саботаж» (в материалах допроса «за растрату»).

Сотрудничество с НКВД: 1935 – 1942 (Ессентуки, Пятигорск).

Сотрудничество с полицией: 1942 – 1945. (В штабе походного атамана ВВД в г. Шахты, в течение 1942 г. произведен в есаулы, в войсковые старшины, полковники, генерал-майоры. Занимал должности представителя походного атамана ВВД в г. Шахты, в г. Орехове, Запорожской обл., в Запорожье; командир 2-го Донского полка; начальник штаба походного атамана, походный атаман казачьих войск; член ГУВК при министерстве восточных областей Германии.) Награды: Железные кресты 2-го и 1-го классов.

Участие в боях против частей Красной армии: в 1943 г. полки, сформированные из завербованных Домановым 3000 казаков, были приданы немецким войсковым частям и участвовали в боях против Красной армии на Украине и в Белоруссии. 3-й казачий пеший полк из состава «Казачьего стана» участвовал в подавлении Варшавского восстания. Поход из Белоруссии (Новогрудки) до Италии (Толмеццо), участие в боях с итальянскими партизанами. Австрия (май 1945), сдача в плен англичанам. Доманова содержали в отеле «Голд Фиш» в Лиенце. По приказу англичан выехал со всеми казачьими и северо-кавказскими офицерами в австрийский город Шпиталь, скрыл от всех известную ему предстоящую выдачу советским военным властям. Выдан советскому командованию 29 мая 1945 г.

в Юденбурге (Австрия). Здесь, на территории бывшего сталелитейного завода, в присутствии всех офицеров подал советскому генералу Долматову письмо английских военных властей с ходатайством о снисхождении Доманову в связи с его действиями по выдаче офицеров. В 1947 г. арестован и этапирован в Москву сотрудниками ГУКР Смерш (военная контрразведка «смерть шпионам», созданная в апреле 1943 в составе Наркомата обороны, – название прозвучало впервые в мае 1919), помещен в Бутырскую тюрьму. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение во дворе внутренней тюрьмы МГБ СССР в Москве.

[11] **Смола-Смоленко Елисей Климентьевич** (1894, Киев, – 1964, Пало-Альто, США) – поручик.

Образование: Житомирская гимназия (1914), Одесская школа прапорщиков (1915).

В Добровольческой армии с 1918 г. Участник 1-го Кубанского похода в составе Офицерского пехотного полка. Потерял руку из-за тяжелого ранения. В Марковской пехотной дивизии до эвакуации Крыма.

Эмиграция: Турция, Болгария, Австрия, Чили, США. Во время Второй мировой войны – в Русском корпусе в Югославии. Член Общества русских ветеранов Великой войны (Калифорния). Член Зарубежного союза русских инвалидов.

[12] Фон **Лампе Алексей Александрович** (1855 – 1967) – генерал-майор Генштаба. Участник Русско-японской и Первой мировой войн.

Образование: 1-й кадетский корпус, Николаевское инженерное училище, Николаевская военная академия (1913).

Служил подполковником и штаб-офицером для поручений при штабе 18-го армейского корпуса (1916), и. д. генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии (1917). Возглавлял (вместе с полковником Б.А. Штейфаном) подпольный Добровольческий центр в Харькове, во время германской оккупации, при Петлюре, занимался переброской офицеров в Добровольческую армию (1918). В это же время зачислен в нее.

В Добровольческой армии – начальник оперативного отдела в группе войск генерала Врангеля, затем в Управлении генерал-квартирмейстера Кавказской Добровольческой армии. Выполнял поручения П.Н. Врангеля за границей.

Эмиграция: Дания, Венгрия, Германия, Франция. Военный представитель Русской Армии за рубежом, руководитель 2-го отдела РОВС в Берлине. После роспуска РОВС в Германии был арестован гестапо. Заместитель начальника РОВС во Франции. С

февраля 1975 г. до конца дней возглавлял РОВС.

[13] **Туркул Антон Васильевич** (1892, Тирасполь, – 1957, Мюнхен) – генерал-майор (1920). Участник Первой мировой войны.

Образование: реальное училище, ускоренный курс юнкерского училища (1914).

Служил: в 75-м Севастопольском пехотном полку, командир ударного батальона 19-й пехотной дивизии (1915 – 1917). Трижды ранен. В Белом движении: участник похода Яссы – Ростов (в составе отряда полковника Дроздовского); командир роты, затем батальона 1-го офицерского Дроздовского полка; командир 3-й Дроздовской дивизии в Русской Армии генерала Врангеля. Получил 4-е ранение.

Эмиграция: Турция, Болгария, Германия, Франция. 1941 – 1945 гг. – сотрудничество с немцами. Принимал участие в формировании частей РОА в Австрии. Командир Добровольческой бригады. Председатель комитета русских невозвращенцев (после 1945). Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем.

[14] **Татаркин Григорий Васильевич** (1873 – 1947, Мюнхен) – генерал-лейтенант (1919). Участник Первой мировой войны.

Образование: Новочеркасское юнкерское училище (1914), Николаевская академия Генерального штаба.

Служил в войсках Донского казачества: командир 33-го Донского казачьего полка (1914 – 1917). В Донской армии (1918 – 1920): командир конного отряда, 5-й конной дивизии, 9-й Донской конной бригады, 10-й Донской конной дивизии. В Русской Армии (1920): командир бригады и 2-й Донской казачьей дивизии. В боях получил 9 ранений.

Эмиграция: Турция, Болгария, Югославия. Во Второй мировой войне в частях РОА в Германии.

[15] По-видимому, **Лечицкий Платон Алексеевич** (1856, Гродненская губерния, – 1923, Москва) – генерал от инфантерии. Родился в семье священника. Участник Русско-японской и Первой мировой войн.

Образование: Варшавское пехотное юнкерское училище (1879).

Командовал пехотным полком (1904 – 1905). Был назначен начальником пехотной дивизии (1906); командиром корпуса (1908); командующим войсками Приамурского военного округа (1910); командиром 9-й армии (1914), разбившей 7-ю австро-венгерскую армию в Буковине; командующим войсками Западного фронта (1917).

После октября 1917 г. служил в Красной армии. В качестве

военспеца при штабе Петроградского военного округа. По некоторым данным, умер в 1921 г. в московской тюремной больнице.

[16] **Оприц Илья Николаевич** (1886 – 1964, Сен-Женевьев-де-Буа) – генерал-майор (1920).

Образование: Пажеский корпус.

Вся военная служба, начиная с 1906 г., связана с л.-гв. Казачьим Его Величества полком: есаул и командир 4-й сотни (1917), затем полковник и помощник командира полка по хозяйственной части. Был арестован в станице Каменской Военно-революционным комитетом и вместе с другими офицерами был под угрозой расстрела. Участник освобождения Новочеркасска во время Общедонского восстания, боев на Северском Донце. Неоднократно принимал на себя командование полком (1919 – 1920). После тяжелого ранения под Таловой назначен в особый отдел при штабе главнокомандующего.

Эмиграция: Греция, Королевство СХС, Бельгия, Франция. Командовал лейб-гвардии Казачьим дивизионом, позже сведенным в полк. Основал музей полка в Курбевуа под Парижем. Был представителем Объединения л.-гв. Казачьего полка и председателем Общества ревнителей русской военной старины. Автор книги «Лейб-гвардии Казачий Е. В. полк в годы революции и Гражданской войны. 1917 – 1920» (Париж, 1939).

[17] **Греков Георгий (Юрий) Александрович** (1897, Грековка, Усть-Мечетинской вол., – 1987, Буэнос-Айрес) – есаул. Из казаков станицы Аксакайской, Области войска Донского.

Образование: Воронежский кадетский корпус (1914), Николаевское кавалерийское училище (1914).

Сотник, командир 3-й сотни л.-гв. Атаманского полка до эвакуации из Крыма, временно командующий полком (1920).

Эмиграция: Аргентина.

[18] **Кизеветтер Александр Александрович** (1866, Санкт-Петербург, – 1933, Прага) – историк, публицист, политический деятель, член-корреспондент Российской академии наук (1917). Один из создателей Конституционно-демократической партии (1905), член ее ЦК. Видный деятель Союза освобождения, один из главных сотрудников «Русских ведомостей». Депутат от Москвы во 2-й Государственной думе.

Образование: историко-филологический факультет Московского университета. Ученик В.О. Ключевского. Защитил магистерскую, затем докторскую диссертацию по русской истории.

Профессор Московского университета (1909 – 1911). Читал лекции по русской истории на высших женских курсах, в

университете Шанявского в Москве. В 1922 г. выслан за границу. Автор трудов по политической истории и истории общественной мысли XVIII – XIX вв. и мемуаров «На рубеже двух столетий».

[19] **Власов Андрей Андреевич** (1901, с. Ломакино, Нижегородской губернии, – 1946, Москва) – советский военный деятель, создатель Русской Освободительной Армии (РОА) в фашистском плену.

Образование: Нижегородское духовное училище (два курса); единая трудовая школа; поступил на агрономический факультет Нижегородского государственного университета (1919); командирские курсы; Высшие армейские командные курсы; Военная академия им. М.В. Фрунзе (с 1935).

Участвовал в боях с Белой армией на Южном фронте (1920 – 1922). Служба на командных и штабных должностях, преподавание (с 1922). Член военного трибунала в Ленинградском и Киевском военных округах, командир 99-й стрелковой дивизии (1937 – 1938). Военный советник в составе группы в Китае, получил от Чан Кайши орден Золотого Дракона (1938 – 1939). Генерал-майор, командир дивизии, награжден орденом Красного Знамени (1940). Командир 4-го механизированного корпуса Киевского военного округа, награжден орденом Ленина (1941).

Во время Великой Отечественной войны: командир мехкорпуса под Львовом, затем 37-й армии, защищавшей Киев. Получил приказ главнокомандующего сформировать и возглавить 20-ю армию (ноябрь 1941), награжден орденом Красного Знамени, получил звание генерал-лейтенанта. Награжден орденом Ленина (февраль 1942). Заместитель командующего Волховским фронтом (март 1942). Командир 2-й ударной армии. Тяжелые оборонительные бои без должного обеспечения с превосходящими силами противника привели к огромным потерям. Остатки армии, сумевшие вырваться из окружения, попали под репрессивную чистку военных чекистов, что породило легенду о сдавшейся в плен 2-й армии. Власов пытался спастись и 11 июля 1942 г. в д. Туховежи, Ленинградской области, сдался противнику и, согласившись сотрудничать с вермахтом, предложил создать из пленных Русскую Освободительную Армию. Приказом Сталина был объявлен изменником. Подписал листовку с призывом свергнуть сталинский режим и объединиться в РОА. Написал открытое письмо «Почему я встал на путь борьбы с большевизмом».

Перед разгромом фашистской Германии Власов безуспешно пытался получить политическое убежище в Швейцарии. Не удалось ему и перевести части РОА в англо-американскую зону.

Вместе с ближайшим окружением был арестован советской разведкой. Надеялся на помилование в связи с тем, что сохранил жизнь сотням тысяч военнопленных. Осужден на закрытых заседаниях Военной коллегии без адвокатов и свидетелей. Признал, как и все подсудимые (И.А. Благовещенский, С.К. Буняченко, Г.Н. Жиленков, Д.Е. Закутный, Г.А. Зверев, В.Д. Корбуков, В.Ф. Малышкин, В.И. Мальцев, М.А. Меандров, Ф.И. Трухин, Н.С. Шатов), свою вину. Приговорен к смертной казни через повешение. Казнен в 1946 г.

[20] **Бакланов Яков Петрович** (1809 – 1873) – генерал-лейтенант (1860), походный атаман донских казаков при Кавказской армии (1857).

Начал службу урядником (1825), в штурме Браилова (1828), в турецких операциях (1829). На Кавказе (1834 – 1837; 1845 – 1853) в полку Жирова; на левом фланге Кавказской линии командовал казачьим полком, бригадой донцев; начальник всей кавалерии левого фланга Кавказской линии; командир особого кавалерийского отряда.

Отличался личной отвагой, имел блестящую боевую репутацию. Отмечен рядом боевых наград, в том числе орденом Святого Георгия 4-й степени.

В Новочеркасске и Польше с 1837 по 1845 г. В 1863 г. командирован в Вильну (о). Заведовал всеми донскими полками в районе Виленского округа, затем управлял Августовской губернией. В 1867 г. – на Дону. Последние годы жизни – в Петербурге. Погребен в Новодевичьем монастыре. Автор записок, помещенных в «Русской старине» в 1870 – 1871 гг.

[21] **Шамиль** (1797, аул Гимры (*аварск.* Генуб) – 1871, Медина) – предводитель кавказских горцев, объединивший их в Имамат (теократическое государство) в пределах Западного Дагестана, Чечни, позже Черкесии. Осажден был в ауле Гуниб (1859) и капитулировал, став почетным пленником Императора Александра II. После приема Императором в Петербурге был в Калуге (с кратким пребыванием в Киеве). В 1870 г. отпущен на жительство в Мекку.

Шамиль воспитывался в среде мусульманского духовенства и под влиянием Кази-муллы, первого имама и проповедника газавата (священной войны), стал ярым сторонником ***мюридизма*** (от *арабск.* «мюрид» – ученик, послушник) – течения в исламе, возникшего во второй половине XIV в. в Бухаре. Последователи мюридизма полностью подчинялись своим наставникам (муршидам) на пути постижения Бога в борьбе с неверными. Мюридизм является разновидностью ***суфизма*** – мистико-аскетического направления в исламе, которое характеризуется

отрицанием сложной обрядности, ортодоксального ислама, отсутствием духовенства, проповедью аскетизма, созерцательного самоуглубления и отказа от общественной жизни.

Обладавший воинским талантом, ораторскими и организаторскими способностями, Шамиль в течение 25 лет был имамом Дагестана (с 1834). Непререкаемый авторитет и непреклонная воля Шамиля позволили ему сделать, в соответствии с его убеждениями, основой жизни горцев шариат – систему исламских правил жизни, определяемую Кораном и перенесенную и в мусульманское судопроизводство.

[22] Имеется в виду **Цаган-сар (Белый месяц)** – древнейший народный обычай празднования Нового года по лунному календарю у монголов, калмыков, китайцев (по европейскому календарю приходится на февраль).

В старину он отмечался осенью и был связан с молочной пищей. С принятием буддизма этот праздник передвинут на конец зимы и объединен с датой победы основателя буддизма над другими школами.

Накануне этого дня проводится праздничная служба, во время которой возносятся молитвы о счастливом течении нового года. Затем разжигаются костры, на которых сжигаются старые вещи и приносятся жертвоприношения огню.

После совершения обрядов принято ходить в гости, поздравлять друг друга, дарить подарки и пировать. На столе в изобилии разнообразные молочные продукты и даже молочная водка. Каждый гость, выпивая вино, должен пожелать хозяину счастья. Чем больше в доме гостей – тем лучше это для благополучия семьи в наступающем году.

[23] **Маныч** – пересыхающая местами река, которая начинается в современной Астраханской области и впадает в Дон. Манычем называют также широкую низменность реки от Каспийского до Азовского морей, собственно долину реки с озерами и лиманами и русло, по которому стекает избыток воды во время весеннего половодья. Слово «Маныч» служит также общим названием озер и рек Кумо-Манычской впадины.

В тексте книги Е.И. Балабина употребляется распространенное в речи жителей этой долины относительное прилагательное «манацкий» или «маноцкий» (вместо нормативно-литературного «манычский») и встречается склонение топонима «Маныч» как существительного женского рода (по-видимому, под влиянием родового понятия река).

[24] **Всевеликое Войско Донское,** или **Донское казачье войско,** – самая многочисленная группа казаков, занимавшая Область войска Донского (современная Ростовская, Луганская,

Воронежская области и часть Волгоградской, а также Калмыкия). Считалось одним из «состояний Российской Империи, обладающим особыми правами и преимуществами».

Отсчет истории Донского казачества ведется от грамоты Царя Ивана Грозного от 3 января 1570 г. С этого момента Донское войско стало использоваться для охраны южных рубежей страны и до начала XVIII в. располагало широкой автономией и обладало органами самоуправления.

С 1763 г. для казаков стала обязательной пожизненная военная служба (сначала 30 лет, затем, с 1875 г., – 20), основными занятиями – земледелие и коневодство.

К началу XX в. в Области войска Донского сложилось 7 военных округов, в которых в мирное время комплектовалось 17 армейских и 2 гвардейских донских полков, 8 батарей, 6 отдельных сотен и 12 команд. Население составляло к 1917 г. 3,53 млн чел., проживавших в 134 станицах.

[25] **Донские калмыки**, или бузавы (бузаавы), – одна из ветвей монгольского племени, осевшая на территории задонских степей (Сальский округ). Первые упоминания об установлении сношений калмыков с донскими казаками относятся к началу XVII в. Более двухсот лет назад (1884) калмыки добровольно вошли в состав Донского казачьего войска и стали донскими казаками Сальского округа. Донские калмыки стали вести оседлый образ жизни и, расселившись по 13 станицам на отведенных землях, заниматься коневодством, скотоводством, сельским хозяйством. Сохранили свою религию (буддизм в его ламаистской разновидности) и обряды, так как Войско Донское не вмешивалось в их внутреннюю жизнь.

В эмиграции насчитывается более тысячи донских калмыков, по традиции живших большими группами.

[26] **Иоанн Кронштадтский** (в миру Иван Ильич Сергиев, 1828, Сура, Архангельской губернии, – 1908/1909, Кронштадт) – церковный деятель, проповедник, писатель. Настоятель (в чине протоиерея) Андреевского (Морского) собора в Кронштадте, прославленный в лике святых (1990). Родился в семье сельского церковного причетника Архангельской епархии.

Образование: Архангельская приходская школа (1851), Архангельская духовная семинария, Петербургская духовная академия.

При жизни получил широкую известность как чудотворец, обладающий даром помогающей, исцеляющей молитвы. Активно занимался благотворительностью. Основал «Дом трудолюбия», школу для бедных, женскую богадельню, детский приют. За свое безграничное милосердие пользовался всенародной любовью. С

1880 г. на проповеди отца Иоанна ежедневно собиралось 5 – 6 тысяч верующих.

Весной 1889 г. о. Иоанн был приглашен к умирающему М.Е. Салтыкову-Щедрину. В Ливадии напутствовал и готовил в последний путь Императора Александра III (1894). Главное сочинение Иоанна Кронштадтского – книга «Моя жизнь во Христе». Мощи Иоанна Кронштадтского хранятся в Свято-Иоанновском женском монастыре Петербурга.

[27] **Донской Императора Александра III кадетский корпус** – военно-учебное заведение, созданное в 1883 г. в Новочеркасске, с 1805 г. бывшем столицей казачества. С 1899-го носит имя Императора Александра III. Несколько десятков учащихся корпуса участвовали в Гражданской войне. В начале 1920 г. корпус был эвакуирован через Новороссийск в Египет, где был расформирован осенью 1922 г. Воссоздан на базе 2-го Донского кадетского корпуса в Югославии, где существовал до 1933 г. Примечательно, что в Египте и Югославии кадетами корпуса издавались рукописные журналы «Донец на чужбине» и «Донец».

[28] Князь **Святополк-Мирский Петр Дмитриевич** (1857 – 1914) – участник Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг., генерал от кавалерии (1913), министр внутренних дел (1904).

Образование: Пажеский корпус (1875), Академия Генерального штаба (1881).

Офицер л.-гв. Гусарского полка; начальник штаба 3-й гренадерской дивизии (1886 – 1890); пензенский (с 1890), екатеринославский (с 1897) губернатор; товарищ министра внутренних дел, командир Отдельного корпуса жандармов (с 1900); виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор (с 1902). С 1905 г. состоял по Генеральному штабу.

[29] **Ляборинские** – известная на Дону фамилия: особых поручений областного правления войска Донского надворный советник Ляборинский; протоиерей Ляборинский (1866); в письмах А.И. Булгакова упоминается Сергей Павлович Ляборинский.

[30] Барон **Крюденер** – упоминается в книге А.Ф. Редигера, военного министра (1905 – 1909) «История моей жизни. Воспоминания военного министра».

[31] **Анчутин Константин Николаевич** (1840 – 1911, Санкт-Петербург) – генерал-лейтенант (1903), почетный опекун совета учреждений ведомства Императрицы Марии по Санкт-Петербургскому присутствию (с 1908), кавалер Золотого оружия (1877).

Образование: Павловский кадетский корпус (1858), Михайловская артиллерийская академия (1860).

Офицер л.-гв. Семеновского полка; затем служил по ведомству военно-учебных заведений. Заведующий артиллерийским полигоном Казанского, Киевского военных округов (с 1869); помощник начальника осадной артиллерии действующей армии (с 1877), инспектор классов Тифлисского (1882), Полтавского (1883) кадетских корпусов. Директор Полоцкого (1888), Донского (1891) кадетских корпусов. Помощник главного начальника военно-учебных заведений (1905).

[32] Юнкер **Савицкий** в материале Еленевского «Военные училища Сибири» (1918 – 1922) как давший сведения о Хабаровском атамана Калмыкова военном училище.

[33] **Будаевский Сергей Александрович** – генерал-лейтенант, военный педагог. Род. в 1851 г.; окончил курс в Артиллерийской академии; преподавал математику в Пажеском корпусе, артиллерию – в училищах Константиновском и Инженерном; был инспектором классов в Николаевском кавалерийском училище. Состоял генералом для особых поручений при Главном управлении военно-учебных заведений и исполнял обязанности второго помощника главного начальника этих заведений. Автор целого ряда учебников и трудов по арифметике, тригонометрии, артиллерии, механике.

[34] **Алексеев Михаил Васильевич** (1857 – 1918, Екатеринодар) – российский военный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии (1914), начальник штаба Ставки (август 1915 – март 1917), фактический руководитель всех военных действий. В марте – мае 1917 г. – Верховный главнокомандующий. Масон, член организации «Военная масонская ложа», был в числе главных действующих лиц, вынудивших Императора Николая II отречься от престола. После Октябрьского переворота участвовал в создании Добровольческой армии, ее верховный руководитель (весна 1918).

[35] **Греков Алексей Кириллович** – командующий 4-й Донской казачьей дивизией (1915). В том же году – командир 1-го Донского казачьего полка, награжден Георгиевским оружием. Генерал-майор, командир 1-й кавалерийской дивизии.

[36] **Пешков Д.Н.** (1859, ст. Алабазинская, Амурского казачьего войска, – ?) – легендарный амурский казак, герой знаменитого конного пробега Благовещенск – Царское Село.

[37] **Константин Константинович** (1858, Стрельна, Петербургской губ., – 1915, Павловск) – Великий князь, второй сын Великого князя Константина Николаевича, генерал-лейтенант (1901), генерал от инфантерии (1907).

Получил *домашнее образование*. С детства готовился к службе

на флоте. В службе с 1858 г., офицером с 1865 г. Офицер Гвардейского экипажа и л.-гв. Измайловского полка. Участник Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Командир л.-гв. Преображенского полка (1891). Главный начальник (1900), генерал-инспектор (1910) военно-учебных заведений.

Известный поэт и ученый, переводчик пьес классического репертуара и драматург. Публиковался под псевдонимом КР. Президент Академии наук, председатель Русского археологического (1892), Палестинского императорского (1905) обществ.

[38] **Святой Феодосий**, архиепископ Черниговский (нач. 30-х годов XVII столетия, Подольская губерния, – 1696, Чернигов). Родился в семье Полоницких-Галицких (древний дворянский род). Отец – иерей Никита, мать – Мария. Хиротонисан в архиепископа в Успенском соборе Московского Кремля (1692). День памяти 5 февраля, 9 сентября.

[39] **Машин Александр Николаевич** – генерал-майор.

Образование: Академия Генштаба.

Добровольно вступил в РККА. В списках Генштаба РККА в 1919 и 1920 гг.

Машин Анатолий Михайлович (? – 1971, Лос-Анджелес, штат Калифорния, США) – полковник Русского корпуса.

[40] **Плеве Павел Адамович** (1850 – 1916, Москва) – генерал от кавалерии (1907). Из дворян Петербургской губернии. Георгиевский кавалер (1914).

Образование: Николаевское кавалерийское училище (1870), Николаевская академия Генерального штаба (1877).

Службу начал в л.-гв. Уланском Его Величества полку. Участник Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. В Болгарии (до 1880): обер-офицер при штабе 13-го армейского корпуса; офицер для поручений при штабе командующего войсками; начальник отделения российского комиссара; штаб-офицер для поручений при военном министре; член Главного военного суда; начальник Софийского военного отдела. Командир эскадрона л.-гв. Кирасирского Е. В. полка (1880 – 1881). Затем – на различных штабных должностях (до 1890). Командир 12-го драгунского Мариупольского полка (1890). Окружной генерал-квартирмейстер штаба Виленского военного округа (1893). Начальник Николаевского кавалерийского училища (1895). Командир 2-й кавалерийской дивизии (1899), начальник войскового штаба войска Донского (1901). Комендант Варшавской крепости (1905). Командир 16-го армейского корпуса (1905). Помощник командующего войсками Виленского военного округа (1906). Командующий войсками Московского округа (1909).

Командующий 5-й армией, созданной на базе управления Московского ВО (1914). Руководил всеми русскими войсками в районе Лодзи (1914). Командующий 12-й, а затем 5-й армией (1915). Главнокомандующий армиями Северного фронта (1915). По состоянию здоровья освобожден от командования. Назначен членом Государственного совета.

[41] **Бакмансон Лидия Федоровна** (1870 – 1949) – певица. Дочь действительного статского советника. Умерла в Вальхензее. Похоронена в Мюнхене.

Следы фамилии в эмиграции: Бакмансон Гуго Карлович, полковник, похоронен в Хельсинки в 1953 г.

[42] **Владимир Александрович** (1847 – 1909) – Великий князь, третий сын Императора Александра II, дядя Императора Николая II. Георгиевский кавалер (1878). Генерал от инфантерии (1880). Генерал-адъютант.

Получил *домашнее образование*. Был женат на урожденной принцессе Мекленбург-Шверинской (Марии-Александрине-Елизавете-Элеоноре) – Великой княгине Марии Павловне (старшей). Сыновья: Александр (умер в младенчестве), Кирилл, Борис, Андрей. Дочь Елена.

Участник Русско-турецкой войны, командир 12-го армейского корпуса, награжден Золотым оружием с бриллиантами (1877 – 1878). Главнокомандующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа (1881 – 1905), член Государственного совета, сенатор, член Комитета министров, товарищ президента (1869 – 1876) и президент (с 1876) Академии художеств.

С именем В.А. связаны строительство здания Николаевской академии Генерального штаба, Офицерского собрания армии и флота, создание Экономического общества офицеров в Петербурге.

[43] **Пронин Василий Михайлович** (1882, Черниговская губерния, – 1965, Сан-Паулу, Бразилия). Из потомственных дворян, сын тайного советника. Товарищ председателя Управления Главного комитета Союза Офицеров. Участник выступления генерала Корнилова (арестован и отправлен в Быховскую тюрьму). Участник Ледяного похода.

Образование: Нежинское городское училище, Чугуевское военное училище (1904).

Служил на штабных должностях.

Эмиграция: Сербия, Бразилия. Редактор газеты «Военный голос». Начальник канцелярии Державной комиссии в Белграде. Учредитель Военно-научного института и Археологического общества в Белграде. Член правления Общества офицеров

Генерального штаба. Редактор ряда эмигрантских изданий. Преподаватель военно-научных курсов Головина в Белграде.

[44] **Елена Владимировна** (1882 – 1957) – Великая княжна, дочь Великого князя Владимира Александровича и Великой княгини Марии Павловны, внучка Государя Императора Александра II Николаевича, двоюродная сестра Императора Николая II.

В браке (1903 – 1938) с принцем Греческим и Датским Николаем (1872 – 1938), третьим сыном короля Греции Георга I (1845 – 1913) и королевы Ольги Константиновны (1851 – 1926). Это было второе династическое породнение датского и греческого королевских домов Шлезвиг-Голштейн-Зонденбург-Глюксбург и Императорского Дома Романовых.

В браке родилось пятеро детей, укрепивших своими браками междинастические связи. Королевна Ольга (1903 – 1947) стала в 1923 г. женой принца Павла Карагеоргиевича, будущего регента Югославии (1934 – 1941). Мария в 1934 г. вышла замуж за принца Георга (1902 – 1942), герцога Кента, четвертого сына короля Великобритании Георга V (1865 – 1936). Елизавета стала супругой немецкого графа Карла фон Терринг-Йеттебах (1900 – 1967).

[45] **Сидоровы** в эмиграции: Сидоров Алексей Емельянович (? – 1938, Харбин, Китай); Сидоров Василий Александрович (? – 1932, Париж) – казак ст. Вешенской Донского войска. Скончался в госпитале Ларибуазьер; Сидоров Владимир Евграфович (? – 1945, Нью-Йорк, США); Сидоров Иван Алексеевич (1899 – 1972, Париж) – поручик бронепоездного артдивизиона. Похоронен на галлиполийском участке кладбища Сен-Женевьев-де-Буа; Сидоров Кузьма Кузьмич (? – 1960, Бельгия) – канонир; Сидоров Павел Вениаминович (1901 – 1964, Париж) – хорунжий, член объединения лейб-казаков. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

[46] **Лейб-гвардии Казачий Его Императорского Величества полк** создан для Конвоя Императрицы Екатерины II в Москве 20 апреля 1775 г. из Донской и Чугуевской придворных казачьих команд, которые позже (1796) были соединены с казачьим полком Гатчинских войск, переформированы в 2 эскадрона и составили половину лейб-гусарского казачьего полка.

Полковой праздник 4 апреля, День святого мученика Иерофея. Полк размещался в Санкт-Петербурге, укомплектовывался бородатыми широкоплечими невысокими шатенами и брюнетами. Общая полковая масть коней – гнедая (у трубачей – серая).

[47] **Дембский Константин Варфоломеевич** (1847 – ?) –

генерал от кавалерии.

Образование: Киевско-Владимирский кадетский корпус, Николаевское училище гвардейских юнкеров, учебный кавалерийский эскадрон.

Начал службу в л.-гв. Уланском полку. Участник Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Исполнял командирские должности (эскадрон; Курляндский полк; 1-я бригада 3-й кавалерийской дивизии; лейб-гвардии Казачий полк; 2-я бригада 1-й лейб-гвардии Кавалерийской дивизии). После производства в генерал-лейтенанты (1905) – начальник 8-й кавалерийской дивизии. В 1910 г. произведен в генералы от кавалерии с увольнением от службы с мундиром и пенсией. В 1912 г. вернулся на службу генералом от кавалерии с назначением почетным опекуном Московского присутствия Опекунского совета учреждений Императрицы Марии.

[48] **Чеботарев Степан Степанович** – числится в списках доверенных общества донских торговых казаков за 1873 – 1874 гг. Авторитетные доверенные лица избирались торговым обществом и наделялись рядом полномочий. Они обязаны были способствовать сохранению общего и личного взаимного доверия между торговцами, законными средствами следить за целостностью торговых капиталов, ходатайствовать «о способах к поддержанию и улучшению торговых оборотов и в отвращении всех поводов к умышленной несостоятельности» и т. п. В списках доверенных также – Чеботарев Степан Иванович (1871 – 1872).

[49] **Курючкин Михаил Степанович** – в Памятной книге Области войска Донского за 1915 г. указан Курючкин С.С.

[50] **Орлов 2-й Петр Петрович** (1874, станица Старочеркасская, – 1929, Нейи, Франция) – генерал-майор (1915). Из дворян Области войска Донского. Участник Первой мировой и Гражданской войн.

Образование: Александровский кадетский корпус (1893), Николаевское кавалерийское училище (1895).

Офицер л.-гв. Казачьего полка, его командир (1915). Командир 3-й бригады 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизии (1915), затем – 2-й бригады 3-й гвардейской кавалерийской дивизии (1916). Командующий последней дивизией (1917). Во время Гражданской войны – в Донской армии и ВСЮР.

Эмиграция: Югославия. Председатель русской колонии в Белграде. Франция. Член монархического объединения.

[51] **Евреинов Сергей Владимирович** (1858 – 1914, Люблин, покончил с собой) – генерал-майор (1908), генерал-майор Свиты Е. И. В. (1912). Участник Русско-японской войны. Командир л.-гв. Атаманского полка (1907 – 1914), командующий 3-й Донской

казачьей дивизией (1914).

Образование: частное реальное училище, Николаевское кавалерийское училище (1879). Выпущен по первому разряду в л.-гв. Казачий полк.

[52] **Исеев Григорий Николаевич** (1872 – ?) – полковник Уральского казачьего войска. Офицер с 1893 г. В белых войсках на Урале. Начальник школы прапорщиков Уральского казачьего войска, затем начальник штаба Илецкого корпуса (1919).

[53] **Безладнов Яков Афанасьевич** – полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР со 2 августа 1919 г., в сентябре – октябре 1919 г. командир 2-го Кубанского казачьего конно-артиллерийского дивизиона.

[54] По-видимому, **Краснянский Михаил Васильевич** (1876 – после 1950) – генерал-майор (1919). Из казаков ст. Гундоровской, Области войска Донского, сын урядника.

Образование: Новочеркасское военное училище (1897).

Начальник 2-й Донской конной дивизии (1919). Член Войскового Круга (1920). В Русской Армии до эвакуации Крыма.

Эмиграция: Греция, Болгария (в составе Гундоровского полка).

[55] **Хрещатицкий Павел Александрович** (1881 – 1919). По-видимому, сын генерала Александра Павловича Хрещатицкого (1809), внук генерал-лейтенанта войска Донского Павла Степановича Хрещатицкого и брат (?) генерала от кавалерии Ростислава Александровича Хрещатицкого.

[56] **Дягилев Юрий Павлович** (1878 – 1957) – сотник лейб-гвардии Казачьего полка, сын генерал-лейтенанта Павла Павловича Дягилева, сводный брат известного русского импресарио, театрального и художественного деятеля Сергея Павловича Дягилева (1872 – 1929). Литератор, публиковался в журналах «Мир искусства» и «Золотое руно» под псевдонимом Юрий Череда (выбор псевдонима был, по-видимому, определен некоторым сходством дягиля и череды – травянистых лекарственных растений). Занимался организацией Кустарного музея в Санкт-Петербурге, после революции стал землеустроителем.

В советское время был репрессирован и лишен избирательных прав. В 1926 проживал в поселке Ужин, Валдайского района, Новгородской области. В настоящее время (2007) деревня Ужин существует в том же районе Новгородской области на озере Ужин.

[57] **Атаманский лейб-гвардии полк** (с 1878 – Е. И. Высочества Наследника-Цесаревича), или Лейб-гвардии Атаманский Его Императорского Высочества Государя Наследника-Цесаревича полк, сформирован в 1775 г. в 5-

сотенном составе как войска Донского Атаманский полк, в 1803 г. переведен в 10-сотенный состав. С назначением в 1827 г. Наследника Цесаревича шефом Донского казачьего войска полк наз. Казачьим Атаманским Наследника Цесаревича полком, с 1832 г. стал посылать на службу в СПб. 2 эскадрона, к нему была причислена л.-гв. Уральская сотня. С 1855 г. наз. Лейб-атаманским Е. И. Высочества Наследника Цесаревича полком. В 1859 г. получил права Молодой гвардии, с 1878 г. – Старой гвардии. В 1874 – 1884 гг. вместе с л.-гв. Казачьим полком составлял л.-гв. Сводно-Казачий полк. Участвовал в походе против ногаев (1783), войнах с Турцией 1787 – 1791, 1806 – 1812, 1828 – 1829, 1877 – 1878 гг., в походе к Оренбургу (1801), в войнах с Францией 1806 – 1807 и 1812 – 1814 гг., в подавлении Польских восстаний 1830 – 1831 и 1863 – 1864 гг. В СПб. дислоцировался вместе с л.-гв. Казачьим полком. После окт. 1917 г. официально расформирован (воссоздан в 1919 в составе Белой армии).

58 **Тарновская Мария Евграфовна**. След фамилии в эмиграции: в шеститомном собрании некрологов, опубликованных в печати русского зарубежья с 1917 по 2001 г., «Незабытые могилы» (сост. В.Н. Чуваков, М.: РГБ, 1999 – 2006) перечислено 8 Тарновских: Елена Александровна (Глазунова-Гюнтер), Ольга Яковлевна (Глазунова), Татьяна Федоровна (Забела), Василий Васильевич, Георгий Михайлович, Марк Георгиевич, Николай Александрович, Федор Васильевич.

59 **Попов Евгений Николаевич** – войсковой старшина. Полковник (1920). В Донской армии. Начальник общего отдела интенданта Донской армии.

60 **Васильковский**. Фамилия харьковского происхождения, встречается у М.А. Шолохова.

61 **Собственный Его Императорского Величества Конвой** – особое воинское подразделение Российской Императорской армии, созданное для охраны Российских Государей. Первое упоминание о Конвое Императрицы Екатерины Великой относится к 1775 г., но официально днем старшинства Императорского Конвоя считается дата основания Гвардейской Черноморской казачьей сотни 18 мая 1811 г. Государев Конвой победоносно участвовал во всех кампаниях XIX в. и в Великой войне 1914 г. В командах Конвоя в разное время проходили службу горцы-мусульмане, грузины, крымские татары и другие народности Российской империи. Дивизион Собственного Е. И. В. Конвоя после 1917 г. существовал в эмиграции более пятидесяти лет.

62 *Кавалергарды* (от *фр.* cavalier – всадник и garde – охрана) –

кавалерийская часть в русской гвардии в XVIII – начале XX в. Первоначально почетная стража императора во время торжеств, позже (с 1800) гвардейский кавалерийский полк; *кирасиры* (от *фр.* cuirasse – латы) – вид тяжелой кавалерии в российской армии с XVIII в., имеющий в парадной форме латы или броню для защиты груди и спины. В кирасиры отбирали рослых, сильных всадников, лошади под которыми были на 4 вершка выше гусарских и на 2 – драгунских. Кирасиры вооружались пиками и палашами (от *венг.* pallos) – холодным рубящим и колющим оружием с прямым и длинным (около 85 см) клинком; *конногренадеры* (от *фр.* grenadiers) – вид тяжелой кавалерии, действовавший и в пешем, и в конном строю и вооруженный гранатами (гренадами). Появился в XVIII в. для поддержки драгун. Собственно *гренадеры* – отборные солдаты, обученные метанию ручных гранат; *уланы* (польское слово от *турецкого* юноша, молодец) – вид легкой кавалерии в европейских армиях в XVI – начале XX в., в России – с конца XVIII в. Впервые – в Польше, Литве. Первоначально уланами называли татарских конников. Вооружение: пики, сабли, пистолеты; *драгуны* (*фр.* dragun) – вид легкой кавалерии для действий в пешем и конном строю; *лейб* (*нем.*) – состоящий при особе Государя.

[63] **Николай Николаевич** Младший (1856 – 1929, Антиб, Франция) – сын Великого князя Николая Николаевича Старшего, внук Императора Николая I, Великий князь, участник Русско-турецкой войны, генерал-инспектор кавалерии (1895), председатель Совета государственной обороны, главнокомандующий Петербургским округом (с 1905), Верховный главнокомандующий (1917).

[64] По-видимому, барон **Крузенштерн Оттон Акселевич** (1880, Селемяки, Эстляндской губернии, – 1935, Сан-Паулу, Бразилия) – генерал-майор (1918).

Образование: Пажеский корпус (1899), Академия Генерального штаба (1905), Офицерская кавалерийская школа (1906).

Офицер л.-гв. Конно-гренадерского полка. Полковник, и. д. начальника штаба 11-й кавалерийской дивизии. В Северо-Западной армии: обер-квартирмейстер, начальник штаба Северного корпуса, начальник штаба; главный начальник тыла, начальник канцелярии военного министра. В резерве при штабе армии (1919).

Эмиграция: Эстония, Бразилия.

[65] **Новосильцев Антон Васильевич** (1850 – 1923, Белград) – флигель-адъютант, генерал-майор, генерал от кавалерии. Участник Белого движения на Юге России. Из дворян.

Образование: домашнее; офицерские экзамены.

Служил корнетом, полковником в лейб-гвардии Конном полку (1868 – 1885). Начальник сводной кавалерийской дивизии (1904 – 1908). Командир 4-го армейского корпуса (1908 – 1914). В лейб-гвардии Казачьем Е. И. В. полку (с 1914), его командир.

Эмиграция: Югославия.

66 **Быкадоров Исаак Федорович** (1882, ст. Нижне-Кудрючевская, Области войска Донского, – 1957, Анже, Франция) – генерал-майор (1918). Георгиевский кавалер. Из дворян войска Донского, сын полковника.

Образование: Ростовская гимназия, Новочеркасское военное училище (1902), Академия Генштаба (1910).

Полковник, командир 58-го Донского казачьего полка. Один из организаторов, участников и руководителей Общедонского восстания. Занимал ряд высоких военных должностей в Донской армии. Товарищ председателя Войскового Круга ВВД (до конца дней).

Эмиграция: Югославия, Чехословакия, Франция.

67 **Балабин Филипп Иванович** (1881 – 1938) – полковник.

Образование: Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1901), Николаевская академия Генштаба (1908).

Службу начал хорунжим в л.-гв. Казачьем полку. Занимал штабные должности. Начальник штаба Петроградского ВО (1917). Добровольно вступил в РККА (март 1918). Начальник оперативного отделения штаба Северного района (1918). Уволен со службы (август 1918). Пайщик комиссионного магазина «Триокас». Жил в Витебской губернии (1918 – 1924). Был дважды арестован органами ЧК (1921, 1922). Преподаватель Броневой школы в Петрограде (1924). Арестован органами ОГПУ по делу Ленинградской контрреволюционной организации (1930). Включен в подписанный Сталиным и Молотовым список лиц, предназначенных к осуждению ВКВС СССР по первой категории «Москва-Центр» в 1938 г.

68 **Юденич Николай Николаевич** (1862, Москва, – 1933, Канн, Франция) – глава сопротивления большевизму на северо-западе России во время Гражданской войны 1918 – 1920 гг., генерал от инфантерии. Из дворян Минской губернии.

Образование: Александровское военное училище (1881), Академия Генштаба (1887).

Командир полка в Русско-японской войне (1904 – 1905). Начальник штаба войск Казанского (1912), Кавказского (1913) военных округов. В Кавказской армии: начальник штаба (1914 – 1918), командующий армией (1915). Провел успешные

Эрзерумскую и Трапезундскую операции (1916). Главнокомандующий Кавказским фронтом (март – апрель 1917).

Эмиграция: Финляндия, Эстония. Возглавил белогвардейскую Северо-Западную армию, наступавшую на Петроград. Вошел в состав правительства, созданного при содействии Великобритании, куда эмигрировал после провала похода (1920). Активной роли в эмиграции не играл.

69 **Раевский Николай Алексеевич** (1894, Вытегра, – 1988/89, Алма-Ата) – доктор естественных наук, литературовед, автор популярных книг об А.С. Пушкине и романов. Член Галлиполийского союза и РОВС. Участник Брусиловского прорыва. Подполковник (?) Дроздовского артдивизиона. По определению самого Н.А. Раевского, «артиллерист, биолог, писатель».

Образование: биофак Петербургского университета (до начала Первой мировой войны), Михайловское артиллерийское училище, биологический факультет Пражского Карлова университета, Французский институт литературы (Прага).

Служил подпоручиком, командиром батареи на Юго-Западном фронте во время Первой мировой войны, во время Гражданской войны в армии генерала Врангеля (1918 – 1920).

Эмиграция: Греция, Болгария, Чехословакия.

Был арестован гестапо в июне 1941 г., провел 2 месяца в немецкой тюрьме. Арестован советскими властями в Праге (1945) и на долгие годы направлен в советские лагеря в Минусинске. В Алма-Ате с 1961 г.: научная работа в Институте клинической и экспериментальной хирургии.

70 **Мишарев Александр Александрович** (?, ст. Великокняжеская, Области войска Донского, – 1920) – полковник.

Образование: Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1903).

Командир л.-гв. Казачьего полка. В Донской армии: комендант лазарета. в Донском офицерском резерве, зав. хозяйством в лазарете. С 1920 г. – в Донском резерве, зав. хозяйством в лазарете 1-й Донской конной дивизии.

Вернулся из эвакуации в Крым, в Русскую Армию. Умер от тифа.

71 **Саринов Илья Васильевич** (1873, ст. Новочеркасская, Области войска Донского, – 1920) – полковник. Из дворян, сын офицера ВВД.

Образование: Воронежский кадетский корпус (1891), Михайловское артиллерийское училище (1894).

Полковник л.-гв. Казачьего полка, командир 8-го Донского казачьего полка. В Донской армии: начальник бригады конной

дивизии, затем в резерве чинов при штабе ВВД (1919). Расстрелян красными при отходе на Кубань.

[72] Дочери Императора Николая II **Великие княжны:** Ольга (1895), Татьяна (1897), Мария (1899), Анастасия (1901). Расстреляны в 1918 г. вместе со всей семьей и прислугой в Ипатьевском доме в Екатеринбурге.

[73] **Михаил Александрович** (1878, Санкт-Петербург, – убит близ Перми, 1918) – Великий князь, третий сын Императора Александра III. С 1899 г. (с момента смерти Великого князя Георгия Александровича до рождения наследника Алексея Николаевича (1904 – 1918) носил титул наследника. В 1911 г. вступил в морганатический брак с Наталией Сергеевной (урожд. Шереметевская, с 1915 графиня Брасова, с 1935 княгиня Романовская-Брасова). Император Николай II в манифесте об отречении от 2 марта 1917 г. сопроводил передачу власти брату следующими словами: «Не желая расставаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие брату нашему Великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на престол государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и нерушимом единении с представлениями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся ненарушимую присягу во имя горячо любимой Родины».

Михаил Александрович ответил на это 3 марта 1917 г. собственным манифестом об отказе от восприятия Верховной власти: «Одушевленный единою со всем народом мыслию, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том случае восприять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому принадлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа»[83].

[74] **Балабина Александра Вячеславовна** похоронена в Праге на Ольшанском кладбище: 2гор – 19 – 244.

[75] **Фарафонов Иван Иванович** (1858, ст. Михайловская, Хоперского округа, – 1937, Париж?) – генерал-майор (1920). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Сын офицера.

Образование: Воронежская военная гимназия (1877), Павловское военное училище (1879), Офицерская кавалерийская школа.

Офицер л.-гв. Казачьего полка (с 1879). Хорунжий (корнет), поручик (сотник), подъесаул, есаул, войсковой старшина, полковник. Занимал должности (1901 – 1917): командир сотни юнкеров Новочеркасского юнкерского училища; окружной воинский начальник; начальник Новочеркасской местной команды; командир 15-го Донского казачьего полка; в резерве чинов при штабе Киевского военного округа; в распоряжении войскового начальства.

В Донской армии (1918 – 1920). Комендант войсковой здравницы «Афинеус» (1919 – 1920). Уполномоченный Евпаторийского отдела комитета им. М.В. Алексеева для оказания помощи чинам армии (1920).

Эмиграция: Турция, Балканы, Франция.

[76] **Захаров В.Н.** – хорунжий, избранный атаманом 2-го округа на окружном съезде в январе 1918 г. Поддерживал А.И. Дутова.

[77] **Родионов Василий Матвеевич** (1859 – 1934, Крань, Словения) – генерал-лейтенант, участник Первой мировой и Гражданской войн. Участник Степного похода. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Михайловской Области войска Донского.

Образование: Новочеркасская гимназия (1877), класс казачьих артиллерийских юнкеров (1879).

Командующий 4-й Донской казачьей дивизией. В ДА: начальник гарнизона в Новочеркасске, начальник снабжения Донской армии.

Эмиграция: Греция (на о. Лемнос заведовал английской сапожной мастерской). Югославия (атаман казачьей станицы в Княжевице).

[78] В Донской армии служили несколько **Пономаревых**: Александр Васильевич (1894 – ?) – генерал-майор, помощник главного начальника военных снабжений; Константин Иосифович (1891 – ?) – генерал-майор, в Донском офицерском резерве, во ВСЮР и Русской Армии – до эвакуации Крыма, эвакуирован на транспорте «Инкерман»; Лев Филиппович – полковник, окончил Тверское кавалерийское училище (1907), командир Чугуевского уланского полка (1919).

[79] **Корольковы** – известная династия задонских коннозаводчиков, родоначальник которой – Осип. Торговые казаки, приписанные к ст. Константиновской Области войска Донского. В Белом движении: Корольков Александр Константинович, Корольков Федор Иванович.

[80] **Алфераки Михаил Михайлович** – выпускник Пажеского

Его Величества корпуса (1909), в воспоминаниях А.Ю. Смирновой-Марли упоминается как «родной брат матери, есаул казачьего полка». Анна Юрьевна Смирнова-Марли (1917, Петроград, – 2006, Палмер на Аляске, США) – певица, композитор, поэт, автор «Песни партизан», ставшей гимном Сопротивления; награждена орденом Заслуги и двумя – Почетного легиона.

[81] **Пантелеев Александр Ильич** (1838 – ?) – генерал от кавалерии, генерал-адъютант (1890), командир Отдельного корпуса жандармов, иркутский губернатор, позднее – член Государственного совета. Московский генерал-губернатор (1905).

[82] Битва народов под Лейпцигом 16 – 19 октября 1813 г. В ней сборная армия (российские, австрийские, шведские и прусские корпуса) одержала победу над Наполеоном, армия которого состояла из 185 000. Наполеон потерпел полное поражение, был арестован и приговорен к ссылке. Битва при Лейпциге вошла в историю как самая жестокая и кровопролитная за время Наполеоновских войн. Потери союзнической армии составили 55 000 (из 320 000 участвовавших).

[83] **Мария Федоровна** (1847, Копенгаген, – 1928, Копенгаген) – Императрица, супруга Александра III, мать Императора Николая II. До принятия христианства Мария-София-Фредерика-Дагмара, дочь принца Глюксбургского, ставшего королем Дании Кристианом IX, и Луизы Гессенской.

В 1866 г., после помолвки в Копенгагене, прибыла в Россию, где стала Императрицей и прожила до 1919 г. (с 1894 – в качестве вдовствующей Императрицы).

В сентябре 2006 г. останки Марии Федоровны были торжественно перезахоронены в соборе Св. Петра и Павла Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге (рядом с могилой мужа Марии Федоровны – Императора Александра III).

[84] **Антоний**, в миру Александр Васильевич Вадковский (1846 – 1912, СПб.).

[85] **Воейков Владимир Николаевич** (1868 – 1937) – генерал-майор Свиты Его Величества; в качестве ординарца генерала Кремера был командирован за границу с извещением о восшествии на престол Николая II (1894); последний дворцовый комендант; генерал Императорской гвардии; главнокомандующий физическим развитием населения Российской империи; почетный член Царскосельского автомобильного спортивного общества. Сын генерала от кавалерии, обер-камергера Николая Васильевича Воейкова. Автор книги «С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта».

[86] **Бернов Евгений Иванович** – генерал-майор Свиты Е. И. В. Командир лейб-гвардии Кирасирского полка, затем командир 1-й бригады 2-й Гвардейской Кавалерийской дивизии. Упоминается как командир полка синих кирасир в книге В.С. Трубецкого «Записки кирасира», а также в «Дневнике полкового священника» С. Серебрянского.

[87] **Родионов Алексей Викторович** (1853 – ?) – генерал-майор, командир лейб-гвардии Казачьего полка. Командир 3-й бригады 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизии. Был назначен в Свиту Е. И. В.

[88] **Орлов Иван Давыдович** (1870 – 1918) – генерал-майор л.-гв. Казачьего полка. Из дворян ВВД, казак станицы Старочеркасской.

Образование: Пажеский корпус (1891).

Служил командиром 3-й бригады 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизии, командиром Гвардейской казачьей бригады. Командовал Забайкальской казачьей бригадой, 9-й Донской казачьей дивизией. В Донской армии – начальник войск Макеевского района, позже – в распоряжении атамана. Взят в плен красными и убит в Новочеркасске.

[89] Барон фон **Таубе Федор Федорович** (1857 – 1911, Новочеркасск) – генерал-лейтенант, оренбургский губернатор, командир Отдельного корпуса жандармов (1906 – 1909), наказный атаман Всевеликого войска Донского (1909 – 1911).

Из дворян Лифляндской губернии.

Образование: 2-я Санкт-Петербургская гимназия (1875), 1-е военное Павловское училище (1877), Академия Генерального штаба (1884).

Службу начал подпоручиком 34-го пехотного Севского Е. И. В. наследника принца Австрийского полка. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг. Служил в Измайловском полку, в канцелярии Военного министерства, в охране Зимнего дворца. По окончании Академии Генштаба занимал штабные должности в 1-м Кавказском армейском корпусе, в 39-й пехотной дивизии Кавказского военного округа. Командовал ротой 13-й лейб-гренадерского Эриванского полка.

Выполнял обязанности военного агента в Бухаресте и Белграде (1890), в конце 90-х годов XIX в. сопровождал высоких особ в их путешествиях по России (египетских принцев Аббас-бея и Махмед-Али-бея, сербского короля Александра Обреновича, румынского короля Кароля I). Представительствовал на открытии французского памятника в Констанце.

Командовал 148-м пехотным Каспийским полком, затем 2-й бригадой 37-й пехотной дивизии.

С 1903 по 1906 г. служит в Оренбурге: последовательно начальник штаба Оренбургского казачьего войска, оренбургский губернатор, наказный атаман Оренбургского казачьего войска.

Супруга – баронесса Александра Александровна, урожд. княжна Руссиева (1868 – 1932). Похоронена в Белграде на Новом кладбище.

[90] Граф **Граббе-Никитин** Александр Николаевич (1864 – 1947, США). Генерал-майор с зачислением в Свиту Е. И. В. (1914). Из дворян ВД. Казак ст. Пятиизбянской.

Образование: Пажеский корпус.

Командир Собственного Е. И. В. Конвоя (1914 – 1917).

Эмиграция: Турция, Монте-Карло, США.

[91] **Пуришкевич Владимир Митрофанович** (1870 – 1920) – помещик, один из инициаторов создания Союза русского народа, организатор Палаты Михаила Архангела, депутат 2-й и 4-й Государственных дум от Бессарабской губернии. Враг Г. Распутина и участник его убийства.

[92] **Милюков Павел Николаевич** (1859 – 1943, Экс-ле-Бен, Франция) – крупнейший русский историк начала XX в., автор многотомных «Очерков по истории русской культуры». Доброволец в санитарном отряде в Закавказье во время Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг.

Один из лидеров демократического крыла российского либерализма и создателей кадетской партии, лидером которой оставался на всем протяжении ее существования. Депутат 3-й и 4-й Дум. Один из влиятельнейших деятелей русской эмиграции.

Образование: историко-филологический факультет Московского государственного университета (ученик В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова).

Член Временного комитета Государственной думы (февраль 1917), министр иностранных дел Временного правительства (март – май 1917). После выхода в отставку перешел в оппозицию к правительству. Уехал на юг (после Октябрьского переворота), участвовал в антибольшевистском движении.

Эмиграция: Франция. Редактор парижской газеты «Последние новости». Входил в Парижскую демократическую группу партии Народной Свободы.

[93] **Николай Николаевич** Старший (1831 – 1891) – Великий князь, третий сын Императора Николая I и Императрицы Александры Федоровны, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, генерал-инспектор по инженерной части и кавалерии. Главнокомандующий армией на Дунае (1876 – 1881), за что награжден орденом Святого Георгия 1-й степени и званием фельдмаршала. Член Государственного совета (с 1855).

[94] Фон **Ренненкампф Павел-Георг Карлович** (1856, замок Панкуль, близ Ревеля, – 1918, близ Таганрога) – генерал от кавалерии (1910), генерал-адъютант.

Образование: Гельсингфорское пехотное юнкерское училище (1873), Николаевская академия Генерального штаба (1882).

Командовал Забайкальской казачьей дивизией во время Русско-японской войны (1904 – 1905). В 1905 – 1907 гг. служил в Восточной Сибири (карательный отряд). Командующий войсками Виленского военного округа с 1913 г. В начале Первой мировой войны командовал 1-й армией Северо-Западного фронта.

Действия Ренненкампфа во время Восточно-Прусской операции рассматривались специальной комиссией. Уволен от сужбы «по домашним обстоятельствам с мундиром и пенсией». После Февральской революции был помещен в Петропавловскую крепость, находился под следствием, но оснований для обвинения не было собрано. После Октябрьского переворота был освобожден, уехал в Таганрог, где жил на нелегальном положении под именем греческого подданного Мандусаки. Арестован ЧК (март 1918), отказался вступить в Красную армию. Расстрелян по приказу В.А. Антонова-Овсеенко у балтийской железнодорожной ветки (в ночь на 1 апреля). Перед расстрелом подвергнут издевательствам (в том числе ему выкололи глаза).

[95] Отец упоминаемого в тексте: **Мосолов Александр Александрович** (1854/56 – 1939) – генерал-лейтенант лейб-гвардии Конного полка, в 1900 – 1917 гг. – начальник Канцелярии Министерства Императорского Двора и уделов. С января 1917 г. – чрезвычайный посланник и полномочный министр в Бухаресте. Монархист. Принадлежал к ближайшему окружению Императора Николая II, участвовал в попытках спасти царскую семью в 1918 г., был одним из организаторов Общероссийского монархического съезда в баварском городе Рейхенгале в мае 1921 г. С 1933 г. жил в Болгарии, где написал свои записки «При дворе последнего Императора».

[96] **Моллер Владимир Петрович** – полковник. В 1858 г. владел имением в деревне Марьевке, Змиевского уезда, Харьковской губернии.

[97] **Потоцкий Дмитрий Николаевич** (1880 – 1949, Нью-Йорк, США) – генерал-майор, георгиевский кавалер. Из дворян, сын офицера.

Образование: Пажеский корпус (1900), Академия Генштаба (1909).

Начальник 7-й Донской казачьей дивизии. В Добровольческой армии: комендант и командующий войсками Ростова. Взят в плен в 1917 г., бежал в Киев. Председатель комиссии по вопросу о

военнопленных. В 1919 г. в Германии – уполномоченный Красного Креста; в 1920 – 1923 гг. в Югославии – военный агент и представитель главнокомандующего.

Эмиграция: Югославия, Франция, Алжир, США. В 1931 г. секретарь Офицерского общества лейб-казаков, на 1934 г. член-кандидат главного правления Союза пажей.

98 **Боткин Дмитрий Евгеньевич** – сын Боткина Евгения Сергеевича (1865 – 1918), приват-доцента, известного лейб-медика и семейного врача Императора Николая II, расстрелянного вместе с царской семьей в Ипатьевском доме в Екатеринбурге и прославленного в чине святых Русской православной церковью.

Д.Е. Боткин, хорунжий лейб-гвардии, 3 декабря 1914 г. попал в засаду вместе с возглавляемым им разведывательным разъездом. Обеспечил отход товарищей, взяв на себя их прикрытие. Вплотную окруженный врагами, упорно отбивался до последнего патрона. Был награжден посмертно орденом Святого Георгия 4-й степени. Старшими сослуживцами характеризовался как «прекрасный, толковый, честный и скромный юноша». Брат Юрия, Татьяны, Глеба Боткиных. Татьяна и Глеб оказались за границей. Глеб Евгеньевич стал журналистом. Жил в Америке.

99 **Греков Александр Митрофанович** (1877 – 1968, Капп-Феррар, близ Ниццы, Франция) – генерал-майор (1916). Участник Первой мировой и Гражданской войн.

Образование: Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище.

Службу начал в л.-гв. Казачьем полку (1899). Занимал должности командующего л.-гв. Казачьего полка (1915 – 1916), командира л.-гв. Казачьего полка (1916 – 1917). В отставке (июнь 1917). В 1918 г. в Новочеркасске.

Эмиграция: из Новороссийска (1920).

100 **Казнаков Николай Николаевич** (1856 – 1929, Канны, Франция) – генерал от кавалерии. Награжден Георгиевским оружием (1914).

Образование: Пажеский корпус.

Служил командиром 39-го драгунского Нарвского полка (1899), 2-й бригады 5-й кавалерийской дивизии (1905), 1-й бригады той же дивизии (1907); в распоряжении главнокомандующего войсками гвардии и Петербургским военным округом Великого князя Николая Николаевича (1910). Начальник 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизии (1910). Командовал сводным конным отрядом (1914). Командир XII Армейского корпуса. В резерве Киевского военного округа (после Февральской революции).

Эмиграция: Франция.

101 Фон **Дистерло Николай Александрович** (1871 – ?) – генерал-лейтенант (1917). Из дворян.

Образование: 1-й Московский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1891), Николаевская академия Генштаба (1897).

Службу начал в 3-й Гвардейской и Гренадерской артиллерийской бригаде (1891). Состоял при Петербургском ВО на должностях (последовательно) ст. адъютанта штабов 2-й гв. пехотной дивизии, 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизии, 1-го армейского корпуса (1898 – 1900). Был поочередно прикомандирован к Офицерской кавалерийской школе, к 14-му драгунскому Литовскому полку, к артиллерии (1900 – 1903). Штаб-офицер для особых поручений сначала при штабе 19-го армейского корпуса, затем при командующем войсками Варшавского ВО (1903 – 1907). Правитель дел по учебной части Офицерской кавалерийской школы, позже – правитель канцелярии генерал-инспектора кавалерии (1907 – 1910). Начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса, командующий 11-й кавалерийской дивизией (1914 – 1917).

Добровольно вступил в РККА (1918). В списках Генштаба РККА в 1919 г.

102 **Клевцов Иван Алексеевич** (1879, Бессарабия, – ?) – офицер гвардии, генерал-майор.

Образование: Донской кадетский корпус (1897), Николаевское кавалерийское училище (1899), Офицерская кавалерийская школа.

В Донской армии. В отставке с 1920 г. Позже снова на службе. В Донском офицерском резерве до эвакуации Крыма.

Эмиграция: Турция, Болгария.

103 **Сагацкий Иван Иванович** (1901/1902, ст. Новониколаевская, – 1981, Париж) – сотник, инженер-геолог, доктор естественных наук. Отец был расстрелян большевиками как казачий полковник.

Образование: Донской кадетский корпус, Атаманское военное училище.

В чине хорунжего вышел в л.-гв. Казачий полк. Служил в отряде полковника Семилетова.

Эмиграция: получил высшее образование и докторскую степень в Париже и Нанси; служил в Западной Африке, Индокитае, на Ново-Гибридских островах, а также в Камеруне, Сенегале, Судане, Аннаме и ряде европейских стран. Автор опубликованных научных исследований по геологии. Известен и как поэт, стихи которого публиковались в журнале «Родимый

край» и вышли отдельными сборниками «Память» (1938) и «Встречи» (1942).

[104] **Комисаров** – по-видимому, о нем пишет сотник Н. Кравец в своих «Воспоминаниях жандармского офицера», опубликованных в 1920 г. Приведя статистику репрессированных сотрудников ОКЖ, автор посетовал: «...хотя по фамилиям знаю лишь генерала Комисарова».

[105] **Бьюнтинг Алексей Георгиевич** (1866 – 1930, Польша) – генарал-майор, командир 2-й бригады 15-й кавалерийской дивизии.

Образование: Пажеский корпус.

Служил командиром л.-гв. Гродненского гусарского полка и уланского Бугского полка.

Эмиграция: Польша, похоронен в Пущиково под Познанью.

[106] **Вельяшов Леонид Николаевич** – генерал от кавалерии, с 1915 г. командир 5-го кавалерийского корпуса, с июня 1917 г. – генерал-лейтенант.

[107] **Кислицын Владимир Александрович** (1883, Киев, – 1944, Харбин) – генерал-майор (1928), генерал от кавалерии (после 1929), глава легитимистского движения на Дальнем Востоке. Участник Первой мировой войны. Георгиевский кавалер. Из дворян.

Образование: Холмская гимназия (1899), Одесское военное училище (1900), Офицерская кавалерийская школа (1908), Высшие военно-научные курсы в Париже.

Служил полковником 11-го драгунского полка, командиром стрелкового полка кавалерийской дивизии, командующим 3-й кавалерийской дивизией и 3-м кавалерийским корпусом.

В гетманской армии (1918) занимал командные должности, формировал антибольшевистские части в Вильно, командовал корпусом гетманской армии в Житомире, участвовал в обороне Киева.

На Северном фронте (1919) генерал для поручений при главнокомандующем, затем в белых войсках Восточного фронта. В Уфимской дивизии (от полковника до ее командира).

В Чите (1920) начальник 1-й кавалерийской дивизии, начальник 1-й сводной Маньчжурской им. атамана Семенова дивизии.

Эмиграция: Харбин (Китай). Формировал корпус для атамана Г.М. Семенова. Служил в железнодорожной полиции. Был известным общественным деятелем русской эмиграции. Занимал поочередно несколько должностей в БРЭМ (созданное в 1934 г. по инициативе японских властей Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжоу-Го, владевшее предприятиями, имевшее

лучшую на востоке Азии библиотеку, занимавшееся издательской деятельностью). Начав советником и членом президиума, со временем стал начальником Бюро. Возглавлял также Дальневосточный союз военных Маньчжоу-Го. Был председателем ряда общественных организаций (Эмигрантского совета, Совета национальностей при БРЭМ, Общества домовладельцев, Союза налогоплательщиков), помощником начальника штаба добровольческих дружин.

[108] По-видимому, **Цыганок (Цыганов) Спиридон Филимонович** – генерал-майор. Из казаков ст. Новониколаевской Кубанской области. Войсковой старшина. Участник Кубанского («Ледяного») похода.

Занимал командные должности. В Русской Армии – командир Кубанской пластунской бригады, пластунского полка (до эвакуации Крыма).

Эмиграция: Греция (о. Лемнос). Командовал 2-й Кубанской стрелковой дивизией.

[109] **Черкесов Михаил Николаевич** – прапорщик, выпускник Михайловского артиллерийского училища (1853, с оставлением при офицерских классах).

[110] **Керенский Александр Федорович** (1881, Симбирск, – 1970, Лондон) – российский общественный и политический деятель.

Образование: Петербургский университет (обучался на историко-филологическом факультете, окончил юридический ф-т с дипломом 1-й степени).

Работал помощником присяжного поверенного при Санкт-Петербургской судебной палате; был членом коллегии адвокатов. Получил известность как защитник по политическим делам.

В 1905 г. сотрудничал с эсеровской боевой дружиной, редактировал газету «Буревестник». В декабре 1905 г. был арестован и провел 3 месяца в заключении. Был радикальным противником монархии, сторонником общественных преобразований на социалистической основе.

В 1912 г. стал депутатом 4-й Государственной думы и был принят в масонскую ложу «Великий Восток». Позже, в 1916 – 1917 гг., – секретарь этой ложи, член думской масонской ложи, член верховного совета масонов России.

Активно участвовал в Февральской революции, призывая к активному неподчинению царской воле и стремясь влиять на развитие общественных процессов с позиций убежденного республиканца. Под давлением Керенского Великий князь Михаил Александрович принял решение об отречении от прав на российский престол.

Был избран заместителем председателя Петросовета и одновременно министром юстиции Временного правительства. Проявил себя как незаурядный оратор, много выступавший перед солдатскими массами.

В марте 1917 г. вступил в Партию социалистов-революционеров. Военный и морской министр (май – сентябрь 1917), министр-председатель Временного правительства (с 8 июля), Верховный главнокомандующий (с 30 сентября). Возглавил «Директорию» и 3-е коалиционное Временное правительство (сентябрь 1917). Во время октябрьских событий выехал в штаб Северного флота и безуспешно пытался занять Петроград с помощью казачьих войск генерала П.Н. Краснова.

Эмиграция: с июня 1918 г. – Западная Европа (Великобритания, Чехословакия, Германия, Франция); с 1940 г. – США. Опубликовал ряд публицистических работ. Преподавал русскую историю в Нью-Йоркском и Стэнфордском университетах. Работал в Гуверовском институте войны, революции и мира. Автор трехтомной «Истории России», а также книги «Россия на историческом повороте».

111 **Гучков Александр Иванович** (1863/62?, Московская губерния, – 1936, Париж) – российский политический и общественный деятель, банкир и предприниматель. Родился в известной московской старообрядческой купеческой семье. Работал в органах московского государственного самоуправления. Один из основателей (вместе с графом П.А. Гейденом и Д.Н. Шиповым), а затем бессменный лидер партии «Союз 17 октября».

Образование: 2-я Московская гимназия (1881), историческое отделение историко-филологического факультета Московского университета (1886); слушал лекции в Берлинском, Венском и др. университетах, изучал историю, международное, государственное и финансовое право, политэкономию, трудовое законодательство.

Служил в лейб-гвардии (1885 – 1886); младшим офицером Оренбургской казачьей сотни Особой охранной стражи КВЖД (1898); добровольцем участвовал в Англо-бурской войне на стороне буров (до мая 1900); сражался против турок в Македонии (1903); во время Русско-японской войны находился на театре военных действий (1904 – 1905).

Совершил ряд путешествий в конце XIX в. (Турция; переход через Тибет; Китай, Монголия, Средняя Азия).

Избирался представителем от торговли и промышленности в Государственный совет (май 1907), в 3-ю Государственную думу (ноябрь 1907), после избрания 221 голосом против 68 был ее председателем (март 1910 – март 1911). В годы Первой мировой

войны (1915 – 1917) председатель Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне, участник «Прогрессивного блока». Вместе с В.В. Шульгиным в Пскове принял от Императора Николая II манифест об отречении. Был убежденным сторонником конституционно-монархического строя. В первом составе Временного правительства – военный и морской министр (март – май 1917). Один из организаторов заговора генерала Л.Г. Корнилова. После Октябрьского переворота боролся против советской власти. Был направлен А.И. Деникиным в Западную Европу для переговоров с лидерами Антанты и пытался наладить поставки оружия в армию генерала Юденича.

Эмиграция: Германия, Великобритания, Франция.

[112] **Корнилов Лавр Георгиевич** (1870, ст. Каркаралинская, Семипалатинской обл., – 1918) – генерал от инфантерии, Верховный главнокомандующий (до августа 1917). Участник Русско-японской и Первой мировой войн.

Образование: Сибирский (Омский) кадетский корпус (1889), Михайловское артиллерийское училище (1892), Академия Генштаба (1898).

6 лет служил в штабе Туркестанского военного округа. Публиковал статьи о Персии, Индии. Участвовал в военно-географических экспедициях по Памиру.

Служил на разных должностях в военных округах (1905 – 1907). Был военным агентом (атташе) в Китае (1907 – 1911).

Командовал 49-й, затем 48-й пехотными дивизиями с начала Первой мировой. Тяжелораненым попал в плен (1915), из которого бежал в 1916 г.

Командовал войсками Петроградского ВО, а затем Юго-Западного фронта (1917). Был Верховным главнокомандующим.

Был арестован Временным правительством за попытку мятежа. Содержался в тюрьме в г. Быхове. При содействии генерала Н.Н. Духонина бежал в Новочеркасск.

Возглавил – вместе с генералом Алексеевым – Добровольческую армию в Новочеркасске (декабрь 1917) и вывел ее в 1-й Кубанский («Ледяной») поход.

Погиб под Екатеринодаром от разрыва снаряда (31марта 1918).

[113] **Духонин Николай Николаевич** (1876 – 1917, Могилев) – генерал-лейтенант, и. о. Верховного главнокомандующего. Георгиевский кавалер.

Образование: Киевский кадетский корпус (1894), Александровское военное училище (1896), Академия Генштаба (1902).

Выступил против власти большевиков. Убит в Могилеве.

[114] В истории Белого движения известно несколько **Духопельниковых**: Василий Кондратьевич (ок. 1883 – ?) – зав. коневодством Верхне-Донского округа, генерал для поручений при штабе, эвакуирован из Евпатории на тральщике Т-412;

Лев Логинович (1857 – ?) – полковник, в ДА председатель военно-полевого суда, генерал-майор;

Лев Яковлевич (1880 – ?) – полковник, из дворян ВВД, казак ст. Кочетовской (Константиновской) Обл. войска Донского, окончил Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1900), в ДА, ВСЮР и РА до эвакуации Крыма.

Эмиграция: Греция (о. Лемнос), Болгария.

[115] **Шведер Эдуард-Павел-Михаил Николаевич** (1870 – 1918) – генерал-майор.

Офицер гвардейской кавалерии. В Добровольческой армии – в резерве чинов при штабе главнокомандующего (декабрь 1918).

[116] **Каледин Василий Максимович** (1859 – 1919, Новочеркасск) – генерал-майор (1914), участник Первой мировой и Гражданской войн.

Происходил из старого казачьего рода станицы Усть-Хоперской на Дону. Кроме старшего брата, Алексея Максимовича, Донского атамана, имел брата Савву и двух сестер (Александру, по мужу Наследышеву, и Анну, по мужу Шарапову). Сын Василия – Константин. У Саввы – сын Семен и дочь Ольга, проживающая в Израиле.

Образование: 2-е Константиновское училище (1878).

Занимал командные должности: командир 2-й бригады 3-й Донской казачьей дивизии, командующий 4-й Донской казачьей дивизией.

Был управляющим отделом внутренних дел Донского правительства.

[117] **Бармасов А.П.** упоминается в статье В.В. Курбатова «Странички истории развития охотничьего собаководства в Ленинграде» как известный судья-кинолог в испытаниях легавых.

[118] **Тостивен** – управляющий общества «Унион» в г. Макеевке, где располагались рудники и металлургический завод, до января 1918 г., когда на основании решений IV съезда Советов Донбасса и Южного областного совета народного хозяйства была осуществлена национализация промышленности Донбасса.

[119] В воспоминаниях о Гражданской войне и обзорах упоминается в числе прославившихся партизанский отряд кубанского **сотника Грекова**, сформированный в Новочеркасске в ноябре 1918 г. на базе возвращавшейся с фронта группы кубанцев и составлявший до 150 сабель и штыков. Греков А.Н. (? – 1920,

Екатеринодар) – сотник, позже есаул. Прозвища свои – «Белый дьявол», «Альбинос» – получил из-за ранней седины и жестоких методов ведения войны. Расстрелян по приговору ЧК.

А.И. Деникина в книге «Борьба генерала Корнилова» пишет о нем: «Особенную известность получил отряд сотника Грекова «Белый альбинос», как сам он себя именовал, который в течение трех недель разбойничал в окрестностях Ростова, пока, наконец, отряд не был расформирован. Сам Греков где-то скрывался и только осенью 1918 г. был обнаружен в Херсоне или Николаеве, где вновь по поручению городского самоуправления собрал отряд, прикрываясь добровольческим именем. Позднее пойман в Крыму и послан на Дон в руки правосудия».

Известно стихотворение Н.В. Иванова «Последняя сотня» с посвящением «сотнику Грекову».

Если время для боя пришло,
Честь диктует другие законы.
Поднимая в атаку на Зло,
Мы сметем всех, кто будет не с нами,
Кто подняться над скотством не смог.
С нами будет российское знамя.
С нами будет непроданный Бог.
Мы исполнены веры и силы,
И бессмертна звенящая честь.
И жива еще матерь Россия,
И полки офицерские есть.

120 **Чернецов Василий Михайлович** (1880, ст. Калитвенская, Донецкого округа, – 1918, ст. Глубокая) – полковник (1918), участник Первой мировой войны. Георгиевский кавалер.

Образование: Каменское реальное училище (1907), Новочеркасское военное училище (1909).

Служил командиром сводной казачьей партизанской сотни при 4-й Донской казачьей дивизии, комендантом Макеевских рудников.

Организовал и возглавил партизанский отряд своего имени из офицеров-добровольцев и молодежи. Успешно действовал на Новочеркасском направлении.

В Добровольческой армии командир отряда. Под ст. Глубокой захвачен в плен и зарублен лично председателем Донского казачьего Военно-революционного комитета Ф.Г. Подтелковым.

121 **Власов Михаил Евграфович** (1869/79? – 1938, Пирей, Греция) – полковник. Из казаков ст. Новочеркасской Области войска Донского.

Командир 7-го Донского казачьего полка. В Донской армии комендант л.-гв. Казачьего полка. Во ВСЮР и Русской Армии до

эвакуации Крыма.

Эмиграция: Греция.

122 **Семилетов Эммануил Федорович** (1872 – 1919, Новочеркасск) – участник Степного похода, генерал-майор (1918).

Образование: Новочеркасское военное училище.

В Донской армии: командир партизанского отряда, полковник, затем начальник собственного отдельного отряда, командующий Северной группой (1918). В Добровольческой армии и ВСЮР: командир Донского пешего батальона, командующий партизанскими отрядами Донской армии, начальник Сводно-партизанской дивизии (март 1919), начальник 3-й отдельной Донской добровольческой бригады.

123 **Голубов Павел Васильевич** (? – 1920, Екатеринодар) – авиатор, георгиевский кавалер.

Образование: Севастопольская авиационная школа (1912).

Капитан, командир 1-го авиапарка Румынского фронта. В Добровольческой армии и ВСЮР: помощник начальника авиации по технической части (1920).

124 **Денисов Святослав Варламович** (1878, ст. Луганская Области войска Донского, – 1957, Стратфорд, США) – генерал-лейтенант (1918), председатель Казачьего союза в США. Из дворян, сын генерал-майора ВВД, казак ст. Пятиизбянской.

Образование: Донской кадетский корпус (1896), Михайловское артиллерийское училище (1898), Академия Генштаба (1908).

Служил офицером л.-гв. Атаманского полка, командиром 11-го Донского казачьего полка.

В Донской армии на командных и штабных должностях: командующий Заплавской группой, начальник штаба Донской армии, командующий Южной группой, командующий Донской армией (май 1918), управляющий военным и морским отделом ВВД.

Эмиграция: Турция (Константинополь), Германия, США.

125 **Дроздовский полк.** Сформирован в Новочеркасске как Офицерский полк из стрелкового полка Отряда полковника Дроздовского (1918). В составе этого Отряда вошел в Добровольческую армию как часть 3-й пехотной дивизии, получив наименование 2-го офицерского. После смерти М.Г. Дроздовского стал носить его имя и с 4 января 1919 г. назывался 2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк. Входил в состав Дроздовской дивизии (октябрь 1919). Участвовал во 2-м Кубанском походе. В боях нес тяжелые потери.

Кроме Дроздовского полка известны Дроздовский офицерский конный полк, Дроздовский стрелковый полк, Дроздовская инженерная рота, Дроздовский артиллерийский дивизион, Дроздовская дивизия.

В эмиграции для чинов дроздовских воинских соединений был учрежден специальный нагрудный знак. На кладбище Сен-

Женевьев-де-Буа память воинов-дроздовцев увековечена специальным мемориалом.

Известна полковая песня дроздовцев.

ПЕСНЯ ДРОЗДОВСКОГО ПОЛКА

Из Румынии походом
Шел Дроздовский славный полк,
Для спасения народа
Исполняя тяжкий долг.
Много он ночей бессонных
И лишений выносил,
Но героев закаленных
Путь далекий не страшил.
Генерал Дроздовский гордо
Шел с полком своим вперед,
Как герой, он верил твердо,
Что он родину спасет.
Ведал он, что Русь святая
Истомилась под ярмом,
Словно свечка, догорая,
Угасает с каждым днем.
Верил он, настанет время,
И опомнится народ,
И он сбросит свое бремя
И за нами в бой пойдет.
Пусть вернемся мы седые,
Враг под натиском бежал;
Под трехцветным русским флагом
Славу полк себе стяжал!

[126] **Дьяков Василий Авраамович** (1886 – 1945) – генерал-майор (1919), георгиевский кавалер. Из дворян, сын офицера ВВД, казак станицы Новониколаевской Области войска Донского.

Образование: Донской кадетский корпус; Николаевское кавалерийское училище (1905).

Службу начал в л.-гв. Казачьем полку, где стал полковником.

В Донской армии: участник восстания в Новочеркасске, затем в отряде старшины Семилетова. Позже командир 1-го полка 1-й Донской конной дивизии, командир л.-гв. Казачьего полка, командир гвардейской бригады 1-й Донской конной дивизии, ее начальник.

Эмиграция: Греция (о. Лемнос), Польша.

[127] **Поляков Иван Алексеевич** (1886, Новочеркасск, – 1969, Нью-Йорк, США) – генерал-майор (1918), Донской атаман (1947 – 1965). Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Новониколаевской Области войска Донского.

Образование: Донской кадетский корпус; Николаевское инженерное училище (1908); Академия Генштаба (1914).

В штабе 9-й армии – старший адъютант отделения генерал-квартирмейстера и начальник военно-дорожного отделения.

В Донской армии: на командных и штабных должностях. С мая 1918 по февраль 1919 г. – начальник штаба Донской армии и ВВД.

Эмиграция: Югославия, США. Во время Второй мировой войны участвовал в формировании казачьих частей германской армии. В РОА (с 1944).

[128] **Кирилл Владимирович** (1876 – 1938) – Великий князь, сын Великого князя Владимира Александровича, контр-адмирал Свиты Его Императорского Величества. Участвовал в Русско-японской войне на кораблях Тихоокеанского флота, был контужен. За недозволенный брак в октябре 1905 г. был исключен из службы, а в ноябре 1908 г. был вновь определен на службу в прежнем чине. Во время Первой мировой войны – командир Гвардейского экипажа и начальник морской батареи в действующей армии с февраля 1915 г. Глава Дома Романовых в эмиграции .

[129] **Сидорин Владимир Ильич** (1882 – 1943, Берлин) – генерал-лейтенант (1919), командующий Донской армией (1919), командир Донского корпуса (март – апрель 1920). Заместитель председателя Союза офицеров армии и флота. Георгиевский кавалер. Сын офицера. Из дворян Области войска Донского, казак ст. Есауловской.

Образование: Донской кадетский корпус (1900), Николаевское инженерное училище (1902), Академия Генштаба (1910), Офицерская воздухоплавательная школа (1910).

Служил на штабных должностях, в том числе начальником штаба Западного фронта, полевого штаба атамана Каледина, штабов Северного фронта Донских войск, Походного атамана, Донской армии. Участвовал в Степном походе (1918, начштаба отряда). Участник вербовочных организаций в Петрограде и Москве (1917).

Эмиграция: Болгария, Югославия, Чехословакия, Германия.

[130] **Куропаткин Алексей Николаевич** (1848 – 1925, с. Шешурино) – участник Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг., генерал от инфантерии (1900), генерал-адъютант (1902), военный министр (1898 – 1904), главнокомандующий Русской армией на Дальнем Востоке в период Русско-японской войны.

Образование: 1-е Павловское училище (1866), Николаевская академия Генштаба (1874).

Командовал 1-й армией (после 1905), был членом Госсовета.

Во время Первой мировой войны – командующий 5-й армией, Северным фронтом.

Туркестанский генерал-губернатор и войсковой наказный атаман Семиреченского казачьего войска. Руководил подавлением Туркестанского восстания.

С 1917 г. жил в своем бывшем имении Шешурино, Холмского уезда, Псковской губернии, преподавал в средней школе. В 1964 г. на его могиле поставлен памятник с надписью: «Основателю сельскохозяйственной Наговской школы».

[131] Временное **Донское правительство** образовано на Дону 21 апреля 1918 г. белыми силами и существовало до 11 мая 1918 г., когда Круг спасения Дона в Новочеркасске создал новое Временное Донское правительство и передал власть генералу П.Н. Краснову, избранному Войсковым атаманом и объявившему позже, 5 июня, Донскую республику частью Юго-Восточного союза.

28 августа 1918 г. решением Большого Войскового Круга было образовано новое правительство, названное Совет Управляющими отделами.

В начале 1919 г. все силы Юга, противостоявшие красным, возглавил А.И. Деникин, отдавший приказ об образовании здесь единого военного командования. Таким образом Донское правительство лишалось своей самостоятельности.

[132] **Корженевский Митрофан Васильевич** (? – 1926, Бельгия). Упоминается в VII главе книги «Всевеликое Войско Донское» П.Н. Краснова: «Атаман ничего не имеет против того, чтобы и дальше идти по этому пути, и финансовое совещание представителей Добровольческой армии с управляющим отделом финансов Донского войска господином Корженевским и директором Государственного банка окончилось совершенным согласием».

Во-видимому, его братом был Корженевский Всеволод Васильевич (1880 – 1959, Брисбен, Австралия) – выпускник Михайловского училища (1902), полковник, георгиевский кавалер, служивший в Русской Армии и ВСЮР, в эмиграции (Франция, Австралия) – заместитель начальника отдела РОВС.

[133] **Светозаров Владимир Николаевич** – педагог, статский советник, член неказачьей части Донского правительства, созданного на Дону Кругом спасения Дона 21 апреля 1918 г. Известен также Светозаров Михаил Николаевич, окончивший сначала Тамбовскую семинарию, а затем Санкт-Петербургскую (с 1914 – Петроградскую) духовную академию в 1911 г. (курс LXVIII). Удостоен степени кандидата богословия второго разряда. Позже возглавлял в Москве школу № 622 в Таганском районе

(Марксистская ул., 10). Возможно, брат В.Н. Светозарова.

Светозаров Николай Николаевич – штабс-капитан.

Образование: Пажеский корпус (1905).

Тяжело ранен в бою (1914). Погребен в Петрограде, в Новодевичьем монастыре, 12.09.1914. Вероятно, брат В.Н. Светозарова.

134 **Мельников Николай Михайлович** (1882/1883 – 1972, Кормнейан-Паризи, Франция) – последний председатель Донского правительства, председатель Совета министров Южно-Русского правительства.

Образование: гимназия в Царицыне, юридический факультет Императорского Московского университета (1906).

Служил мировым судьей, был избран председателем Съезда мировых судей 2-го Донского округа (1913), членом Новочеркасской судебной палаты (1918 – 1919).

Участвовал в работе Войсковых Кругов при атамане Каледине, сотрудничал с атаманом Богаевским.

Эмиграция: Турция, Франция.

Масон. Занимался литературной деятельностью.

С 1956 г. жил в доме престарелых в Кормней-ан-Паризи.

Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

135 **Бобриков Степан Леонидович** (1874 – 1956, Сен-Женевьев-де-Буа, Франция) – генерал-майор (1918). Из дворян ВВД, сын офицера, казак ст. Кривянской.

Образование: Донской кадетский корпус (1894), Николаевское кавалерийское училище (1896).

Служил офицером л.-гв. Казачьего полка. Полковник, управляющий конным заводом.

В Донской армии: участник восстания в ст. Заплавской, интендант армии, состоял при главном начальнике снабжений ВВД (1918), руководитель Одесского закупочного бюро (1919).

Эмиграция: Турция, Франция.

136 **Петров Адриан Петрович** (ок. 1879 – 1933, Белград) – педагог.

Служил инспектором Харьковского девичьего института, Родионовского Казанского, Мариинского Донского и Смольного институтов. В 1927 г. – 25-летие педагогической деятельности.

Эмиграция: Турция (Константинополь), Чехословакия, Югославия. Директор русской гимназии в г. Моравска Тржебова, инспектор Донского Мариинского женского института в г. Бела Црква, глава Белоцерковской группы Русского педагогического общества. Материалы о нем – на сайте, посвященном Марине Цветаевой.

Похоронен на Новом кладбище в Белграде у Иверской

часовни.

[137] **Захаров Николай Михайлович** (? – 1930, Моравска Тржебова, Чехословакия) – юрист, выдающийся судебный деятель. Председатель Новочеркасской судебной палаты.

Эмиграция: Чехословакия. Библиотекарь русской гимназии.

[138] **Росси Павел** (1894, Одесса, – 1992, Рим). Похоронен на римском кладбище Verano. Там же покоятся: Росси Ксения Георгиевна, урожд. Лемини-Македон (1897, Одесса, – 1968, Рим), дочь Георгия Яковлевича Лемини-Македон и Нины Станиславовны, урожд. Кельдерс. Росси-Лемини-Македон Николай (1920, Стамбул, – 1991, США). Росси Екатерина (ок. 1914 – 1932, Стантон, США).

[139] **Лукомский Александр Сергеевич** (1868 – 1939, Нейи-сюр-Сен, район Парижа, Франция) – известный военный и общественно-политический деятель. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Генерал-лейтенант Генерального штаба (1916). Видный деятель Белого движения в России и за рубежом.

Образование: Петровско-Полтавский кадетский корпус, 1-е Павловское военное училище, Николаевское инженерное училище, Николаевская академия Генерального штаба (1897).

Службу начал во 2-м саперном батальоне, затем служил в Киевском военном округе, где был старшим адъютантом 12-й пехотной дивизии (1902 – 1907). Генерал-майор и начальник мобилизационного отдела Главного управления Генштаба (1910). Успешно подготовил и провел общую мобилизацию (1914).

Помощник военного министра (с 1915). Начальник 32-й пехотной дивизии на Юго-Западном фронте (апр. 1916). Генерал-квартирмейстер Ставки, зам. председателя Особого совещания по обороне государства (конец 1916). Начальник штаба Верховного главнокомандующего при генерале Корнилове (1917).

Был арестован Временным правительством вместе с Корниловым и помещен в Быховскую тюрьму. Бежал на Дон, участвовал в создании Добровольческой армии. Военный министр, председатель Особого совещания Вооруженных Сил Юга России.

Эмиграция: Турция, Франция, США. Был представителем генерала Врангеля, ведал эвакуацией Русской Армии из Крыма и ее поселением в Константинополе. Выполнял секретные поручения Великого князя Николая Николаевича. Был начальником всех воинских подразделений, связанных с РОВС на Дальнем Востоке и в Америке, с 1928 г. – в распоряжении председателя РОВС. Автор воспоминаний в двух томах. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

[140] Барон **Врангель Петр Николаевич** (1878, Ново-

Александровск, ныне Зарасай, Литва, – 1928, Брюссель) – видный военный и политический деятель. Генерал от кавалерии. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Георгиевский кавалер. Основатель Русского ОбщеВоинского союза (1924).

Из старинного дворянского рода Санкт-Петербургской губернии, сын директора страхового общества в Ростове.

Образование: Ростовское реальное училище, Горный институт в СПб. (1901), офицерский экзамен на корнета Гвардии при Николаевском кавалерийском училище (1902), Академия Генштаба (1910).

Службу начал вольноопределяющимся в л.-гв. Конном полку. Корнет во 2-м Аргунском полку Забайкальского войска. Со своим полком участвовал в боях в Германии (1914). Командовал Нерчинским полком Забайкальского казачьего войска, Уссурийской конной, 7-й кавалерийской дивизиями, сводным конным корпусом.

В Добровольческой армии (1918) командир бригады 1-й конной дивизии, начальник этой дивизии. Командующий Добровольческой армией (1918). Командующий Кавказской Добровольческой армией (1919). Возглавил Вооруженные Силы Юга России (позже Русская Армия) в марте 1920 г. Отдал приказ об эвакуации Крыма (11 ноября 1920), «беспримерной и успешной».

Эмиграция: Турция (Галлиполи, Константинополь), Сербия (Сремски-Карловцы), Бельгия. Работал горным инженером. Скоропостижно скончался от туберкулеза. По завещанию был перезахоронен в Белграде, в храме Святой Троицы.

141 **Митрополит Анастасий**, в миру Грибановский Александр Александрович (1873, Тамбовская губерния, – 1965, Джорданвилль, США) – видный деятель православной церкви в России (до 1919) и за рубежом. Из семьи священника.

Образование: Тамбовская духовная семинария, Московская духовная академия (1897). Кандидат богословия.

Пострижен в монахи в Тамбове (1898).

Архимандрит и ректор Московской духовной семинарии (1901). Епископ Серпуховской, викарий Московской епархии (1906), Холмский и Люблинский (1914), Кишиневский (1915). Архиепископ Кишиневский и Хотинский (1916).

Член Поместного собора Русской православной церкви (1917 – 1918), председатель отдела церковного имущества и редакционного отдела, председатель комиссии по выработке порядка избрания патриарха. Член Священного синода и Высшего Церковного Совета (1917).

Эмиграция: Турция (Константинополь), Палестина, Австрия, Берлин, США. Управлял русскими православными общинами в Константинополе (1919), возглавлял русскую миссию в Палестине (1924 – 1935). В сане митрополита (1935) возглавил Русскую зарубежную (Синодальную) церковь (1936 – 1964), эвакуировался вместе с Архиерейским синодом и канцелярией в Вену (1944), Мюнхен (1945), США (1950). На покое с 1964 г. Похоронен на кладбище Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле.

142 В эмиграции известны следующие **Усачевы**: Виктор Владимирович, Григорий Андреевич, Григорий Павлович, Лукьян Лукьянович, Николай Семенович, Петр Сергеевич, Федор Ф., Яков Куприянович, Аксюта Васильевна, две Анны Павловны, Екатерина Филипповна, Лукерья Васильевна, Лукерья Ф., Мавра Ивановна, Марфа Павловна, Наталья Валериановна.

Местами их проживания были Чехословакия, Франция, Югославия, Америка и в большинстве случаев (10 человек) Канада.

143 **Александр Карагеоргиевич** (1888, Цетинье, – 1934, Марсель, Франция) – король Сербов, Хорватов и Словенцев с 1929 г.

Отец Петр I, король Сербов, Хорватов и Словенцев. Мать Зорка Петрович-Негош. Брак с Марией Гогенцоллерн (1922). Дети: Петр II, король Югославии; Томислав и Александр Карагеоргиевичи.

Погиб в результате покушения.

144 **Дрейер Николай Николаевич** (1889, Ника, – 1975, Чехословакия) – педагог.

Образование: учился на агрономическом факультете Киевского политехнического института.

Служил офицером во время Первой мировой войны (по воспоминаниям Н.П. Анциферова).

Эмиграция: Турция (Константинополь), Чехословакия (Прага). Работал воспитателем в русской гимназии. По словам Т.Н. Камендровской, «все его воспитанники в один голос восхищались им, его знаниями, умением понять психологию молодежи, прямотой и честностью».

145 **Гнедовский Д.Д.** – упоминается в Памятной книге Минской губернии за 1915 г.

146 **Газалов Михаил Мартынович** (1867 – 1923) – до эмиграции полковник, геодезист, преподаватель Пажеского корпуса и профессор Технологического института.

147 **Пащенко Алексей Георгиевич** – подполковник, участник Русско-японской войны, командир 2-й батареи 9-й артиллерийской бригады. Упоминается в книге «История Русско-

японской войны 1904 – 1905» под ред. И.И. Ростунова (М.: Наука, 1974).

Пащенко Василий Григорьевич (1868 – 1932, Моравска Тржебова, Чехословакия) – генерал-лейтенант, специалист по крепостной артиллерии.

Образование: Михайловское артиллерийское училище, Михайловская артиллерийская академия.

Руководил крепостным отделом Офицерской артиллерийской школы. Последовательно – начальник артиллерии Либавской крепости, сотрудник генерал-инспектора артиллерии Великого князя Сергея Михайловича, инспектор артиллерии 4-го Кавказского армейского корпуса.

Автор трудов по математике и артиллерии.

Эмиграция: Чехословакия. Преподаватель Русской реформированной реальной гимназии в г. Моравска Тржебова.

[148] **Ктитарев Яков** (1878 – ?) – протопресвитер, в миру Ктитарев Яков Николаевич.

Образование: Санкт-Петербургская духовная семинария, курс LXI, магистрант Санкт-Петербургской духовной академии (1904), кандидат богословия.

Эмиграция: Франция. Преподаватель гомилетики в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже (1942 – 1944). Настоятель православного прихода в Бийанкуре, священник Александро-Невского собора в Париже. Преподаватель гомилетики в богословском институте. Член Епархиального совета. Автор богословских трудов.

[149] **Когосьян(ц) Арам Емельянович** (? – 1934, Прага, Чехословакия) – педагог. Директор русской гимназии в г. Моравска Тржебова, преподаватель русской гимназии в Праге.

[150] **Зеньковский Василий Васильевич** (1881, Проскуров, Подольской губернии, – 1962, Париж) – философ, психолог, педагог. Протоиерей.

Образование: историко-филологический и естественно-математический факультеты Киевского университета, написал диссертацию «О психологической причинности» (1915).

Служил доцентом (1912 – 1915), затем профессором (1915 – 1919) Киевского университета (1912), министром культуры и исповеданий в правительстве гетмана Скоропадского (1918 – 1919).

Председатель Киевского общества по изучению религии и философии (1910). Работал на вечерних женских курсах А. Жекулиной, в мужской гимназии М. Стельмашенко, женской гимназии Е. Крюгер и М. Стельмашенко. Руководил социально-педагогическими и психологическими исследованиями «Дети и

война» (1915), автор книги «Социальное воспитание, его задачи и пути» (1917 – 1918).

Эмиграция: Югославия (Белград), Франция (Париж), Чехословакия (Прага). Профессор богословского и философского факультетов Белградского университета (с 1919), основатель Российского педагогического института в Праге и руководитель кафедры экспериментальной и детской психологии (1923 – 1926). Глава Педагогического бюро по делам русской зарубежной школы (1923 – 1927).

Зеньковский Александр Васильевич (1878, Подольская губерния, – 1966, Нуарк, штат Нью-Йорк, США) – сотрудник П.А. Столыпина, о котором написал книгу «Правда о Столыпине», профессор, автор книги «Техника банковского дела».

Жизнь в России связана в основном с Киевом, где был одним из руководителей губернской управы и профессором Киевского коммерческого института.

В годы Первой мировой войны продолжал преподавать и работал в земстве.

В годы Гражданской войны приглашен в Константинополь французско-итальянской фирмой.

Эмиграция: Германия (Берлин), Чехословакия (Прага), США (в основном Нью-Йорк). Преподавал в Берлинском русском научном институте, в институтах в Праге. Член Русско-американского союза.

151 **Астров Николай Иванович** (1868, Москва, – 1934, Прага) – российский общественный деятель конца XIX – начала XX в. Из семьи врача.

Образование: юридический факультет Московского государственного университета (1892).

Член ЦК партии кадетов. Директор правления Московского городского кредитного общества. Гласный Московской городской думы и губернского земского собрания. Московский городской голова.

В годы Гражданской войны – участник Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России.

Эмиграция: в основном Чехословакия (Прага). Написал воспоминания, изданные в Париже в 1941 г.

152 По-видимому, **Безуглов Иван Иванович** (1898, ст. Великокняжеская, – 1964, Нью-Йорк, США) – сын донского коннозаводчика, участник восстания в Орловской станице, видный деятель казачьего движения.

Образование: Великокняжеское реальное училище, Донской университет (не окончил), прослушал курс Сельскохозяйственного института в Брно.

Служил в Богаевском полку, участвовал в рейде Мамонтова, произведен в чин хорунжего.

В эмиграцию ушел в составе 6-го Донского казачьего полка. 12 лет был атаманом Общеказачьей станицы в Братиславе. Занимал ряд должностей в организациях казаков-националистов, был в том числе окружным атаманом в Словакии, помощником Руководителя, генеральным секретарем Казачьего Национального Движения, секретарем Верховного казачьего Представительства, зам. его председателя, а также избирался председателем Центрального правления КНД.

Активно занимался творческой и издательской работой в казачьих газетах и журналах, был редактором журналов «Казакия» и «Казачий вестник». С 1945 г. возглавлял Независимое национальное объединение в Германии.

Известен также **Безуглов Иван Варламович,** унаследовавший от отца, Безуглова Варлама Семеновича, коннозаводческое хозяйство и продолжавший вести его вместе с женой Анной Ивановной, урожд. Корольковой, до 1920 г.

[153] След фамилии **Зубаревых** в эмиграции: Зубарев Василий Федорович (? – 1937, Жиен, Луара, Франция) – казак станицы Луганской; Зубарев Г.В. (1888 – 1933, разъезд Синхитун, Китай) – старший дорожный мастер, покончил жизнь самоубийством; Зубарев Георгий Андреевич (? – 1961, Виллебран, Франция) – сотник Донского войска; Зубарев Яков Александрович (? – 1931, Париж); Зубарева (в замужестве Голякова) Людмила Николаевна (1894 – 1990, Анже, департамент Мен-и-Луара, Франция) – пансионерка дома для престарелых в Ганьи.

[154] **Отец Сергий**, в миру Аркадий Королев (1881, Москва, – 1952, Казань) – епископ Бельский, Казанский и Чистопольский.

Родился в семейном купеческом особняке на Пресне.

Образование: Дмитровское духовное училище, Вифанская семинария близ Троице-Сергиевой лавры, Московская духовная академия.

Служил послушником в Яблочинском монастыре на границе с Польшей, пострижен в монахи (1907), назначен епископом Бельским по распоряжению патриарха Тихона (1930). Хиротонисан в архиепископа (1931). Бельская епархия территориально относилась к Польше, отсутствие у отца Сергия польского гражданства стало поводом для его ареста и вывоза в Чехословакию (1922).

Эмиграция: Чехословакия (Прага), Германия (Берлин). Епископ Пражский, викарий митрополита Евлогия в Чехословакии, Австрии, Венгрии.

Отец Сергий неизменно вызывал глубочайшее уважение,

духовную привязанность своих прихожан, их искреннюю любовь и безграничное доверие.

155 **Исаакий**, в миру Иван Васильевич Виноградов (1895, Санкт-Петербург, – 1981, Елец) – архимандрит, настоятель Казанского и Никольского храмов в Алма-Ате, благочинный Елецкого района, настоятель Вознесенского собора Ельца. Участник Первой мировой и Гражданской войн.

Образование: 1-е реальное училище в Санкт-Петербурге, 2 курса Санкт-Петербургской духовной академии (1913 – 1914), Владимирское военно-пехотное училище (1914 – 1916), Православный богословский институт в Париже (1928).

Служил прапорщиком армейской пехоты на Румынском фронте, рядовым стрелком в отряде М.Г. Дроздовского, участвовал во всех боях и походах Дроздовской дивизии (1918 – 1920), в том числе в Румынском походе. Был трижды ранен, дослужился до чина капитана. В Добровольческой армии генерала Деникина (1918 – 1920) получил звание штабс-капитана.

Эмиграция: Турция (Галлиполи), Румыния, Болгария (София, Севлиево, Габрово), Франция (Париж), Чехословакия (Прага). В Париже пострижен в монахи с именем Исаакий (1927), рукоположен в иеродьякона (1927), иеромонаха (1928). Там же посвящен в сан игумена (1933), в Праге – в сан архимандрита (1936).

После окончания Второй мировой войны арестован и отправлен в Карлаг. С 1947 до 1958 г. жил в Казахстане, с 1958 г. до конца дней – в Ельце, посвятив себя пастырскому служению.

156 **Бискупский Василий Викторович** (1878 – 1945, Мюнхен) – генерал-майор, командующий 3-й кавалерийской дивизией. Георгиевский кавалер.

Образование: 2-й кадетский корпус (1895), Николаевское кавалерийское училище (1897).

Службу начал офицером л.-гв. Конного полка. Командующий войсками гетмана в Одессе (1918).

Эмиграция: Германия. Глава Западнорусского правительства в Берлине (1919), участник Рейхенгалльского монархического съезда (1921). Начальник управления по делам русской эмиграции в Германии (с 1936). Генерал от кавалерии (по КИАФ).

157 **Долгопятов Григорий Иванович** (1897 – ?) – генерал-майор. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Казак ст. Калитвенской, Донецкого округа, ВД.

Образование: Каменское реальное, Новочеркасское казачье училища, Пражский университет.

Службу начал казаком 19-го Донского казачьего полка (1915).

Занимал в нем офицерские должности (1915 – 1918). Есаул (1917). В отставке (1918). В Донской армии (1918 – 19121): войсковой старшина (1918), генерал-майор (1920), командир 18-го Донского казачьего полка (1920 – 1921).

Эмиграция: Греция (о. Лемнос), Болгария, Чехословакия. Член правления Общества русских эмигрантских организаций в ЧСР.

[158] Возможно, **Ковалев Стефан Ильич** (1897 – 1963) – полковник Алексеевского пехотного полка. Похоронен на Сен-Женевьев-де-Буа.

[159] **Маракуев Сергей Владимирович** (? – 1945) – член Донского правительственного комитета (1917), председатель правления Юго-Восточного союза кредитных кооперативов (1919).

Эмиграция: Чехословакия. Директор Русского института сельскохозяйственной эмиграции (1921). Представитель Донского атамана в Чехословакии. Арестован в Праге (1945). Умер в пересыльной тюрьме.

[160] **Ефремов Константин Александрович**, член Успенского Братства в Праге, – известно только место захоронения на Ольшанском кладбище в Праге: 2гор – 18 – 226.

[161] **Ерохин Феодор** (? – 1959) – донской казак, родившийся в ст. Благовещенка, Донской области. Место захоронения на Ольшанском кладбище в Праге: 2гор – 20 – 67/178.

[162] **Горбушин Василий Иванович** – упоминается в «Записках» П.Н. Врангеля: «Сушков, Скобцов, Горбушин, оба Успенки...», а также в 5-м томе («Вооруженные Силы Юга России») «Очерков русской смуты» генерала А.И. Деникина.

[163] Возможно, **Папко Алексей Николаевич** (ок. 1914 – 1970, Спрингфилд, США) – казак станицы Тенгинской Кубанского казачьего войска. Похоронен на кладбище Ок-Гров.

[164] **Глазков Сергей Викторович** (? – 1935, Париж) – штабс-капитан Особого пехотного полка. Похоронен на кладбище Сен-Жермен.

[165] **Чекунов Иван Степанович** (1876, станица Раздорская, – 1957, Париж, Франция) – организатор и первый председатель Общеказачьего союза во Франции. До эмиграции был новочеркасским врачом (до 1920).

[166] Барон **фон Нейрат Константин** (1873, Клейнлатбах, Вюртемберг, – 1956, Эйнцвейхинген) – один из главных военных преступников фашистской Германии. На дипломатической службе (с 1908). В качестве министра иностранных дел (1932 – 1938) обеспечивал дипломатическую подготовку немецко-фашистской агрессии. Возглавлял Тайный кабинет – консультативный орган по вопросам внешней политики (1938 – 1939). Как протектор Чехии и Моравии (1939 – 1942) осуществлял

оккупационный режим в Чехословакии. На Нюрнбергском процессе (1945 – 1946) был приговорен к 15 годам тюремного заключения. Досрочно освобожден в 1954 г.

167 **Асеева (Ассеева) Клеопатра Давыдовна** – супруга Асеева, сестра князя Соломона Давыдовича Гегелашвили, полковника Корниловской артиллерийской бригады, дослужившегося до чина майора в чехословацкой армии, члена РОВС и Союза галлиполийцев. К.Д. Асеева активно участвовала в работе Дамского комитета Галлиполийского землячества в Праге.

Сын Клеопатры Давыдовны – Асеев Константин Антонович (1901 – 1993, Аргентина) – фейерверкер Корниловской артиллерийской бригады, сбежавший в Добровольческую армию во время Гражданской войны и получивший Георгиевский крест из рук генерала А.П. Кутепова.

168 **Никольская Елизавета Николаевна** – упоминается в книге «Дитя золотого века» Элеоноры Мусатовой, которая пишет, что она «брала уроки у знаменитой балерины Никольской», кроме того, – в документальном фильме «Русская эмиграция». В описании одного из кадров – перечень группы лиц: «Немирович-Данченко, Петр Струве, философ Лосский, балерина Елизавета Никольская».

169 **Гижицкая Елена Ивановна** (1874 – 1946) – бывшая фрейлина Ее Величества, урожд. баронесса Велио, супруга камергера Двора Его Величества и члена 3-й и 4-й Государственных дум Александра Степановича Гижицкого (1869 – 1938). В эмиграции А.С. был старостой Союза русских соколов. Супруги имели четверых детей.

170 **Савицкий Петр Николаевич** (1895, Чернигов, – 1968, Прага) – экономист, философ, педагог.

Сын члена Государственного совета, действительного статского советника. Ученик П.Б. Струве. Рано опубликовал первые научные работы. Был коммерческим секретарем российского посланника в Норвегии. Защитил кандидатскую диссертацию и готовился к профессорскому званию в Петроградском политехническом институте.

Во время Гражданской войны воевал на Украине на стороне гетмана Скоропадского. Был парижским представителем администрации генералов Врангеля и Деникина. Был членом правительства Юга России.

Эмиграция: Турция (Константинополь), Болгария (София), Чехословакия (Прага). Преподаватель русского института. Директор русской гимназии в Праге (1940 – 1944). Арестован, вывезен в Москву, осужден на 10 лет лагерей. Вернулся в Чехословакию по отбытии срока. Автор сборника стихов (1960).

[171] **Поляков Алексей Филиппович** (1890 – 1961, Париж) – лейтенант, инженер-механик флота. Пел в хоре. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

[172] **Атланов К.С.** – участник восстания казаков на Верхнем Дону весной 1919 г. (см. газету «Новый ракурс», № 37, 1 сентября 2004 г.: «Первыми поднялись сланцы, которые под руководством казака Атланова вырубили всех находившихся в Еланской станице большевиков»). Урядник. Произведен сначала в вахмистры, затем в хорунжие, впоследствии атаман ст. Еланской.

[173] След фамилии в эмиграции: **Прохаска** (урожд. Сперанская) Вера Александровна (? – 1954, Касабланка, Марокко); Прохаска Василий; Прохаска Елизавета (? – 1976, Белград).

[174] След фамилии в эмиграции: **Прокудин** Иван Илларионович (?, Рассказово, Тамбовской обл., – 1934, Китай); Прокудин П.В. (? – 1954, США) – основатель шахматного кружка в Сан-Франциско; Прокудин-Березин Владимир Иванович (? – 1962, США); Прокудин-Горский (без имени) (? – 1961, Франция). Прокудин-Горская (урожд. Низовиц) Лидия Александровна (1896 – 1978, Франция); Прокудин-Горская (урожд. Беловежская) Лидия Антоновна (1895 – 1943, Франция); Прокудина Мария Федоровна (1883 – 1969, Париж); Прокудина Елизавета Ивановна (1876 – 1957, Франция).

[175] **Горчуков Мирон Афиногенович** (1873, станица Кочетавская, Донской области, – 1952, Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле, США) – учитель, донской общественный деятель. Бывший товарищ председателя Донского округа. Супруга Горчукова (Пашутина) Вера Ивановна (? – 1931, Моравска Тржебова, Чехословакия) до эмиграции жила в Новочеркасске.

[176] След фамилии в эмиграции: **Кубанская** Мария Петровна (? – 1955, Фюрт, Германия).

[177] **Комитет Освобождения Народов России** (КОНР) – орган руководства русскими и другими национальными организациями, сотрудничавшими с Германией. Учрежден 14 ноября 1944 г. в Праге (замок Гратчаны) под председательством генерала А.А. Власова. В состав КОНР вошло прежде всего Освободительное движение народов России (ОДНР) с главной своей составляющей – Русским освободительным движением (РОД). Этими терминами именовалось движение советских граждан и эмигрантов, объединившихся для свержения государственного строя СССР. Движение опиралось на органы самоуправления на оккупированных фашистами территориях, военизированные формирования при этих органах, боевые части в составе германской армии, называемые Русской освободительной армией

(РОА), а также на добровольных помощников тыловых служб. Отряды участников движения организовывались по национальному признаку, который был положен и в основу создаваемых с 1942 г. Восточным министерством Третьего рейха национальных комитетов и отечественных советов: азербайджанский, армянский, белорусский (Самопомощь), грузинский, калмыцкий, карачаевский, кабардино-балкарский, латвийский, литовский, татарский, туркестанский, украинский (Центральная Рада).

Одной из целей белоэмигрантских организаций было создание российского правительства и вооруженных сил. Одной из подобных попыток стало создание Национально-трудового союза (НТС).

Руководящий орган КОНР – президиум КОНР во главе с генералом А.А. Власовым. В его состав входили: генерал-майоры Ф.И. Трухин, В.Ф. Малышкин; генерал-майор профессор Д.Е. Закутный; генерал-лейтенанты Г.Н. Жиленков и Е.И. Балабин; профессора Ф.П. Богатырчук, Н.Н. Будзилович, С.М. Руднев.

178 **Манифест КОНР** был провозглашен одновременно с созданием КОНР 14 ноября 1944 г. в Испанском зале пражского замка Гратчаны в присутствии около 600 человек., 18 ноября состоялась встреча в Берлине, в здании «Европа-Хаус», в присутствии около полутора тысяч человек, преимущественно русских.

В своем выступлении А.А. Власов изложил свое понимание революционных событий как закономерных в истории освободительного движения в России. На «самом критическом своем этапе» революция была, однако, узурпирована большевиками, создавшими террористическую по природе своей государственную систему. Главной целью КОНР генерал А.А. Власов провозгласил борьбу с большевизмом, для которой необходимо «прежде всего единение антибольшевистских сил».

«Соотечественники! Братья и сестры!

В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов, нашу собственную судьбу.

Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем.

Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающего о мировой революции и уничтожении национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей

жизнью, определенной их собственным историческим и национальным развитием.

Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней свое счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли.

Силы разрушения и порабощения прикрывают преступные цели лозунгами защиты свободы, демократии, культуры и цивилизации. Под защитой свободы они понимают завоевание чужих земель. Под защитой демократии они понимают насильственное навязывание своей политической системы другим государствам. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов.

За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?

Два года назад Сталин еще мог обманывать народы словами об отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная армия перешла государственные границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и заливает кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель ее – еще больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всем мире.

Народы России более четверти века испытывали на себе тяжесть большевистской тирании.

В революции 1917 года народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя. который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решавшиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 года, своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошел за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги.

Не вина народа в том, что партия большевиков, пообещавшая создать общественное устройство, при котором народ был бы

счастлив и во имя чего были принесены неисчислимые жертвы, – что эта партия, захватив власть, завоеванную народом, не только не осуществила требований народа, но, постепенно укрепляя свой аппарат насилия, отняла у народа завоеванные им права, ввергла его в постоянную нужду, бесправие и самую бессовестную эксплуатацию.

Большевики отняли у народов право на национальную независимость, развитие и самобытность.

Большевики отняли у народа свободу слова, свободу убеждений, свободу личности, свободу местожительства и передвижения, свободу промыслов и возможность каждому человеку занять свое место в обществе сообразно со своими способностями. Они заменили эти свободы террором, партийными привилегиями и произволом, чинимым над человеком.

Большевики отняли у крестьян завоеванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно пользоваться плодами своих трудов. Сковав крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в бесправных батраков государства, наиболее эксплуатируемых и наиболее угнетенных.

Большевики отняли у рабочих право свободно избирать профессию и место работы, организовываться и бороться за лучшие условия и оплату своего труда, влиять на производство и сделали рабочих бесправными рабами государственного капитализма.

Большевики отняли у интеллигенции право свободно творить на благо народа и пытаются насилием, террором и подкупом сделать ее оружием своей лживой пропаганды.

Большевики обрекли народы нашей родины на постоянную нищету, голод и вымирание, на духовное и физическое рабство и, наконец, ввергли их в преступную войну за чуждые им интересы.

Все это прикрывается ложью о демократизме сталинской конституции, о построении социалистического общества. Ни одна из стран в мире не знала и не знает такого низкого жизненного уровня при наличии огромных материальных ресурсов, такого бесправия и уничтожения человеческой личности, как это было и остается при большевистской системе.

Народы России навеки разуверились в большевизме, при котором государство является всепожирающей машиной, а народ – ее бесправным, обездоленным и неимущим рабом. Они видят грозную опасность, нависшую над ними. Если бы большевикам удалось хотя временно утвердиться на крови и костях народов Европы, то безрезультатной оказалась бы многолетняя борьба народов России, стоившая бесчисленных жертв. Большевизм

воспользовался бы истощением народов в этой войне и окончательно лишил бы их способности к сопротивлению. Поэтому усилия всех народов должны быть направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, создание порядка, защищающего человека от произвола и не допускающего присвоения результатов его труда кем бы то ни было, в том числе и государством.

Исходя из этого, представители народов России, в полном сознании своей ответственности перед своими народами, перед историей и потомством, с целью организации общей борьбы против большевизма создали Комитет Освобождения Народов России.

Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит:

а) Свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года;

б) Прекращение войны и заключение почетного мира с Германией;

в) Создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров.

В основу новой государственности народов России Комитет кладет следующие главные принципы:

1. Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2. Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

3. Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

4. Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

5. Ликвидация принудительного труда и обеспечение трудящимся действительного права на свободный труд, созидающий их материальное благосостояние, установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6. Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и

уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

7. Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8. Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9. Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10. Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

11. Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12. Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждению или вынуждению.

13. Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния – городов, сел, фабрик и заводов за счет государства.

14. Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил. Комитет Освобождения Народов России уверен, что объединенные усилия народов России найдут поддержку у всех свободолюбивых народов мира.

Освободительное Движение Народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено:

а) наличием опыта борьбы, большего, чем в революцию 1917 года;

б) наличием растущих и организующихся вооруженных сил – Русской Освободительной Армии, Украинского Вызвольного Вийска, Казачьих войск и национальных частей;

в) наличием антибольшевистских вооруженных сил в советском тылу;

г) наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР.

Комитет Освобождения Народов России главное условие победы над большевизмом видит в объединении всех национальных сил и подчинении их общей задаче свержения власти большевиков. Поэтому Комитет Освобождения Народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину силы, решительно отвергая в то же время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов.

Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики.

Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших свое мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма. С нами миллионы людей, ушедших от большевизма и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами десятки миллионов братьев и сестер, томящихся под гнетом сталинской тирании и ждущих часа освобождения.

Офицеры и солдаты освободительных войск! Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая цель. Общими должны быть и наши усилия. Только единство всех вооруженных антибольшевистских сил народов России приведет к победе. Не выпускайте полученного оружия из своих рук, боритесь за объединение, беззаветно деритесь с врагом народов – большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России. Освободите их!

Соотечественники, братья и сестры, находящиеся в Европе! Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Вас миллионы. От вас зависит успех борьбы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войск. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!

Офицеры и солдаты Красной армии! Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы. Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, поработивших народы России и обрекших их на голод, страдания и бесправие.

Братья и сестры на родине! Усиливайте свою борьбу против сталинской тирании, против захватнической войны. Организуйте

свои силы для решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние.

Комитет Освобождения Народов России призывает вас всех к единению и к борьбе за мир и свободу!

Прага, 14 ноября 1944 года

Председатель Комитета Освобождения Народов России

генерал-лейтенант *А. Власов*

Члены Комитета: генерал-лейтенант Ф. Абрамов; общественный деятель Г. Алексеев; профессор С. Андреев; проф. Г. Ануфриев; генерал-лейтенант Е. Балабин; общественный деятель Шамба Балинов; проф. Ф. Богатырчук; артист С. Болховский; полковник В. Боярский; рабочий К. Гордиенко; подпоручик А. Джапанов; генерал-лейтенант Г. Жиленков; генерал-майор Д. Закутный; капитан Д. Зяблицкий; обществ. деятель Ю. Жеребков; полковник Буняченко; полковник М. Меандров; доцент А. Зайцев; проф. А. Карпинский; проф. Н. Ковалев; журналист А. Лисовский; генерал-майор В. Малышкин; фельдфебель И. Мамедов; проф. И. Московитинов; литератор Ю. Музыченко; рабочий Н. Подлазник; профессор С. Руднев; унтер-офицер Г. Саакян; доцент Е. Тензоров; генерал-майор Ф. Трухин; проф. А. Цагол; крестьянка Х. Цымбал; капитал И. Чанух; врач Ибрагим Чулик; обществ. деятель Ф. Шлиппе; Ф. Янушевская.

Кандидаты: поручик В. Дубовец; рабочий В. Егоров; журналист А. Казанцев; инженер П. Кумин; обществ. деятель Д. Левицкий; рабочий Я. Родный; инженер П. Семенов; проф. Л. Смирнов; проф. В. Стальмаков; проф. В. Татаринов; майор И. Тельников; солдат А. Щеглов.

(Фамилии некоторых Членов и Кандидатов Комитета Освобождения Народов России не публикуются в связи с их пребыванием на территории СССР или в целях их личной безопасности)».

[179] **Розенберг Альфред** (1893, Ревель, – 1946, Нюрнберг) – главный идеолог нацизма, заместитель Гитлера по вопросам «духовной и идеологической подготовки» членов нацистской партии, хорошо владел русским языком, поэтому был назначен рейхсминистром по делам оккупированных восточных территорий. По образованию инженер-строитель, окончил Высшее техническое училище в Москве (1918).

[180] Возможно, **Герасименко Петр Владимирович** (? – 1943, Чехословакия) – капитан, похоронен в Праге на Ольшанском кладбище.

[181] **Янь Сишань** (1883 – 1960) – китайский генерал, командующий войсками и губернатор (дубань) провинции Шэньси (1911 – 1949). Сторонник Чан Кайши (1927 – 1929),

успешно завершивший Северный поход Гоминьдана взятием Пекина (1928), затем в активной оппозиции к правительству Чан Кайши (1929 – 1930). После поражения эмигрировал в Японию, откуда вернулся в 1931 г. на должность губернатора провинции Шэньси. С 1936 г. противостоял частям, руководимым Коммунистической партией Китая. В 1945 – 1949 гг. – командующий 200-тысячной Шэньсийской армией Гоминьдана. Вынужден был эмигрировать под напором Народно-освободительной армии Китая.

[182] **Чан Кайши** (1887 – 1975) – главнокомандующий Национально-революционной армией Китая (1925), глава Гоминьдана (1927) и руководитель Китая (1928 – 1949), после поражения в гражданской войне с коммунистами – президент Тайваня.

[183] **Кромиади Константин Григорьевич** (1893, Армения, – ?) – сотрудник штаба, начальник личной канцелярии генерала А.А. Власова. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Участник похода полковника Л.Ф. Бичерахова, пытавшегося через Персию установить связь с английскими войсками в Месопотамии (весной 1917).

Эмиграция: Германия (Берлин). 16 лет работал таксистом. Приглашен работать в Министерство Восточных областей, где возглавил комиссию по распределению военнопленных по специальностям (сентябрь 1941). В Смоленске участвует в формировании РННА – Русской Национальной Народной Армии (1942), являясь комендантом Центрального штаба. В Пскове формирует 1-й Гвардейский батальон РОА – Русской Освободительной Армии (1943), назначен начальником штаба. Отозван в Берлин (август 1943) в штаб генерала А.А. Власова. После капитуляции Германии активно участвовал в спасении чинов РОА от выдачи в СССР.

[184] **Трухин Федор Иванович** (1896 – 1946) – генерал, член КОНР, начальник штаба ВС КОНР.

[185] **Малышкин Василий Федорович** (1896 – 1946) – генерал, член КОНР, начальник главного управления КОНР.

[186] **Жиленков Георгий Николаевич** (1910 – 1946) – генерал, член КОНР, начальник главного организационного управления КОНР.

[187] Имя **Антонины Свечинской** встречается в рецензиях на оперные спектакли.

[188] В эмиграции известны:

Дудников Владимир Александрович (Харьков – 1996, Лос-Анджелес, США) – один из старейших кадетов Лос-Анджелесского кадетского объединения. Из семьи русского офицера.

Образование: 8 классов 9-го выпуска Крымского кадетского корпуса, 1-й Русский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус (26-й выпуск).

Дудников Виктор Семенович, служивший в 15-м Казачьем кавалерийском корпусе. Подъесаул 1-го пластунского Донского полка Казачьего Стана. Автор мемуаров. По инициативе В.С. Дудникова в Ростове-на-Дону была изготовлена последняя партия (10 штук) Каторжных крестов. Эта награда была учреждена в 1955 г. в ОЗЕР-Лаге (Иркутская обл.) только для казаков, участвовавших в Дальнем походе (передислокации казачьих формирований в страны Западной Европы в 1943 – 1945 гг.).

189 **Дон-Донцовы** – киевская дворянская фамилия. Среди ее носителей – заместитель начальника одесского сыска Дон-Донцов Александр Евгеньевич, допрашивавший котовцев.

190 След фамилии **Михеевых** в эмиграции: см. 16 записей в кн.: Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917 – 1999. М.: Пашков дом, 2004. Т. 4. С. 599 – 601.

191 **Скворцов Михаил Алексеевич** (1887 – 1967, Голливуд, штат Калифорния, США) – генерал-майор.

Образование: 3-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище.

Служил хорунжим в Кубанском казачьем отдельном дивизионе в Варшаве (1907), в Собственном Е. И. В. Конвое (1910).

Во время **Гражданской** войны: первопоходник; командовал 2-м Кубанским казачьим корпусом. Награжден Георгиевским оружием, русскими и иностранными орденами.

В эмиграции: Югославия, США. Участвовал в работе Союза первопоходников и правления Зарубежного союза русских военных инвалидов. Почетный председатель Калифорнийского отдела Союза первопоходников. Во время Второй мировой войны в Русском корпусе.

192 След фамилии **Томашевских** в эмиграции: см. 15 записей в кн.: Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917 – 1999. М.: Пашков дом, 2004. Т. 6. Кн. 2. С. 422 – 424.

193 След фамилии **Демьяненко** в эмиграции: см. 3 записи в кн.: Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917 – 1999. М.: Пашков дом, 2004. Т. 2. С. 343.

194 След фамилии **Волошиных** в эмиграции: см. 8 записей в кн.: Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917 – 1999. М.: Пашков дом, 2004. Т. 1. С. 617 – 618.

195 След фамилии **Шевченко** в эмиграции: см. 37 записей в кн.: Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917 – 1999. М.: Пашков дом, 2004. Т. 6. Кн. 3. С. 339 – 342. Известна

исполнительница русских и цыганских песен и романсов Шевченко Евгения (сценическое имя Женя), родившаяся в 1927 г. в Киеве.

Эмиграция: Чехословакия, Франция, Австрия, Венесуэла, Бразилия, США. Брала уроки пения у **Л.Ф. Шаляпиной** в Париже. В воспоминаниях певицы упоминания о лагерях русских беженцев, в том числе под Зальцбургом.

В 1992 г. – гастроли в России.

196 **Николай Кашников** (1892 – 1974) – священник.

Эмиграция: Чили, США. Настоятель Св. Покровской общины в городах Винья-дель-Мар и Вальпараисо в Чили под юрисдикцией Русской православной церкви за границей (РПЦЗ). Служил также в Русской православной церкви в доме «Союза русских в Чили».

Похоронен с супругой, Марией Кашниковой, на кладбище Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле.

197 След фамилии **Вишневских** в эмиграции: см. 21 запись в кн.: Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917 – 1999. М.: Пашков дом, 2004. Т. 1. С. 581 – 583.

198 Фамилия **Радзевич** встречается в Памятных книгах Тобольской и Минской губерний начала XX в. След фамилии в эмиграции, в другом написании (Родзевич), – см. 3 записи в кн.: Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917 – 1999. М.: Пашков дом, 2004. Т. 6. Кн. 1. С. 224 – 225.

199 **Агапеев Всеволод Николаевич** (1877 – ?) – полковник Генерального штаба.

Образование: Воронежский кадетский корпус (1894), Павловское военное училище (1896), Академия Генштаба (1902).

В 1915 г. командир 141-го пех. Можайского полка. За отличия в бытность начальником штаба 38-й пех. дивизии награжден Георгиевским оружием (1915). Генерал-майор, начальник 38-й пехотной дивизии. В 1918 г. начальник штаба 5-го корпуса в гетманской армии, затем в украинской армии до апреля 1919 г. С весны 1919 г. в Вооруженных Силах Юга России; военный агент в Константинополе.

200 След фамилии **Федоровых** в эмиграции: на Ольшанском кладбище в Праге похоронены Федоров Алексей Иванович (1901, СПб., – 1971, Прага, 2гор) – инженер; Федоров Василий Георгиевич (1895 – 1959, Прага, 2гор – 19 – 209) – писатель-прозаик, автор трех книг рассказов; Федоров Константин Павлович (1859, Пермь, – 1936, Прага, 2гор – 19 – 182) – профессор, инженер, бывший директор Обуховского завода в Петербурге, руководитель Общества инженеров и техников Русского торгово-промышленного комитета в Чехословацкой республике; Федорова Анна Александровна (1861 – 1927, Прага,

2гор – 19 – 182) – жена инженера.

[201] **Шевяковы** в эмиграции: Григорий Илларионович – подпоручик, фельдфебель в Русском корпусе, упоминается в мемуарах М.Д. Каратеева «Белогвардейцы на Балканах»; известны Алексей, Евтихий, Мария Арсеньевна, Феодора Ивановна.

[202] **Елчищевы** ведут свое происхождение от полковых казаков города-крепости Тульской области Дедилова. В наши дни – село Дедилово, Киреевского района, Тульской области.

[203] Князь **Оболенский Александр Александрович** (1905, Санкт-Петербург, – 1988, Сантьяго, Чили). Сын князя Александра Николаевича Оболенского, камергера Высочайшего Двора, и его супруги Саломеи Николаевны, урожд. Светлейшей княжны Дадиан-Мингрельской. Крестник Императрицы Марии Федоровны.

Был дважды женат: 1) на Ольге Валерьяновне Бутурлиной (поженились в Париже, в 1924, разведены в Париже, в 1943); 2) на баронессе Янине фон Клейст (поженились в 1948, в Сантьяго). Имел одного сына Валерьяна от первого брака.

[204] Фамилия **Буряковских** связана с Харьковом и упоминается в материалах Харьковского частного музея городской усадьбы (Буряковский Михаил Матвеевич, Буряковский Ефим Степанович). В опубликованных в газете «Московская правда» (....) списках репрессированных значится Буряковский Владимир Григорьевич, 1889 г. р., возчик товарищества «Коммунарский возчик», проживал в Москве: Ленинградское шоссе, 124, кв. 2 (данные из дела № 17507).

[205] **Отец Илиодор**, в миру Труфанов Сергей Михайлович (1880 – 1952) – крайне правый церковный деятель России, выпускник Петербургской духовной академии (1905). По происхождению казак Донской области.

[206] **Ульянцев Владимир Емельянович** (1889, Москва, – 1984, Эль-Валье, Панама) – священник. Внук исследователя и географа генерала Н.М. Пржевальского, сын его единственной дочери Анны.

Эвакуировался из Крыма на одном из последних пароходов, на котором встретил свою будущую жену, медсестру Добровольческой армии П.Н. Врангеля Ольгу Кульчицкую, представительницу древнего дворянского рода.

Эмиграция: Югославия, Испания, Германия, Южная Америка (в том числе Чили). Полковой священник, иерей; священник 1-го кадетского корпуса им. Великого князя Константина Константиновича; служил в русском приходе в Чили.

[207] **Куракин Константин Евгеньевич** – основатель, вместе с Вешняковым С.Я., русской колонии в Чили, организатор ее жизни.

«Костя-офицер».

Образование: Одесский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище.

Службу начал корнетом в 18-м Драгунском короля Датского Христиана I полку.

Один из создателей и постоянно избираемый член правления Союза Русских Белых (Бланке) в Чили, ставшего средоточием всей жизни русской колонии Сантьяго, насчитывавшей более 100 человек. В помещении Союза была устроена церковь Казанской Иконы Божией Матери, открыты общественные библиотека, столовая, концертный и театральный залы. К.Е. Куракин – библиофил и создатель исторической библиотеки, домашнего музея. Исполнитель ролей в любительских спектаклях.

208 В эмиграции известна **Анна Жаркова,** послушница в Леснинском монастыре в Сербии (1940). На сайте «Генеалогия и архивы» упоминается Жарков Семен: фонд «Инспекторы народных училищ Оренбургского учебного округа Бирского уезда» (фонд № 223, опись 2, номер 197, год начала и окончания 1914).

209 **Суше де ла Дюбуасьер** (урожд. Козлова) Татьяна Викторовна (? – 1955, Сантьяго, Чили). Известны еще два носителя этой фамилии: Александр Адамович (1881 – 1923, Белград) – ротмистр 16-го гусарского Иркутского полка, и Гавриил Сергеевич (? – 1978, Париж) – капитан л.-гв. 2-го стрелкового Царскосельского полка.

210 **Де Витт Алексей Львович** (1900, Царское Село, – 1970, под Мюнхеном, Германия) – инженер, последний из сыновей генерал-лейтенанта Льва Владимировича Витта.

Образование: частная гимназия в Киеве (1918); Пажеский корпус (обучался); Высшая техническая школа (1928).

Служил вольноопределяющимся 2-й л.-гв. Конной батареи Добровольческой армии.

Эмиграция: Чехословакия, в 1931 г. открыл фабрику электротехнических аппаратов и первую фабрику по производству бакелита (резола). Германия, в 1931 г. открыл фабрику электротехнических аппаратов и первую фабрику по производству бакелита (резола). Чили, с 1947 г., работал в концерне селитры. Германия, с 1962 г.

211 **Улагай Кучук Каспалетович** (1893, Екатеринодар, – 1953, Чили) – участник Первой мировой и Гражданской войн. Полковник Кубанского войска.

Образование: реальное училище в Екатеринодаре; учился в Политехническом институте в Варшаве; Елисаветградское кавалерийское училище.

Служил в Северном драгунском полку (с 1913 до конца Первой мировой войны). Во время Гражданской войны командовал 1-м Конным Черкесским полком, воевал в Ставропольской губернии, участвовал в десанте на Кубань. 8 месяцев держался со своим отрядом в горах.

Эмиграция: Турция, Болгария, Югославия, Албания, Чили. Занимал высокий пост при короле Зогу (Албания), возглавлял Мусульманский комитет по освобождению Кавказа (Югославия). Работал в Военном географическом институте, выбран атаманом Общеказачьей станицы (Чили).

212 По-видимому, **Вешняков Ианнуарий** (Январий) Сергеевич (1869 – 1937, Сантьяго, Чили) – генерал-майор, участник Первой мировой и Гражданской войн.

Образование: Михайловская артиллерийская академия (1895).

Командовал лейб-гвардии мортирным дивизионом (с 1913), 29-й артиллерийской бригадой (1915). Инспектор артиллерии 20-го корпуса (1916). Награжден Георгиевским оружием.

Эмиграция: Прибалтика, Чили. Основал Союз русских инвалидов в Юрьеве (Тарту), Союз русских офицеров в Чили, был его председателем. Создал Русскую библиотеку в Сантьяго, которая носит его имя. Один из основоположников русской колонии в Чили.

213 В эмиграции известны: **Сальков Владимир Васильевич** (? – 1946, Париж), по-видимому, водитель, и Салькова Наталия Петровна, в замужестве Воейкова (? – 1974, Брюссель).

214 В эмиграции известны: **Глазунов Александр Константинович** (1865, Санкт-Петербург, – 1936, Париж) – композитор, дирижер. Автор балетов «Раймонда», «Барышня-крестьянка», поэмы «Стенька Разин», симфоний, концертов. Глазунов (Глазунцев) Алексей (? – 1934, Китай) – поручик, служил в Русском охранном отряде станций Шаньши и Шитоухэцзы. Убит хунхузами вместе с А. Колычевым. Глазунова (по мужу Белосельская, затем Стефани) Анна Ильинична (ок. 1890 – 1974, Франция).

215 **Маковой Павел Порфирьевич** (? – 1976, Сан-Франциско, штат Калифорния, США) – ротмистр.

Образование: Виленское военное училище.

Служил в 8-м гренадерском Московском полку и пограничной страже.

216 В эмиграции известен **Марьянов Александр Николаевич** (? – 1929, Будапешт) – статский советник. Член комитета Красного Креста в Венгрии.

217 Киевская фамилия. Известны: **Трипольский М.,** автор статьи «Русские мальчики для битья», и Трипольский Владимир

Николаевич (1908, Киев, – 1980, Сан-Франциско, США) – поэт, работавший под псевдонимом Владимир Ант (см. книгу «Песни Космоса и Земли»). По образованию инженер-гидротехник, участвовал в строительстве речного порта в Киеве.

Эмиграция: Германия, США. В Калифорнии руководил кружком «Литературные встречи». Сам иллюстрировал свои книги как художник-график.

218 **Андреюк Владимир Яковлевич** (? – 1956, Сантьяго, Чили) – корнет. Известен также Андреюк Григорий Леонтьевич (?, д. Ветошки, Збергковской волости, Кобринского уезда, Гродненской губернии, – 1954, США) – член 57-го отдела РООВА (Нью-Касл, штат Пенсильвания, США).

219 **Балабин Олег Александрович** (1899, Новочеркасск, – 1963, Мельбурн, Австралия) – есаул, участник Белого движения, племянник Е.И. Балабина.

Образование: Тифлисское военное училище (1917).

Служил прапорщиком в Донском казачьем войске. Участвовал в 1-м Кубанском («Ледяном») походе (в партизанском полку). В партизанском отряде Мамонтова, хорунжий в л.-гв. Казачьем полку (1919). В Русской Армии.

Эмиграция: Югославия, Австралия. Атаман казачьей станицы в Мельбурне.

220 Известен **Колчев Александр Владимирович** (? – 1967, Монбар, Бургундия, Франция) – капитан, участник Первой мировой и Гражданской войн. Галлиполиец.

Служил в Корниловском артиллерийском дивизионе.

Похоронен на местном кладбище в Монбаре (департамент Кот-д'Ор).

221 След фамилии **Гордеевых-Зарецких** в эмиграции: полковник М.Т. Гордеев-Зарецкий командовал ротой допризывной подготовки молодежи Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) в Белграде.

222 **Калиновский Игорь Георгиевич** (? – 2002, Сан-Франциско, США) – врач, член Общества ветеранов и Общества друзей кадетского объединения. Похоронен на Сербском кладбище.

223 В эмиграции известны: **Кубраков Алексей Кондратьевич** (1895 – 1968, Париж) – ротмистр 1-го уланского Петроградского полка. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа; Кубрак Никифор (1897 – 1930, Чехословакия) – казак станицы Новодмитровской Кубанской обл.

224 **Латышев-Байкалов Сергей Николаевич** (1906, Харбин, – 1983, Сен-Рафаэль, Франция) – поручик Русской освободительной армии, художник.

В 9 лет надел шинель как воспитанник Школы-приюта Наследника-Цесаревича для детей офицеров Заамурского округа Пограничной Стражи. Обучался в Киевском Владимирском, Сводном Киевско-Одесском, Русском кадетских корпусах, затем на двух факультетах Белградского университета (по словам самого художника, «сменил технику на философию»).

По окончании корпуса – Белград, где принимал деятельное участие в обществе «Русский Сокол», откуда вынес свои идеи панславизма. Стремление осмыслить причины происшедшего краха государства Российского приводит его в НТС и затем в Русский Национальный Союз, возглавляемый ген. Туркулом. Во время войны он вступил во 2-ю конную Казачью дивизию, вначале офицером связи, а затем командиром 6-го эскадрона. Награжден двумя орденами. В январе 1945 г. перевелся в РОА в распоряжение ген. Меандрова и был командирован в Югославию для связи с четниками, что и спасло его от преступной выдачи в Платлинге.

Эмиграция: Болгария (Варна), Страна Сербов, Хорватов и Словенцев (Сараево, Белград), Германия (Мюнхен), Испания, Чили, Франция.

[225] **Лебедев Алексей Иванович** (1850/51, с. Бетино, Касимовского уезда, Рязанской губернии, – ?) – заслуженный профессор и академик Императорской военно-медицинской академии.

Образование: Рязанская духовная семинария, Медико-хирургическая академия (1875), двухлетняя стажировка за границей (Лейпциг, Париж, Лондон).

Директор акушерской клиники. Экспериментатор, впервые сделавший целый ряд операций. Автор трудов на русском, немецком, французском языках по акушерству, гинекологии, эмбриологии, бактериологии.

[226] **Фиалковский Георгий Александрович**. След фамилии в эмиграции: Фиалковская Анна Евгеньевна (1934, Париж, – 1999, Париж); Фиалковский Георгий Евгеньевич (? – 1996, Монморанси, Франция); Фиалковский Евгений Владимирович (1896 – 1983, Франция) – капитан Алексеевского полка.

[227] В эмиграции известны: **Самойленко** (без инициалов) – генерал Кубанского казачьего войска (? – 1931, Белград); Самойленко Борис Николаевич (? – 1936, Вильжюиф, пригород Парижа) – председатель Минской губернской управы.

[228] Архиепископ **Леонтий Чилийский** (1904 – 1971) – в миру Василий Филиппович, родился в Киеве. Обучался в Киевском городском, Екатеринославском духовном училищах, на Высших православных богословских курсах в Петрограде. Защитил работу

на звание кандидата богословия, посвященную житиям святых как основе церковной апологетики. В 30-х годах в Киеве был неоднократно арестован, однако продолжал церковное служение, в том числе в Житомирской епархии, в катакомбной церкви на Украине, а также в качестве архиерея Украинской автономной церкви. За рубежом путь о. Леонтия пролег через Варшаву, Вену, французскую оккупационную зону Германии, Мюнхен. Приняв юрисдикцию РПЦЗ, был направлен сначала викарным епископом в Парагвай, а в 1953 г. назначен правящим архиереем в новообразованную Чилийско-Перуанскую епархию.

[229] **Николаевская академия Генерального штаба** – главный центр подготовки общевойсковых командиров и специалистов штабной службы. Основана в 1832 г. по проекту генерал-адъютанта барона Жомини как Императорская военная академия «для образования офицеров к службе Генерального штаба», а также «для вящего распространения знаний в армии».

Наименование, под которым упоминается в настоящих «Кратких справках», получила в 1855 г. В 1900 – 1901 гг. в Санкт-Петербурге для академии был построен специальный комплекс зданий на углу Суворовского проспекта (д. 32) и Таврической ул. (д. 2) по проекту архитектора А.И. фон Гогена.

[230] **Бьюкенен Джордж Уильям** (1857, Копенгаген, – 1924, Лондон) – английский дипломат: посланник в Софии (1903 – 1908), Гааге (1908 – 1910); посол в России (1910 – 1917); посол в Риме (1919 – 1920). Масон. Автор «Мемуаров дипломата».

Играл столь активную роль в событиях 1917 г. в России, что, по мнению русской эмиграции 20 – 30-х гг., Бьюкенен способствовал свержению Императора Николая II и фактически направлял политику Временного правительства.

[231] **Николай Петрович Негош** (1841 – 1921) – черногорский князь (1860), а затем король (1910). Принимал деятельное участие в международной жизни. Благодаря выгодным, зачастую династическим, бракам своих детей, которых у него с королевой Миленой (1847 – 1923) выросло 10 (родилось 12, однако дочери София и Мария умерли в раннем возрасте), Николу Черногорского называли «тестем Европы». Две из его дочерей, Милица (1866 – 1951) и Анастасия (1868 – 1935), стали женами Великих князей. Анастасия вышла замуж за Николая Николаевича Младшего (для него это был второй брак), Милица – за Петра Николаевича. Так «прекрасные черногорки» вошли в состав Российского Императорского Дома.

[232] Граф **Шувалов Павел Петрович** (1859 – 1905) – генерал-майор Министерства внутренних дел, первый после отмены должности обер-полицмейстера московский градоначальник,

вскоре после назначения убитый революционерами (супруга Павла Петровича, Александра Илларионовна, урожденная Воронцова-Дашкова, в это время ждала восьмого ребенка). П.П. похоронен на семейном кладбище в имении Варнемяги под Санкт-Петербургом.

233 **Мин Георгий Александрович** (1855, СПб, – 1906, СПб.) – военный деятель, генерал-майор Свиты Е. И. В. Происходит из древнего дворянского романо-германского рода. Участник Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг.

Образование: 1-я классическая гимназия (СПб., 1874), экзамен на офицера при 2-м Константинопольском училище.

Службу начал рядовым на правах вольноопределяющегося 2-го разряда в лейб-гвардии Семеновском полку. Славился как меткий стрелок гвардии. Командовал боевой ротой во время Русско-турецкой войны. Полковой адъютант (1884), полковник (1898). Участвовал в борьбе с чумной эпидемией в Самарканде. Председатель полкового суда (1899), командир 12-го Гренадерского Астраханского Императора Александра III полка (1903), командир л.-гв. Семеновского полка (1904), флигель-адъютант Его Императорского Величества (1905), генерал-майор (1906).

Особую известность получили умелые действия Г.А. Мина в 1905 г. по пресечению Семеновским полком вооруженных столкновений и кровопролития на Загородном проспекте в Санкт-Петербурге и освобождение Москвы и станций Московско-Казанской дороги от боевиков без больших жертв.

13 августа 1906 г. на скамейке Ново-Петергофского вокзала был на глазах жены и дочери убит пятью выстрелами в спину эсеркой З.В. Конопляниковой. Похоронен рядом с могилами трех погибших в Москве солдат его полка – в полковой церкви, уничтоженной вместе с останками семеновцев после 1917 г.

234 **Фон Бюлов Бернхард Хайнрих Карл Мартин** (1849, Кляйн-Флоттбек, Голштиния, Германия, – 1929) – германский политический деятель, рейхсканцлер Германской империи (1900 – 1909).

Приложение 1

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О.Е. БАЛАБИНОЙ, ДОЧЕРИ ГЕНЕРАЛА Е.И. БАЛАБИНА

Мамин отец, мой дедушка, Вячеслав Евграфович Воробьев, происходил из старинного боярского рода. Первый известный его предок был боярином при Иване Грозном, по прозвищу Калина – воробей. Отсюда и пошла фамилия Воробьевых. Дедушка мой, как и мама, были записаны в пятую дворянскую книгу (пятую часть. – *Е.Б.*), что равнялось боярству высокого чина.

По профессии дедушка был инженером путей сообщения и действительный статский советник.

Бабушка моя, Лидия Павловна, была дама гордая, холодная и неприступная – дедушка веселый, талантливый и очень добрый. Очень они друг другу не подходили, и, думаю, дедушке она счастья не дала.

Папин род, по официальным записям, числится со времени Петра I Великого. Их было 2 брата, служивших при Петре. Во время Стрелецкого бунта Петр I расправлялся круто, казнил направо и налево, не разбираясь.

Один из братьев Балабиных бежал с молодой женой «от царского гнева» на Дон.

Известно, что «с Дона выдачи нет». Земли на Дону плодородные, обширные и в те времена совсем мало заселенные. Там они и обосновались. Выделили себе луга, поля, развели виноградники и жить стали спокойно, собственноручно работая и в поле, и на виноградниках.

Однажды Царь, Петр Великий, приехал инкогнито на Дон. Раз он проезжал один на лодке, смотрел по сторонам (наматывал на ус) и увидел молодую женщину, работающую на винограднике. Царь пристал к берегу, а женщина ему поклонилась и сказала: «Здравствуй, Царь Петр Алексеевич!» Царь удивился: «Откуда ты меня знаешь? Чья ты?» Она ответила: «Я Балабина». – «Это которого же Балабина?»

Петр сказал ей, что на следующий день он будет в то же время здесь, и если мужа тут не будет – ему несдобровать.

На следующий день встреча состоялась. Петр вышел на берег, все выяснил и бегство ему простил, вернув ему дворянство. Обещал из Питера прислать «грамоту», что сразу и сделал. Кроме «грамоты» Царь прислал как благословение икону Божией Матери. Эта икона свято хранилась родом Балабиных.

Мама моя родилась в Петербурге. Там она окончила консерваторию, по курсу (классу?) пения, и уже была принята в

оперу Мариинского театра, но выступить ни разу ей не пришлось: познакомилась она в семье Похлебиных, хороших друзей семьи, с офицером Гвардейского полка – Балабиным. А гвардейцам (офицерам. – *Е.Б*.) на артистках жениться запрещалось.

Пришлось маме от оперы отказаться. Петь разрешалось только на благотворительных концертах и на полковых вечерах.

ОТЗЫВЫ СОВРЕМЕННИКОВ АВТОРА О КНИГЕ «ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ»

Глубокоуважаемый Евгений Иванович. Ваши воспоминания мы с женой прочитали с большим интересом и даже волнением. Жаль, что неповторимый отрезок жизни, так правдиво и так тепло нарисованный Вами, стал уже историей.

Спокойный стиль Вашего повествования и многочисленные эпизоды на протяжении всей Вашей жизни очень правдиво и убедительно создают атмосферу ушедшей жизни.

К сожалению, к концу своей книги Вы уделяете меньше внимания людям и событиям, а нам кажется, что это несправедливо, так как это тоже продолжение «нашей эпохи уже за границей», когда русская стихия оторвалась от берегов Европы и докатилась до Магелланова пролива.

Хотим еще добавить, что у каждого читателя без предвзятых мнений создается чувство глубокой симпатии к той жизни и к тем людям, которые так старательно были окарикатурены нашими «леваками». Спасибо за доставленное нам культурное удовольствие.

Ваши *Евг.* и *Пав. Жестовские (Инж-арх.)*

Глубокоуважаемый Евгений Иванович. Спасибо большое. Думала, что буду читать Вашу книгу две недели, но, как взялась читать – не могла оторваться. Так легко читается, с захватывающим интересом. Читая Вашу книгу, открыла, что Вы талантливый писатель, очень тонкий, мягкий и волнующий. Придаете описанию действительности нежную и тонкую чувствительность и человечески теплую симпатию. Ваша жизнь была постоянным путешествием и придала Вашей работе трогательный шарм и тоску по Родине.

В одной целой Вашей жизни заключается много отделов жизни – жизни разнообразной, деятельной, ответственной, полной труда, волнения, забот и опасностей, и все Вы сумели так гармонично, конкретно связать в одно целое, что получается общее впечатление о Вашей великой по существу деятельности жизни. Ваша книга должна быть напечатана и получить заслуженное место в Русской истории.

Жена полковника *М.П. Белошапкина*

Дорогой Евгений Иванович.

С неослабным вниманием и увлечением трижды прочитал Вашу книгу «Далекое и близкое» и остаюсь бесконечно благодарен Вам за доставленное удовольствие.

Красочные описания природы, картинки детства, охота, эпизоды из корпусной и военной жизни, встречи с Государем, характеристики вождей Русской Армии, Власовское движение – все это оставляет в памяти неизгладимый след.

Для нас, Ваших ровесников, захвативших лишь малый отрезок жизни дореволюционной России и выросших в страшных условиях советской действительности, Ваша книга представляет особенную ценность. Это своего рода ряд иллюстраций к определенному периоду Русской истории.

Подкупает искренность изложения и целый ряд правдивых фактов. Порой юмор, порой горечь, а чаще надежда на возвращение утерянного – все это волнует читателя и заставляет переживать то, что в свое время пережил автор книги. А пережито было много: крушение Великой Империи, Гражданская война, эмиграция, освободительное движение, гибель лучших сынов России, с которыми Вы были близки.

Меня приводит в восхищение Ваш здравый взгляд на события, участником которых Вы были, а также ясность воспоминаний, которыми Вы делились с читателями, имея за плечами 80 лет: как будто все сказанное произошло вчера.

Сейчас мне хотелось бы одно: увидеть Вашу книгу напечатанной. Ваши мемуары достойны увидеть свет. Дай Бог Вам, милый Евгений Иванович, здоровья и счастья, а еще более дождаться светлого часа возрождения нашей России из пепла и праха и вновь увидеть ее под скипетром Русского Царя, верным служителем которого Вы были и память которого Вы так свято чтите.

Уважающий Вас *Иван Марьянов*

КАЗАЧЬИ ЗВАНИЯ

В Казачьих войсках исторически сложилась специфическая система воинских званий. Для сравнения приводим ее в соотнесении со званиями современной Российской армии:

Казак – рядовой
Приказный – ефрейтор
Младший урядник – младший сержант
Урядник – сержант
Старший урядник – старшина
Вахмистр – прапорщик
Старший вахмистр – старший прапорщик
Подхорунжий – младший лейтенант
Хорунжий – лейтенант
Сотник – старший лейтенант
Подъесаул – капитан
Есаул – майор
Войсковой старшина – подполковник
Полковник – полковник
Генерал-майор – генерал-майор
Генерал-лейтенант – генерал-лейтенант

Звания «приказный» (т. е. впервые попавший в приказ), «урядник» (стоящий у строя – ряда), «сотник» (командир сотни), «полковник» (командир полка) – русского происхождения. «Хорунжий» (т. е. носящий хоругвь – знамя) – польского происхождения, «вахмистр» (начальник) – немецкого, «есаул» (от тюркского ясаул – начальник) – восточного, «прапорщик» (т. е носящий прапор – знамя) – украинского, «войсковой старшина» (т. е. имеющий в войске старшинство) – казачьего происхождения.

ПРИДВОРНЫЕ ЗВАНИЯ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Статс-дама – высшее придворное звание женщины из привилегированного сословия, состоящей в свите царствующей особы.

Фрейлина – придворное звание представительниц знатных дворянских фамилий. Фрейлины состояли в штате Императриц и Великих княгинь и входили в их свиту.

Гофмейстер (*нем.*) – придворный чин III класса, заведующий придворным штатом.

Егермейстер – придворный чин II класса, заведующий Императорской охотой.

Камергер (*нем.*) – почетное придворное звание, к которому в России представлялись только дворяне, состоявшие на государственной службе и имевшие чин не ниже действительного статского советника. До апреля 1809 г. – должностное лицо при Дворе, ведавшее какой-либо областью дворцового управления.

Камер-юнкер (нем.) – низшее в России придворное звание.

Камер-паж – кадет Пажеского корпуса, поддерживающий шлейф у особ Царской фамилии только во время торжественных высочайших выходов. Паж – мальчик из знатного рода, состоящий в почетной прислуге у владетельной особы.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ РУССКОЙ ГИМНАЗИИ В МОРАВСКОЙ ТРЖЕБОВЕ

Основателем гимназии, начавшей свою жизнь в Константинополе, а после переезда в Чехословакию возобновившей свою работу в качестве русской реальной гимназии в городе Моравска Тржебова), стала **Жекулина Аделаида Владимировна** (1866, Курская область – 1950, Брюссель).

Молодые годы Аделаиды Владимировны прошли в Суджанском уезде Курской обл., где в имении Жекулиных (муж, Сергей Иванович Жекулин, земский деятель и землевладелец) была построена школа, в которой преподавала А.В. Жекулина.

После смерти мужа с 9 детьми переехала в Киев, где открыла народный детский сад, Жекулинскую гимназию, педагогические учреждения по подготовке кадров для детских садов и начальных школ. Занималась педагогическим просвещением, вела активную общественную деятельность. Была инициатором создания Педагогического общества. Планировала издание педагогического журнала и выпуск школьных пособий.

Во время Первой мировой войны возглавила госпиталь на 500 человек и открыла несколько школ для беженцев. В 1919 г. вынуждена была уехать из Киева, в котором большевиками был расстрелян ее младший сын-студент.

Эмиграция: Турция (Константинополь), Чехословакия (Моравска Тржебова, Прага), Бельгия. Занималась организационно-педагогической деятельностью (создание детских садов, школ, гимназий, организация Педагогического бюро, издание бюллетеней о педагогической деятельности русской эмиграции).

Богенгардт Всеволод Александрович (1892 – 1961, Франция) – воспитель русской гимназии в г. Моравска Тржебова. Старый друг и товарищ С.Я. Эфрона, мужа Марины Цветаевой. Семья Богенгардт упоминается в записных книжках поэтессы. Знакомство В.А. Богенгардта и С.Я. Эфрона произошло в 1915 г. в Московском университете. Оба служили в санитарном отряде Земского союза, а затем во время Гражданской войны – в одном полку.

На фронте В.А. встретил свою жену – графиню Ольгу Николаевну Стенбок-Фермор.

После Галлиполи до отъезда в Прагу С.Я. Эфрон жил в Константинополе в семье Богенгардт.

Семейная дружба продолжалась в Чехословакии, а затем во Франции (с середины 20-х гг.).

Приложение 2
В. Светозаров
РУССКАЯ ГИМНАЗИЯ В МОРАВСКОЙ ТРЖЕБОВЕ 1920 – 1930 ГОДЫ ЮБИЛЕЙНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Истинную родину мы носим в нашем сердце, и никто не сможет ее оттуда вырвать.

Коллар

Любовь к отечеству и вера – это все наше богатство, если и это потеряем, то жизнь станет бесценной.

Из воспоминаний русских детей в эмиграции

ВВЕДЕНИЕ

В результате революции и Гражданской войны в России произошел беспримерный факт – более двух миллионов русских людей, главным образом интеллигенция, вынуждены были эмигрировать за границу.

Упали прощальные невинные слезы русских детей на родную землю, и грозные морские волны на своих хребтах понесли эмигрантские пароходы в неведомую даль.

Брошены были родные очаги, оставлены дорогие могилы, и перед всеми стоял один мучительный, страшный вопрос: что же дальше?

Взрослые, не раз смотревшие в глаза смерти за время войны, героически переносили личные страдания, но их сердца содрогались за судьбу несчастных, ни в чем не повинных детей.

Безнадежность и полное отчаяние охватывали всех при мысли, что полуголодные, полураздетые дети лишены будут воспитания и образования. Казалось, что злая судьба безжалостно отнимет у обездоленных эмигрантов их единственное утешение – родных детей. Тревоги и опасения начали оправдываться, когда русских беженцев высадили на малонаселенном, скалистом острове Лемнос, когда пришлось устраиваться и жить в обыкновенных походных палатках. Тяжелых условий путешествия на пароходе в трюме и примитивной обстановки на острове не выдержали прежде всего дети, и на Лемносе быстро выросло русское кладбище, на котором было 95 дорогих детских могильных холмиков.

В чрезвычайно трудном положении находилась вообще вся русская эмиграция, рассеянная по всему белому свету.

И вот, несмотря на все трудности, какие выдвигала жизнь, русская общественность, опираясь на широкую, гуманную поддержку иностранцев, стала настойчиво, с вдохновенной энергией созидать повсюду русские школы.

В лемносских палатках уже ютились две небольшие гимназии, а потом открыта была наша русская гимназия в Константинополе.

История создания этой гимназии, а также ее десятилетнее существование на чужбине является рельефной, красочной картиной той помощи, какую оказывали первое время иностранцы, особенно американские организации, и какая потом в удивительно широком масштабе проявлена была и продолжает проявляться братским чехословацким народом.

Через год, после открытия в Константинополе, гимназия была

перевезена в Чехословацкую республику, в Моравскую Тржебову. Раньше малоизвестный отрадный русский уголок в Тржебове – счастливый оазис среди необъятного беженского горя – за 10 лет стал известен почти всей эмиграции, которая из разных стран отправляла и отправляет своих детей сюда для получения русского образования и воспитания.

Надо по справедливости сказать, что гимназия своим существованием всецело обязана родственной и безгранично любвеобильной заботе и поддержке чехословацкого народа, что в своем развитии и процветании гимназия выполняла высокую историческую миссию, сближая и сродняя русскую молодежь с чехословацким народом, укрепляя чувство дружбы, любви и уважения друг к другу.

Поэтому в день славного десятилетнего юбилея первым нашим единодушным порывом и первым нравственным долгом, естественно, является выражение сердечной, глубочайшей признательности и благодарности за великое благодеяние маститому *Господину Президенту Доктору Масарику*[84], Правительству Чехословацкой республики и всему Чехословацкому (так в тексте – *Ред.*) народу.

Обнимая мысленным взором все прошлое гимназии и рисуя себе в ярких красках незабываемую картину создания и развития дорогого учебного заведения, мы от искреннего, благодарного сердца скажем «Русское спасибо» всем, кто протянул руку помощи погибающей русской молодежи.

Основание гимназии и первый год ее существования (Константинопольский период 1920 – 1921 гг.)

Счастливая мысль об открытии русской гимназии в Константинополе для детей эмигрантов принадлежит Всероссийскому Союзу Городов, который лозунгом своей заграничной деятельности поставил: спасать от гибели русских детей и дать им возможность получать образование.

Не имея никаких материальных средств, Союз Городов должен был провести тяжелую предварительную работу в течение четырех месяцев, чтобы достать все необходимое для открытия русской средней школы с интернатом.

В этом деле проявлена была деятелями Союза Городов и первым директором гимназии удивительная энергия, какую лучше, пожалуй, назвать вдохновением, пламенным желанием во что бы то ни стало удовлетворить вопиющую детскую нужду.

Идейный порыв захватил не только представителей русской общественности, но привлек также сердечное внимание иностранцев, на глазах которых бродили бесприютные русские дети, ночуя на открытом воздухе, большей частью на площади Таксима, около беженской столовой-палатки.

И нужная помощь была найдена – иностранцы охотно и в больших размерах стали оказывать материальную поддержку.

В момент создания гимназии, в период тяжелой предварительной работы в связи с ее открытием, надо с большой благодарностью отметить имя американца мистера Уитимора и его секретаря Н.С. Сомову.

Мистер Уитимор прежде всего помог найти помещение для гимназии, заплатив за него наемную плату за год вперед. С особенным усердием и старанием он сам лично руководил ремонтом этого здания, приспособляя под гимназию старый полуразрушенный турецкий дом в 32 комнаты.

Незабываемая и трогательная картина – мистер Уитимор не менее двух-трех раз в день приезжал во время ремонта помещения, отдавая нужные распоряжения. На дальнейшее развитие гимназии и на устройство интерната мистер Уитимор изыскивал и давал очень большие средства.

Сложная предварительная работа Всероссийского Союза Городов увенчалась полным, блестящим успехом.

5 декабря 1920 года, к величайшей радости всей русской общественности, состоялось торжественное открытие русской гимназии в Константинополе. Имена русских деятелей, основателей гимназии – А.В. Жекулиной, П.П. Юренева, П.Д. Долгорукова, первого директора гимназии А.П. Петрова и его помощника В.Н. Светозарова, – по справедливости должны занять почетное место в гимназической летописи.

В день открытия гимназии на торжественном молебне, отслуженном архиепископом Анастасием, присутствовали русские общественные деятели, иностранцы, родители, педагоги и дети. После молебна произнесены были теплые приветственные речи, окрылявшие и детей и руководителей в предстоящей ответственной работе.

В первые же дни интернат при гимназии был переполнен. Приводили и устраивали детей родители, присылали детей из английского приюта на острове Проти, направлял сюда бесприютную молодежь Союз Городов и Красный Крест, и, наконец, приходили дети по своей инициативе.

Тяжело вспоминать некоторые моменты – в грязных солдатских шинелях, в изорванном белье, с глазами, полными отчаяния и надежды, эти юные герои находили дорогу в гимназию.

Количество учащихся быстро росло, жизнь диктовала необходимость открытия новых интернатов.

С помощью иностранцев в ближайшее время открыты были еще два интерната, которые также буквально в несколько дней были заполнены вновь принятыми детьми.

В гимназии вскоре после открытия числилось 350 детей, а через год их было уже 550. Учебно-воспитательная отрасль гимназической жизни вверена была Педагогическому Совету, которым и были выработаны основные положения педагогической работы, заложен был прочный фундамент для дальнейшего развития и процветания русской гимназии.

Открытая в составе 8 классов с совместным обучением, гимназия руководствовалась программами русских средних учебных заведений, утвержденными министром народного просвещения графом Игнатьевым.

Трудность педагогической работы зависела от разнородного состава учащихся – молодежь поступала в гимназию с разной подготовкой, с большими пробелами, с разным уровнем общего развития, с очень значительными перерывами в занятиях. Педагоги и воспитатели общими усилиями выравнивали классы, и намеченный учебный план был проведен в полной мере. С исключительным напряжением работала учащаяся молодежь.

Чтобы выиграть время, она лишена была Педагогическим Советом летних каникул, и в результате в конце августа 1921 года состоялись выпускные экзамены – 50 учащихся удостоены были аттестатов зрелости, причем 16 окончило с отличием (по старой русской системе: 7 с золотой медалью и 9 с серебряной медалью).

Школьная работа освежалась и подкреплялась интересными ученическими экскурсиями как для осмотра редких достопримечательностей Константинополя под руководством художника Пенегина, так и для изучения природы. Заботясь о наилучшей постановке учебного дела, Педагогический Совет главное свое внимание обратил на воспитание русского юношества, будущих граждан новой России.

Поставлена была определенная, ясная цель: создать такие условия, при которых можно было бы хоть немного залечить раны, нанесенные детской душе ужасом Гражданской войны. Воспитание проводилось на основе здорового патриотизма.

Любовь к родине, знание родных обычаев, соблюдение русских традиций, умение заслуженно гордиться своей национальностью – вот те маяки, которые освещали трудный путь воспитательной работы над молодежью. На этой почве возникла первая ученическая организация под названием «Общество объединения русского юношества».

Все старания руководителей были приложены к тому, чтобы направить волю и ум юношества в сторону идеалов – добра, красоты и самосовершенствования.

Громадное значение в деле воспитания имела наблюдавшаяся у детей искренняя религиозность, которая давала возможность укрепить расшатанные в эпоху безвременья моральные устои.

Через четыре месяца после открытия гимназии трудами учащейся молодежи под руководством старших, на площадке, в саду гимназии, на турецкой земле, воздвигнута была училищная церковь. По предложению мистера Уитимора княгиней Яшвиль с большим искусством исполнены были иконы для иконостаса; царские врата сделаны были учениками, причем украшения царских врат были изготовлены из консервных банок. Эти иконы и царские врата и до сего времени являются благолепием нашего гимназического храма. Освящение училищной церкви в Константинополе, 23 апреля 1921 года, было знаменательным событием в гимназии. В дальнейшем дети и взрослые находили в храме успокоение своей измученной душе.

Кроме патриотизма и религиозности, жизнь, точнее говоря, беженская обстановка настойчиво диктовала проводить в деле воспитания трудовое начало. Было введено самообслуживание учащихся – уборка интерната, дежурства на кухне, в столовой,

уборка классов, починка обуви в своей мастерской.

Для девочек организован был клуб шитья и рукоделия, в котором занятия вели американки, аккуратно приезжавшие в гимназию в определенные дни для совместной работы с ученицами.

Все, что связано было с трудовым началом, охотно выполнялось молодежью, давая ей практические навыки, столь нужные для суровой школы жизни на чужбине.

Заботы по учебно-воспитательной отрасли завершились созданием гимназической библиотеки, которая за первый год существования насчитывала 1500 книг, что, при тогдашней трудности найти русские книги, составляло большое богатство.

Нарисованная картина скромной, но трудной и ответственной педагогической работы в первый год существования гимназии с несомненностью убеждает нас в том, что она была проникнута идейностью, чистыми побуждениями возможно больше сделать для дорогой молодежи. Педагогическая работа под руководством всеми любимого и уважаемого первого директора А.П. Петрова, шла бодро, оживленно и давала очевидные положительные результаты.

Необходимо далее остановиться на хозяйственной, материальной стороне жизни гимназии.

Для ведения хозяйственной части создан был особый орган – Попечительный Совет, в состав которого входили:

3 представителя от Союза Городов,
2 – от мистера Уитимора,
3 – от Педагогического Совета,
директор гимназии и
училищный врач.

На первом заседании 9 декабря 1920 года Попечительный Совет определил свою основную и главнейшую задачу – изыскивать материальные средства для гимназии и распределять их наиболее рациональным образом для удовлетворения нужд учащихся.

Работа Попечительного Совета совместно с Союзом Городов по своим достижениям достойна удивления.

Как в родное гнездышко бесприютным птенцам отзывчивые иностранные и русские организации привозили все необходимое – питание, одежду, инвентарь и подарки.

Щедрой рукой оказывалась материальная поддержка Американским Красным Крестом, Международным Красным Крестом, Обществом помощи на Ближнем Востоке, мистером Уитимором, мисс Бристоль, мисс Гранис и другими.

Для более прочного обеспечения притока материальных

средств на содержание гимназии введена была система стипендий, на основании которой за каждого учащегося делались регулярные взносы в установленном размере той или другой организацией.

Количество стипендий росло одновременно с ростом общего числа учащихся в гимназии.

Главнейшие источники, из которых в разное время и на разные сроки поступали стипендиальные взносы:

	Количество стипендий	
1. Союз Городов		до 165
2. Мистер Уитимор	от 40	до 100
3. Комитет баронессы О.М. Врангель	от 15	до 129
4. Донское Правительство	от 20	до 50
5. Комитет помощи беженцам	от 9	
6. Комитет «Казачья помощь»	от 10	
7. Мисс Бристоль	от 2	
8. Стипендии педагогического персонала гимназии	от 2	

Таким образом, в кассу Попечительного Совета поступала вполне достаточная сумма, необходимая для содержания трех интернатов гимназии. С особенным вниманием Попечительный Совет следил за питанием детей, организм которых в значительной степени был ослаблен и надломлен в период эвакуации. Врачу гимназии вменено было в обязанность не только участвовать в составлении меню, не только наблюдать за доброкачественностью продуктов, но строго смотреть за питательностью кушаний с медицинской точки зрения. В результате питание в интернате, по заключению врача, давало от 2800 до 3200 калорий, а для слабых усиленное питание доходило до 4000 калорий.

При помощи иностранных организаций вполне обеспечено было обмундирование для учащихся гимназии: в большом количестве пожертвованы были одежда и белье в готовом виде, а кроме того, доставлены были в изобилии материалы для изготовления всего необходимого.

Надо сказать, что Попечительный Совет при поддержке Союза Городов и иностранцев в течение первого года существования гимназии с успехом удовлетворял все насущные нужды молодежи.

Создать на чужбине русскую гимназию без наличия средств, поставить ее в благоприятные условия работы – это результат неутомимой и незабываемой работы деятелей Союза Городов и, в

особенности, Председательницы Попечительного Совета А.В. Жекулиной.

Гимназию горячо любили ее основатели, заявляя, что все учреждения Союза Городов, даже само Представительство, закроются, а гимназия будет существовать.

Сердечно и с любовью относились к своей школе дети и персонал гимназии. Дети чувствовали и ценили все, что делалось для них, для их благополучия и дальнейшего счастья. Персонал с особенной радостью посвящал себя интересной идейной работе с молодежью, видя в этом смысл своей жизни за границей.

Как к родному учреждению относились к гимназии иностранцы, постоянно интересуясь ходом работы в ней. Достаточно сказать, что в течение года посетило гимназию в целях ее осмотра и ознакомления с нею 65 иностранцев, принадлежавших к разным кругам и организациям.

Подводя итог краткому освещению жизни гимназии в Константинополе, без преувеличения и по справедливости этот период может быть назван героическим.

Только при исключительных условиях, преодолевая на пути к намеченной цели все препятствия, можно было на чужбине создать русскую среднюю школу с тремя интернатами, создать и развивать великое русское культурное дело.

В то же время всеми чувствовалось, что такая напряженная работа по изысканию средств, такая исключительная щедрость иностранцев в период особенно острой беженской нужды могут быть явлениями только временными.

С переселением беженцев на Балканы некоторые из организаций перебрасывали туда свою помощь, другие временно приостанавливали свою работу, собирая и усиливая свои средства.

Существованию и развитию русской гимназии в Константинополе в дальнейшем угрожала опасность в связи с общей обстановкой, и дальновидные деятели Союза Городов заблаговременно подготовляют условия, в которых гимназия могла бы существовать на началах постоянного учреждения.

Намечена была определенная цель – перевезти и устроить эмигрантскую гимназию в Чехословацкой республике. По этому трудному вопросу от имени Союза Городов А.В. Жекулина вела переговоры с чехословацким Правительством, представленным полномочным министром В.И. Гирсой, который, как «русский чех из Киева», имел исключительную заботу об облегчении страданий и об удовлетворении культурных нужд русской эмиграции и заслуги которого в жизни нашей гимназии будут в гимназической летописи написаны золотыми буквами.

Переговоры о дальнейшей судьбе Константинопольской гимназии увенчались полным успехом – получено было согласие г-на министра на переезд гимназии в Чехословацкую республику, обещаны были необходимые средства для обеспечения русской средней школы и даны были отличные помещения для гимназии и интерната вблизи небольшого городка Моравска Тржебова.

Начались спешные приготовления к переезду из Константинополя в пределы Чехословакии. Директор гимназии А.П. Петров выехал туда заранее с целью все необходимое подготовить к моменту прибытия гимназии на новое местожительство. Под руководством помощника директора В.Н. Светозарова проведена была Международным Красным Крестом отправка детей и персонала. Багаж был отправлен морем через Триест. Учащиеся и служащие гимназии были разделены на 14 групп и в порядке, по очереди, совершили переезд по железной дороге.

По пути, в Софии, Белграде, Субботицах, Будапеште, организована была дружественная встреча и оказан был радушный прием русским детям.

Начавшийся 18 декабря 1921 года переезд русской гимназии из Константинополя в Моравскую Тржебову закончился 5 января 1922 года. С этого момента начинается новый период в жизни эмигрантской гимназии, который должен быть назван славянским, чехословацким, так как дальнейшим своим существованием, развитием и процветанием гимназия всецело обязана братской поддержке чехословацкого народа.

Положение русской гимназии в Моравской Тржебове (Чехословацкий период 1921 – 1930 гг.)

Со времени переезда русской гимназии из Турции в Моравскую Тржебову начинается в ее жизни знаменательный славянский период, когда в широком масштабе проявлена была горячая, братская любовь к русской молодежи.

Навсегда останется в памяти радушная, сердечная встреча русских детей, трогательная забота о них и чуткое желание скрасить жизнь русской молодежи на чужбине.

Гимназия была поставлена в отличные условия, которые вполне обеспечивали возможность ведения спокойной плодотворной педагогической работы.

Когда-то в России на учительских съездах лучшие, выдающиеся педагоги ставили своей основной целью создание школы за городом, о чем большей частью приходилось только мечтать.

И вот мечта в полной мере сбылась в эмиграции. Гимназия действительно была вынесена за город, хотя и слишком далеко от милой родины.

На родственной славянской земле гимназия устроена была в очень красивой местности около города Моравской Тржебовы и заняла оставшийся после мировой войны лагерь, который имеет 32 здания со всеми необходимыми приспособлениями.

В течение первого же года все было оборудовано так, чтобы удовлетворить нужды школы, интерната и служащих гимназии.

Насколько это большое учреждение, достаточно только перечислить отдельные помещения и их назначение – два школьных здания с 14 классами, физический кабинет, химическая лаборатория, класс ручного труда, музыкальный класс, гимнастический зал, театральный зал, библиотека, училищная церковь, детский сад, дортуары, столовая, пекарня, склады, прачечная, баня, различные хозяйственные службы, кооператив и квартиры для служащих. Ведь это не только средняя школа, а – правильнее сказать – большая русская колония со своим обособленным устройством, со всем укладом и распорядком жизни.

Осветить по возможности все стороны жизни эмигрантской русской школы – вот задача, выполнение которой является требованием знаменательного момента, десятилетнего юбилея нашей гимназии.

Органы управления

За время пребывания гимназии в Чехословакии высшее управление русской школой само собой распадается на три периода. Первые шесть лет русская гимназия находилась в ведении Министерства иностранных дел, которое с исключительной заботливостью провело тяжелую организационную работу.

Гимназия, находясь в ведении Министерства иностранных дел, входила в так называемую «русскую акцию», которая вообще поддерживала культурные силы и культурные начинания русской эмиграции.

Не только на глазах персонала и детей, а в поле зрения самых широких общественных кругов проходил и оставлял сильное впечатление процесс устройства, обеспечения гимназии и проведения целого ряда мероприятий, направленных к ее развитию и процветанию.

Из деятелей Министерства иностранных дел, которые непосредственно проводили высокоидейную гуманитарную работу в связи с заботами о русской гимназии, выдающееся место занимают: министр д-р Э. Бенеш, министр д-р Гирса В.И., министр д-р Крофта К., консул д-р Завазал З., д-р Черношек и профессор Я. Галиа. Все они в период управления гимназией и в настоящее время сердечно подходили и подходят к русскому культурному делу с чутким пониманием русских обычаев и русской души.

Контроль по учебно-воспитательной части в этот период, как и в дальнейшем до настоящего времени, осуществляло Министерство народного просвещения согласно распоряжениям и указаниям министров Г. Габермана, д-ра В. Шробера, Р. Бехине, д-ра И. Шуста, д-ра И. Марковича, д-ра О. Срдинки, д-ра М. Годжи, д-ра А. Штефаника и д-ра И. Дерера, которые всегда проявляли благожелательный интерес к русской эмигрантской школе.

Когда «русская акция» стала сокращаться, русская гимназия из Министерства иностранных дел, в целях ее сохранения и обеспечения, была переведена в ведомство Министерства народного просвещения.

В течение одного года Министерство народного просвещения в полном объеме проводило заведование как учебной, так и финансово-хозяйственной отраслями в жизни гимназии.

Руководство, непосредственное наблюдение и заботы в этом большом деле в Министерстве народного просвещения принадлежат председателю Департамента по культурным

сношениям с заграницей д-ру Ф. Шпишеку и его сотрудникам – д-ру И. Шимеку, проф. И. Урбану и проф. М. Поляку. Много в этом деле потрудился покойный д-р Индерка.

С большим интересом и с особенной энергией эти деятели проводили и проводят мероприятия к улучшению положения гимназии, ко благу русского юношества, всегда проявляют удивительную сердечность, отзывчивость и внимание ко всем нуждам гимназии и при первой же возможности удовлетворяют их.

Последние два года Министерство народного просвещения, оставляя за собой высшее управление, передало гимназию в непосредственное ведение кураториума Общества по содержанию русских средних школ в ЧСР.

Это учреждение близко подошло ко всем сторонам гимназической жизни и с редкой заботливостью ведет работу согласно указаниям Министерства народного просвещения.

Вся деятельность кураториума связана с именем его председателя, директора Академической гимназии, профессора Ф.И. Лакомого.

Как по обязанности председателя кураториума, так и по должности инспектора русских средних школ в Чехословацкой республике, профессор Ф.И. Лакомый за все эти девять лет был фактически руководителем учебной части в гимназии, за последние два года заведует и хозяйственной отраслью и проявляет несомненную любовь к русскому делу.

Надо отметить в его работе основное стремление, чтобы в этом «русском уголке» в Чехословакии жил действительный русский дух со всеми своеобразными чертами русского народа, чтобы русский эмигрант чувствовал, что помогающая чехословацкая рука, которая направлена к несчастному русскому ребенку, есть рука действительно братская, действительно любящая. Он усердно заботился о том, чтобы учащиеся гимназии, не имея заботы о насущных потребностях, могли бы всецело отдаваться своим занятиям и образованию, потому что новое воскресение русского народа, пострадавшего в мировую войну больше всех, может провести в жизнь только всесторонне и глубоко образованное поколение, проникнутое сознанием своей ответственности к несчастной родине и народу, ради которых не страшны ни работа, ни жертва.

Редкая чуткость профессора Ф.И. Лакомого заслуживает самой искренней признательности.

Представителем Министерства иностранных дел и Министерства народного просвещения здесь, на месте, в течение всего времени был окрестный гетман д-р Говурка, с полной

готовностью оказывающий большую поддержку и содействие в целях успешного ведения трудного дела.

Надо по справедливости сказать, что работа всех органов высшего управления, несомненно, войдет в историю русской школы за границей и займет там славную страницу.

Непосредственное управление гимназией и вся ответственность за все стороны и отрасли гимназической жизни возлагалась Министерством народного просвещения на директора и на Педагогический Совет.

За 10 лет существования гимназии ответственными руководителями и директорами русской гимназии состояли:

Петров А.П. с 5 декабря 1920 года по 29 февраля 1924 года.

Когосьянц А.Е. с 1 марта 1924 года по 15 октября 1927 года.

Светозаров В.Н. с 16 октября 1927 года.

Заведующим интернатом на должности старшего воспитателя с 9 октября 1925 года состоит Д.Д. Гнедовский.

Для ведения всей финансово-хозяйственной отрасли в жизни гимназии и интерната имеется особый орган, который называется «господарской справой» гимназии. Ведение всего хозяйства и вся отчетность по бюджету, который достигает почти 3 000 000 чешских крон в год, выполняется этим ответственным органом.

Учебно-воспитательная работа в гимназии

Необычайно сложная и трудная работа выполнена за 10 лет по воспитанию и обучению русской эмигрантской молодежи.

Психология учащихся, их переживания и запросы в первые годы резко отличались от обыкновенных школьных настроений и желаний.

Чтобы ближе подойти к духовной жизни учащихся, чтобы лучше знать их глубокие душевные переживания, в гимназии была проведена без всякой предварительной подготовки письменная работа на тему: «Мои воспоминания до поступления в гимназию». Не подписывая своей фамилии, молодежь в этих тетрадях открыла свою душу. Богатейший и весьма интересный материал получен был из этих ученических сочинений. Предпринятая по инициативе русской гимназии в Моравской Тржебове ценная своеобразная анкета вызвала потом проведение такой же меры во всех эмигрантских русских школах и послужила материалом для книги «Дети эмиграции», переведенной на иностранные языки и дающей яркую, захватывающую картину тяжелых переживаний эмигрантской молодежи.

Гимназический интернат на 600 учащихся был наполнен молодежью разного возраста. Так, в 1922/23 уч. году большинство учащихся 8-го класса, в котором, при четырех параллелях, числилось 174 человека, были уже взрослые молодые люди, многое испытавшие во время Гражданской войны, видавшие смерть в глаза, раненные, с Георгиевскими крестами, пережившие трагическую кончину родных. Некоторые только здесь получали тревожные, печальные известия о роковой судьбе своих родителей. Другие, наоборот, долгое время считали себя сиротами, а потом получали письма, что родители живы и радуются за своих детей, получающих образование и воспитание в русской школе. Конечно, все это не могло не отражаться на регулярной школьной работе.

Психология молодежи, у которой, по выражению проф. В.В. Зеньковского[85], «детство было смято», требовала особого к ним подхода, особой чуткости, отеческой строгости и ласки.

В то время, когда вопросы воспитания современной молодежи всюду волнуют общество, когда воспитание становится мировой проблемой, разрешение которой встречает тысячи затруднений в нынешних условиях жизни, в это время особенно трудно было практически осуществлять воспитательную работу с молодежью, выбитой из колеи нормальной, спокойной обстановки.

В деле воспитания продолжали проводить в жизнь те же принципы и лозунги, которые были краеугольным камнем в фундаменте русской школы в Константинополе – здоровый патриотизм, религиозность и трудовое начало.

На основе этих принципов удавалось создать такую подходящую атмосферу, которая облегчала работу и которая давала возможность достигать положительных результатов в трудной и ответственной работе.

Учащиеся в интернате распределены по возрастам – в данное время имеется четыре так называемых барака для мальчиков и два для девочек. Каждый барак находится в непосредственном ведении двух воспитателей, которые несут дежурство в течение полных суток, ночуя в дортуаре вместе с учениками.

На каждый женский барак имеется три воспитательницы, из которых одна дежурит ночью. Всего воспитательского персонала 14 лиц. Объединяет практическую работу воспитательского персонала и непосредственно заведует интернатом старший воспитатель.

Каждую неделю под председательством директора созываются воспитательские конференции, на которых обсуждаются практические мероприятия в области воспитания молодежи, затрагиваются все стороны интернатской жизни, происходит обмен мнений по поведению учащихся, и в результате постепенно вырисовывается правильная характеристика детей. Это указывает в дальнейшей работе наиболее целесообразные методы индивидуального воздействия на отдельных, различных по внутренней структуре, учащихся.

Чтобы возможно глубже привить молодежи моральные основы, особенное внимание обращается на благотворное влияние церкви.

В училищном храме каждую субботу и воскресенье совершаются богослужения. Неизгладимое впечатление производит Пасхальная служба: одних переносит мыслями в родные края, а других знакомит с теми отрадными переживаниями, какие всегда соединялись с этим великим праздником.

Для проведения в интернате надлежащей дисциплины выработан кодекс правил интерната, каковой должен всеми безусловно выполняться, чтобы обеспечить порядок, необходимый для нормальной работы.

Нелегкий вопрос о применении наказаний. В этом отношении в распоряжении администрации очень мало мер: лишение отпуска в город, лишение развлечений – кино, танцев, – оставление в праздники после обеда с работой под наблюдением

преподавателей или воспитателей, замечание, выговор и уменьшение балла за поведение. Лишь в крайних случаях Педагогический Совет прибегает к увольнению из гимназии. Меры физического воздействия и оставление без пищи не практикуются и запрещены в самой строгой и категорической форме. Внимание воспитательского персонала сосредоточивается не только на введении и достижении внешней дисциплины, а также на постепенном проведении системы внутреннего воспитания, когда основные принципы глубоко усваиваются сознанием детей, становятся руководящими в их общем мировоззрении. В таком случае, помимо формальных взысканий, применяется мера воздействия на волю детей, каковая считается могучим средством и в домашнем воспитании детей. Эту существенную черту в воспитательской работе метко оттенил в результате своих личных наблюдений А.С. Изгоев в своей газетной статье: «В этом учебном заведении разрешен труднейший вопрос воспитания. Здесь сердечность не убила дисциплины, а дисциплина не выела сердечности».

В ответственной работе по воспитанию в конечном результате в большинстве случаев надо отметить достижения – основные моральные устои прививаются молодежи прочно, дают ей возможность твердой ногой вступить на путь самостоятельной жизни в счастливые студенческие годы.

В выработке общего мировоззрения молодежи, помимо основ воспитания, большую роль играет воспитывающее обучение, постановка учебного дела и методы преподавания.

На эту сторону гимназической работы обращено особенное внимание. Для лучшей постановки учебного дела оборудованы кабинеты, приобретено достаточное количество наглядных пособий, пополнена в значительной степени библиотека, насчитывающая в данное время 20 000 экземпляров. В первую очередь создан был физический кабинет, начало которому положил американец мистер Д.И. Лаури, пожертвовавший на эту цель 5000 ч. крон. С этой небольшой лепты постепенными пополнениями в течение девяти лет вырос очень хороший для средней школы физический кабинет, имеющий все необходимые приборы для опытов и занимающий специальный класс со всеми приспособлениями – экспериментальный стол, распределительная доска, радио и т. д.

Кроме физического кабинета, имеется химическая лаборатория, в достаточной мере оборудованная, тоже со своей отдельной аудиторией.

Всем необходимым обеспечены кабинеты: естественно-исторический, историко-географический и гимнастический.

За последние годы в целях пополнения кабинетов установлены особые взносы, по 25 крон в год с каждого учащегося, на учебные пособия; эти суммы распределяет Педагогический Совет, удовлетворяя нужды, касающиеся отдельных предметов.

Постановка учебного дела в значительной степени зависела от принятых программ преподавания того или другого типа средней школы.

Строго соблюдая последовательность педагогической работы и на этом основании продолжая идти по пути, намеченному в Константинополе, русская гимназия первые три года своего пребывания в Чехословакии проводила игнатьевскую программу с двумя обязательными новыми языками.

Выпускные экзамены под председательством депутата от Министерства народного просвещения производились по старой русской системе – по каждому предмету 8-го класса отдельно, в особой комиссии. Вместе с тем шла постепенная подготовка к проведению программ применительно к чешским средним учебным заведениям, в результате чего 8 августа 1925 года русская эмигрантская школа стала именоваться «Русская реформированная реальная гимназия».

В дальнейшем, в порядке постепенности, введены были программы преподавания и распределения учебного материала соответственно положению о чешских средних учебных заведениях такого же типа.

Необходимо отметить, что, кроме предметов, предусмотренных чешскими программами, в русской школе дополнительно в большом объеме проходились: русская литература, русская история и география. Преподавание на русском языке, так называемые национальные предметы в широком масштабе, русский уклад жизни во всей колонии давали возможность воспитывать молодежь в добрых традициях русской культуры. Здесь никогда не стоял, да и не мог быть поставлен, тревожный и больной вопрос о денационализации, которому уделяется (и вполне естественно) так много внимания на педагогических съездах в целях вести энергичную борьбу с таким опасным и нежелательным явлением.

С момента преобразования русской школы по типу чешских средних учебных заведений выпускные экзамены стали производиться по новой системе, в один день по всем так называемым «матурным» предметам. Это крупное нововведение заметно вело к положительным результатам. Не было нервной подготовки по каждому предмету перед экзаменом. Новая система экзаменоваться по всем предметам в один день волей-

неволей побуждала готовиться к «матуре» в течение всего последнего года, а по особенно трудным предметам подготовка шла начиная с 6-го класса. Такой порядок выпускных испытаний давал возможность действительно обнаружить достаточную зрелость, необходимый уровень общего развития, с которым смело можно идти в высшее учебное заведение.

Как на оригинальную особенность в учебном деле русской эмигрантской школы надо указать на учреждение так называемого репетиторского класса.

Прием в гимназию, особенно в первое время, производился в течение всего учебного года, поступали дети, не подготовленные для прохождения курса в том или другом классе, а потому нужно было удовлетворить и эту выдвигавшуюся самой жизнью нужду, чтобы облегчить поступление в гимназию. Зачисленные в состав учащихся среди учебного года или недостаточно подготовленные принимались в репетиторский класс, где под руководством преподавателей по определенному расписанию подготовлялись к экзамену в соответствующий класс гимназии. Эта мера давала возможность, с одной стороны, в срочном порядке удовлетворить эмигрантскую нужду в определении детей в гимназию среди учебного года, а с другой – не нарушать нормального хода классных занятий.

Репетиторский класс существует и до настоящего времени, принося большую пользу, давая возможность вновь поступающим учащимся выровнять свои знания согласно установленным программам и открывая им возможность успешно продолжать прохождение гимназического курса в том или другом классе.

Для полноты освещения картины хода учебного дела в гимназии следует отметить, что чрезвычайно трудная педагогическая работа облегчалась устройством целого ряда чтений, докладов и лекций, каковые проводились и местными преподавательскими силами и приезжавшими в гимназию профессорами.

Темы лекций были разнообразные: то близко подходили к учебному материалу, прорабатываемому в гимназии, то во всем величии раскрывали красоты прошлого России, то затрагивали вопросы современных научных достижений, проблемы воспитания и выработки юношеского мировоззрения. Почти все наши светила, наиболее известные и популярные представители русской научной мысли за границей, посетили гимназию, кроме лекций проводили собеседования с молодежью и своим вдохновенным словом пробуждали интерес к различным научным вопросам, помогали молодежи находить правильные пути в своих исканиях, окрыляли в надеждах на светлое будущее нашей

родины. Большую пользу приносили чтения и доклады, устраиваемые местными силами. Вне школьной обстановки иногда очень оживленно шла беседа, происходил обмен мнений, в результате которых у многих вырабатывались определенные взгляды, определенное отношение к различным вопросам современной жизни.

С особенным интересом в первые годы, когда молодежь была постарше возрастом, проходили так называемые литературные суды над разными героями классических произведений.

Все мероприятия подобного рода, как лекции и доклады, поднимали уровень общего развития учащейся молодежи и тем самым облегчали трудную педагогическую работу.

Надо отметить, что педагогический и воспитательский персонал гимназии для того, чтобы быть в курсе современных педагогических течений и методов, принимал очень активное участие во всех педагогических съездах в Праге, выступая там с докладами и рефератами. Особенно большая работа выполнена была по составлению нормальных программ по отдельным предметам для русской зарубежной школы. В интересах сплоченности русского учительства педагогический персонал положил основание Союза русских учителей в ЧСР, правление которого до сего времени находится в Мор. Тржебове и, в пределах возможного, поддерживает интересы педагогов.

Учебное дело в гимназии в течение всего времени велось под строгим контролем Министерства народного просвещения.

Представители министерства и инспектор русских средних школ в Чехословацкой республике производили очень частые ревизии, в результате которых давались надлежащие указания, что содействовало в дальнейшем успеху общей гимназической работы. Кроме ревизии в течение учебного года, контроль в очень строгой форме осуществлялся при производстве испытаний зрелости. Большим достижением гимназии надо считать, что за 10 лет удостоено аттестата зрелости 653 абитуриента.

Подготовка окончивших гимназию для прохождения курса в высшей школе была вполне достаточна. Большинство успешно ориентировалось в различных высших учебных заведениях, и, несмотря на то что курсы пришлось слушать и сдавать по ним экзамены на чешском языке, многие, приблизительно около 200 молодых людей, с хорошим результатом окончили высшую школу со званием инженеров и докторов. Некоторые, надо к их чести сказать, окончили даже с отличием.

Мы не располагаем, к сожалению, всеми данными, но на основании случайных сведений из печати мы с гордостью можем отметить два-три примера выдающегося успеха наших бывших

тржебовцев. Так, среди окончивших высшую школу есть молодой ученый, химик Л. Черносвитов, научные работы которого появились на чешском, французском и немецком языках. Некоторые занимают уже ответственные должности – один, например, молодой инженер В. С., окончивший Горную академию в Пшибраме, состоит в настоящее время директором завода во Франции, многие врачи с успехом работают в клиниках. Окончивший экономическое отделение Политехникума С., еще совсем молодой человек – 26 лет, занимает ответственное, распорядительское место в банке Нью-Йорка и считается там признанным талантом в банковском деле.

Конечно, есть известный процент и неудачников, которые бросили высшую школу, не осилив ее, но такой процент повсюду встречается.

Подводя итоги десятилетней напряженной педагогической работы, можно без всякого преувеличения, со спокойной совестью сказать, что русская гимназия выполнила в этом отношении грандиозную задачу, давая русской молодежи надлежащее образование, открывая перед ней заветные двери высших учебных заведений, готовя, таким образом, эту молодежь быть впоследствии полезными гражданами своей родины.

Самодеятельность учащихся

Современная средняя школа одной из главных своих задач ставит – выработать у молодежи навыки к труду, приучить ее к умению самостоятельно работать.

Признавая это целесообразным и полезным для юношества, русская гимназия в широком масштабе создавала благоприятные условия для развития самодеятельности учащихся и для проявления их творческой инициативы.

В этом направлении педагогическим и воспитательским персоналом и главным образом самими учащимися сделано было за десять лет очень много.

Среди различных форм проявления самодеятельности первое место, без сомнения, занимают ученические кружки. Кружковая жизнь для русской школы была новинкой, в очень небольшой степени испробованной в России, но для школы нового типа, особенно английской (например, мистера Бедлея), необходимость кружковой жизни была очевидна и бесспорна.

Многочисленные кружки в русской гимназии с самыми разнообразными программами работы стремились дать удовлетворение многогранным духовным запросам молодежи. Всех кружков и ученических организаций за 10-летний период существования гимназии насчитывается 42. Главнейшие из них: художественный, туристический, культурно-просветительный, физико-математический, литературный, шахматный, химический, кружок для практического изучения французского языка, спортивный, ручного труда, организация юношеского Красного Креста и др. Уставы всех этих ученических организаций утверждались Педагогическим Советом, и обыкновенно ответственным руководителем кружка был или преподаватель, или воспитатель, а Правление состояло из учащихся.

Проходя, таким образом, школу социального воспитания, приучаясь к общественной работе, учащиеся, большей частью незаметно для самих себя, в очень твердых тонах проводили самодисциплину, отвечая и гордясь за порядок и соблюдение устава в своей организации.

Каждый кружок, работая в своей отрасли, имел практические достижения. Чтобы убедиться в этом, достаточно остановиться на работе некоторых из ученических организаций.

Туристический кружок, участниками которого в разные сроки за все время существования было более 300 учащихся, с успехом проводил намеченную программу. Организованные им экскурсии, проходившие всегда в безукоризненном порядке, давали

возможность ознакомиться с красотами природы Чехословацкой республики, с богатейшими достопримечательностями глубокой старины, с редкими памятниками Золотой Праги и других старинных городов Чехословакии.

При этом надо отметить, что разработка экскурсии, точное расписание пути и возвращения в гимназию делались самими учащимися. Каждая экскурсия в результате пополняла различные коллекции кружка, главным образом в отраслях минералогии, ботаники и зоологии. Немало таких коллекций перешло в качестве научных пособий в естественно-исторический кабинет.

Какую большую пользу извлекли учащиеся от этих экскурсий для своего самообразования! А сколько бодрости, энергии приносила с собой каждая экскурсия, являясь здоровым, заслуженным отдыхом от ежедневной работы. Веселая русская песня, всегдашняя спутница экскурсантов-учащихся, не раз мощно гремела по полям и лесам, а также и по улицам сел и городов Чехословакии, привлекая к себе всеобщее внимание.

Много содействовали экскурсии сближению русских с чехами. Во время остановок знакомились с чехами, с их бытом и условиями жизни, взаимно расспрашивали обо всем, что интересовало, чехи баловали русских детей щедрым гостеприимством. В результате этих знакомств во многие чехословацкие семьи учащихся-сирот приглашали на Рождественские и Пасхальные праздники, и таким образом еще прочнее устанавливались связи.

Некоторые кружки преследовали исключительно научные интересы. Так, физико-математический кружок объединял молодежь, большей частью одаренную хорошими или даже выдающимися математическими способностями. Эта молодежь ставила своей задачей углубить свои знания по пройденному курсу математики, а главное, познакомиться с теми отделами этого предмета, какие не входили в программу средней школы. Система рефератов и докладов, обсуждение всеми участниками поставленного вопроса помогали достигать намеченной цели. Интересно было наблюдать, как юноша, робко стоя за преподавательским столом перед аудиторией из учителей и учащихся, делал сообщение на выбранную тему. Многие так привыкали к кружковой работе, что, продолжая потом образование в высшей школе, студентами приезжали в гимназию и в своем кружке делали доклады. Таким образом, вырабатывались те навыки к самостоятельной работе, которые нужны для успешного прохождения курса в высшей школе.

Были кружки, которые закладывали элементарные основы социального воспитания молодежи. Сюда надо прежде всего

отнести Общество юношеского Красного Креста. Стремясь оказать помощь ближнему, дети старались в первую очередь собрать материальные средства, пожертвования, устраивали с этой целью вечера и концерты. Укажу для примера – по инициативе молодежи устроен был сбор пожертвований в пользу отделения Чешского юношеского Красного Креста в Брне: учащиеся отказались от ужина и отправили в пользу чешских детей-сирот по нашему масштабу большую сумму – 3900 чешских крон. Такую же кипучую инициативу проявляли вообще учащиеся гимназии – без принадлежности к какому-нибудь кружку, – когда речь шла о помощи бедным, о сборе пожертвований. «День русского инвалида», «День русского ребенка», сбор в пользу пострадавших от землетрясения в Болгарии проходили в гимназии с большим успехом – дети ходили с кру́жками и продавали значки, собирая таким образом значительные суммы. Но самое главное в этой работе – не собранные средства, а то большое воспитательное значение, какое имели эти ценные детские заботы, это выполнение детьми своего гражданского долга.

В кружковой работе необходимо отметить еще одну весьма важную положительную сторону – издание ученических журналов. Особенно красивые и содержательные журналы издавались художественным и культурно-просветительным кружками. Перед учащимися открывался широкий простор для творчества – как в области литературных начинаний и опытов, так и в области искусства. Журналы учащихся нашей гимназии были предметом особенного внимания на выставках, устраивавшихся во время педагогических съездов. Эта работа доставляла молодежи большое удовлетворение и приносила ей несомненную пользу, повышая уровень ее общего развития.

Видное место в ряду учреждений, помогающих росту самодеятельности учащихся, занимают кружки ручного труда. Не только знакомство с переплетным делом, с сапожным мастерством проходилось с учениками, а преподавалась специальная отрасль искусства – выжигание и резьба. Работы детей, исполненные под руководством преподавателя, одобрены были на выставке в Женеве и производили большое впечатление, когда в торжественных случаях преподносились в качестве подарков. Так, высокую оценку получила изящная работа по изготовлению красивого альбома, преподнесенного г. президенту Чехословацкой республики д-ру Масарику в день его 80-летнего юбилея. Характерные билибинские картины, древнеславянский шрифт адреса и надписей, крышка, раскрашенная эмалью с редким искусством, оставляли у всех глубокое впечатление. Ручной труд не только сам по себе приносил большую пользу, но

многим впоследствии давал заработок, когда не удавалось найти места по специальности.

Среди ученических организаций совершенно исключительное место занимает сокольская организация в гимназии.

На развитие Сокольского дела здесь, в Чехословакии, в колыбели сокольства, обращено было особенно большое внимание. Являясь отделением русского Сокола в Праге, работая согласованно с чешскими Сокольскими организациями, сокола-гимназисты устраивали свои «академии» и принимали участие в Сокольских слетах. О результате и успешности работы в этой отрасли убедительно свидетельствует диплом-награда, полученный гимназистами на VIII Всесокольском слете.

Как видно из краткого беглого обзора, кружковая работа воспитывала волю молодежи, проводила на практике самодисциплину, развивала самодеятельность и открывала пути творческим порывам учащихся.

Досуг и развлечения учащихся

В жизни ученических интернатов, удаленных от крупного культурного центра, в целях наилучшей их постановки большое внимание уделялось развлечениям учащихся, чтобы заполнить их досуг и чтобы дать выход неиссякаемой юношеской энергии.

Среди развлечений, в духе современного общества в наш век мировых рекордов, первое место занимает спорт. Весной и летом футбол, волейбол и теннис, зимой катание на коньках, на лыжах и на санках. Особенно процветают футбол и теннис. Гимназические футбольные команды состязаются между собой и с командами, приезжающими из других городов. Имеются в гимназии так называемые переходящие призы, которые еще более побуждают увлекаться спортом.

Своя теннисная площадка, свое футбольное поле дают полную возможность молодежи иметь в этой отрасли спорта большие достижения.

Спорт доставляет детям удовольствие, закаляет их физически и укрепляет их здоровье.

Кроме спорта, в целях удовлетворения разнообразных наклонностей и запросов молодежи, в гимназии имеется целый ряд других развлечений – спектакли, ученические музыкальные утра, концерты, шахматные турниры, радио, кино и танцы.

Как редкость в школе, наша гимназия имеет свой театральный зал, стены которого трудами учащихся с большим художественным вкусом раскрашены картинами в билибинском стиле с сюжетами из русских сказок.

Довольно хорошо оборудована сцена, имеется ниша для оркестра и достаточное помещение для зрителей. Наличность театрального зала облегчает учащимся проводить свои сценические постановки, и надо сказать, что большей частью детские спектакли проходили с большим успехом.

На гимназической сцене шли Пушкин, Гоголь, Островский, Чехов, Метерлинк, инсценировка русских сказок. Сколько интереса, волнений, переживаний в связи с подготовкой к спектаклю, что в воспитательском отношении, пожалуй, во много раз дороже и ценнее самого спектакля.

Русский быт со всей родной красотой в этих постановках проходил перед глазами детей, оставляя надолго сильное впечатление на старших, которые жили воспоминаниями, и на маленьких, которые знают Россию только по книжкам и рассказам.

Большим наслаждением для учащейся молодежи являются

время от времени устраиваемые в гимназии концерты. Многие известные русские артисты заглядывали к нам, в провинциальную глушь, чтобы доставить удовольствие детям и чтобы познакомиться с русской гимназией. К сожалению, русские артисты редко посещают Моравскую Тржебову, и эту сторону юношеских запросов приходится удовлетворять своими силами и средствами.

Хороший гимназический хор, с большим умением, с большой душой исполняя русские песни, выступал в боярских костюмах на торжествах и концертах не только в гимназии, но по приглашению и в других городах.

А когда не представлялось возможности в часы отдыха устроить концерт с участием артистов, то слушали группами радио, имеющееся в физическом кабинете.

Не раз устраивались в гимназии так называемые музыкальные утра, на которых выступали почти все обучающиеся игре на пианино. Среди детей было небольшое количество особенно одаренных музыкальными способностями, которые на этих ученических концертах выступали с большим успехом, по окончании же гимназии шли в консерваторию.

Музыкальные утра доставляли всем удовольствие, приучая в то же время малышей и старших учащихся играть перед публикой, что помогало вырабатывать тщательную подготовку и уверенность в своей игре.

Любимым развлечением учащихся являются танцы. Вероятно, и здесь сказывается дух времени, хотя в гимназии новые танцы до сих пор не разрешены.

В своем театральном зале, под звуки своего духового оркестра, иногда под свободные дни устраиваются для учащихся танцы, которые нельзя назвать «танцевальными вечерами», так как они обычно продолжаются только до 10 $^{1}/_{2}$ часа вечера. Правда, один раз в год, в день основания гимназии бывает бал, который по традиции устраивается учащимися 8-го класса и который проводится всегда по очень интересной программе, требующей большой подготовки.

Не останавливаясь далее на других видах развлечений, упомяну о детской елке, которая устраивается каждый год на первый день Рождества Христова и для всей учащейся молодежи является радостным праздником.

Около красиво убранной, освещенной елки раздавались всем подарки – каждому довольно большой кулек с гостинцами. Эта традиция устраивать елку для многих детей в гимназии вполне заменяла семейные праздничные торжества, скрашивала будничную однообразную жизнь, а главное, сохраняла дорогой

нам обычай, в былые времена распространенный во всей России.

Если ко всему этому прибавить еще шахматы и обычные ежедневные детские игры, для которых имеется много простору, то вопрос о развлечениях учащихся можно считать законченным.

Школьные и государственные торжества

Считая Чехословакию для себя второй родиной, русская гимназия всегда принимала самое активное участие в устройстве национальных торжеств и праздников.

День празднования самостоятельности Чехословацкой республики, десятилетний юбилей ее существования, 75– и 80-летний юбилей г. президента доктора Масарика и другие знаменательные события отмечались торжественными актами с надлежащим освещением этих событий.

В речах и настроениях ярко отмечалась идея славянской взаимности, причем от русской гимназии всегда высказывалась искренняя благодарность за великое культурное дело для русской эмиграции. Иногда устраивались торжественные шествия всей гимназии с духовым оркестром, со знаменами и классными значками, старательно изготовленными самими учащимися.

Одним из знаменательных за последнее время событий была встреча гимназией господина президента республики д-ра Масарика во время приезда его в гор. Евичко. Особая делегация от гимназии присутствовала при торжественной встрече на городской площади. Директор гимназии В.Н. Светозаров от всей русской колонии сердечно приветствовал господина президента, а маленькая ученица приготовительного класса преподнесла исполненный учащимися адрес, написанный древнеславянским шрифтом. А потом, во время проезда господина президента через Трнавку, его горячо приветствовала выстроенная там вся гимназия в полном составе.

Большое внимание оказано было русской колонии тем, что директор гимназии был приглашен на обед с господином президентом. В беседе с директором господин президент интересовался многими вопросами из гимназической жизни.

Все эти торжества, встречи, шествия на долгое время оставляли у молодежи глубокое впечатление.

Из школьных праздников отмечались: день основания гимназии – 5 декабря, – день русской культуры, юбилеи русских писателей, 175-летний юбилей Московского университета и др. Особенно грандиозными были торжества в день русской культуры.

В 1925 году, когда впервые гимназия праздновала этот национальный русский праздник за границей, поставлен был на средства русской колонии памятник с надписью: «Русская культура – мощь и слава России». Площадка, на которой происходит празднество, бывает застроена арками и

возвышениями, украшенными зеленью и национальными флагами. Программа торжеств всегда была содержательной и красивой, в последние годы устраивалась даже иллюминация. Об этих школьных праздниках были лестные заметки в газетах.

Надо сказать, что это не только внешняя помпа, не только ласкающая взор красивая картина, а действительно трогательное приобщение к вечному источнику живой воды – к всемирной русской культуре.

Русские праздники за границей, имеющие громадное идейное значение в жизни эмиграции, для молодежи являются самым надежным и самым прочным фундаментом в деле воспитания и образования их в духе искренней любви к своей дорогой родине.

Итоги и пожелания

В славные юбилейные дни культурно-просветительных учреждений обычно подводятся итоги сделанного и достигнутого.

Казалось бы, что и настоящий краткий юбилейный очерк не должен оставить без ответа вопрос: *каковы же достижения гимназии за десять лет работы и выполняет ли гимназия свое назначение на чужбине?*

Во избежание субъективной самооценки и каких-либо погрешностей в выводах, пусть на этот главнейший и самый существенный вопрос ответят, с одной стороны, сами факты из жизни гимназии, приведенные в юбилейном очерке, а с другой – те отзывы, впечатления и пожелания лиц, посещавших гимназию, мнения которых нашли себе место в газетах или на страницах книги для почетных гостей гимназии.

В этих отзывах и пожеланиях ярко вырисовывается назначение эмигрантской гимназии на чужбине и в определенных тонах, правда отдельными разбросанными штрихами, проводится оценка гимназической работы.

В день десятилетнего юбилея гимназии отзывы иностранцев и представителей русской общественности особенно дороги и ценны, и для полноты картины их надо привести по возможности больше, придерживаясь в основном хронологического порядка.

1921 г. 25 июля

«Характерною особенностью этого учебного заведения, созданного на берегах Босфора, является та атмосфера, которая царит в этой гимназии. Там весело, уютно, там ученье не тяжелая обуза, а радостный труд. Дети искренно привязаны к гимназии и понимают, что в ней их спасение. Вот теперь июль месяц; в Константинополе жара такая, что дышать нечем, а ребята аккуратно посещают школу, и ученье идет успешно. Согласитесь, что это достижение огромное. Среди наших беженских скорбей мы как-то не заметили, как на наших глазах выросло огромное культурное дело».

(Общее Дело № 373)

1922 г. 5 августа

«С особым чувством я уезжал из Мор. Тржебовы. Было как-то спокойно на душе. Я уехал в Прагу, где русская эмиграция живет нервною жизнью, ссорясь и занимаясь политическими дрязгами. Но всеми моими мыслями я был с теми, кто спокойно и тихо делает большое и важное для России дело в заброшенном зачарованном Городке».

(Руль № 511)

1922 г. 16 сентября

«Новая школа оздоровила юношей и девушек, вырвав их из страшной атмосферы войны и революции, давши им возможность нормально жить и учиться.

Мы должны быть глубоко благодарны чехам за то, что они дали возможность за границей осуществить то, о чем мы только мечтали, – создать образцовую школу».

(Бухарестские Новости № 209)

1928 г. 5 января

«Всякий раз, как бываю в Мор. Тржебове, два чувства наполняют меня: любви к детям, к русскому большому гнезду – будущей России – и благодарности чешскому народу, который столько лет хранит и развивает это большое дело. Мор. Тржебова – поистине единственное в своем роде учреждение».

Проф. В. Зеньковский

1928 г. 5 февраля

«С истинно отрадным чувством провел здесь день и, уезжая, оставляю здесь кусочек своего сердца».

Проф. А. Кизеветтер

1928 г. 9 февраля

«Желаю гимназии, чтобы она была источником великих идей славянства, славянского единения и мира».

Проф. И. Урбан

1928 г. 9 февраля

«С любовью, взаимным доверием и с глубоким пониманием обязанностей, которые мы должны иметь по отношению к молодежи всего света, соединимся в порыве постоянного усовершенствования этого русского уголка на братской чешской земле, что будет самым наилучшим проявлением на деле истинной славянской взаимности».

Проф. Ф. Лакомый

1928 г. 15 апреля

«Моя благодарность за искренний русский прием в русской гимназии на земле Чехословацкой республики. Приношу благодарность русскому духу вообще. Где бы и когда бы я ни был среди русских людей, я понимал, чувствовал и переживал ту правду, которая является девизом Коллара: если позовешь славянина – тебе ответит человек. Среди славян особенно чуткими являются русские – не надо ссылаться только на литературу: так действительно происходит и в жизни».

Проф. Гашковец

1929 г. 5 января

«С отрадным чувством провел я несколько часов в Мор. Тржебове. «Дома, у себя в России» – вот какое чувство владело

мной в эти часы. Так дорого было и столь редко за границей общение с русской молодежью. Великое дело делается в Мор. Тржебове. Нельзя быть русским и не испытывать чувства глубокой признательности и к педагогическому персоналу, несущему на себе ответственность за 400 молодых душ и ведущему их к свету, и к правительству братского славянского народа – своей своевременной поддержкой спасшему эти души для лучшей человеческой жизни».

В. Булгаков

1929 г. 24 марта

«Каждый раз, когда я бываю в русской Тржебовской гимназии, я испытываю чувство живейшей радости. Большое культурное дело, начатое в Константинополе, на пустом месте, из ничего, под знаменем Всероссийского Союза Городов, окрепло и утвердилось в родственной нам и дорогой ЧСР. Каждый раз увожу из русского гнезда в Тржебове чувство глубокой признательности всем, кто работает на благое просвещение русских детей и русского юношества. Это большое национальное дело нужно для нашей России».

И. Астров

1929 г. 2 ноября

«Случайность привела меня в Вашу школу и дала возможность видеть Ваших детей в работе. Это замечательное учреждение, и я желаю Вам успеха».

Американец Артур Гет

1929 г. 2 ноября

«Посещение Вашей русской колонии доставило мне большое удовольствие и изменило мои представления о русском народе».

Американец Стеворд

1930 г. 23 января

«Очи Тржебовской гимназии открыты не столько в прошлое нашей родины, сколько в будущее. Поэтому здесь всегда чувствуешь бодрость, радость и готовность к творческой жизни. Хочется пожелать всем учащим и учащимся здесь быть твердыми в вере и любви к людям и Богу».

Доктор Липеровский

1930 г. 18 мая

«Глубоко растрогана и очарована радостными днями, которые мы провели в родной каждому русскому сердцу Тржебовской гимназии».

В. Свечина-Кишенская

1929 г. 5 августа

«Русская гимназия в Мор. Тржебове одно из культурных национальных дел в зарубежной России. Этим делом она может

смело гордиться. Русский педагог – и мужчина и женщина – лишний раз доказал на чужой земле свою способность подходить к душе ребенка с любовью и с глубоким пониманием ее запросов. В пределах возможного там делается все, чтобы наладить их жизнь, обучить детей, развить их ум, облагородить сердце и создать из них честных, жизнеспособных русских людей».

(Руль № 2642)

Такая оценка родной школы должна радостно вдохновлять всех детей и персонал в ответственной трудной работе, должна вселять в них твердую надежду в плодотворность этой работы.

В этой моральной поддержке доброго общественного мнения заключается главная опора всего дальнейшего успеха.

Торжественно и уверенно переступая в день юбилея рубеж десятилетнего существования русской гимназии в Мор. Тржебове, мы все наши силы и старания должны направлять к тому, чтобы и в дальнейшем процветала дорогая гимназия, а для этого все будем свято помнить и строго проводить в жизни следующие лозунги:

1. Любовь к труду, что является основной подготовкой каждого честного гражданина к служению своей родине. Труд должен быть серьезный и в то же время радостный, который одухотворяет и наполняет жизнь, доставляет нравственное удовлетворение, от которого люди становятся чище и выше. Труд всегда будет самым верным маяком на жизненном пути.

2. Любовь к родной гимназии, которая здесь, на чужбине, многим заменяет семью и является маленьким островком России.

3. Любовь ко второй нашей родине – гостеприимной Чехословацкой республике. Благодарность за все, что сделано чехословацким народом для русской молодежи, должна исходить от глубины русского сердца и должна быть крепким звеном, соединяющим два братских народа, должна быть тем цементом, которым навсегда скрепляется славянская дружба.

4. Горячая любовь к России и вера в скорое ее возрождение. Об этом «святая святых» каждого русского человека не надо и говорить – это можно только трепетно переживать и чувствовать. Одна и та же нота твердой уверенности в светлом будущем России звучит и в словах подрастающего поколения, и в устах умудренных опытом вождей русской общественности.

В сочинении ученицы старшего класса читаем: «Я верю, что наступит день, когда я опять вступлю на дорогую, но уже обновленную родину, снова услышу родимую речь и увижу свой дом...»

От русской общественности и представителей научной мысли мы слышим, что Россия после падения всегда поднималась на

еще большую степень могущества, что теперешнее ее падение временное, что она скоро воскреснет в силе и красоте.

В торжественный момент десятилетнего юбилея гимназии сольемся все в одном дружном, вдохновенном порыве – да процветает и в дальнейшем русская гимназия на счастье молодежи, и да крепнет вера в светлое и славное будущее нашей дорогой родины!

Личный состав служащих гимназии в юбилейном 1930 году

Светозаров В.Н. – директор гимназии.
Гнедовский Д.Д. – заведующий воспитательской частью.
Савицкий О.П. – законоучитель.
ПРЕПОДАВАТЕЛИ
Влна Я.Ф. – гимнастика.
Гельд М.И. – чешский язык.
Горчуков М.А. – русский яз.
Колесова А.Е. – русск. яз. и арифм.
Копецкий П.В. – история.
Лакида Н.Н. – латинск. яз.
Грабовый В.С. – география.
Де-Миньяр В.С. – музыка.
Евтушенко Б.С. – пение.
Железняк Е.П. – русский яз.
Карапалкин С.Г. – естествоз.
Камнев А.В. – французск. яз.
Кефала А.М. – химия.
Колачевский В.Е. – матем. и физ.
Лопуховский М.А. – русск. яз.
Макарова З.И. – рукоделие.
Мысливечек Я. – чешский яз.
Одинцова Е.Ф. – английск. яз.
Пащенко В.Г. – математика.
Перемиловский В.В. – рус. и лат. яз.
Светозарова К.М. – математ.
Чермак Я.И. – рисование.
ВОСПИТАТЕЛЬСКИЙ ПЕРСОНАЛ
Артюхов А.Г.
Аше З.Г.
Балабин Е.И.
Булгаков С.В.
Дрейер Н.Н.
Зубарев С.В.
Калиновская А.Н.
Копылов Д.С.
Лавдовская Л.А.
Макарова К.М.
Савельев Г.А.
Холоманова Г.П.

Шамшева М.И.
Шапиловский В.П.
ПЕРСОНАЛ ДЕТСКОГО САДА
Кривенко В.К. – заведующая.
Белая СМ. – надзирательница.
Каменецкая М.Я. – надзирательница.
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПЕРСОНАЛ
Забранский Ф.А. – заведующий хозяйством.
Розмарич А. D-r, Перемиловская Е.А. – врачи гимназии.
Межинская А.С. – зубной врач.
Твердая Н.П. – сестра милосердия.
Поликарпова Е.А. – сестра милосердия.
Кутырев А.М. – делопроизводитель.
Сальников М.В. – письмоводитель.
Гончаренко Н.А. – заведующий вещевым складом.

СКОРБНАЯ СТРАНИЦА

В день десятилетнего юбилея дети и персонал гимназии смиренно и молитвенно преклоняют свои головы над могилами тех, кто, честно стоя на своем посту, работал на процветание гимназии, кто был ее украшением и кто по воле Божьей преждевременно ушел из жизни.

За 10 лет существования гимназии из служащих скончались:

1. Макаров Павел Михайлович – преподаватель немецкого языка.
2. Газалов Михаил Мартынович – преподаватель математики и физики.
3. Фролов Федор Карпович – преподаватель латинского языка.
4. Родкевич Иван Львович – преподаватель математики.

Из состава учащихся скончались:

1. Копылов Георгий.
2. Федоряка Иван.
3. Ильяшенко Антон.
4. Кривенко Георгий.
5. Баратов Георгий.
6. Варшавский Георгий.
7. Цуриков Алексей.
8. Пряхина Людмила.
9. Текучев Степан.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

Список окончивших русскую гимназию в М. Тржебове за десять лет

1921 г.

Авраменко О., Автократов И., де-Антонини Э., Афанасьева Н., Балдин В., Бибикова Е., Бондарь В., Борейшо П., Борознина Е., Брон Л., Быстролетов Д., Варшавская Н., Васькова К., Васильева В., Веприцкая В., Георгиев Г., Глазунов М., Гумбург А., Долгов С., Запольская В., Зернов В., Клодт В., Коваленко А., Козыренко А., Копьев В., Кострицкая Л., Кузнецов К., Лазарев Н., Леонтьев Ф., Лозинский А., Лучезаров В., Львович-Кострица М., Моллова О., Нечаев В., Немченко Б., Низовский В., Пчельников П., Родкевич О., Сергеенко А., Семененко С., Ставровский А., Скубко Я., Стоянов И., Толстая Е., Фицхелаурова В., Чередеев С., Чернавин А., Якунин К., Юревич К.

1922 г.

Айваз С., Айваз Ф., Акобжаньянц Г., Аксенов А., Афиногенов А., Бабков Г., Бардин М., Бардина М., Баратов Л., Батуев А., Бейдик С., Бендюхов А., Бобровский Г., Болдырев А., Больбот К., Бородаевский А., Бояркин В., Братченков И., Брянчанинова Н., Бугаев Ф., Белоровский Н., Беляев П., Вальд Е., Варенов Д., Васильев В., Васильев В., Вентуро Г., Вергун Т., Ветлицкий Б., Виссарионов А., Волчанецкий В., Воскобойников В., Гладкий П., Гладыревский Е., Гончаров В., Гордеев Г., Григорьев Н., Григорьева О., Губарев А., Гуляницкий В., Гуренко Г., Дашкевич В., Демидов Ф., Дмитриев П., Добровольский П., Друри Н., Дубяга Г., Емолаки Б., Ефременко В., Жилин В., Замараев М., Заруднев Б., Захаров И., Иванников М., Иванов Н., Игнасюк Н., Иловайский П., Кадьянов В., Кальницкая М., Караванский А., Коракоз А., Кармазин Н., Карташов Л., Катков Г., Катык М., Кефели С., Кист А., Клементьев В., Клягина О., Ковачевич П., Ковердан, Козловской В., Колоколов М., Коломейчук И., Костров В., Котовцев П., Кравец Е., Крашенинников В., Кривошеев А., Кривда Г., Крупницкий С., Ктитарева Г., Курис С., Кусов Н., Кушлю Б., Кульман К., Лаврушко А., Лапшин П., Левшина-Рашевская И., Лилиенфельд С., Лисняковский А., Литвинов Н., Лишкевич А., Львова Н., Ленивов А., Макарова Т., Малинина Н., Малышенко И., Малявко З., Маматказин И., Мартынова З., Марцинкевич А., Мечников А., Милов И., Молчанов Н., Мунтян А., Мухин Н., Мясоедов-Иванов Д., Наумов Н., Неграмотнов С., Никифоров В., Новгородцев Б., Огиевский Л., Павлов А., Петрик Е., Петров Б., Покровский В., Полковников Г., Поляков С., Полянский А.,

Полянский Н., Попов Е., Попов Н., Попова, Ребиндер, Рево П., Реми Д., Реутов Б., Рудавская А., Рудавская Е., Рябочинский А., Савин Л., Савицкий С., Семенов В., Серно-Соловьевич М., Скляревский А., Сливинский А., Смерткин П., Смирнов Г., Ставратьев М., Станишевский, Струве К., Струве Л., Сумароков, Тайганский С., Терещенко Н., Тертишников А., Томашевский А., Траилин С., Троицкая В., Туршу В., Усов Б., Фесенко А., Филатов Б., Фоменко Г., Хмарин Г., Хмыров П., Храмцов А., Чайкин Е., Чемоданов В., Черников Б., Черносвитов Л.; Черносвитов Б., Чефранов П., Шакай И., Шеремет А., Шероцкий Г., Шишманов В., Шпилиотов Н., Шоптенко Г., Щуркевич Е., Юров Н., Янушевич И., Яцимирский В., Яшин-Оболенский В.

1923 г.

Баратов П., Безродный А., Борисевич В., Брысина В., Брычкин С., Бурьянов Г., Бутаков М., Беловодский А., Вальтер Д., Варшавский-Норов В., Варягин К., Возианов А., Волков Н., фон Людингаузен-Вольф Б., Гнатык В., Гольде Д., Гончаренко А., Дайн М., Жиронкин М., Златопольский Д., Иванчук М., Иванов, Катков К., Карелин Г., Кирпичикова А., Козьмин С., Кончица, Котляревский Е., Купфер Н., Купфер Т., Лазарев В., Липеровский В., Лысенко-Хвиль Г., Матусевич В., Моллова И., Мустаки В., Мустаки К., Николаев Г., Никольский А., Оболенский В., Пискун В., Платонов В., Попов И., Попов К., Ребиндер М., Роубаль И., Рыжкова А., Ржевский Ю., Семерников А., Семизоров Б., Стоценков И., Султан-Гирей М., Сумарокова Н., Сушков С., Струве А., Танеев В., Траилина Н., Усачев Я., Феличкин Г., Филиппов А., Хворинов Н., Чавчавадзе Н., Шамрай И., Шовгенов С., Шульц А., Юренев Н., Эльгот Е., Челищев А.

1924 г.

Алексеев И., Алексинский П., Баженов К., Булюбаш О., Венеровский Д., Витте М., Водяницкий В., Гловин А., Гребенник В., Гагарина Н., Грум-Гржимайло К., Гурский В., Дахис М., Домашенко В., Дубиненко А., Думаревский А., Елагина Т., Елчанинов Б., Еранцева Н., Залюбовская С., Зингер Л., Зеньковский С., Ильяшенко А., Иванов А., Капетанаки О., Кузнецов Б., Меркурьев Е., Мотев М., Никольский Г., Ногатенко К., Оже-де-Морвиль Е., Озеровский В., Плахтеенко Н., Поливодова Н., Попов Г., Пронин Н., Розенкранц Н., Рыжов В., Сидь П., Стрельцова В., Серпокрылов С., Студничка И., Студничка Ю., Ткачева В., Трегубова А., Ушакова Н., Хитрово М., Хроль Л., Чернавин Б., Чарныш В., Широких Г., Юрлов Г., Яриз П.

1925 г.

Алексеев Г., Баратов И., Бардиж А., Брянчанинова Е., Белотелкин К., Велехонский И., Вергун А., Возняк М., Волостнов

С., Ганицкая А., Ганц Р., Гейер Е., Гейм Б., Георгиевский А., Голубцов В., Гуаданини И., Докс Г., Долгачев М., Дублянский З., Житков А., Иванов К., Иолкин В., Кальницкая М., Ких Г., Кобловский В., Ковердан Г., Козьма Л., Комнатный Н., Кореньков П., Кракец Е., Кроб М., Ктитарев Ю., Кузьминская Т., Куликов Я., Куломзин Н., Куломзин Ф., Кусов К., Лазарева О., Левицкая М., Лисунова Е., Магалов Л., Малеванный Я., Мачулин Ф., Мемедемин М., Модрах О., Наполов В., Нестеренко В., Нечволодов В., Ободал Л., Оболенский Л., Овсенюк В., Онищенко Д., Паньков Н., Пащенко В., Плешко В., Погорельский Г., Покровский Е., Поляков К., Попов С., Порохонский Р., Просвирнин А., Рощупкин Г., Семерников Н., Сербинов В., Симонян М., Синицын С., Таланов К., Тамановская Е., Текучев Ф., Твердая Е., Тритшель А., Фатеев И., Фенин А., Хартулари Н., Хренников Г., Чернозубов В., Шах-Назаров Р., Щупляк В., Яковлев И., Янушевич П., Эвенбах А.

1926 г.

Аванесова А., Афанасьев Б., Балабина О., Бойко И., Виноградова Н., Вовченко О., Георгиевский Н., Гиацинтов А., Глушичка Я., Гудзенко Н., Дадыкин В., Ермоленко С., Жвирблис Е., Железняк Д., Коваленко С., Копанев В., Крейцберг Б., Кривенко Е., Лазарев Л., Ломшакова И., Малинин К., Марковин В., Марущак О., Матронин А., Мильчус В., Митинская В., Михайлов И., Михеева З., Назаров М., Оздровский Р., Осмоловский В., Остроградский К., Персидсков А., Протопопов Н., Росицкая В., Рудавская Н., Рудь З., Селитренников В., Семенов П., Сивожелезов Б., Сидорин Г., Степанов Н., Степанов П., Стефанов Н., Стоянов А., Табенская М., Табулевский В., Татаринов Н., Тетеревников Н., Траилин Г., Трейчке В., Филиппов Г., Флоринская И., Францев В., Хухалов Т., Чередников Н., Черный С., Шамшева Т., Шмарина Г., Шпирко К.

1927 г.

Балабина Л., Белотелкин А., Болдырев Н., Ванева А., Васильев С., Воздвиженский Г., Галанте А., Герасименко Л., Гирса И., Добров Г., Досужева В., Дьяков А., Евдокимов И., Запольский Б., Зингер М., Калинин Ю., Квятковский А., Клих В., Кожевников А., Кондратьев В., Контесини Е., Корольков И., Ктитарева Л., Логвинов Д., Макарова Е., Мартацев К., Марущак Ф., Мачулин С., Михайлов В., Нарыженков В., Некрах В., Никогосьянц В., Одинцов Н., Осовский Е., Павлова Т., Пащенко Г., Писарский В., Поликарпова Е., Полубедов Н., Прокудин А., Ребиндер Б., Рыжкова Л., Савицкая М., Сазонов В., Саркисов И., Селитренников М., Семикин И., Сергеенко Е., Сокольцов М., Стрнад В., Тилли Г., Тилли С., Тиханович Б., Троицкая Е., Ухальская Ю., Челищев В.,

Щупляк В., Яворский В., Языков Г., Эрдели Б.

1928 г.

Арнаутов Л., Арутюнов Г., Балашевич А., Баранов К., Боом Е., Белобров В., Вергун К., Виноградов Ю., Григорович-Барский Д., Долгоруков М., Дуброва И., Духай Г., Еремеев В., Жеребин И., Зенкович Н., Кестранек Б., Колупаева Н., Кривошеев Н., Крюков Л., Кузякина М., Куновский Г., Левитская Е., Лисивец Г., Лосева Е., Оболенская Н., Пепескул-Донец Н., Позняков Е., Поливодова В., Поляков Г., Попов Г., Пухлякова Е., Ржондковская Н., Рыковский С., Сантананеева А., Сафонова Н., Серно-Соловьевич Л., Сокольцов Д., Степаненко Г., Сутулов В., Тарновская М., Тарновский М., Терлецкий Н., Фенина В., Филиппов П., Фролов В., Чарковский Б., Штейгер А., Шульгин С.

1929 г.

Абрамова М., Атланов И., Баранов И., Барковский К., Барковский К., Блюмович К., Гейм К., Герке Л., Гирса М., Демьянович В., Железняк Б., Калинина К., Козликин И., Корди С., Криницкий В., Лакида Т., Ляцкий С., Лосиевская М., Марков Т., Межевикин Т., Новиков Д., Олимпиева Е., Пепескул-Донец В., Поликарпов Д., Потапов В., Румерскирх А., Саркисов В., Светозаров В., Семизоров В., Сибилев И., Сонин Н., Стрнад Е., Сухомлинова Н., Трегубов В., Хланда Е., Чеботарев Б., Чеботарева Н., Чеховской Б., Шаповалова А.

1930 г.

Вазагов В., Васютинская В., Ганицкий А., Герасименко В., Глаз А., Горчаков А., Грабарь В., Дедек В., Калиновская Е., Козырев Н., Копецкая В., Лакида В., Михайлушкина Н., Могилевич В., Падера Б., Перемиловский В., Прокофьева А., Письменсков И., Рождественский Е., Романецков А., Твердый Г., Штейгер Е., Яворский Л.

notes

Примечания

1

См. примечание 16, с. 269.

2

Здесь и далее в наименованиях исторических реалий в тексте сохраняется их традиционное написание. (*Примеч. ред.*)

3

В написании этого топонима встречаются разночтения. Наиболее распространено в воспоминаниях русских эмигрантов написание «Моравска Тржебова», этот русифицированный вариант мы и принимаем в качестве основного как самый частотный (нормативным является написание «Моравска-Тржебова», однако русское языковое сознание стремится к разделению этого слитного наименования на два компонента по модели словосочетания). (*Примеч. ред.*)

4

Этот Союз, существующий и ныне, в 2008 году, сохраняет в наши дни сложившийся ранее орфографический облик своего названия. (*Примеч. ред.*)

5

Здесь и далее сохранена разговорная форма родительного падежа множественного числа «калмык» как характерная для авторской речи. (*Примеч. ред.*)

6

Зимовник – хутор в коннозаводческой степи, где табуны зимуют под крышей. (*Примеч. ред.*)

Гребля – *здесь:* плотина, насыпь. (*Примеч. ред.*)

8

См. примечание 23, с. 272.

9

Бакша – настоятель, старшина среди калмыцких жрецов. Бакша – нарицательное имя существительное, однако в тексте последовательно употребляется с начальной прописной буквой, по-видимому, в знак особого почтения к духовному лицу. (*Примеч. ред.*)

10

Хурул – калмыцкий, монгольский буддийский храм. (*Примеч. ред.*)

11

Имеется в виду гелюнг, калмыцкий и монгольский жрец. (*Примеч. ред.*)

Так у автора. (*Примеч. ред.*)

13

Эспадрон (*фр.* espadron) – учебное оружие, колющее и рубящее, с несколько изогнутым (наподобие сабли) или прямым клинком, применяемое в фехтовании. Длина клинка обычно 90 см. (*Примеч. ред.*)

14

Дуров Владимир Леонидович, – основатель цирковой династии Дуровых, родился 8 декабря 1864 г. в Москве. В 1879 г. состоялся его дебют в балагане, где он выступал как акробат, эквилибрист, жонглер. В 1882 г. в воронежском цирке начал впервые демонстрировать дрессированных животных. (*Примеч. ред.*)

15

Фамилию Похлебиных см. «Алфавитный список донских дворянских фамилий» А.А. Шумкова.

Так у автора. (*Примеч. ред.*)

17

См. далее с. 58.

18

Иппология (от *греч.* hippos – лошадь) – совокупность наук о лошади. (*Примеч. ред.*)

19

См. далее с. 54.

20

Маштак – верховой конь среднего роста с широким и крепким костяком, сильный и выносливый. (*Примеч. ред.*)

21

Пением тропаря «Благообразный Иосиф, с древа снем Пречистое тело» начинается утреня Великой субботы, которая служится обычно в пятницу вечером и посвящена воспоминанию о погребении Иисуса Христа и пребывании его тела в гробу. Тропарь положен на музыку Д.С. Бортнянским и П.И. Чайковским. (*Примеч. ред.*)

22

Говеть – поститься, ходить в церковь, готовясь к исповеди и причастию. (*Примеч. ред.*)

23

Триангуляция – треугольник (от *лат.* triangulus); – вычисление углов и протяжений методами тригонометрии (построением последовательного ряда треугольников). (*Примеч. ред.*)

24

Царский валик – насыпь высотой до 4 метров, длиной до 40, поросшая травой, на военном учебном поле в Царском Селе. (*Примеч. ред.*)

25

По-видимому, имеются в виду «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова (1852). (*Примеч. ред.*)

26

См. примечание 23, с. 272.

27

Регент Донского кадетского корпуса на спевках кричал: «Дисканты – как пьяные бабы на подушках». (*Примеч. авт.*)

28

Имеются в виду традиции Запорожской Сечи в отношении дам. (*Примеч. ред.*)

29

Вальтрап – покрышка на седло или потник (от *нем.* Waltrapp). Помещается на или под седло, в зависимости от его формы. (*Примеч. ред.*)

30

Ментик (*венг.* mente) – короткая гусарская накидка с меховой опушкой. (*Прим. ред.*)

31

Беляна – сплавное, огромных размеров плоскодонное судно ба́рочного типа, деревянное, несмоленое. Рассчитано только на один рейс вниз по течению. Беляны строились в местах добычи леса в Верхнем Поволжье и на Каме. (*Примеч. ред.*)

32

Лифляндская губерния – одна из прибалтийских губерний Российской империи (ранее Лифляндия), располагалась вдоль берега Рижского залива. В 1918 г. ее север отошел к Эстонии, юг – к Латвии. (*Примеч. ред.*)

33

И ныне в Ростовской области существует хутор Балабинка, Семикаракорского р-на. (*Примеч. ред.*)

Современное написание Хасавюрт. (*Примеч. ред.*)

35

Зелим-хан – известный в начале XX в. разбойник из числа абреков, принимавших на себя обет отказаться от любых жизненных удовольствий и быть бесстрашным в боях. Абреки порывают все связи с родными и друзьями. Выполнение обета составляет для них цель и смысл жизни, и на этом пути у них не бывает ничего заветного. Образ Зелим-хана опоэтизирован в чеченском фольклоре, однако его разбойный промысел вызывал и серьезное осуждение. Так, по сообщению газеты «Русское слово», в декабре 1910 г. съезд чеченцев по вопросу о поимке Зелим-хана постановил: предложить ему добровольно покинуть пределы России, ассигновать на 8000 руб. сформирование новых партизанских команд, просить гарантии безнаказанности селению, на земле которого Зелим-хан будет убит, и ходатайствовать о воспрещении ингушам приезжать в Веденский округ.

Дело «Об абреке Зелим-хане» хранится в ряде российских архивов.

В 1929 г. режиссер О.Н. Фрелих снял немой фильм «Зелим-хан».

36

Пено – ныне поселок городского типа, центр Пеновского района. Пристань в верховьях Волги, на озере Пено, ж/д станция. (*Примеч. ред.*)

37

Ныне поселок Охват на одноименном озере в Андреапольском районе Тверской обл. Центр одноименного сельского округа. (*Примеч. ред.*)

38

Пуанкаре Раймон (1860 – 1934) – французский политический деятель, президент Французской республики (1913 – 1920). (*Примеч. ред.*)

39

Иордань – прорубь особой формы – в виде креста – для праздничного водосвятия в день Крещения Господня. Название дано по реке Иордан в Палестине, в водах которой принял крещение Иисус Христос. Над иорданью ранее возводилась постройка в виде часовни, внутренняя поверхность стен которой украшалась изображениями библейских сюжетов на тему праздника. (*Примеч. ред.*)

40

«Во Иордане крещающуся Тебе, Господи, Тройческое явися поклонение» – тропарь праздника Богоявления. Исполняется во время Божественной литургии в честь крещения Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

Пироксилин – взрывчатое вещество. (*Примеч. ред.*)

42

Автор воспроизводит здесь распространенное в разговорной речи звучание слова «квартирьеры», которым называют команду из необходимого количества рядовых, ефрейторов и офицеров, направляемую к местам ночлегов войск за день до их вступления в указанные населенные пункты (см. например: Устав внутренней службы дореволюционной 49-й пехотной дивизии).

Замена звука «р» звуком «л» является здесь следствием расподобления одинаковых согласных: из трех одинаковых звуков – «р» – один, средний, заменяется другим согласным «л», обеспечивая большее удобство произношения всего слова. (*Примеч. ред.*)

43

Высокая оценка памятливости представителей династии запечатлелась в выражении «знаменитая романовская память». (*Примеч. ред.*)

44

Тарнополь – вариант, до 1944 г., названия г. Тернополя, возникший под влиянием польского Tarnopo (ср. *лат.* Tarnopolis). (*Примеч. ред.*)

45

Камион – грузовой автомобиль, грузовик, фура. От *фр.* camion. (*Примеч. ред.*)

Так у автора. (*Примеч. ред.*)

47

Имеется в виду Великий князь Кирилл Владимирович[128] , ставший Местоблюстителем российского престола после гибели императора Николая II в июле 1918 г. Владимир Кириллович стал преемником отца в 1938 г. (*Примеч. ред.*)

48

См. примеч. выше (с. 159).

49

Пернач (пернат) – род булавы в Древней Руси. Получил название от перьев (металлических пластин), приваренных к головке булавы. До Гражданской войны в России (1917 – 1922) служил символом власти казачьих атаманов. (*Примеч. ред.*)

50

Гальти (Галти) М о р – скаковой жеребец, отличавшийся уникальным сочетанием феноменального скакового класса, «фешенебельного» происхождения и поразительной красоты. Куплен в Россию в 1898 г. за 214 989 руб. С 1899 по 1917 г. неподалеку от Харькова действовал «пункт Гальти Мора», сохранивший свое название и после того, как в 1904 г. сам Гальти Мор был продан Германии. Эта племенная станция оказала значительное влияние на русское коннозаводство.

Вероятно, ставóк . (*Примеч. ред.*)

52

Мариинские институты (институты благородных девиц) входили в систему ведомства Императрицы Марии и были закрытыми учебными заведениями, в которых на казенный счет воспитывались дочери потомственных дворян, генералов, штаб– и обер-офицеров и гражданских чинов, а на собственный счет – дочери купцов, почетных горожан и т. п. Женские Мариинские институты относились к числу учебных заведений 1-го разряда. Известны Мариинские институты в СПб., Новочеркасске, Саратове, Нижнем Новгороде, Варшаве. (*Примеч. ред.*)

53

Лемнос – остров в Греции, расположенный в северной части Эгейского моря. По происхождению является вулканическим, и на его почвах вырастает прекрасный виноград и медоносные травы. Древние греки считали, что именно сюда Зевс сбросил с Олимпа бога подземного огня Гефеста.

Остров занимает контролирующее положение по отношению к Дарданеллам, поэтому здесь всегда было много военных. Главный город острова, Мирина, хранит в своем музее уникальные предметы античности. Другой город Лемноса, Полиохни, смотрит на бывшую Трою на турецком берегу. (*Примеч. ред.*)

54

Стационеры – морские суда, приписанные постоянно к определенным иностранным портам. От *фр.* stationnare (восх. к лат.). (*Примеч. ред.*)

Так у автора здесь и далее. (*Примеч. ред.*)

56

Официальное название Русская реформированная реальная гимназия в Моравской Тржебове. Создана в 20-х гг. XX в. на территории бывшего лагеря русских военнопленных во время Первой мировой войны. Основу этого известного учебного заведения с интернатом составила русская гимназия, переехавшая из Константинополя. Более подробно см. приложение. (*Примеч. ред.*)

57

Имеется в виду всемирно известный в то время чешский производитель обуви Томаш Батя (1876, Злин, – погиб в авиакатастрофе, 1932). В Моравии, недалеко от г. Брно, – водоканал его имени. В Северной Америке его потомкам принадлежит Музей истории обуви. (*Примеч. ред.*)

58

Карпаторосы (карпатороссы) – название, данное в 1848 г. подкарпатским русинам, считающим себя отдельным народом, численность которого – свыше 700 тысяч. 70 процентов из них православные, 20 – греко-католики. Русины ведут свое начало от древних жителей южных склонов Карпат, в частности, от белых хорват. Язык русинов имеет древнеславянскую основу; у них собственный менталитет, оригинальный уклад жизни. (*Примеч. ред.*)

59

Так в тексте. В русской разговорной речи склоняются порой иноязычные неизменяемые топонимы. Ср.: в Сочáх (разг.) (*Примеч. ред.*)

60

Название танца созвучно имени героя «Песни о Гайавате» Г.У. Лонгфелло (1885) и отражает популярность этнических мотивов в музыке (А. Дворжак. Hiawatha. 1892 – 1895), сценическом, бытовом танце. Упомин. о Хиовате см.: М. Цветаева (дневник), А. Аверченко (в ряду танцев «Ой-ра», «Китаянка»). Вероятно, это танцевальный авангард. (*Примеч. ред.*)

61

Имеется в виду матлот (*фр.* matelote – матрос). По происхождению голландский матросский танец, близкий к английской *жиге*, возникший в начале XIX в. В его основе – имитация работы матроса на корабле. Исполнялся в быстром темпе, с элементами чечетки. В начале XX в. – парный бальный танец определенной композиции. (*Примеч. ред.*)

62

От mature (*англ.*) – 1) зрелый, спелый, выдержанный; 2) созревший, готовый для чего-либо; maturité (*фр.*) – зрелость.

Матурными называли, по-видимому, предметы, по которым сдавали экзамены на аттестат зрелости (или другой подобный документ о среднем образовании). (*Примеч. ред.*)

63

Так у автора.

Еднота (*чешск.*) – союз.

65

Всех их мне Андрей Андреевич перечислил, но я забыл, кто именно там был. (*Примеч. авт.*)

Капо – привилегированные заключенные в фашистских концлагерях, работавшие на администрацию. (*Примеч. ред.*)

Бухты – сладкие гренки. (*Примеч. ред.*)

Так в тексте.

69

Парш – лагерь русских беженцев под Зальцбургом, в Австрии. (*Примеч. ред.*)

Мемуары завершены во 2-й половине 50-х гг. XX в. (*Примеч. ред.*)

71

Советчики – представители советской власти или советские журналисты. (*Примеч. ред.*)

ДП – ДиПи, перемещенные лица, от *англ.* Displaced Persons. (*Примеч. ред.*)

Английское слово: тревога. (*Примеч. ред.*)

Здесь и далее, по-видимому, искаженное название города Кильота. (*Примеч. ред.*)

75

Лубе Эмиль Франсуа (1838 – 1929). В качестве президента принимал Николая II во Франции в 1901 г., посетил Россию в 1902 г. (*Примеч. ред.*)

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874 – 1965) – английский государственный деятель, историк и биограф. (*Примеч. ред.*)

77

Канонизация невинно убиенных новомучеников Императора Николая II и его семейства состоялась в храме Христа Спасителя в 2000 г. (*Примеч. ред.*)

78

Фор Франсуа Феликс (1841 – 1899) – президент Франции в 1859 – 1899 гг.

79

При Императоре Николае II состоялись две Гаагские конференции в 1899 и 1907 гг. На них обсуждались первые международные конвенции о правилах ведения войн. (*Примеч. ред.*)

Тери Эдмонд – французский экономист начала XX в. (*Примеч. ред.*)

81

Притчи, 12: 5.

Составлены Валентиной Благово.

83

Орфография и пунктуация оригинала.

84

Масарик Томаш Гарри (1850 – 1937) – чешский политический деятель. В 1882 – 1913 гг. – профессор философии Пражского университета. Основатель и идеолог Чешской народной Реалистической (с 1905 г. – Прогрессивной) партии. С 1920 г. – президент Чехословацкой республики. В 1935 г. вышел в отставку. Автор ряда философских и социологических работ. (*Примеч. ред.*)

85

Зеньковский В. Детская душа в наши дни // Сб.: Дети эмиграции. С. 148. (*Примеч. В. Светозарова.*)